

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

X X I В Е К

Журнал европейской культуры
Основан Н.М. Карамзиным в Москве в 1802 году
Возобновлен в С.-Петербурге М.М. Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году.
Возобновлен в 2001 году
Е.Т. Гайдаром, Е.Ю. Гениевой, В.А. Ярошенко

УЧРЕДИТЕЛИ

Виктор Ярошенко, Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Михаил Борщевский, Владимир Мау,
Андрей Нечаев, Михаил Пиотровский, Лорд Джордж Робертсон,
Сергей Синельников-Мурылев, Михаил Федотов, Евгений Ясин

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Ярошенко

РЕДАКЦИЯ

Татьяна Щербина (заместитель главного редактора),
Андрей Колесников (политика, социум),
Григорий Ярошенко (фотография и специальные проекты),
Людмила Захарова (главный бухгалтер),
Александр Сергиевский (редактор, переводчик)

КОНСУЛЬТАНТЫ ЖУРНАЛА

Владимир Зелинский, Андрей Медушевский, Владимир Кантор,
Сергей Приходько, [Маризтта Чудакова], Яков Уринсон

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Грицман (Нью-Йорк),
[Ольга Старовойтова] (С.-Петербург), [Наталья Исаева] (Париж),
Гала Наумова (Париж), Александр Сергиевский (Рим),
Димитрис Триантафилидис (Афины)

ПАРТНЕРЫ

Журнал издается при финансовой поддержке и в сотрудничестве
с Институтом экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Исключительное право на название и товарный знак «Вестник Европы» принадлежит Некоммерческому партнерству «Издательство и редакция журналов "Вестник Европы" и "Открытая политика"».

Свидетельство на товарный знак № 248393 от 05.06.2003 г. (Продлено до 02.07.2022 г.).

Приложение к свидетельству на товарный знак (знак обслуживания) № 248393.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер серия ПИ № ФС77-76068 от 19.07.2019 г.

Адрес редакции: 125993 Москва, Газетный пер. д.3-5. E-mail: info@vestnikevropy.ru
Интернет-версия журнала: www.vestnik-evropy.ru В «ЖЗ» <http://magazines.gorky.media>

© «Вестник Европы XXI век»

© НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика».

Составление номера, редакция, заголовки, фотографии и иллюстрации, если они не сопровождаются копирайтом автора. Все права защищены. Любое использование материалов, включая сайты, возможно только с письменного разрешения редакции. Цитирование допускается с обязательной прямой гиперссылкой на страницу. При перепечатке, интернет, теле- или аудио использовании ссылка на «Вестник Европы» обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Материалы в электронном виде рассматриваются редакцией.

Том LVIII год 2022

30 ЛЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВУ РЕФОРМ ЭПИТАФИЯ СССР

30 ЛЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВУ РЕФОРМ

- 5 **Андрей Колесников.** 1992-й год
9-15 **Юрий Иванов.** «Вискули». Фоторепортаж
30 **Михаил Дмитриев.** Уроки реформ
и новые вызовы

СОЦИУМ. ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА.

- 41 **Аркадий Дубнов.** Навстречу новому
балансу Добра и Зла
48 **Яков Уринсон.** О наших проблемах.
Записки экономиста
60 **Сергей Медведев.** Мягкая сила слабеющей
державы
71 **Юрий Сафронов.** Франция стоит
перед отсутствием выбора?
78 **Иван Преображенский.** Постковидный
разворот в Чехии

ЭПИТАФИЯ СССР

- 83 **Вадим Жук.** «На советских картинах
минувших годов...»
84 **Татьяна Щербина.** «Он Император
Всея-Всея»
86 **Олег Лекманов.** Император
93 **Юля Строгая.** Кто убил царя
(о спектакле В. Мирзоева)
96 **Наталья Громова.** Евгений Шварц:
«Не бойтесь, жалейте друг друга»
104 **Дмитрий Петров.** Друзья и беглецы (Анато-
лий Гладилин и эмигранты Третьей волны)
118 **Александр Дельфинов.** Беспечные ездки
(поэма)

© В. Терешкова в Минске. 1982 г.
Фото: Юрий Иванов

© Л. Брежнев на Минском вокзале. 1978 г.
Фото: Юрий Иванов

© Вискули. 8 дек. 1991 г. Фото: Юрий Иванов

ЛИТЕРАТУРА

- 123 **Денис Осокин.** Батурин. Рассказ
132 **Ги Беар** в переводах Псоя Короленко. Песни
138 **Алексей Паперный.** Что-то случится.
Пьеса (предисловие от редакции)
156 **Татьяна Замировская.** Пощечина. Рассказ
165 **Мария Малиновская.** Алеатория. Стихи
168 **Андрей Волос.** Смерч. Рассказ
189 **Андрей Грицман.** Глухие времена. Стихи
192 **Михаил Шишкин.** Der schriftsteller muss.
Рассказ

© Минск. Университет. 1967 год Юрий Иванов

ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ

- 197 **Владимир Кантор.** Два русских классика
(к 200-летию Достоевского и Некрасова)

КУЛЬТУРА

- 209 **Екатерина Шерга.** Форум СловоНово —
ожидание на берегу
214 **Лариса Максимова.** Мы доживем
до какой-то другой эпохи
(интервью с Д. Кузьминым)
221 **Сергей Гандлевский, Юлий Гуголев,**
Алексей Цветков, Борис Херсонский,
Вера Павлова, Дмитрий Кузьмин —
стихи участников форума СловоНово
225 **Татьяна Щербина.** Феномен сериалов
230 **Вероника Хлебникова.** Прошедшее
уходящее (киносезон-2021)
235 **Катя Марголис.** О новой пристальности.
Записки с выставок
243 **Андрей Плахов.** Электра, любовь моя

библиотека «вестника европы»

- 247 В 2021 г. вышли книги наших авторов

ad memoriam

- 248 Наталья Васильевна Исаева

artes

- 247 Фотопроект: Анастасия Цайдер
Фотограф номера Юрий Иванов (Минск)

© Фото: Анастасия Цайдер

1992 год

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ

Трейлер новой книги с рабочим названием «Пять пятилеток либеральных реформ»

Это был особый год, с конца 1991-го по конец 1992-го, и каждый его день — особый. Вся остальная жизнь стала послесловием к нему, как и предыдущая — предисловием. Во всяком случае так случилось именно с Гайдаром. Многие, оценивая тот период, говорят даже не о годе с небольшим, а о нескольких месяцах. Первых месяцах работы правительства реформ.

Год начался в ноябре 1991-го.

15 ноября правительство собралось на свое первое заседание под председательством президента-преьера Б.Н. Ельцина. В зале заседаний Политбюро — четвертый этаж серого здания на Старой площади. Можно назвать этот синклит «расширенным правительством», потому что в его заседании участвовали не только члены кабинета. Все — вроде бы единомышленники, спорившие лишь по деталям решений.

Заседание было хорошо подготовлено, хотя все вопросы носили абсолютно алармистский характер. Гайдар выступал в роли второго лица, которому покровительствует первое. Ельцин был в отличной форме, очевидным образом включился с головой в работу, знал мельчайшие детали обсуждавшихся вопросов и очень-очень поддерживал Егора во всем. Явно они при личном контакте все эти проблемы и проекты документов многократно обсудили. В принципе всем было понятно, кто здесь главный и самый умный (с кем даже спорить толком не решались, потому что спор был бы интеллектуально не равный), а кто мощная и пока непробиваемая политическая крыша.

Станислав Анисимов, министр материальных ресурсов СССР, приглашенный Гайдаром в правительство РСФСР как министр торговли и материальных ресурсов, вспоминал: «...первое, что бросилось мне в глаза — это обстоятельство и полное владение повесткой дня. Вопросов на обсуждение было вынесено очень много. Темп обсуждения был такой: на выступление — 10-15 минут, никаких лозунгов, никаких агитаций. Сказал — принимаем, не принимаем — отошел. Все! Когда я стал участвовать в работе над проектами указов, меня тоже восхитила сама обстановка организационной работы. Каждый вторник во второй половине дня до глубокой ночи продолжалось предварительное («бутербродное») заседание правительства, где обсуждались подготовленные проекты указов. Была абсолютно свободная система обсуждений, шла

Егор Гайдар. 1991 г. Фото из архива редакции

полемика, шел спор, и в итоге приходили к какому-то согласию. Либо принимали, либо не принимали. Не принимали — откладывали на доработку, дальше на обсуждение выносили другой документ».

Правительство, назначенное в ноябре 1991-го, не было гайдаровским, притом, что, конечно, ключевые позиции контролировались реформаторами. Штаб реформ — это не просто министерские посты, а нечто более широкое. Словом, «команда» не совпадала с правительством. Экономисты были готовы выполнить роль наемных технократов, но то, что они делали, имело политический характер.

Ельцин настаивал на том, что он собрал единую команду. Использовал термин «правительство реформ». Не делал никаких намеков на то, что СССР будет развален. Скорее, наоборот, но при этом подчеркивал ведущую роль России в реформах. Еще раз сделал акцент на всей тяжести периода транзита, но выразил надежду, что падение экономики не продолжится более полугода.

К Ельцину в команде реформаторов относились по-разному. И уже потом, по ходу реформ, многие считали, что он в какой-то момент дал слабину, стал сдавать команду, был недостаточно последователен, мало что понимал в экономике и все равно полагался на своих «старых партийных товарищей». Но реформаторы никогда не забывали этого решительного шага, его готовности расстаться хотя бы с частью популярности ради того, чтобы поделиться своими энергетикой и харизмой с молодыми экономистами, дать им политическую крышу, пусть и на время. И отнюдь не в условиях диктатуры, не на пиночетовских принципах...

Итак, первое заседание нового правительства РСФСР. Гайдар докладывал первым. Обращение — из той эпохи, которая уходила прямо на глазах: «Уважаемые товарищи!». — Россия не имеет необходимых атрибутов государственности, — говорил он, — в этом управленческая сложность реализации стратегии преобразований. Поэтому придется решать две задачи параллельно: первая — радикализация реформы, вторая — «обретение экономиче-

ского суверенитета». Неизбежна высокая открытая инфляция. Но будет и определен круг товаров, на которые останутся регулируемые цены — «предельно ограниченный круг»: топливо, энергия, драгметаллы, перевозки грузов основные услуги связи, в сфере розничных цен — хлеб, молоко, молочнокислые продукты, соль, сахар, масло растительное, детское питание, водка (специфическое соседство, но объяснимое!), топливо, бензин, медикаменты, спички. Коммуналка — пока тоже.

На первом заседании правительства Гайдар объявил членам кабинета и о том, что подготовлен указ о либерализации внешнеэкономической деятельности. Снимаются ограничения по импорту, страна открывается для иностранных инвестиций. Далее — коммерциализация торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Проект нормативного акта дорабатывается. Приватизация — еще не договорились о форме, но Гайдар констатировал, что администрировать создание именных приватизационных счетов правительство пока не в состоянии. Программа приватизации будет доработана.

Минфин Союза и РСФСР — объединяются. Придется взять на себя часть общесоюзных расходов. Госбанк России устанавливает контроль над денежным обращением на территории России. Указ на эту тему — готов.

Система лицензий на вывоз нефти и нефтепродуктов — отменить все: это коррупция. Построить новую систему.

Предложить иностранным кредиторам не вести никаких переговоров о предоставлении новых займов без участия России.

И еще множество других вопросов, решаемых с колес, в разной степени готовности. И это — только начало.

Логичнее было бы отпустить цены сразу, осуществив параллельно налоговую реформу, введя налог на добавленную стоимость, но такой возможности нет. Либерализация цен будет проведена в два этапа. Даты не были названы. Из споров того времени известно, что обсуждались, например, 15 или 16 декабря. Но, возможно, психологически более комфортной казалась другая дата, январская. Новый год — новая эпоха.

По поводу того, как отпускать цены, тоже шла дискуссия, и она не заканчивалась вплоть до 31 декабря. Сохранить отдельные регулируемые цены рекомендовали представители Главного вычислительного центра (ГВЦ) Госплана — расчеты делались все той же группой Якова Уринсона. В самом начале ноября правительство еще не было назначено, неизвестен человек, который будет олицетворять реформы, но Борис Николаевич уже объявил о неизбежной либерализации и о сохранении регулируемых цен на отдельные товары — список почти совпадал с тем, о котором Гайдар говорил 15 ноября. Значит, это было консенсусное решение еще до того, как Егор и его товарищи получили должности в кабинете министров.

Спустя 10 дней, 25 ноября, на заседании Госсовета — еще союзного, Ельцин сообщит, что цены в России будут отпущены 16 декабря, а с 1 января РСФСР переходит на торговлю с другими республиками по мировым ценам. Это был день, когда члены Госсовета, то есть руководители семи республик — России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Туркмении, Таджикистана, Узбекистана (без Украины!) собирались парафировать договор о создании Союза суверенных государств. Но этот акт не состоялся. По сути дела, это был почти формализованный развал СССР. А 3 декабря Ельцин подпишет указ о либерализации цен со 2 января 1992 года — наконец, определились с датой.

В своих «ранних» воспоминаниях «Дни поражений и побед» (1996) Гайдар писал, что решение о либерализации именно 2 января 1992-го было принято как компромисс, который был достигнут в дни заключения Беловежского соглашения, то есть 7-8 декабря, между российскими, белорусскими и украинскими экспертами — чтобы «республики смогли лучше подготовиться к этому».

Но указ Ельцина № 297 «О мерах по либерализации цен» («Осуществить со 2 января 1992 г. переход в основном на применение свободных (рыночных) цен и тарифов, складывающихся под влиянием спроса и предложения, на продукцию производственно-технического назначения, товары народного потребления, работы и услуги») датирован 3 декабря.

Наверняка тема освобождения цен обсуждалась со «славянскими» соседями.

Как вспоминал Владимир Машиц (член команды Гайдара, в 1992-м — председатель Госкомитета по сотрудничеству со странами СНГ), в декабре 1991-го шли постоянные переговоры о возможной синхронизации реформ, и украинцы все время просили отсрочки. И не только они: 24 декабря 1991-го в ходе рабочей встречи глав правительств стран СНГ возникла дискуссия по поводу того, не отложить ли России либерализацию до 15 января 1992 года — все с той же целью синхронизации усилий. В частности, этого добивалось белорусское правительство. На что представитель Армении возразил, что это невозможно — производители в ожидании освобождения цен просто не отгружают товары. Гайдар тогда заметил: «Я могу только согласиться с позицией Армении в этом вопросе. Для России больше нет возможности, маневры исчерпаны. Мы сделали все».

ПРЕКРАЩЕНИЕ СССР

1 декабря 1991-го Украина, активно избегавшая вхождения в новый Союз, что давало дополнительные козыри Ельцину («Какой Союз без Украины?»), проголосовала за независимость. За развод с Москвой проголосовали и Крым, и восток страны.

На субботу, 7 декабря, в Минске была намечена встреча лидеров трех «славянских» республик — России, Украины, Белоруссии, Бориса Ельцина, Леонида Кравчука, Станислава Шушкевича. 5-го декабря Ельцин встречался с Горбачевым и тот просил Бориса Николаевича не принимать никаких самостоятельных решений «на троих» по форматам возможных союзных отношений, а результаты самой встречи совместно обсудить в понедельник, 9-го, уже в Москве.

В интервью журналисту Олегу Морозу Егор Гайдар говорил: «Борис Николаевич попросил меня полететь с ним в Минск, сказав, что есть идея встретиться там с Кравчуком и Шушкевичем и обсудить с ними вопросы взаимодействия в этих сложившихся кризисных условиях».

Гайдар утверждал, что у Ельцина на тот момент не было внятного понимания, на какое решение выйдут три лидера. Не ставил он задач и перед своим заместителем по правительству, притом, что делегация была представительная, вполне адаптированная для решения самых сложных задач — в нее входили Геннадий Бурбулис, Сергей Шахрай, один из главных российских юристов, который спустя неделю будет назначен еще одним зампредом правительства, и министр иностранных дел РСФСР Андрей Козырев. Вполне очевидно, вопросы формата союза или цивилизованного развода должны были находиться в центре повестки: неопределенность слишком затянулась, особенно если учесть, что Россия первой собиралась начинать радикальные реформы.

Еще 14 ноября на заседании Госсовета Союза в Ново-Огарево, когда Ельцин и Шушкевич выступили против формулы единого государства, Михаил Сергеевич сказал: «Если не будет эффективных государственных структур, зачем тогда нужны президент и парламент? Если вы так решите, я готов уйти». На что Борис Николаевич добродушно бросил: «Ну, это эмоции».

В тупике оказался не только Горбачев: он оставался президентом без государства и рычагов управления, и, в сущности, без денег, но и не все руководители республик готовы были сделать решительный шаг в сторону от Горби. Не говоря уже о лидере РСФСР, «союзобразующего» государства. Было и страшно, и неловко. Разумеется, после 1 декабря гораздо более вольготно чувствовал себя Леонид Кравчук — ему уже не нужны были никакие Союзы, и он не испытывал никакой неловкости перед Горбачевым, тот больше не был для него начальником.

7 декабря после переговоров в Минске делегации трех республик прибыли в правительственную резиденцию «Вискули» в Пружанском районе Брестской области в центре Беловежской пущи. К югу — Брест, на северо-западе — уже польский Белосток. Для Егора это были привычные номенклатурные декорации, в которых принимались государственные решения или писались руководящие документы — все то же самое, что и в России: строевой сосновый лес, ели, здание, напоминающее по со-

ветской архитектурной традиции дворянское поместье. Славная намечалась охота согласно старому, еще сталинскому обыкновению, — решать главные вопросы на природе и за ужином. Леонид Кравчук, приехавший в резиденцию раньше, поскольку в Минске его не было, даже подстрелил — уже по брежневской традиции — приготовленного на заклание кабана. Гайдара поселили в один коттедж с Сергеем Шахарем. Еще не было очевидно, что хит ансамбля «Песняры» «Беловежская пуща» вот-вот обретет символическое значение и станет саундтреком распада СССР.

Еще в Минске, выступая на заседании Верховного совета Белоруссии, Ельцин приоткрыл тему переговоров: республикам уже умершего старого Союза противопоставлены унитаризм и руководящий Центр. Исходя из этого и планировалось обсуждать в «Вискулях» несколько возможных вариантов договора, который точно уже невозможно было назвать союзным.

Вечером 7-го за ужином собрались три лидера и два премьера — белорусский Вячеслав Кебич, украинский — Витольд Фокин, а также российский первый вице-премьер Геннадий Бурбулис. Уже тогда стало очевидно, что если и будет в «Вискулях» построена какая-нибудь межгосударственная ассоциация, то уже без Центра. Если называть вещи своими именами, точнее, именем — без Горбачева. Собственно, тем и отличалось беловежское соглашение от новоогаревского процесса, который представлял собой попытки сохранить Союз в виде Содружества суверенных государств (ССГ, которое шутники расшифровывали, по свидетельству пресс-секретаря президента СССР Андрея Грачева, как «Союз спасения Горбачева») и общесоюзные структуры, в том числе президента.

В наилучшем расположении духа находился Кравчук — буквально позавчера Рада, руководствуясь результатами всеукраинского референдума, проголосовала за аннулирование Союзного договора 1922 года. Формат содружества — а это слово было «нащупано» взамен конфедерации, которая была бы непонятна простым гражданам — оказался не единственной интригой ужина. Нужно было еще уговорить Украину стать членом этого содружества.

© «Вискули». 8 декабря 1991 г. Фоторепортаж Юрия Иванова

Фотограф Юрий Иванов

Фотографии Юрия Сергеевича Иванова (род. 1939), единственного фоторепортера, снимавшего процесс подписания Беловежских Соглашений.

С ранней юности он снимал жизнь СССР и Белоруссии, съезды и парады, политическую, культурную, спортивную и тихую, частную жизнь народа.

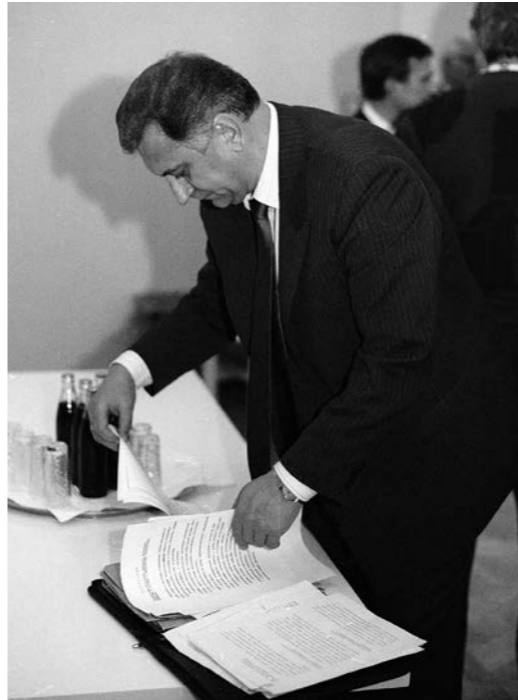
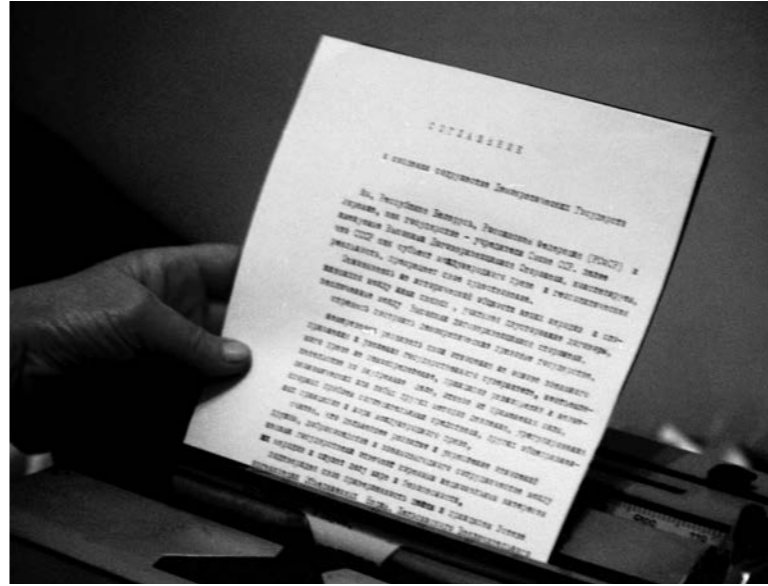
Его работы признавались World Press Photo фотографиями года, он входил в ТОП 100 фоторепортеров планеты. Юрий Иванов автор фотокниг

и множества персональных выставок по всему миру. Мы благодарим его за участие в нашем журнале

«Вискули». 8 декабря 1991 г. Фоторепортаж Юрия Иванова

ЗАЯВЛЕНИЕ
глав государств Республики Беларусь, РСФСР,
Украины

Мы, руководители Республики Беларусь, РСФСР, Украины - отмечая, что переговоры о подготовке нового Союзного Договора зашли в тупик, объективный процесс выхода республик из состава Союза ССР и образования независимых государств стал реальным фактом - констатируя, что недалёковидная политика центра привела к глубокому экономическому и политическому кризису, к развалу производства, катастрофическому понижению жизненного уровня практически всех слоев общества;

- принимая во внимание возрастание социальной напряженности во многих регионах бывшего Союза ССР, что привело к межнациональным конфликтам с многочисленными человеческими жертвами;
- осознавая ответственность перед своими народами и мировым сообществом и назревшую потребность в практическом осуществлении политических и экономических реформ заявляем об образовании Содружества Независимых Государств, о чем сторонами 8 декабря 1991 года подписано Соглашение.

Содружество Независимых Государств в составе Республики Беларусь, РСФСР, Украины является открытым для присоединения всех государств - членом Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения.

Государства - члены Содружества намерены проводить курс на укрепление международного мира и безопасности. Они гарантируют выполнение международных обязательств, вытекающих для них из договоров и соглашений бывшего Союза ССР, обеспечивают единый контроль за ядерным оружием и его нераспространение.

Председатель Верховного Совета Республики Беларусь
 Президент РСФСР
 Президент Украины

С. Шушкевич   *Б. Ельцин*   *Л. Кравчук*
 С. Шушкевич   Б. Ельцин   Л. Кравчук

8 декабря 1991 г.
 г. Минск

8 декабря 1991 г. Самолет Бориса Ельцина вылетает из Минска после подписания Беловежских соглашений

Уговорили, но не сразу. Нужен был, конечно, не «славянский союз», а несколько более широкий. Дополнительный вес решению о формате мог бы придать весьма влиятельный и уважаемый в том числе Горбачевым лидер Казахстана Нурсултан Назарбаев, только что избранный президентом своей страны с 98 процентами голосов «за». Но ему дозвонились — по разным версиям — только с утра или даже вечером. Будучи осторожным политиком, Назарбаев, конечно, ни в какую Белоруссию не полетел, а стал ожидать окончания интриги в Москве. К тому же, Назарбаев обещал Горбачеву быть на встрече 9-го, вот и ожидал ее.

«Мы все были под конвоем», — скажет потом Шахрай. Считалось, что доклады о происходящем идут в Москву. Что КГБ, то ли союзный, то ли республиканский, готов «накрыть заговорщиков». Убить. Арестовать. Но главный вопрос — зачем? СССР бы это точно не спасло, центростремительное движение лишь в очередной раз ускорило бы. Михаилу Сергеевичу политическую карьеру не продлило бы, а, скорее, сократило. Да и Горбачев не был ни авантюристом, ни убийцей, ни тираном. Вот все, что он делал в это время: готовился к заседанию Госсовета в понедельник, 9-го, звонил 8-го своему близкому помощнику Вадиму Медведеву, просил подготовить новые аргументы в пользу сохранения Союза (7-го такое же задание получил помощник президента СССР Анатолий Черняев).

Президенты после ужина отправились спать. А команды получили задание подготовить к утру документы, основанные на новой формуле содружества. В домике, где поселились Гайдар и Шахрай, собрались еще Бурбулис, Козырев и белорусские первый вице-премьер Михаил Мясникович и министр иностранных дел Петр Кравченко.

Егора и здесь посадили писать ключевые идеи рабочей группы — от руки, его неразборчивым почерком. А как еще, если дело было в охотничьей резиденции. Интересная это была команда: лучший экономист своего поколения, внук Гайдара и Бажова; юрист из МГУ, специалист по чехословацкому социалистическому государственному праву; профессиональный карьерный дипломат; преподаватель марксистской философии; бывший секре-

тарь минского горкома партии и министр ЖКХ БССР; бывший секретарь по идеологии минского горкома, профессиональный историк. Все молодые — до сорока или чуть за сорок. (При этом Гайдар и Шахрай — не друзья, члены команды признавались потом, что не понимали роли Сергея, состоявшего в должности госсоветника, в правительстве, видели в нем кого-то вроде контролера.) Самый старший — 46 лет — Геннадий Бурбулис. Украинская сторона решила в работе не участвовать. Как вспоминал Гайдар, «украинцы подошли к двери, потоптались, чего-то испугались и ушли».

Настал момент, описываемый формулой «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Шахрай придумал ключевую стартовую правовую позицию: три государства-учредителя СССР распускают основанное ими в 1922 году государство и создают новое, открытое для присоединения. Гайдар вспоминал: «Мне идея показалась разумной, она позволяла разрубить гордиев узел правовой неопределенности, начать отстраивать государственность стран, которые де-факто обрели независимость».

Главным идейным посылом соглашения стала фраза: «...констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и как геополитическая реальность прекращает свое существование». Важная позиция — статья 5 Соглашения: «Высокие Договаривающиеся Стороны признают и уважают территориальную целостность друг друга и неприкосновенность существующих границ в рамках Содружества. Они гарантируют открытость границ, свободу передвижения граждан и передачи информации в рамках Содружества». Статья 6 регулировала вопросы ядерного оружия и общих «стратегических вооруженных сил»: «Государства — члены Содружества будут сохранять и поддерживать под объединенным командованием общее военно-стратегическое пространство, включая единый контроль над ядерным оружием, порядок осуществления которого регулируется специальным соглашением. Они также совместно гарантируют необходимые условия размещения, функционирования, материального и социального обеспечения стратегических вооруженных сил».

Отсутствие взаимных территориальных претензий и решение о статусе ядерного оружия, которое потом было уточнено на встрече глав государств Содружества 21 декабря в Алма-Ате — вывоз его на территорию России, собственно, и были главными пунктами.

Ядерное оружие передавалось России: Егор Гайдар рассказывал в частной беседе о том, что Ельцин поставил вопрос о возможной передаче Крыма РСФСР, на что Кравчук возразил, что в этом случае Украина не отдаст России ядерное оружие. Решение выросло из этого очень серьезного политического компромисса.

И, наконец, — правовая точка в существовании СССР: «С момента подписания настоящего Соглашения на территориях подписавших его государств не допускается применение норм третьих государств, в том числе бывшего Союза ССР».

...В 4 утра Козырев, не решившийся будить машинистку, подсунил проект документов под дверь, которая оказалась не той. В результате перед началом утреннего заседания Гайдару пришлось заново надиктовывать тексты Соглашения и заявления. Размножить бумаги было не на чем, поэтому текст пропустили через факс и продолжали работу над ним на длинных полотнах факсовой бумаги. Лидеры высказывали пожелания, появлялся Шахрай, удалялся на некоторое время, и возвращался с новой готовой формулировкой, чем произвел неизгладимое впечатление на Шушкевича.

В 14 часов 17 минут в вестибюле перед столовой Соглашение было подписано.

Кравчука распирало от радости, Ельцин был сдержанно-торжествен и с медвежьей грацией что-то объяснял, Шушкевич выглядел растерянным и подавленным.

Последовали звонки министру обороны СССР Евгению Шапошникову, у которого как у человека реалистического склада (в августе 1991-го он выступил против ГКЧП) не возникло возражений, наоборот, он быстро передал единое командование трем лидерам, затем звонок президенту США Джорджу Бушу-старшему, и лишь потом Шушкевич рассказал о случившемся возмущенному Горбачеву. На встречу с президентом СССР (при уча-

ствии Назарбаева) 9-го декабря был делегирован Ельцин. Кравчук и Шушкевич на нее не поехали.

12 декабря Верховный совет РСФСР ратифицировал Соглашение при всего шести голосах против. 21 декабря 11 бывших союзных республик подписали протокол к Соглашению и присоединились к СНГ.

Вот что важно и вот о чем писал Гайдар в «Гибели империи»: «Руководство государств, обретающих независимость на постсоветском пространстве, оказалось достаточно зрелым, чтобы понять: когда речь заходит о границах, как бы ни были они условны и несправедливы, речь идет о войне. Договоренности, достигнутые в Белоруссии 8 декабря и подтвержденные 21 декабря в Алма-Ате, открыли дорогу подписанию соглашения по стратегическим силам (30 декабря 1991 г.). В нем были зафиксированы обязательства государств-участников содействовать ликвидации ядерного оружия на Украине, в Белоруссии и Казахстане... оговорено, что стороны не видят препятствий перемещению ядерного оружия с территории республик Беларусь, республики Казахстан и Украины на территорию РСФСР».

25 декабря Михаил Горбачев обратился к советским гражданам и сообщил о своем уходе в отставку. В тот же день в 19:35 флаг СССР был спущен с флагштока над президентской резиденцией в Кремле. В течение пяти минут флагшток, словно символизируя процесс перехода власти, простоял без флага. Без пятнадцати восемь на него уже был водружен российский триколор.

Праздника не было. Торжественных церемоний тоже. Советский Союз ушел буднично, словно закончив обычный рабочий день. Для граждан России и ее правительства будни тоже продолжались.

НАЧАЛО РЕФОРМ

19 ноября правительство одобрило список первоочередных нормативных актов, общий «рисунок» которых был подготовлен на 15-й даче в Архангельском. Началась реальная работа.

В условиях разваленной налоговой системы нужен был налог для гарантированного пополнения бюджета. Гайдар и его команда обсуждали введение НДС — налога на добавленную стоимость, исчисление которого производится продавцом при реализации покупателю товаров, работ, услуг, имущественных прав.

Гайдар: «По этому поводу у нас развернулась дискуссия с участием коллег из МВФ, которые были скорее против. Я провел несколько совещаний в правительстве и принял решение, что надо вводить НДС... Приводились контраргументы: мы административно не готовы, высоки риски, что НДС мы введем, но получим минимальные доходы. К тому же мы предлагали по нему высокую ставку (28%) просто потому, что в стране бушевал финансовый кризис, и казне требовались финансовые поступления. Тем не менее, мы ввели именно 28-процентный НДС. И тем самым, я думаю, предотвратили в 1992 году паралич денежного обращения в стране. А это и было нашей главной задачей. Ставку мы потом снизили».

Но это было мероприятие из разряда «первой медицинской помощи» экономике. Дальше предстояло строить налоговую систему в стране, где ни у кого из граждан не было рефлексов налогоплательщика, а у государства отсутствовало представление о том, что оно тратит не так называемые «государственные» деньги, а средства, полученные от живых людей, а потому несет ответственность за рациональность трат. Для того, чтобы построить налоговую систему и привить первоначала налоговой культуры, потребовались годы. Впрочем, «демократию налогоплательщика» — никаких налогов без представительства всех слоев общества — построить так и не удалось. Прежде всего потому, что первая составляющая этой модели — «демократия» — была изъята из обращения: государство видит в гражданах дойную корову, а в экономику вбрасывает деньги туда, куда хочет и тому, кому хочет. В лучшем случае — для покупки лояльности избирателей.

Главное, что по-прежнему больше всего заботило вице-премьера по экономике и финансам — как отреагирует экономика и люди на либерализа-

цию цен. Яков Уринсон с коллегами в ГВЦ без конца обсчитывал разные варианты и комбинации. Еще и еще. 24 декабря на рабочей встрече глав правительств стран СНГ Гайдар пояснял обеспокоенным коллегам: «Самое трудное — это прогноз роста цен непосредственно за их размораживанием и реакция на проблему, связанную с ограниченностью товарных запасов». Темп роста цен «зависит от двух основных факторов. Это сложившаяся и накопленная денежная диспропорция, избыточная денежная масса относительно спроса... Второе. Это инфляционные ожидания, то есть то, что люди или лица, принимающие решения, — директора предприятий, министры, население закладывают в свои представления о том, как будут вести себя цены после того, как они разморозятся».

27 декабря Гайдар проводит очередной экономический ликбез Верховному совету, который уже не слишком дружелюбно настроен, по поводу того, как будет формироваться бюджет страны на I квартал 1992-го и в целом на 1992-й. И как это трудно сделать, потому что приходится опираться исключительно на «прогнозы динамики цен по основным направлениям, видам продукции, услугам, товарам, родам деятельности». «Мы по существу формируем бюджет только становящегося, формирующегося, нового государства... Мы оказались перед реальной альтернативой: мы можем и дальше пытаться держать цены, наращивая развал финансовой системы увеличением дефицита бюджета от 22 до 25, 27%, или попытаться одновременно разморозить цены и ввести очень серьезные, очень радикальные корректировки в финансовую политику, с тем чтобы сжать дефицит бюджета, свести его к нулю». А это означало резкое сокращение оборонных расходов и вообще всех нерациональных (и даже рациональных) трат. В таких масштабах, о которых депутаты даже и помыслить не могли, так и не поняв, к чему он, этот низкий дефицит бюджета.

Это был последний относительно спокойный контакт ответственного за реформы вице-премьера и парламента. Экономическое образование парламент продолжит получать, а Гайдар терпеливо будет разъяснять основы экономической политики в переходный от социализма к капитализму

период. Но «студенты» будут всю дорогу бунтовать и в итоге избавятся от своего преподавателя.

Мог ли Гайдар отложить либерализацию цен? Или, наоборот, он пошел на слишком очевидные компромиссы, не будучи способным противостоять политическому, аппаратному, лоббистскому давлению на правительство? Была ли угроза голода, бунтов и беспорядков? Или все это миф, который придумали сами реформаторы, пытаясь обелить самих себя? И никакой угрозы голода не было, все было не так плохо, как представляется сейчас. (Сегодня это говорят иной раз те, кто жил в то время — с пустыми прилавками, и даже те, кто состоял в правительстве, которое разворачивало корабли с зерном в те города, где его запасов уже практически не было.)

Мнения, разумеется, разные. Гайдар все сделал не так или не совсем так — эти претензии звучали и звучат. Умные, обоснованные, глупые, иногда просто безумные. Справа и слева. Со стороны тех, кто предполагал, что реформы проводить в принципе не следовало. Со стороны тех, кто считал, что они недостаточно радикальны.

Напомним: все то, что собирался делать Гайдар, предлагалось и в документах правительства Союза: в 1990-м году — Маслюкова, в 1991-м — Щербакова. В ноябре 1991-го Леонид Абалкин писал: «У меня есть записка, подготовленная сотрудником института О. Роговой: из нее вытекает, что нам дается срок два месяца, после чего наступит развал экономики, коллапс... Набрали силу процессы и тенденции, которые определяют затяжной характер кризиса и делают дальнейшее его углубление неизбежным».

Все упомянутые чиновники и экономисты — жесткие критики Гайдара. Понятно, что в их представлении Егор сделал что-то (или все) не так. Но почему они не оказались на его «расстрельном» месте? Гайдар не рвался к власти, упорно позиционировал себя как советника, при этом был готов реализовывать реформы, чего тоже совершенно не скрывал, осознавая всю величайшую меру ответственности. И оказался более, чем кто-либо другой, убедительным для Ельцина, человека со-

вершенно другой формации, для которого Егор был просто инопланетянином. Как бы повели себя они, его критики, когда в 1991-м году коридор возможных решений схлопнулся до узкого лаза, да и то втиснуться в который можно было только благодаря либерализации цен и торговли?

Один из самых последовательных критиков Егора — Андрей Илларионов, работавший в Рабочем центре экономических реформ в гайдаровские времена, затем возглавлявший группу анализа и планирования в аппарате Черномырдина и, наконец, занимавший пост советника Путина по экономическим вопросам. Неистовый масштаб его борьбы с покойным оппонентом впечатляет. Но именно он в середине 1990-х прекрасно описал стартовые условия реформ: «...дефицит российского бюджета и части союзного бюджета, приходившегося на территорию России, в 1991 году... составил 31,9% российского ВВП. Дефицит был профинансирован за счет кредитов Госбанка СССР и Центрального банка России... В мае-декабре 1991 года прирост денежной массы М2 (прежде всего — это объем наличных денег в обращении, депозиты в банках. — А.К.) составил 60,7% от российского ВВП за соответствующий период. К осени 1991 года денежный навес таких масштабов практически полностью уничтожил государственную торговлю. В ноябре-декабре началась спонтанная либерализация цен — темпы инфляции в регулируемой торговле поднялись до 11,3% в месяц, а всего за 1991 год индекс потребительских цен увеличился на 168%... К концу года уровень цен колхозного рынка превысил государственные розничные цены в 5,92 раза».

То есть случилось худшее, то, что и предсказывал Гайдар еще в 1989-1990 годах: сочетание инфляции и дефицита товаров.

«В тех условиях, — делал вывод Илларионов, — отказ от немедленного полномасштабного освобождения цен грозил непредсказуемыми последствиями для страны».

К вопросу степени жесткости политики правительства в начале 1992 года мы еще вернемся — это ведь тоже дискуссионная тема: а были вообще «шоковая терапия»? Но важен вывод

нынешнего критика Егора Гайдара Андрея Илларионова: «Главное, что удалось сделать правительству Е. Гайдара — это восстановить макроэкономическую сбалансированность и, соответственно, управляемость экономикой. *Только после этого* (курсив мой. — А.К.) появилась возможность проведения вообще какой бы то ни было осмысленной политики».

О том, каким был первоначальный план, писали Алексей Улюкаев и Сергей Синельников: «Программа реформ в ее первоначальном варианте связывала успех макроэкономической стабилизации с одновременным введением российской национальной валюты. Имелось в виду на первом этапе осуществить не либерализацию в полном смысле этого слова, а упорядочение, реструктуризацию и существенное повышение общего уровня цен (примерно, как это сделало последнее коммунистическое правительство Раковского в Польше. При этом в течение некоторого времени, ориентировочно полгода, должна была сохраняться ситуация подавленно-открытой инфляции. А уже затем предполагалось осуществить полномасштабную либерализацию цен с одновременным включением мощного механизма макроэкономической стабилизации, основным элементом которого и стало бы введение российской национальной валюты, отсекающее внероссийские источники предложения денег».

Но уже на рубеже октября-ноября стало понятно, что так не получится. Не до «стадий» и постепенности в экономической политике тогда было. Время для этого было упущено еще в 1987-1988 годах. В конце 1991-го все выглядело как абсолютный императив: сначала либерализация, упорядочение бюджетной политики и сбалансированность, а также товары на прилавках. Потом — все остальное. В такие условия кабинет Гайдара поставила политика его предшественников.

Но такой роскоши, как возможность проводить поэтапные, постепенные реформы, у Гайдара не было. «Культурная ломка» проходила без всяких стадий, через колено. И не только в России, но во всех странах советского блока. С очень разной скоростью и степенью успешности.

Вопрос был только в одном, как формулировать государственную политику, и прежде всего экономическую, в условиях обрушения империи и отсутствия государственных институтов у самой России? Как учитывать эти социокультурные факторы? Их учет, судя по всему, был в принципе невозможен, а экономический конструктивизм оказался единственным инструментом переделки реальности.

А вот критика справа. С точки зрения Андерса Ослунда, с самого начала реформа была недостаточно решительной: «...отсутствовала идея одновременной либерализации и стабилизации. Напротив, было намечено поднять зарплату государственным служащим за месяц до либерализации цен. Хотя и Ельцин, и Гайдар употребляли термин “шоковая терапия”, они избрали такой постепенный подход к экономической реформе, когда нарушалась синхронизация как идей, так и их воплощения».

Ослунд добавляет: «Четыре главных просчета: недостаточная либерализация внутренней и внешней торговли, расплывчатая концепция денежной политики и колебания в экономических отношениях с бывшими советскими республиками. Программа приватизации... была в зачаточном состоянии... реформы в России были не столь полномасштабными, как в Польше и Чехословакии». Это правда. Но и Россия, отпочковывавшаяся от СССР, не была Польшей и Чехословакией. Масштаб проблем был серьезнее, не говоря уже о культуре частной собственности, которая не была забыта в Восточной Европе, и не оказалась закатана в асфальт, как в Советском Союзе. Прав Сабуров: реформа — это «культурная ломка». Для тех же Польши, Чехии и Словакии то, что происходило — бархатные революции и экономические реформы — было возвращением к истокам. В России эти процессы так не воспринимались. При этом никто не любит реформаторов, даже в экономически успешных странах: в сегодняшней Польше тот же Лешек Бальцеревич, архитектор либеральных реформ, совсем не популярен. И это несмотря на то, что экономически Польская ре-

спублика оказалась едва ли не самой передовой из всех стран бывшего советского блока.

Восприятие последствий решений было очень разным, масштабы и степень компромисса приходилось определять каждый день. И каждую ночь.

Есть по-настоящему альтернативная позиция — Григория Явлинского. Он был одним из немногих, кто ставил под сомнение две ключевых идеи реформы по-российски — либерализацию цен и самостоятельную реализацию реформ Россией, без теоретически готовых остаться в союзе (только каком — экономическом, политическом?) азиатских республик: «Либерализация цен — это ведь и есть одна из мер финансовой стабилизации. — говорил Явлинский в интервью Владимиру Федорину в 2010 году, — Она устраняет дисбалансы и диспропорции, если есть частные производители и есть конкуренция. В России, как известно, в начале 1992 года ничего этого не было. Поэтому мнение о необходимости немедленной и одномоментной либерализации цен не было безальтернативным. Моя (и не только) точка зрения заключалась в том, что в условиях тотального господства монополий, отсутствия частной торговли, либерализация цен по сути своей невозможна и превратится всего лишь в децентрализацию контроля за ценами».

Все правда, но опять же: было ли время? Как можно было «создать» собственника за те два-три месяца жизни, которые давали экономике Абалкин, Щербаков, другие экономисты и чиновники? Наверное, надо было проводить антимонопольную политику, это тоже правда. Но почему тогда ее не проводили в 1988, 1989, 1990, 1991 годах?

«Отказаться от приватизации за счет средств, которые лежали в Сбербанке, и заменить это ваучерами — это очень плохая, неприемлемая схема», — продолжал Григорий Явлинский. Это тоже долгий и тяжелый спор. Притом, что существует точка зрения, согласно которой никаких средств населения в Сбербанке не было — оставались одни записи на счетах, а деньги давно были потрачены советским руководством. Тем не менее, для простых советских, а затем постсоветских граждан

заработанные ими деньги, отложенные на черный день или на покупку товаров длительного пользования (пусть и в экономике дефицита), вовсе не были «записями». И обесценение вкладов стало одной из причин, по которой реформы считали «грабительскими».

«Если у вас нет колбасы на рынке, то можно предложить какие-нибудь другие товары, на которые люди смогут потратить деньги. — говорил Явлинский, — Выкиньте на рынок грузовики, автобусы, магазины, парикмахерские, и люди потратят на это деньги. Во-первых, вы так получаете средний класс, во-вторых, — частную собственность, в-третьих, — вы получаете первые признаки конкуренции, и реализация продовольствия через эти магазины — это уже несколько другое дело».

То есть считается, что, в соответствии с логикой Григория Явлинского, в 1992 году, при инфляции, вышедшей из-под контроля и набравшей за год 2600 процентов, в отсутствие нормативно урегулированных прав частной собственности, в условиях обесценения денег, у людей были средства на покупку грузовиков? А кто бы «выкидывал» эти грузовики на рынок? Кто бы это все администрировал — от Белоруссии до Туркмении?

В 1992 году правительство просто не решило эту проблему — это горькая правда, государственным долгом вклады были признаны только в 1995 году. Но на обесцененные деньги едва ли можно было приобрести магазины и парикмахерские. Пачку пельменей — да, вдруг появившуся колбасу — да. Но не грузовик.

Гайдар действительно не считал возможным в ситуации хаоса, развала империи и экономики заниматься вкладами. Он понимал, что они пропали (в том числе у родителей, и у его тестя Аркадия Стругацкого). Но как объяснить людям, что честно заработанные ими деньги уже были потрачены, и их физически не существовало, а оставались лишь записи на счетах? Сбережения немцев, рассуждал впоследствии Егор, после Второй мировой войны были полностью обесценены. Кто это сделал — Гитлер или Людвиг Эрхард? Конечно, Гитлер. «Не я растрачивал ваши сбережения. — отвечал Гай-

© «Вискули». 8 декабря 1991 г. Фоторепортаж Юрия Иванова

дар в 1995 году на вопросы избирателей. — Существует секретная записка советского правительства и Политбюро ЦК КПСС за 1979 год; уже в ней докладывается, что 53% сбережений фиктивные, за ними ничего не стоит. А с тех пор прошли афганская война, водочная кампания и много-много других авантю, которые тоже потребовали денег». Эрхард вернул деньги, но лишь тогда, когда заработала экономика, укрепилась марка: «Чтобы вернуть деньги людям, надо их заработать».

Во время кампании выборов в парламент в 1999 году Гайдар уточнял: «С 1967 года советские правительства стали регулярно забирать деньги в Сбербанке на свои многочисленные расходы. Вначале изымалось понемногу — по 2-3 миллиарда рублей в год. Потом все больше и больше. С середины 1980-х объемы изъятий из системы сберкасс на финансирование дефицита бюджета перевалили за 10 миллиардов рублей в год. К концу 1980-х — до 20 миллиардов. В конце правления правительства Рыжкова все, что было в сбербанке, было изъято на военные расходы, войну в Афганистане, на помощь братским режимам... Для того, чтобы всерьез ставить вопрос о компенсации вкладов, необходимо было еще несколько лет твердого реформаторского курса, восстановления устойчивого роста экономики на рыночных основах». Впрочем, возможно, все это нужно было объяснить еще в ноябре 1991-го. Но был бы Гайдар услышан? Вернемся в этот ноябрь и к битве аргументаций и констатаций.

Вообще говоря, именно потому, что у большинства будущих собственников не было финансовых ресурсов на приватизацию, правительство в результате и вернулось к старой идее ваучеров. И ваучеры стали заменителями отсутствовавших денег. Но к модели массовой чековой (ваучерной) приватизации реформаторы обратились уже в 1992 году. В конце 1991-го шли другие баталии — нужно было в принципе провести программу приватизации через Верховный совет.

...И «Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год», по сути, временный документ, принимались в страшной горячке в последние

дни декабря 1991-го — важно было синхронизировать запуск нормативной базы разгосударствления и либерализацию цен. Реформаторы торопились еще и потому, что в стране развернулась стихийная, никому не подконтрольная, «директорская» приватизация, когда директора объявляли себя собственниками того, чем управляли. Процесс должен был войти в более или менее нормативное русло.

По выражению Петра Мостового, основной задачей было «обогнать время» — «опередить разложение социалистического хозяйства». Малая приватизация, начавшись еще весной-летом 1991-го, шла, и очень активно — в тех масштабах, в каких это было возможно. Несмотря на дефицит финансов, в результате к 1993 году было приватизировано 40 процентов всех магазинов страны.

Что касается торговли, то указ о ее «коммерциализации» был подписан 25 ноября 1991-го («коммерциализации» предприятий бытового обслуживания — 28 ноября). 29 января 1992-го был выпущен указ о свободе торговли (написан под «приглядом» Сергея Васильева питерским экономистом и депутатом Михаилом Киселевым; имел к нему отношение и Петр Филиппов). Говорят, что Гайдар недооценивал важность этого нормативного документа. Но известно, что для него самым важным первым критерием эффекта первых реформаторских шагов стало появление товаров в магазинах и торгующих бабушек на улицах — свободные цены и свободная торговля заработали. Едва ли он не понимал, что освобождение цен и свобода торговли — связанные сюжеты.

Явлинский в статье в газете «Труд» 27 ноября 1991 года вполне алармистски описывал текущую ситуацию: «Происходит лавинообразное нарастание денежной массы... Мощнейшими генераторами этого процесса являются огромный дефицит как союзного, так и национальных бюджетов, усиливающаяся кредитная экспансия и “либерализация” доходов. Все это привело уже к полной утрате рублем своих функций... Потребление материальных благ и услуг населением за девять месяцев (то есть еще накануне запуска настоящей инфляции) сократилось на 17 процентов».

И откуда же было время у экономики на дальнейшее существование без либерализации цен? Если бы их не освободили сверху, они сами себя освободили бы снизу.

Команда Гайдара знала, на что шла. Понимала, что, как и в какой последовательности делать. Компромиссы, уступки, зигзаги, ошибки в практической политике были. Их не могло не быть. Но все происходило так, как должно было произойти. В соответствии с тем, как это уже было написано в статьях и книгах «раннего» Гайдара.

Сам Гайдар однажды рассказал, что была идея отложить либерализацию цен до 1 июля 1992 года и совместить ее с введением национальной валюты. Но времени не было в ситуации, когда всем финансово-экономическим блоком правительства приходилось следить за тем, как отчаливают корабли с зерном из Канады, разворачивать сухогруз, идущий в Мурманск, в Ленинград — туда, куда важнее было направить хлеб.

Угроза голода — не метафора, не пиар, не вранье — ну, не до этого в то время было. Когда Егора познакомили с идеей предновогодней телепередачи — на каком-то импровизированном кораблике должны были плыть члены гайдаровского кабинета и в шуточной форме обсуждать происходящее в стране, он впал в ярость — совсем не время было шутить.

Еще Гайдара в правительстве не было, а переписка ведомств становилась алармистской. Удивительно, оказывается, Советский Союз до последнего отгружал пшеницу Афганистану. И только 12 сентября Министерство заготовок просило российский Совмин отменить, наконец, задания по отгрузке, потому что нет уже никаких зерновых ресурсов.

В архиве Гайдара есть много такого рода бумаг. Вот, например, письмо премьера правительства Москвы Юрия Лужкова госсекретарю РСФСР Геннадию Бурбулису: «Запасы товаров в розничной и оптовой торговле практически отсутствуют. Запасы мяса позволят обеспечить только 8 дней торговли, масла растительного — 10 дней, масла животного — 3 дня, сахара — 2 дня, рыботоваров — 9 дней, сухо-

го молока на восстановление — 4 дня... Серьезное беспокойство вызывает неопределенность по формированию ресурсов продовольствия на 1992 год. До настоящего времени отсутствуют реальные источники поступления товаров, не заключены договора на их поставку и не заказаны вагоны на доставку продовольствия».

Ну, и так далее...

Незадолго до своей смерти Гайдар рассказывал: «А дальше был страшно опасный эксперимент с либерализацией цен в условиях, когда ты твердо знаешь, что не контролируешь денежную массу... в общем, он сработал: мы решили фундаментальную задачу, которую перед собой ставили, — не допустили голода. Один из самых счастливых дней в моей жизни был где-то в мае, когда я понял, что как бы ни было дальше тяжело, но голода в России, по образцу 1918 года, не будет».

Наверное, Гайдар знал, о чем говорил — и уж точно не лгал и не кокетничал, если до такой степени был сосредоточен на угрозе голода. И считал ее едва ли не главной опасностью для страны. О том, существовала или нет угроза голода, свидетельствует статистика (приводится по работам Евгения Ясина «Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. М., 2002 и Алексея Улюкаева «В ожидании кризиса. Ход и противоречия экономических реформ в России. М., 1999»). Причем в динамике.

Нормы отпуска продуктов по карточкам в большинстве регионов к концу 1991 года составляли: сахар — 1 кг на человека в месяц, мясные продукты (с костями) — 0,5 кг, масло животное — 0,2 кг. Снабжение по талонам даже в этих масштабах не гарантировалось, иногда они не отоваривались месяцами.

Особая ситуация — с зерном. 27 ноября 1991-го председатель Комитета по хлебопродуктам Леонид Чешинский, очень важный человек, оставшийся потом в правительстве, потому что отвечал за главное, если не сакральное для страны — хлеб, сообщал Гайдару: «Вынуждены обратиться к Вам также в связи с критической ситуацией, сложившейся в результате задержки оплаты фрахта иностранным и советским судовладельцам. В течение 1991 года платежи за доставку зерна в страну

осуществлялись с большими задержками, что приводило к отказам судовладельцев от дальнейшего сотрудничества, арестам судов и, соответственно, к дополнительным расходам советской стороны, связанным с судебными издержками, и повышению ставок фрахта».

В январе 1992 года ресурсы продовольственного зерна (без импорта) составили около 3 миллионов тонн, месячные же потребности страны оценивались в 5 миллионов тонн. Более 60 из 89 регионов России не имели запасов зерна. По данным «Росхлебпродукта», всего для России в первом полугодии 1992 года должно было быть импортировано 8,65 миллионов тонн зерна при потребности в 26 миллионов. Дефицит составлял 17,35 миллионов тонн.

Ровно поэтому — по причине угрозы голода, а также в силу того, что институционально нельзя было «учредить» рыночную экономику при административных ценах — «разморозку» невозможно было откладывать. Именно освобождение цен — вкуче с либерализацией импорта и коммерциализацией торговли — решило проблему, которую можно назвать по старинке продовольственной. И это притом, что в 1991 году переход к свободным ценам, по данным тогдашнего ВЦИОМа, поддерживали всего 26 процентов респондентов, а в январе-феврале 1992 года и того меньше — 18,3 процента. Люди хотели и ждали перемен (более 50 процентов осенью 1991 года) при понимании того, что «тяжелые времена еще впереди» (69 процентов).

Гайдар был не просто «интеллигент», а управленец. И не просто «технократ», а политик. Потому что ЛЮБОЕ решение 1991-1992 годов было политическим. Гайдар должен был принимать во внимание интересы, в том числе личные политические, Ельцина — тот хотел и должен был, чтобы и дальше проводить реформы, оставаться популярным политиком. Борьба с лоббистами и быстро созревшими политическими противниками, обеспечившими фактически двоевластие в стране (парламент против правительства), тоже отнимала много сил и времени. И не только — она сказывалась на качестве решений, на решительности

или, наоборот, половинчатости того, что делалось, на том, что экономическая политика постепенно все меньше и меньше походила на либеральную шоковую терапию.

«Мы не только корабли с хлебом разворачивали», — скажет потом Андрей Нечаев, имея в виду, что все-таки реформаторы занимались тем, чем и должны были — реформами. И не только отменяли все квоты на экспорт нефти до отдельного рассмотрения, чем сломали схемы многим стремительно богатеющим людям, способным оставить страну без бензина (Нечаеву и министру топлива Лопухину после этого решения выдали пистолеты — месть за разрушенное богатство могла быть страшной), но и строили собственно государственные институты совсем нового государства, и разрешали чудовищные конфликты на грани военного столкновения.

Пока формировался реформаторский кабинет, едва не началась война с Чечней. Еще в июле 1991 года Общенациональный конгресс чеченского народа объявил, что Чечня не входит в состав ни РСФСР, ни СССР. В сентябре был низложен Верховный совет Чечено-Ингушской республики. 27 октября президентом самопровозглашенной Чеченской республики был избран генерал-майор авиации Джохар Дудаев, человек, чем-то внешне напоминавший Сальвадора Дали. 2 ноября все еще продолжавшийся Съезд народных депутатов не признал результаты выборов легитимными. 7 ноября Ельцин своим указом ввел чрезвычайное положение в Чечено-Ингушской республике, которая уже де-факто не существовала. 9 ноября прошла инаугурация Дудаева, Чечня фактически перестала управляться из центра. Генерал ответил на попытку Ельцина ввести чрезвычайное положение в республике призывом «превратить столицу России в зону бедствия».

Произошло ровно то, о чем говорил Гайдар — исчезновение инструментов легитимного насилия. Горбачев дергал за веревочки, которые были оборваны. Но ровно в таком же положении по отношению к Чечне оказался и Ельцин. Верховный совет РСФСР в результате поставил под сомнение целесообразность введения чрезвычайного по-

ложения, и Ельцин согласился с этой позицией: в то время ему только не хватало еще совместить начало радикальных экономических реформ с кровопролитием в Чечне. Характерно, что чеченцы считали основным ястребом, которому не давали спать «кровавые лавры генерала Ермолова» вице-президента Александра Руцкого...

Симптоматичны два шапочных материала в газете «Известия» за 11 ноября 1991 года: «Российский парламент исправляет ошибку президента. В Чечено-Ингушетии отменяется введение чрезвычайного положения» и «В российском правительстве — команда профессионалов».

Что-нибудь одно — или реформы или война. Тогда Ельцин это еще понимал.

Драматично развивались и события в Татарстане, который 24 октября 1991-го принял акт о государственной независимости (провозглашение суверенитета состоялось еще в 1990 году). 30 декабря президент Татарской республики Минтимер Шаймиев, искавший пути компромисса между Москвой и собственными радикалами, заявил о готовности Татарстана войти в СНГ на правах отдельного субъекта — «самостоятельно и непосредственно». А дальше — параллельно с реформами — шли долгие многомесячные переговоры о «разграничении предметов ведения» между Россией и Татарстаном, в которых пришлось участвовать и министрам-реформаторам, например, Андрею Нечаеву. Потом был подписан договор — это был тот путь, по которому можно было бы пойти и с Чечней.

Все это происходило на фоне обострения азербайджано-армянского конфликта вокруг Нагорного Карабаха: Союза де факто нет, но есть его президент, который обсуждал с руководителями республик, в том числе с Ельциным, возможность вмешательства советской армии. Еще одно фоновое противостояние — грузино-южноосетинское, которым правительству России пришлось вскоре заниматься всерьез. А впереди, осенью 1992-го, Ельцина и Гайдара еще ожидало урегулирование осетино-ингушского конфликта. Развал СССР имел свои последствия и для внутрироссийской повестки — просто так сосредоточиться исключительно

на экономических реформах было невозможно. Не говоря уже о том, что правительство строило институты новой государственности с нуля. И несмотря на то, что ситуация была чрезвычайной, эти институты, безусловно, были демократическими. Возможно, у кого-то из членов команды и были иллюзии по поводу возможности появления русского Пиночета, который железной рукой осуществлял бы авторитарную модернизацию. Но такой Пиночет должен был бы быть просвещенным, взять его было неоткуда, а Гайдар вполне довольствовался Ельциным.

Егор не просто не верил в авторитарную модернизацию, он по природе своей и политическим взглядам был демократом. Статью об авторитарных соблазнах он много позже опубликует в «Известиях» 10 февраля 1994 года, вскоре после второй отставки. Вспомнив Пушкина с его Петром, который «уздой железной / Россию поднял на дыбы», Гайдар заметил, что «за рывком неизбежны стагнация и(или) обвал. Страна не может долго стоять “на дыбах”». А затем сформулировал то, что сам назвал идеологией своих реформ: «Поднять страну не за счет напряжения всей мускулатуры государства, а как раз наоборот — благодаря расслаблению государственной узды, свертыванию государственных структур. Отход государства должен освободить пространство для органического развития экономики. Государство не высасывает силы из общества, а отдает ему часть своих сил».

Это — идеология Гайдара в трех предложениях.

★ ★ ★

...Предновогодний день выдался напряженным, как и все дни и ночи, начиная с начала ноября и все последующие — до отставки Гайдара.

По оценкам Алексея Улюкаева и Сергея Синельникова, в то время «внешний долг, номинированный в конвертируемой валюте, увеличился до 76 млрд долларов, внутренний валютный долг — до 5,6 млрд долларов, задолженность по клиринговым операциям достигла 29 млрд долларов. Золотовалютные резервы резко сократились и впервые за все время существования государ-

ства золотой запас составил менее 300 т (289,6 т на 1 января 1992 г.). Недостаток валютных поступлений от централизованного экспорта на оплату централизованного импорта и погашение внешнего долга составил за 10 месяцев 1991 г. (до формирования правительства реформ Ельцина-Гайдара) 10,6 миллиарда долларов. Для покрытия этого дефицита последнее союзное правительство продало часть золотого запаса на 3,4 миллиарда долларов и растратило валютные средства предприятий, организаций, местных органов власти, хранившиеся на счетах Внешэкономбанка СССР на 5,5 миллиарда долларов».

Поздним вечером 31 декабря 1991 года, Гайдар встречался с Яковом Уринсоном и его коллегой, молчаливым и сдержанным Евгением Гавриленковым — они принесли новые расчеты возможных последствий правительственных решений. Вместе с ними на совещание пришли ведущие статистики — Юрий Юрков и Владимир Соколин. «Я при их поддержке стал убеждать Егора Тимуровича, что экономически приемлемым и социально наименее опасным является вариант, когда на первом этапе либерализации (например, в течение первого квартала 1992 года) цены на углеводородное сырье, хлеб и хлебопродукты, молоко и молокопродукты остаются регулируемы, — вспоминал Яков Уринсон, — Егор Тимурович с нами не соглашался, а мы все более горячо отстаивали свою позицию... Теперь я, конечно, понимаю, что был абсолютно не прав (частичная либерализация ничего, кроме коррупции, не дает!), но тогда очень расстроился, что не смог убедить Гайдара».

Новый, 1992 год, члены команды встречали на 15-й даче. Гайдар заскочил в «Архангельское» сильно позже — после тех самых разговоров с Уринсоном и Гавриленковым.

Вечером 1 января 1992 года Гайдар проверил, все ли документы готовы к либерализации цен и отправился вместе с женой в гости отмечать день рождения Виктора Ярошенко — с ним ему всегда было легко. Не говоря уже о редкой возможности переключить мозги и душу во внешнеэкономический регистр. И беседа действительно шла

о литературе и кризисе толстых журналов. Последний нормальный человеческий разговор перед шагом в новую реальность, хотя тоже о кризисе...

2 января было либерализовано около 90% потребительских цен и 80% цен на продукцию производственного назначения (кроме 12 видов продуктов питания, зерна, некоторых коммунальных услуг, транспорта, топлива и электроэнергии). Регулируемые цены были повышены в 3-5 раз. Введен новый налог — на добавленную стоимость со ставкой в 28%: именно он в условиях инфляции мог обеспечить доходную базу бюджета. В январе цены выросли на 245,3% (по данным, приведенным Андреем Илларионовым; Гайдар в «Днях поражений и побед» пишет о 352% за январь). В этот же день Егор еще раз пытался объяснить с населением в интервью Михаилу Бергеру в главной интеллигентской газете страны — «Известиях»: «Классические схемы проведения подобных мероприятий предполагают первоначальное проведение финансовой стабилизации, а затем уже либерализацию цен... И если бы у нас был хоть какой-то выбор, мы бы не рисковали».

Разумеется, многие ждали немедленного исчезновения дефицита товаров. Что произошло не сразу, да и не могло произойти на следующий день после либерализации. Но уже 22 января Гайдар обращал внимание корреспондента «Комсомольской правды» Ирины Савватеевой: «...никто и не обещал изобилия через две недели. Наполнение магазинов товарами — процесс постепенный. Если вспомните, какими были прилавки 28 декабря, и посмотрите, какими они стали сегодня, то увидите довольно серьезные изменения».

В самом конце января, почти сразу после подписания Указа о свободе торговли, Гайдар проезжал по дороге на Старую площадь Лубянку и «увидел что-то вроде длинной очереди, вытянувшейся вдоль магазина “Детский мир”. Все предыдущие дни здесь было довольно безлюдно... Зажав в руках несколько пачек сигарет или пару банок консервов, шерстяные носки и варежки, бутылку водки или детскую кофточку, прикрепив булавочкой к своей одежде вырезанный из газеты “Указ о сво-

боде торговли”, люди предлагали всяческий мелкий товар».

Так уродливо выглядел рынок. После почти 75 лет коммунизма. Еще раз и еще раз: после 75 лет коммунизма, отъема частной собственности, раскулачивания, голода, массовых репрессий, войн, милитаризованной экономики, тотального дефицита.

Как потом, в феврале 1992 года, писали правительство и Центробанк в Меморандуме в связи с вступлением России в Международный валютный фонд, «ясно, что скачок цен в январе был бы значительно меньшим, если бы в экономике — как в производстве, так и в торговле — была достаточно развита конкуренция». Но откуда ей было взяться? Указ о приватизации был чудом подписан 29 декабря 1991 года, а правовая база аукционной продажи магазинов, способная потеснить государственную торговлю, кровно заинтересованную в сохранении дефицита, появилась только в марте 1992-го. Указ о свободе торговли вышел в свет 29 января 1992 года.

Гайдар настаивал: дефицит денег рано или поздно нормализует экономику, и он — меньшее зло, чем дефицит товаров. И Егор прекрасно понимал, что такое инфляция издержек (она же инфляция затрат). В августе 1992 года он вернется к этой теме в «разъяснительной» статье в «Известиях»: «Ценовой скачок января существенно превзошел уровень, который можно было прогнозировать из финансовых соображений... Предприятия, обеспечивая экспансию взаимных кредитов, поддерживали темпы роста цен, существенно превышающие прогнозные». А значит, «проблема реализации становится доминирующей», значит, появляются рыночные отношения, значит, хозяйство, «все еще огосударственное и монополизированное», становится «денежным в своих основах».

Еще несколько «кинжальных» ударов по руинам старой экономики и семимильных шагов по утверждению экономики рыночной: формирование почти бездефицитного бюджета — резкое перекрытие крана бюджетных денег с прохудившимися прокладками; ужесточение Центральным банком резервных требований и установление им предельных лимитов кредитования для коммерче-

ских банков; все хозяйственные организации получили право на проведение внешнеторговых операций.

Импорт был либерализован практически полностью — установлен нулевой тариф для импортных товаров. Для ряда экспортных товаров сохранилось квотирование. «Именно свободный импорт в начале 1992 года сыграл роль катализатора в развитии частной рыночной торговли», — напишет потом Гайдар в «Днях поражений и побед».

★ ★ ★

Война с лоббистами. Негатив в медиа. Сцены, которые устраивали Гайдару в его же кабинете «тяжеловесы»-лоббисты. Отсутствие партийной поддержки. Иногда — сопротивление, саботаж или лень аппаратов министерств. Битвы с парламентом. «Гайдар не понимал и не чувствовал эту махину — Верховный совет, перед которым надо было выступать и с которым надо было разговаривать, — замечает Михаил Дмитриев, — По себе знаю — это просто разговор со зверем. Его противники в парламенте знали, что психологически и административно ему трудно им противостоять. Тянули с принятием нормативных актов, с введением НДС, налога с оборота». И важно, крайне важно было успеть хотя бы что-то сделать до того, как правительство вошло бы в полный клинч с Верховным советом и одновременно не было бы зажато в угол сверхвлиятельным директорским лобби.

На VI Съезде народных депутатов, проходившем с 6 по 21 апреля 1992 года, парламентарии пошли в атаку на правительство, в котором за несколько дней до этого произошли перестановки: Геннадий Бурбулис, как одна из раздражавших оппонентов Ельцина фигур, оставшись госсекретарем, перестал быть первым вице-премьером. Его пост занял Гайдар, оставивший еще в феврале позицию министра экономики Андрею Нечаеву, а министра финансов в апреле — «старому технократу» Василию Барчуку.

Однако это совершенно не улучшало положения его команды, которая к тому времени начала ощущать, что находится в политической изоляции: силовой блок кабинета министров существовал от-

дельно; отраслевые ведомства, за исключением министерства топлива и энергетики, контролировали отнюдь не реформаторы, что облегчало жизнь директорскому лобби, начинавшему чувствовать себя отдельной не только административно-хозяйственной, но и политической силой, которая оформится к июню в блок «Гражданский союз»; окружение президента — как аппаратная его часть, так и близкие по духу Ельцину его старые друзья плохо воспринимали министров-реформаторов. Сам Борис Николаевич практически перестал участвовать в заседаниях правительства, а связующим звеном между ним и Гайдаром оставался Бурбулис.

Еще до Съезда через Бурбулиса Гайдару было передано недовольство Ельцина двумя членами его команды — Петром Авеном и Владимиром Лопухиным, которые, вероятно, в глазах оппонентов Егора выглядели самыми большими «ботаниками».

7 апреля Гайдар делал содоклад к докладу Ельцина. Он пытался разговаривать с депутатами как с союзниками: «Сейчас можно сказать, что, хотя и со скрипом, рыночные механизмы заработали... Ситуация в торговле, разумеется, не стала благостойной, но она радикально переменялась. Практически постоянно растет число городов, в которых есть в продаже мясо». Всякий, кто жил при социализме, мог бы оценить этот пассаж. Мясо и мясопродукты в постоянной продаже...

А вот такой пассаж нелегко было пережить лоббистам ВПК, защитникам всего того экономического уклада, против которого пошел Гайдар: «Демилитаризация экономики, начало ее глубокой структурной перестройки открывают дорогу реализации нашей стратегической линии в области финансовой политики — линии на разгрузку государственного бюджета от неэффективных расходов».

И вот — попытка объясниться: «Да, мы прошли очень тяжелые пять месяцев. Да, в этих пяти месяцах была сконцентрирована расплата за целый период нерешительности и безответственности». Всё впустую.

Атмосфера накаляется: «Может быть, наше правительство сделало ошибку, создав для себя этакий образ технократов, для которых самое важное — это рынок и бездефицитный бюджет. Я хочу вас заверить, уважаемые народные депутаты, в правительстве собрались люди, которые болеют за Россию, болеют, наверное, вместе с вами».

Демарш, предпринятый на Съезде как ответ на травлю — заявление об отставке правительства и красивый уход команды из зала заседаний — был ответом не только Верховному совету, который, вообще говоря, пока не готовился к тому, чтобы разделить ответственность за экономику, но и посланием Ельцину: сигналом о том, что реформы нуждаются в более активной поддержке с его стороны. При этом до сих пор нет единого мнения по поводу того, был ли предупрежден Борис Николаевич об этом шаге заранее или нет. В любом случае он такой акт едва ли приветствовал. Тогда отставка не состоялась.

★ ★ ★

Посол Ее Величества английской королевы сэр Родрик Брейтвейт пронизательным образом, что отнюдь не было свойственно тогдашним западным дипломатам и чиновникам, оценил необходимость поддержки гайдаровского кабинета. 11 января 1992 года он отправил в Лондон телеграмму: «Возможно, это последний и наилучший шанс осуществления экономической реформы, а, следовательно, и достижения политической стабильности в России. Если Гайдара сметут, мы в скором времени можем снова оказаться лицом к лицу с экономистами-знахарями и авторитарным руководством, пытающимся направить недовольство народа против внешнего (украинского? западного?) врага».

Прогноз Брейтвейта оказался точным. При чем, его предсказание было растянуто во времени — та или иная часть прогноза реализовывалась в течение не лет, но десятилетий...

© Текст: Андрей Колесников

УРОКИ РЕФОРМ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

МИХАИЛ ДМИТРИЕВ

За последние 30 лет Россия прошла долгий путь реформ, который в конечном итоге привел к глубокой и во многих отношениях успешной трансформации экономики и становлению рыночных институтов. Но в силу быстрых изменений в технологиях и мировой экономике, повестка экономических реформ по-прежнему далека от исчерпания. Чтобы не отстать от быстро меняющегося мира, России уже в ближайшем будущем придется формулировать новую амбициозную программу реформ.

* * *

Несмотря на многочисленные эксперименты и опыт экономических преобразований, Россия склонна наступать на одни и те же грабли. В течении последних 30 лет один и тот же **комплекс фундаментальных проблем и ограничений** препятствовал планированию реформ: это и склонность искать решения не там, где они находятся, а там, где их легче искать, и непредсказуемость внешних шоков на сырьевых рынках, которая заставляет бросать все силы на авральное «тушение пожаров», и слабая интеграция долгосрочных планов в систему текущего управления. Отметим и хронический дисбаланс между стремлением к ускорению экономического роста и необходимостью поддержания бюджетной сбалансированности и макроэкономической стабильности. В начале рыночных реформ политики жаждали быстрого экономического роста и были склонны «давить на акселератор», забывая о «тормозах», что в итоге привело к дефолту 1998 года.

Правда, после дефолта и двух последующих кризисов «на тормоз» стали жать гораздо усерднее, чем «на газ», что грозит затуханием экономического роста.

Любая из этих проблем достаточно интересна, чтобы посвятить ей большую статью, но в этих коротких заметках я хотел бы сосредоточиться лишь на одном вопросе: **как экономические реформы соотносятся с резкими структурными изменениями в экономике и какого рода реформы могут потребоваться в моменты структурных экономических шоков.**

На этот вопрос не слишком часто обращают внимание при оценке опыта ранних рыночных реформ. Но в свете новых глобальных экономических тенденций он является далеко не праздным, поскольку структурные проблемы экономики могут резко обостриться под влиянием ускорившейся *декарбонизации мировой экономики и связанного с ней глобального энергетического перехода.* По этому вопросу я хотел бы высказаться не как сторонний наблю-

датель, но с позиций личного опыта, как непосредственный участник первых рыночных реформ.

* * *

Рынок и стратегическое планирование

Первой попыткой стратегического планирования в России постсоветского периода можно считать Программу «500 дней», часто называемую по именам наиболее известных авторов «Программой Шаталина-Явлинского». Этот документ подготовила в 1990 году группа экономистов по поручению Президентов СССР М.Горбачева и России Б.Ельцина. Строго говоря, горизонт Программы не имел стратегической глубины, то есть был в лучшем случае среднесрочным, а не долгосрочным. Но масштабы намеченных реформ позволяют рассматривать его как некий документ стратегического планирования. В основу его был положен, как тогда было принято говорить, «градуалистский» подход (сперва ключевые институциональные реформы, а лишь затем либерализация цен и валютного контроля и уже на завершающем этапе — финансовая стабилизация).

Все это предполагалось уложить всего лишь в полтора года, отсюда и название программы — 500 дней. И хотя сроки эти были заведомо нереальны, сами авторы первых реформ, включая Г.Явлинского и Е.Гайдара, отчетливо понимали, насколько узким будет для них политическое окно возможностей и старались «втиснуть в него» как можно больше изменений. Явлинский в частной беседе со мной летом 1990 года сказал, что ему самому, как и последующим лидерам реформ, удастся пройти лишь очень короткий отрезок пути. Уже тогда реформы виделись ему как некая эстафета реформаторов-спринтеров, которые будут быстро сменять друг друга, прежде чем будет реализована вся повестка. Дальнейшие события подтвердили справедливость этих ожиданий. Программа «500 дней» была поддержана Верховым Советом Российской Федерации, но, несмотря на усилия Явлинского, ставшего вице-премьером российского правительства, так и не начала реализовываться, а была тихо положена на полку и забыта. В дальнейшем многие меры,

предусмотренные в Программе «500 дней», переключали в другие программы и планы, но уже в сильно трансформированном виде.

Уже вскоре после одобрения Программы «500 дней» заложенный в нее градуалистский подход стал неактуален. Катастрофические масштабы денежной эмиссии привели к тому, что на проведение подготовительных институциональных реформ не оставалось ни времени, ни политических ресурсов.

С конца 1991 года все силы были брошены на устранение макроэкономических дисбалансов. Именно эту задачу пришлось решать правительству Гайдара, вынужденным приоритетом которого стала, в отличие от Программы «500 дней», либерализация цен и внешней торговли. Шаг в реформах, который достался Гайдару и его команде, в основном состоял из структурно нейтральных реформ, более или менее одинаково влияющих на основные отрасли экономики и не преследующих непосредственной задачи изменения отраслевой структуры.

И хотя эти реформы ознаменовали начало самой глубокой за всю вторую половину XX века, поистине шоковой трансформации отраслевой структуры, на повестку отраслевых изменений как таковых у команды Гайдара почти не оставалось времени, сил, компетенций и политических ресурсов. В целом структурные реформы были отложены на потом.

* * *

Реформы в сельском хозяйстве

Во многом благодаря случайному стечению обстоятельств во время работы первого кабинета Гайдара мне довелось заняться одной из немногих долгосрочных структурных реформ, которые удалось инициировать непосредственно в тот короткий период. Примерно за год до этого по предложению Г.Явлинского, который был тогда вице-премьером, я возглавил российскую группу экспертов в первом и очень амбициозном российском проекте Всемирного банка по подготовке трехтомного доклада о сельскохозяйственном секторе в СССР. В этом проекте было задействовано порядка 50 российских экспертов, включая ведущих специалистов по экономике сельского хозяйства, таких как В.Узун

и Е.Серова, а также несколько первоклассных международных экспертов. Этот доклад помог прояснить многие ограничения и возможности, которые существовали в нашем сельском хозяйстве того времени, а также позволил рассмотреть потенциальные подходы к реформе этой отрасли в контексте разного опыта развитых и развивающихся стран с рыночной экономикой.

Поэтому, когда в конце 1991 года Гайдар попросил меня организовать подготовку проекта документа по реформированию сельского хозяйства, благодаря сформированному незадолго до этого содержательному заделу и вовлечению лучших отраслевых экспертных сил того времени, повестку реформы удалось сформулировать буквально за несколько недель.

Постановление Правительства РФ о реорганизации колхозов и совхозов было подписано в числе первых из пакета реформ, на год раньше Указа Президента об акционировании в угольной промышленности, положивший начало реформы угольной отрасли (о ней речь пойдет ниже). Как помнится, мы его согласовали с правовым управлением Администрации Президента в последний день 1991 года

В Постановлении был заложен саморазвертывающийся и необратимый механизм рыночной реорганизации сельхозпредприятий. Он вынужден был учитывать конституционные ограничения того времени. Поправка в ст. 12 Конституции РСФСР, сделанная годом ранее, предполагала передачу имущества членам трудовых коллективов, а выращенная продукция объявлялась собственностью организации. При этом земля для целей сельского хозяйства могла быть передана в собственность, но вводился мораторий на ее продажу. Подготовленное нами постановление, исходящее из конституционных норм того времени, предусматривало переход на новые формы организации (ТОО и АО) и допускало возможность сохранения колхозов, но с новыми уставными документами и взаимоотношениями. При этом оно предусматривало, подобно столыпинской реформе, возможность выхода крестьян из колхозов с имущественными паями и земельными наделами. Идею этого механизма предложил В.Узун. Этот механизм оказался удачно

сформулирован и в конечном итоге привел к далеко идущим структурным изменениям.

Вот что об этом пишет Наталья Шагайда¹, аспирантка и в дальнейшем коллега В.Узуна, непосредственно участвовавшая в этих преобразованиях:

«После выхода «Постановления о реорганизации» Узун и я по просьбе Ассоциации крестьянских (фермерских) ассоциаций и кооперативов (АККОР) написали брошюру о реорганизации. ... Понятно было, что много проблем не могут быть урегулированы принятым постановлением. И однажды в институт обратился Б.Немцов с просьбой оказать помощь в разработке технологии приватизации земли и реорганизации сельскохозяйственных предприятий. Работники Аграрного института написали брошюры — «Аграрная реформа в вопросах и ответах», «Реорганизация сельскохозяйственных предприятий». Писали? Делайте! И мы застряли на три года только в Нижнем! Для работы в институте это была находка: море материалов, мы сидели в селе и в Нижегородском кремле, пытались провести реорганизацию, набирали статистику, данные соцопросов, отработывали процедуры, которые предписывало российское законодательство, а если они не работали — предлагали другие, общались с законодателями на уровне области и в Москве... Это была фантастическая работа! К этому моменту приняли второе постановление правительства по реорганизации: оно снимало часть проблем, но далеко-далеко не все. Если бы меня спросили про технологию реорганизации до Нижнего, то я бы ответила твердо, что все в ней понимаю, а после приезда в Нижний я поняла, что не знаю ничего .... День за днем мы пытались превратить эти две страницы Постановления о реорганизации в некоторую процедуру, которую можно осуществлять (здесь Узун, конечно, задавал тон). Во-первых, это была международная команда, и можно было научиться новому. Во-вторых, я должна сказать, что крупно повезло, что Немцов был заинтересован в работе, он постоянно контактировал, согласовывал, принимал решения... В-третьих, там была мощная информационная работа для тех, кто оказался затронут приватизацией/реорганизацией. Очень много работали с людьми в хозяйствах».

«Тогда землю отдали десяткам миллионам людей. Все зациклились только на сельхозземлях, но реформа была значительно шире!... И то, что до сих пор формально земля сельхозназначения в основном принадлежит людям, которые с разной активностью и в силу разных причин пользуются своими правами, — это тоже результат реформы. ... земля-то в большинстве случаев у первичных бенефициаров реформы и их наследников оказалась. Что дала эта реформа? Она позволила этим «монологам» колхозов или совхозов, которые были искусственным образом созданы, стать подвижными, гибкими, перераспределять ресурсы в пользу тех, кто может и хочет что-то делать. Это была главная ответственность людей, участвующих сознательно в реформе, потому что другой ответственности не было. Государство не брало на себя заботу по сохранению этих хозяйств. Это такой пример, частный, а общий итог—российское сельское хозяйство модернизировалось.»

Таким образом, несмотря на все проблемы и издержки переходного периода, Постановление о реорганизации колхозов и совхозов задавало неплохой первоначальный импульс для последующей постепенной трансформации сельского хозяйства в динамичную, конкурентоспособную и экспортно-ориентированную отрасль, а квалифицированное экспертное сопровождение реформы на всех ее этапах позволило добиться значимых долгосрочных результатов. К 2010 г. к фермерам перешло 12% сельхозугодий, а на долю государственных организаций пришлось не более 5% земель. Главным результатом аграрных реформ 1990-х стало создание условий для перераспределения земель и финансовых ресурсов в пользу эффективных собственников. Улучшились возможности кредитования, в том числе под залог земли, и повысилась инвестиционная привлекательность сельского хозяйства.

Это открыло возможности для следующего этапа реформ, который начался в 2000-е годы и был сфокусирован на финансовом оздоровлении сельхозпредприятий и развитии программ господдержки. С этого времени объемы производства, особенно в растениеводстве, устойчиво росли. К 2016 году валовый сбор зерновых, сглаженный по пятилетним

интервалам начал превышать рекорды советского времени. Россия занимает первое место в мире по производству ржи, овса, ячменя, сахарной свёклы, подсолнечника, гречихи. В 2016 году по экспорту пшеницы Россия вышла на 1 место в мире, впервые за 50 лет сместив с 1 места США².

* * *

Реформа угольной отрасли

Одной из наиболее успешных отраслевых реформ 1990-х — начала 2000-х годов стала реформа угольной отрасли, которую в разное время непосредственно курировали Е. Гайдар, А. Шохин, А. Чубайс, В. Каданников, В. Потанин, Б. Немцов, Я. Уринсов, В. Христенко. Она осуществлялась при техническом содействии Всемирного банка, и в результате была хорошо подкреплена ресурсами, которые использовались не только на социальную поддержку высвобождаемых работников, но и на масштабное экспертное сопровождение преобразований. Качество и глубина экспертной проработки повестки угольной реформы стала одной из ключевых составляющих ее успеха.

О том, как проходила эта реформа, приведу свидетельство одного из непосредственных ее участников, Георгия Краснянского³, который в 1990-х работал вице-президентом Государственной корпорации Росуголь, контролировавшей большинство угольных предприятий страны.

«Времени действительно было очень мало. Во Франции, например, на реструктуризацию угольной промышленности ушло 25 лет. А речь шла всего-то о 50 млн т добычи. ...Прежде всего нужно было как можно скорее освободиться от убыточного сектора угледобычи, при этом обеспечив социальную защиту высвобождаемых работников. Господдержку следовало сконцентрировать на инвестиционных программах. Было закрыто 188 шахт и 15 угольных разрезов (добыча упала на 100 млн т), тем самым сокращены издержки угольного производства, обеспечен рост производительности труда и снижение производственного травматизма, осуществлено акционирование всех предприятий. На втором этапе, в 1998–2004 годах, была проведе-

на масштабная приватизация рентабельных шахт и разрезов. На третьем этапе, в 2005–2015 годах, была реализована сбалансированная территориально-отраслевая социально-корпоративная политика с элементами госрегулирувания... Что мы получили? Полностью частную, ориентированную на рынок, финансово и социально устойчивую, конкурентоспособную на мировом рынке отрасль. Работать стало безопаснее — травматизм со смертельным исходом снизился в девять раз. В ходе реструктуризации с соблюдением всех социальных мер поддержки было высвобождено до 730 000 человек, в том числе 230 000 рабочих по добыче. ... У оставшихся работников с 1998 по 2016 год зарплата выросла в 25 раз. Добыча с 1994 по 2016 год увеличилась на 42%. Но самое главное, что обновленная угольная отрасль была полностью ориентирована на экспорт, который вырос в восемь раз. После Австралии и Индонезии Россия является третьим в мире экспортером угля. Производительность труда возросла в пять раз. Отрасль стала прибыльной, консолидированно прибыльной. В новейшей истории России теперь есть свой, не имеющий аналогов в мировой практике пример экономического успеха. Я горд, что мы это сделали!»

Но таких примеров более или менее значимых отраслевых реформ, которые удалось запустить, в период работы первого кабинета Гайдара было совсем немного. В результате гайдаровские реформы ассоциировались прежде всего со структурно-нейтральным пакетом мер по рыночной либерализации. С одной стороны, в массовом сознании именно они стали восприниматься негативно как причина гиперинфляции и экономического кризиса. С другой стороны, именно эти события положили начало характерной для российской экспертной традиции недооценке потенциальной важности реформ, напрямую направленных на изменение отраслевой структуры экономики.

Проблемы и эксперты

На рубеже конца 1990-х — начала 2000-х годов в экспертной среде уже стало почти хорошим тоном считать, что в основу типичной повестки реформ

должны закладываться в основном структурно-нейтральные направления, такие как ответственная бюджетно-налоговая и кредитно-денежная политика, развитие финансовых рынков, развитие инфраструктуры, административная, судебная и правоохранительная реформы, реформа местного самоуправления, пространственная политика и т.д. Распространилось мнение, что при наличии эффективных структурно-нейтральных рыночных институтов: конкурентной среды, гибких рынков труда, эффективного государственного регулирования, независимой судебной системы, финансового сектора, способного обеспечить межотраслевое перераспределение капитала и так далее, **адаптация отраслевой структуры экономики будет происходить сама собой, под действием «невидимой руки» рынка, и не потребует реформ, непосредственно направленных на поддержание желаемых структурных сдвигов.**

Глобальный энергетический переход, структурные кризисы и новые вызовы

Но на новом этапе развития российской экономики проблема структурных изменений снова может выйти на первый план. Окно возможностей для запуска новой масштабной повестки реформ наиболее вероятно откроется в сценарии второго по силе за последние полвека структурного шока после кризиса 1990-х.

К нему российскую экономику может привести ускорение глобального энергетического перехода, обусловленного декарбонизацией мировой экономики. Он потребует ускоренного поиска новых отраслей международной специализации, способных заместить сужающиеся возможности экспорта углеводородов.

Структурные меры в этом случае должны будут касаться как вопросов управляемой адаптации отраслей, связанных с добычей и экспортом углеводородного сырья, роль которых будет ослабевать, так и проблем ускорения развития более перспективных, главным образом несырьевых, отраслей, которые призваны заместить углеводородную экономику в долгосрочной перспективе. Нужны бу-

дут многочисленные решения, которые учитывают специфику конкретных, подчас очень узких сфер деятельности.

В условиях предстоящего кризиса без целенаправленных усилий по ускорению структурной адаптации российской экономики к последствиям энергетического перехода невозможно будет добиться быстрых побед, помогающих поддержать развитие. Повестка реформ, ориентированная в основном на структурно-нейтральные меры, не позволит ускорить преодоление структурного кризиса. Поэтому она быстро утратит общественную привлекательность, вызовет разочарование, а затем и отторжение. Причем дискредитирована может быть именно структурно-нейтральная часть повестки, как, собственно, и произошло, например, в период гайдаровских реформ 1991-1992 гг.

Финский пример

Когда я слышу разговоры о том, что при наличии эффективных рыночных институтов структурная адаптация экономики может произойти сама собой, без глубоких отраслевых реформ, мне первым делом приходит на ум контрпример из начала 1990-х, но касающийся не России, а соседней Финляндии.

Сразу после распада СССР финская экономика столкнулась с острейшим структурным кризисом, поскольку критически зависела от экспортных поставок на емкий советский рынок, к которому имела привилегированный доступ, но этот рынок перестал существовать. Теоретически Финляндия, уже тогда имела зрелые рыночные институты, которые во многих отношениях превосходили то, что имеет Россия сегодня. Значит, если следовать логике оппонентов вмешательства в ход структурных изменений, Финляндия должна была после распада СССР сформировать экспортные специализации, положившись прежде всего на сильные рыночные институты (уже к тому времени вполне зрелые) и «невидимую руку» рынка.

На практике же маленькой Финляндии со структурными реформами тогда сильно повезло: флагманом структурной диверсификации финской экономики в итоге стал не рынок как таковой, а одна конкретная крупная компания — фирма Нокиа,

которая стала драйвером продуктовых инноваций и всего за несколько лет вывела Финляндию на мировой рынок высоких технологий. Структурная диверсификация финской экономики того времени имела мало общего с невидимой рукой рынка, и в гораздо большей степени определялись чисто административными решениями одной конкретной компании на внутрифирменном уровне. Если бы не это, то несмотря на эффективные институты, судьба финской экономики в 1990-е годы могла бы сложиться совсем не так благополучно. Структурный кризис мог бы затянуться надолго, как это случилось, например, в Великобритании в 1970-е годы.

До начала 1990-х Нокиа в основном работала в традиционных отраслях — бумаге, резине и электротехнике. Электроника была не главным направлением. Но распад СССР совпал с моментом, когда Нокиа совершила прорыв в телекоммуникациях. Используя ее технологию, в 1991 году премьер-министр Финляндии сделал первый в мире GSM звонок.⁴ Благодаря телекоммуникациям Нокиа вырвалась на оперативный глобальный простор: всего за 10 лет ее доля в финском экспорте выросла более чем в 30 раз — с чуть более 0,5% в 1991 году до 20% в 2000-м. О радикальности трансформации Нокиа в глобальную компанию говорит и то, что к концу 1990-х на внутренний рынок Финляндии попало лишь около 1% продаж компании, в то время как десятилетием ранее внутри страны продавалось до половины всего выпуска. За 1990-е годы доля Нокиа в финском ВВП выросла в 4 раза — с 1 до 4%. Но с учетом смежников ее влияние на рост обрабатывающей промышленности и телекоммуникаций было решающим⁵.

С именем Нокиа теперь связывают скорее ошибки, чем успехи. В конце «нулевых» годов она «проспала» рынок смартфонов. В начале 2010-х компании пришлось сократить больше половины сотрудников. Но к 2010 году финская экономика была уже достаточно прочно встроена в мировой рынок, чтобы сравнительно безболезненно преодолеть проблемы своей флагманской компании. Поэтому взлет и падение Нокиа оказали асимметричное влияние на экономику Финляндии, которая до сих пор развивается вполне успешно благодаря перво-

начальному структурному импульсу от Нокии, полученному в 1990х.⁶

Какие реформы потребуются в России

Внутрифирменная политика диверсификации, хорошо сработавшая в маленькой Финляндии, мало поможет в такой большой стране как Россия. Именно поэтому в условиях глобального энергоперехода нам потребуются масштабные отраслевые меры поддержки структурных изменений на государственном уровне. Повестка реформ, которая будет востребована в данном сценарии выходит далеко за рамки более привычного для многих экспертов структурно-нейтрального репертуара реформ. Реформы, непосредственно нацеленные на изменение отраслевой структуры экономики, включая ее международную специализацию, могут выйти на первый план.

Надо учесть, что традиционные подходы, которые сложились в рамках отраслевой политики в России, делают чрезмерный акцент на административных интервенциях и мерах прямой финансовой поддержки. Именно такие методы в последние 10 лет были распространены в промышленности и сельском хозяйстве. Например, по оценкам экспертов ЦСР и Deloitte⁷, 75% прибыли компаний АПК за период 2015-2018 годов было сформировано за счет субсидий, полученных от государства. При этом почти 2/3 представителей АПК оценили уровень государственной поддержки как средний, а еще 28% — как низкий, что говорит об очень высоких ожиданиях на получение ресурсов от государства.

На современной стадии развития сельского хозяйства такие методы пока приносят результаты. Но на сельское хозяйство приходится всего 4% ВВП. Гораздо более масштабные структурные изменения, затрагивающие множество отраслей и как минимум половину ВВП, невозможно будет осуществлять, опираясь преимущественно на ручное управление и деньги. Денег в любом случае на это не хватит, в том числе из-за исчерпания углеводородной ренты и сокращения возможностей бюджетного перераспределения.

В условиях глобального энергетического перехода для большинства отраслей, нуждающихся

в структурной адаптации и развитии, ключевые проблемы будут связаны не с субсидиями или какими-то финансовыми преимуществами, а с обновлением правил игры — регуляторных и институциональных условий, как, собственно, мы и попытались сделать в случае аграрной реформы в 1991 году. И как мы на собственном опыте смогли убедиться в 1991 году, сложность разработки такой повестки состоит в том, что она является очень емкой в плане необходимых для ее разработки экспертных знаний отраслевой направленности.

При этом речь идет далеко не только и не столько о дерегулировании, которое в последнее время стало модным в контексте регуляторной гильотины. Очень часто, наоборот, нужно скорее восполнять пробелы в регулировании или создавать заново правила игры и институты на формирующихся рынках, как, например, для электронной торговли, искусственного интеллекта, экосистем и беспилотных транспортных средств. Финансовая поддержка, конечно, тоже может играть немалую роль, но далеко не решающую.

Новые лидеры роста

Яркий пример новой структурной политики — это здравоохранение и смежные с ним отрасли (фарма, научные медицинские исследования, производство медоборудования, биотехнологии, индустрия здорового образа жизни и медицинский туризм). При условии проведения адекватной политики реформ их потенциальный вклад в ВВП может в ближайшие 15-20 лет может удвоиться. Поиск источников финансирования здравоохранения — вопрос несомненно важный, но далеко не единственный. В здравоохранении и смежных с ним отраслях шагу нельзя ступить без регулирования.

Например, в США, по оценкам Маккинзи за последние 20 лет объем отраслевых регуляторных ограничений в сфере здравоохранения, медицинских изделиях и фарме вырос по меньшей мере в 2-3 раза. Сегодня 25-30% всех отраслевых ограничений в США приходится всего на 4 сектора — финансовые услуги, профессиональные услуги, интернет и СМИ, лекарства и медицинские изделия.

При этом фарма и производство медицинских изделий по активности в этой сфере компаний-супервезд глобального уровня входили в тройку наиболее значимых секторов.⁸ Если мы хотим создать условия для ускорения развития здравоохранения и смежных отраслей, для чего потенциал имеется уже давно (а за время пандемии возникли и дополнительные предпосылки), то одними деньгами этот вопрос не решить. Здесь необходимо прежде всего создавать регуляторные и институциональные условия.

При этом речь идет не об умножении запретов и ограничений, а об умном и гибком регулировании на доказательной основе, которое снимает барьеры для новых медицинских технологий, но при этом минимизирует риски для пациентов и врачей. Яркий пример — развитие телемедицины, для которой уже давно сложились и технологические предпосылки, и массовый платежеспособный спрос. Но устаревшие правила регулирования удаленного взаимодействия врачей и пациентов привели к тому, что в условиях ковидных ограничений на очный прием пациентов огромное число людей лишилось своевременного доступа к медицинской помощи. И если в развитых странах, в связи с этим, начался быстрый пересмотр правил для облегчения доступа к удаленным услугам, то в России необходимые законодательные поправки так и не были приняты, хотя и были разработаны.

Телемедицина — это лишь небольшой частный пример из необъятной и очень сложной регуляторной повестки, от которой зависит долгосрочный успех индустрии здоровья, а само здравоохранение — это лишь одна из множества потенциально перспективных отраслей, нуждающихся в создании условий для развития.

Огромные и во многом похожие проблемы существуют в сфере ИТ и телекоммуникаций, в сфере пространственного развития (поскольку оно завязано на развитие именно несырьевых отраслей и упирается в регулирование инфраструктуры, рынков земли, недвижимости и градостроительных норм), в энергетике и на транспорте (особенно в контексте углеродного регулирования), в химической промышленности, строительстве, производстве инновационных продуктов питания, технологиях коммерческого

освоения космоса и многих других сферах, которые находятся на острие предстоящих структурных и технологических изменений. Стратегические документы верхнего уровня могут лишь представить обобщенное видение приоритетов, а также подкрепить эту работу необходимыми ресурсами и вниманием верхних эшелонов управления, но не отменяют необходимости тщательной проработки отраслевых деталей.

* * *

С похожими проблемами мы столкнулись и в 1991 году при разработке аграрной реформы. Но наше положение тогда облегчалось двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что благодаря проекту Всемирного банка именно по сельскому хозяйству был заблаговременно сформирован определенный содержательный задел и пул первоклассных отраслевых экспертов, готовых к работе над реформой. Во-вторых, эта реформа могла хотя бы отчасти опираться на модели организации сельского хозяйства в странах с уже сложившейся рыночной экономикой.

Для многих перспективных отраслей, развивать которые потребуются в условиях глобального энергоперехода, эти условия выполняться не будут. Многие из этих видов деятельности находятся на технологическом фронтире, поэтому опираться на готовые рецепты, позаимствованные из-за рубежа, будет сложно или даже невозможно. Это делает разработку новых правил игры гораздо более трудной и дорогостоящей задачей. Простым мозговым штурмом или анализом международного опыта будет не обойтись. В каждую отраслевую реформу необходимо будет вовлекать большое число экспертов с конкретными отраслевыми компетенциями.

А есть ли эксперты?

Но далеко не всегда подобные компетенции имеются в научных и консалтинговых организациях. Часто подобные знания сосредоточены преимущественно в бизнесе. Но частная инициатива в таких вопросах — обоюдоострое оружие. Опирайтесь на отраслевых лоббистов при разработке правил игры — значит допускать опасный конфликт ин-

тересов. Для поддержания необходимого баланса интересов по многим перспективным отраслям придется вкладывать немалые ресурсы государства в создание и финансирование отраслевых центров экспертных компетенций, на которые можно было бы опираться в разработке отраслевой политики и в диалоге государственных органов с бизнесом.

Не стоит также смешивать задачу первоначального формирования правил игры для новых отраслевых рынков или комплексного обновления таких правил для уже существующих рынков с задачами текущего поддержания регулирования в актуальном состоянии. В отличие от разработки качественно новой отраслевой повестки, рутинная актуализация уже сложившегося регулирования — в целом гораздо менее трудозатратный процесс, который не требует таких масштабных экспертных усилий как запуск регулирования с низкой стартовой точки.

Фактически, потребуется сформировать новые эффективные институты, обеспечивающие ускоренное развитие многих перспективных отраслей на инновационной основе через комплексное обновление условий их деятельности. Не надо путать их с уже существующими институтами развития. Речь идет не о создании очередного поколения уполномоченных государственных организаций, а прежде всего, об обновлении правил игры, которые помогли бы раскрыть потенциал наиболее перспективных отраслей и привлечь туда инвестиции.

К сожалению, экспертное сообщество тоже пока не готово к работе над столь амбициозной структурной повесткой. Задел принципиально новых решений, пригодных для ответа на вызовы предстоящего структурного перелома в развитии, до сих пор не сформирован. Гораздо больше сил уходит на текущую и работу над проблемами вчерашнего дня. Поэтому, откуда бы ни исходил запрос на кардинальное обновление повестки реформ, экспертное сообщество не сможет отреагировать на него моментально. Наполнить новую отраслевую повестку реформ по-настоящему полезными и практически реализуемыми мерами в короткие сроки будет невозможно.

Все это говорит о том, что задачу разработки пакета структурных реформ в ответ на вызовы глобаль-

ного энергетического перехода не получится решить с наскока, как не удалось ее решить и в 1991 году. Именно поэтому новая структурная повестка нуждается в тщательной заблаговременной подготовке. К счастью, энергетический переход пока развивается в щадящем для России темпе: хотя его неизбежность уже не вызывает сомнений, он еще не успел набрать обороты. Благодаря относительно плавному началу глобального энергетического перехода ситуация в российской экономике пока меняется не так стремительно, как в 1991 году. Тем самым, для подготовки отраслевых реформ остается больше времени, чем было в начале перехода к рынку, когда реформаторам приходилось действовать, не имея времени не только на детализацию отраслевых реформ, но и на саму их реализацию.

И все же, это не повод расслабляться и откладывать подготовку структурных реформ на потом. Иначе позитивные и негативные уроки первых рыночных реформ тридцатилетней давности, о которых говорилось в начале этой статьи, так и останутся неусвоенными.

Примечания

- 1 Н.И. Шагайда, А.М. Никулин. «Все поколения моей семьи... были вовлечены в глобальные аграрные преобразования». Крестьяноведение. 2021, т. 6, №2, стр.121-153.
- 2 http://ruxpert.ru/%D0%A1%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D1%85%D0%BE%D0%B7%D1%8F%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8
- 3 Г. Красноярский: «Реструктуризацию угольной промышленности России следует изучать в профильных вузах». Forbes.ru 17.06.2017 <https://finance.rambler.ru/economics/37253181-georgiy-krasnyanskiy-restrukturizatsiyu-ugolnoy-promyshlennosti-rossii-sleduet-izuchat-v-profilnyh-vuzah/>
- 4 Nokia: взлеты и падения финской компании. 14.06.2018 <https://stoneforest.ru/look/gadgets/nokia-brend/>
- 5 Megerle K. Rise and Fall of Nokia: Impact on the Finnish Economy. KAMK-2019.
- 6 Ibid.
- 7 Обзор рынка сельского хозяйства. Deloitte, ЦСР. Москва, 2019 год.
- 8 Superstars: The dynamics of firms, sectors, and cities leading the global economy. McKinsey Global Institute. Discussion paper. October 2018, p. 31.

© Текст: Михаил Дмитриев

МИХАИЛ ДМИТРИЕВ — д.э.н., Президент хозяйственного партнерства «Новый экономический рост»

НАВСТРЕЧУ НОВОМУ БАЛАНСУ ДОБРА И ЗЛА

АРКАДИЙ ДУБНОВ

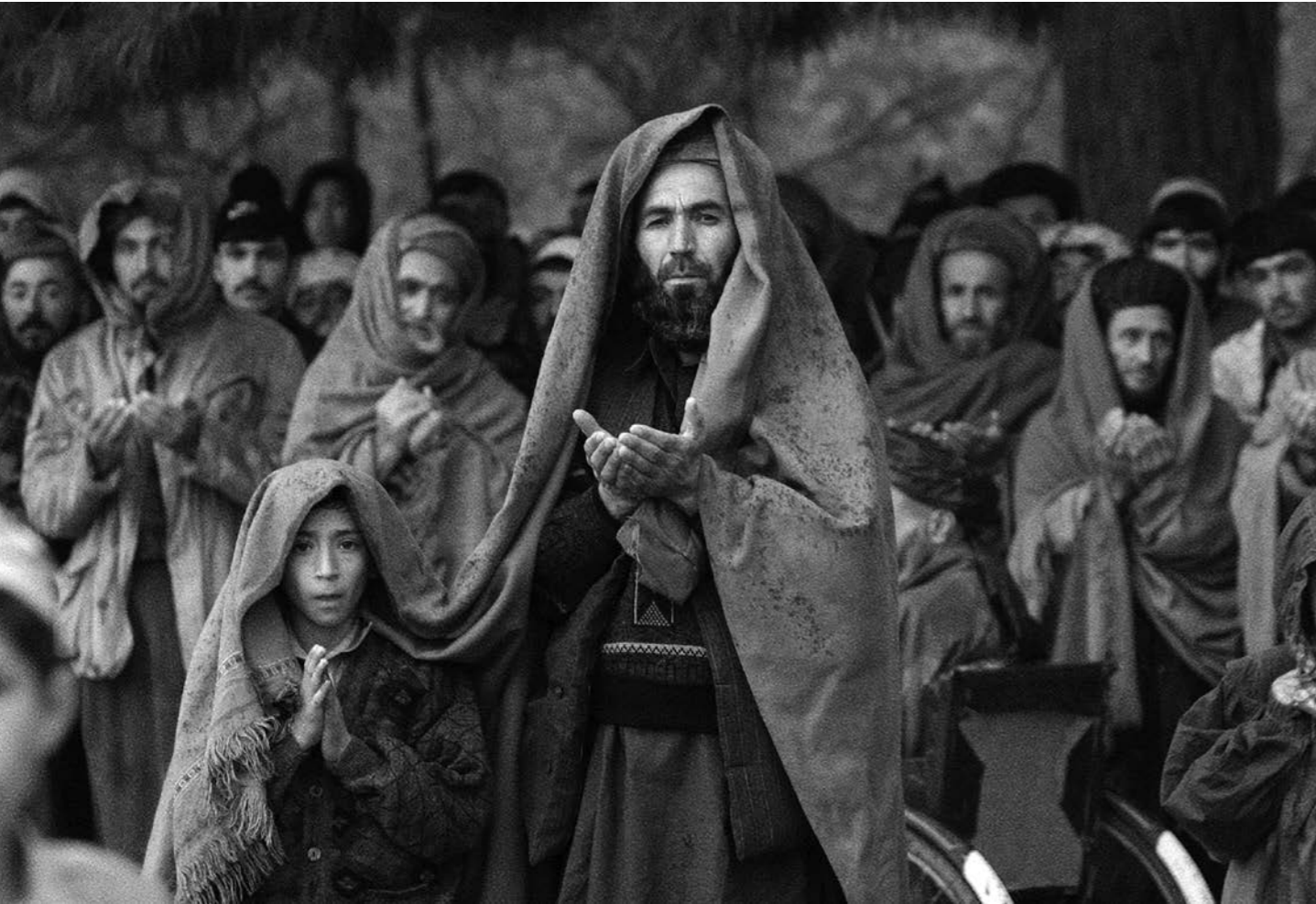
А тут Афганистан... И видим, что не выходит этих людей так быстро, за жизнь нескольких поколений, просветить, более того, им оскорбительно жить по навязанным кяфирами (неверными) правилам. «Нас можно нанять, но нельзя купить», — повторяют как мантру эти гордые афганцы, в который раз напоминая, что они веками успешно сражаются против иноверцев и иноземцев, британских, русских, американских...

Общим местом среди историков и политологов считается утверждение, что одним из триггеров, приведших к распаду СССР, стала советская военная интервенция в Афганистан (1979-1989 гг.).

10-летняя война подорвала советский общественно-политический организм, большая страна не пережила разложения системы, сцепленной идеологией и верой в счастливое будущее. Точно так же, как не пережила она и драму Чернобыля и много чего другого.

Среди этого — кризис советской идентичности в национальных республиках Союза. Поначалу это не бросалось в глаза, что лично мне стало понятно пять лет назад, когда беседовал с лидерами советских республик на момент распада СССР в рамках совместного проекта с Фондом Гайдара, посвященного 25-летию Беловежских соглашений декабря 1991 года (Аркадий Дубнов. Почему распался СССР. Москва. «Индивидуум». 2019).

Обнаружилось, что серьезнейшей центробежной силой «крупнейшей геополитической катастрофы XX века» оказались национальные движения на окраинах бывшей советской империи. Братания азербайджанцев по обе стороны ирано-азербайджанской границы, молдаван с румынами вдоль берегов пограничного Прута между Молдавией и Румынией в 1989 году... Все это практически выглядело незаметным в союзном Центре, но сыграло решающую роль в стремлении «имперских окраин» как можно скорее отделиться от советской метрополии.

© Афганистан. Фото: Максим Маргур

Происходившее в те годы в Грузии и Армении, Латвии и Литве, Таджикистане, а еще раньше в Казахстане утверждало тренды распада.

И вот снова Афганистан как триггер слома мирового порядка. 30 лет назад выход СССР из войны в этой стране так или иначе привел к его исчезновению в качестве сверхдержавы и в итоге — к окончанию холодной войны. Как известно, американский политолог Фрэнсис Фукуяма сделал себе мировое имя тогда, бесстрашно провозгласив завершение истории, выразившееся, согласно его просвещенному убеждению, в окончательной мировой победе либерализма над коммунизмом и прочими его тоталитарными изводами.

К исходу первой четверти XXI века в этой теории обнаружились глубокие изъяны. Свидетельством тому — рост могущества красного Китая, ставшего главным соперником Соединенных Штатов Америки, уже было возомнивших себя бессменным гегемоном.

Ошибку свою Фукуяма смиренно признал. А это значит, что история продолжается. Впору бы опечалиться, ведь, если победа либералов оказалась временной, верх берут силы зла.

Самое время вспомнить Оскара Уайльда, утверждавшего, что «когда Добро бессильно, оно — Зло». Однако времена на дворе нынче пуританские, и столь мало добродетельный джентльмен, каким был великий и скандальный английский писатель, нам не указ.

Есть другие авторитеты, с которыми придется считаться в нашей одной шестой, в последние 30 лет урезанной до одной восьмой части суши. Нет, нет, речь пока не о Владимире Путине, о ком готовы были подумать читатели, я о его недавнем идеологе, Владиславе Суркове и изобретенным им во второй половине 2000-х определении России как «суверенной демократии».

Выскажусь рискованно и непопулярно: несмотря на ожесточенную и, несомненно, справедливую критику сурковских идей со стороны Михаила Горбачева, Дмитрия Медведева, а также главного, ныне покойного, американского специалиста по России, историка Ричарда Пайпса и многих других, смысл которой сводился к утверждению, что «су-

веренная демократия» — это сапоги всмятку, а демократия — либо она есть, либо ее нет, и никакой другой быть не может, — слова Суркова выдержали испытание временем.

Понятно, что возмущало 15 лет назад критиков Суркова, — стремление оправдать готовность путинского режима сохранить себя настолько долго, насколько позволит здоровье его создателя. Тестировалась исходная теза, — России нужен царь, она готова ему присягнуть, нужно только найти подходящую кандидатуру.

Ну вот, нашли...

Монархию, однако, не восстановишь, во всяком случае, пока... А вот, строгую, а главное, несменяемую вертикаль власти выстроить, почему нет?

Чтобы она стабильность и справедливость, как при царе-батюшке, обеспечила, а нехристи свое место знали — с чеченцами же получилось — но с современным демократическим декором, — зря, что ли ГКЧП в 1991 подавили?

Пожалуйста, получите, электоральная демократия! Так по-научному лучше звучит, чем суверенная. Но суть не изменилась, те же яйца, но в профиль. Управляемо, прогнозируемо, стабильно. Жесткие электоральные фильтры, системная оппозиция, «новичок» против буйных, избирательные посадки, иноагенты и нежелательные организации, бессмертные терешковы и володины, полезные жириновские и надежные путинские «пехотинцы»... Ну и подумаешь, что цинично и лживо, зато эффективно и красиво, как актриса Пересильд в космосе!

А теперь вернемся к Афганистану, как триггеру (чуть не сказал триллеру, что тоже бы имело смысл) смены мировой парадигмы противостояния Добра и Зла и тому месту, что неумолимо занимает в нем Россия.

Америка к концу августа 2021 года полностью вывела своих военных из Афганистана, закончив тем самым 20-летнюю войну в этой стране. Драму последних дней пребывания американцев в Кабуле мир видел практически в прямом эфире, 13 американцев стали жертвами страшного теракта в аэропорту, погибшие афганцы исчислялись сотнями, ответственность за атаку взяло на себя ИГИЛ (запрещенное в России).

15 августа в Кабул без боя вошли талибы, полностью взяв власть в стране в свои руки. Это стало вторым воцарением у власти в Афганистане движения «Талибан» (запрещенного в России). В первый раз это было в 1996-2001 годах. Талибы были изгнаны из Кабула после того, как приютили у себя Бен Ладена и его «Аль-Каиду» (запрещенную в России). Америка не простила им унижение 11 сентября 2001-го и предъявила счет, развернув в Афганистане уже 7 октября контртеррористическую операцию «Несокрушимая свобода».

Я видел ту операцию своими глазами. Смотрел в Кундузе, как боевики Дустума, ставшего, как и все полевые командиры Северного альянса Афганистана, союзниками американцев «на земле», брали в плен колонны бросавших оружие талибов, как американцы утюжили бомбами с воздуха этих пленных талибов, уже спустя пару дней поднявших восстание в крепости Калай-Джанги под Мазари-Шарифом.

Мир тогда горячо поддержал наказание Зла. *A la guerre comme a la guerre*, — на войне, как на войне, — кого в Афганистане смущала Женевская конвенция об обращении с военнопленными... Вот и Путин, как утверждают, первым из мировых лидеров предложил свою помощь президенту США Бушу-младшему в сражении с терроризмом.

Прошло 20 лет, и талибы вернулись. Зло снова торжествует? Как же так вышло, почему самая мощная держава в мире не смогла его победить?

Что, черт побери, произошло, может быть, исходная посылка не совсем верна, а что если то Зло не совсем зло, а просто Другое... Ну, чужое, нами не познанное, в лучшем случае, немного знакомое, но категорически не приемлемое... Побивают камнями, отрезают головы, вешают на подъемных кранах... Говорят, все по шариаду. Ну, мрак же... Но вот другие, просвещенные мусульмане говорят, что нет ничего такого в священном Коране, мракобесие все это...

И тут, позвольте, небольшое отступление в сторону христианской, казалось бы, и вовсе просвещенной Европы того же XXI века. Демократическая Польша, член Евросоюза с глубокими традиция-

ми гуманизма, превращаясь в клерикальное государство, принимает закон, жестко ограничивающий аборты. Жертвой закона становится молодая полячка, умирающая от заражения крови, ставшего результатом отказа врачей избавить ее от больного плода, грозившего ей смертью. Врачи боялись сесть в тюрьму, нарушив закон. Десятки тысяч поляков вышли на улицы городов, требуя покончить с этим мракобесием.

Когда опускаются руки, спасают стихи...

Вот совсем недавно написанное Александром Кабановым, выдающимся поэтом, живущим в Киеве:

Перед самым началом утра, когда проступают швы, едва подсохшие ранки, битое в кровь стекло, возраст спящих людей, снега, листья, травы: не плачь, мой милый — непобедимо зло.

В час, когда трижды некому прокричать — съеден петух на ужин, семейное серебро — было украдено, вышел майн кампф в печать, не плачь, мой милый — непобедимо добро.

Мертвые птицы, обняв свои гнезда, падают вниз, тонут в море дельфины, это последний шанс — дан во спасенье, но бог запретил ленд-лиз, наше с тобой бессмертие — это баланс, баланс.

Голод, разруха, смерть, страх, первородный грех — непобедимы все, нет на них топора, и только любовь — сосёт, хакает грязь — за всех, но только она — спасет, и только она — твой смех, а вот теперь, мой милый, плакать пора, пора. 2021

«...Наше с тобой бессмертие — это баланс, баланс...»

А тут Афганистан... И видим, что не выходит этих людей так быстро, за жизнь нескольких поколений, просветить, более того, им оскорбительно жить по навязанным кяфирами (неверными) правилам. «Нас можно нанять, но нельзя купить», — повторяют как мантру эти гордые афганцы, в который раз напоминая, что они веками успешно

сражаются против иноверцев и иноземцев, британских, русских, американских...

И тогда Америка, ее 46-й президент Джо Байден сказал: хватит, моя страна больше не будет воевать в Афганистане. Он признается: надо было гораздо раньше уйти оттуда, 10 лет назад, когда мы покончили с Бен Ладеном. Байден не скрывает, что было ошибкой после этого стремиться научить афганцев жить по законам западной демократии. Им нужно предоставить право самим научиться строить свое государство, дает понять лидер самой могущественной демократии мира.

«Сонный Джо» предал демократию и поверивших в нее афганцев, он опозорил Америку, сделал ее слабой, позволив дикарям одержать победу над силами Добра», — это улюлюканье еще долго будет нестись вдогонку патриарху американской политики, поставившему точку в череде бессмысленных смертей своих соотечественников вдали от своей страны. Точно так же, как улюлюканье вот уже больше 30 лет несетя вслед Горбачеву, остановившему в 1989-м поток «Груза-200» из гибельного для шурави (советских) Афганистана.

Это улюлюканье остановит только история, которая расставит точки и подведет итоги. Но это случится не раньше, чем закончат полыхать гражданская война между самими афганцами. А это произойдет, когда обнаружится, что подзуживание одних афганцев, тех, что за Добро, воевать с другими, несущими Зло, причем до полного его искоренения, обрекает мир на бесконечное зрелище еще большего Зла, каким является нескончаемая и бессмысленная война. Трагический опыт последних 30 лет показал, что победить талибов нельзя, поскольку сегодня практически они и есть афганцы. Их можно только приручить. Пусть даже их считают, и не без оснований, марионетками пакистанской разведки... Талибы, как маугли, с ними придется долго работать, общаться, учить хорошим манерам, объяснять, что такое хорошо и что такое плохо. Разумеется, их не купишь, они ж афганцы, но их можно нанять, чтобы хотя бы миру не пугать ими детей. Для этого нужно много времени, очень много терпения и огромное количество денег.

Возможно, другого пути, чтобы избежать вечной войны в этой измученной стране, нет.

В связи с этим в который раз вспоминаю одну и ту же историю четвертьвековой давности. В 1995-м талибы, еще не вошедшие в Кабул, но уже захватившие Кандагар, вынудили сесть на местном аэродроме российский грузовой самолет Ил-76, перевозивший закупленное в Албании китайское стрелковое оружие для Северного альянса. Талибы больше года продержали в плену экипаж из семи человек. Мне довелось оказаться в группе россиян, которым талибы разрешили посетить пленников. Летчикам удалось в конце концов подняться в воздух своей «Ил» и совершить побег, об этой таинственной, возможно, с двойным дном, но безусловно героической истории был снят триллер «Кандагар». Талибы тогда хотели привлечь к себе внимание Москвы, вступить с ней в переговоры, талибский губернатор Кандагара просил достать минные карты полей, оставленных русскими во время их войны в Афганистане. Это стало бы поводом к общению и, кто знает, может быть, позволило бы уберечь исламских радикалов от дурных наклонностей и связей с «Аль-Каидой». Шутки шутками, но спустя два года в Ашхабаде российский дипломат Марьясов провел встречу с посланцем талибов, но, к сожалению, она не имела продолжения...

В той поездке мы были вместе с Замиром Кабуловым, ныне спецпредставителем президента России по Афганистану. 20 лет спустя, в середине 2010-х, Кабулов инициировал поиски контактов с движением «Талибан», занесенным в России в список террористических организаций и запрещенным на ее территории. Несмотря на это, Москва признала вооруженную оппозицию в лице талибов серьезной военно-политической силой в Афганистане, без участия которой невозможно мирное решение внутриафганского конфликта.

Можно по-разному относиться к нынешней российской дипломатии, но эта ставка оказалась столь же прагматичной, сколь и удачной, во всяком случае, на сегодняшний день.

Уроки Кандагара-95 были извлечены.

Москва не могла не воспользоваться изломом мировой геополитики, ставшим результатом

© Афганистан. Фото: Максим Мармур

ухода Америки из Афганистана. Страхи и ненависть одних, торжество и угрозы других должны были быть капитализированы Кремлем, ставшим одним из главных бенефициаров возвращения «Талибан» во власть в Кабуле.

Ужасы неминуемой экспансии талибов на север, на просторы Средней Азии, кошмары резни и террора, которые они непременно устроят на улицах узбекских и таджикских городов, описываемые доброхотами в российских и европейских медиа, всколыхнули «чемоданные» настроения в регионе, особенно среди русскоязычного населения. Этим слухам, которые вываливались в том числе и на меня летом этого года в Узбекистане, трудно было противостоять, их эффективно использовали для манипуляции общественным мнением.

Поэтому в Москве, прекрасно понимая, что талибы сами по себе никогда не ставили целью распространить свою власть и влияние за пределы границ Афганистана, и за те почти тридцать лет, что они известны миру, ни разу не давали повода в этом сомневаться, эффективно сумели обратить эти настроения в свою пользу.

Серия совместных военных учений, проведенных Россией с Узбекистаном и Таджикистаном вблизи афганских границ осенью 2021 года, а также масштабное переоснащение 201 российской военной базы в Таджикистане наряду с предоставлением военной помощи самому Душанбе, — все это стало успокаивающим меседжем региону: бывшая метрополия не даст в обиду бывшие имперские окраины.

Эти мероприятия ни в коей мере не испортили прагматичные отношения Москвы с правящим в Кабуле «Талибаном», обе стороны хорошо понимают ведущуюся игру. Напротив, активность России позволила ей вновь напомнить о ресурсах своего влияния на пришедших к власти исламистов, а им самим подчеркнуть свою значимость. И непременно с их участием провести новый раунд афганских консультаций в «Московском формате». Делегацию запрещенных в России талибов возглавляли второй вице-премьер и министр иностранных дел пока еще непризнанного правительства Афганистана, представленного «террористами».

Российские власти отнюдь не смущала столь вопиющая несурезица, мол, чего не сделаешь ради интересов национальной безопасности!

Вот где важно помнить о свойствах России как «суверенной демократии», она позволяет действовать исключительно по закону со всеми, за вычетом ближайших друзей и полезных партнеров. Для них допускаются исключения из этой исключительности.

Тут зафиксируем главное, — положение дел, когда исключение из правил становится правилом, выглядит характерным следствием сработавшего триггера в мировой геополитике, коим стал уход Америки из Афганистана. Это вызывало беспокойство в Европе. Глава дипломатии ЕС Жозеп Боррель заявил, что вакуум тут же может заполниться Россией и Китаем, чему необходимо противостоять.

Но как? Москва и Пекин, каждый по-своему, действительно осваивают новые реалии в свою пользу, политическими и экономическими средствами, Европа помешать этому не в состоянии, она может быть лишь источником гуманитарной помощи и содействия. Ее главная забота — упредить потоки афганских беженцев на Старый континент и не допустить там усиления атмосферы исламистского экстрима, воодушевленного победой «Талибан» над кяфирами.

Во Франции, имеющей свой опыт недавнего трагического противостояния уже приведенным в исполнение исламистским угрозам, возникает искушение поддержать часть афганцев, в основном, этнических таджиков, недовольных вторым изданием «Талибана» у власти и декларирующих готовность продолжать вооруженное сопротивление талибам. Решающую роль во французских симпатиях афганским таджикам играет обаяние харизмы убитого террористами Ахмад Шах Масуда — легендарного моджахеда, лидера афганских таджиков, который в 1970-е годы пару лет учился в Сорбонне. Сегодня его сын Ахмад Масуд объявил себя лидером Фронта сопротивления талибам, но каждому, кто знает и понимает ситуацию в Афганистане, понятно, что уставшие от 40-летней войны афганцы не хотят больше воевать, и новое кровопролитие бессмысленно и преступно.

Тем не менее Таджикистан, единственная страна в Средней Азии, граничащая с Афганистаном, поддержала сопротивление талибам во имя справедливой борьбы всех таджиков мира за правое дело. Что на самом деле является попыткой «Его Превосходительства — Лидера нации и Основателя мира и единства Таджикистана», таджикского президента Рахмона, властвующего в стране уже 30-й год, сохранить и умножить свою власть в преддверии предстоящего транзита власти своему сыну. А может быть, и дочери, — какая разница...

Опасность в другом. Ставшая возможной исключительная воинственность поведения таджикского автократа, «перпендикулярная» интересам всего региона, поскольку провоцирует продолжение бессмысленной войны в Афганистане. Ни одно государство Центральной Азии не поддержало Таджикистан, напротив, из их столиц в Душанбе были посланы отчетливые сигналы — не надо играть с огнем.

Смысл этих сигналов прост и может быть выражен одной знаменитой фразой героини Фаины Раневской из фильма «Подкидыш»:

— Девочка, чего ты хочешь, чтобы тебе оторвали голову или поехать на дачу?

Надо признать, с потерей интереса Америки к большой Евразии, не только к Афганистану, развязываются руки автократам и деспотам. Они действуют по своим, писанным ими же правилам, и перестали оглядываться на заокеанского «дядю», впрочем, как и на остальных «больших дядей».

Вот события только последних месяцев 2021 года. Президент Турции Эрдоган потребовал немедленно выслать из страны 10 послов западных стран, в том числе, американского, в ответ на призыв этих стран освободить из тюрьмы турецкого правозащитника Осману Кавалу. Не прошло и трех дней, как великолепная «десятка» Запада уведомила Анкару о своей приверженности статье 41 Венской конвенции о невмешательстве во внутренние дела других стран. Эрдоган тут же милостиво отозвал свое решение выслать послов, заявив, что «они впредь будут внимательнее и осторожнее в своих заявлениях о Турции».

Или безуспешные попытки Евросоюза одернуть своего союзника Польшу за игнорирование требований уставных органов ЕС отменить диктат правящей в Польше партии над польским правосудием...

А с другой стороны, чего стоит весьма рискованная и предельно циничная тактика «последнего диктатора Европы» из Белоруссии, пытающегося беспардонно манипулировать проблемой беженцев, шантажируя ею Польшу, Литву и весь Евросоюз.

И ведь этот его ответ на введенные ЕС санкции против лукашенковского режима, продолжающего репрессии против своего народа, достигает цели: Минск, поддерживаемый Кремлем, так или иначе, но вынудит Европу вступить в диалог с диктатором.

Каким тут окажется новый баланс между Добром и Злом, — вопрос остается открытым.

© Текст: Аркадий Дубнов

О НАШИХ ПРОБЛЕМАХ

записки ЭКОНОМИСТА

ЯКОВ УРИНСОН

«...развилка, стоящая сейчас перед российскими властями, имеет экономическую основу, но решение о выборе пути носит политический характер.

Для тех, кто руководит страной, бюджетные доходы которой зависят от сырьевых рынков, это новая и трудная развилка: или ужесточение политического контроля, репрессий против несогласных, контроль за малотиражными СМИ, или постепенная демократизация режима, восстановление системы сдержек и противовесов во власти, свобода прессы, реальный федерализм.

...Надеемся, что, столкнувшись с этой развилкой, российские власти сделают правильный выбор».

(Егор Гайдар, Анатолий Чубайс. Развилки новейшей истории. — Санкт-Петербург: Норма, 2011, стр. 164-165).

Егор Гайдар писал о развилках, перед которыми в раздумье стояла Россия больше десяти лет назад. Сейчас эти развилки давно позади...Впереди новые. Какие экономические проблемы сегодня определяют будущее страны?

1. БЕДНОСТЬ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Если смотреть ретроспективно, то многие острейшие проблемы, стоявшие перед Егором Гайдаром и реформаторами 30 лет назад, давно сняты (например, дефицит наличности, галопирующая инфляция, тотальный дефицит продуктов и товаров, нестабильный курс рубля). Другие проблемы не ушли с повестки (необходимость глубокой структурной перестройки экономики, строительство современных институтов и пр.), но стали не критически важными, третьи наоборот, выдвинулись на передний план.

К наиболее острым проблемам, которые накопились в нашей экономике к настоящему времени, я бы отнес следующие.

Не может не беспокоить динамика реальных доходов населения (таблица 1), а попросту говоря, многолетнее их падение.

Таблица 1. Реально располагаемые денежные доходы населения Российской Федерации

Год	В процентах к предыдущему году
2014	98,8
2015	97,6
2016	95,5
2017	99,5
2018	100,4
2019	101,0
2020	97,2

Источник: rosstat.gov.ru/folder/13397?print=1

В первом десятилетии текущего века они ежегодно росли, хотя темпы их роста постепенно снижались. За период с 2014 по 2020 год при динамике, отраженной в таблице 1, реальные доходы российского населения снизились на 10,6%. Показательно, что в течение этого периода росла безработица. В 2014 г. численность безработных в России составила 3 млн 889 тысяч человек, а уровень безработицы (общая доля безработных среди населения трудоспособного возраста) равнялся 5,2%. В 2020 г. безработных в России стало 4 млн 321 тысяча человек, а уровень безработицы достиг почти 6%

(Источник: «Занятость и безработица в Российской Федерации 2020». Федеральная служба государственной статистики — gks.ru/bgd/free).

Сложившееся положение особенно настораживает, так как, очевидно, не продвигает к решению нашей наиболее острой проблемы — бедности значительной части населения.

В России бедными сегодня статистика считает тех, кто живет меньше чем на 2,15 доллара (153,13 р.) в день. Имея низкие доходы, недостаточную имущественную обеспеченность и неудовлетворительные жилищные условия, люди, попавшие в такую ситуацию, не в состоянии поддерживать свое здоровье на необходимом уровне, получать приемлемое образование, а потому неконкурентоспособны на рынке труда и, как правило, сталкиваются с неурядицами в семейной жизни.

Но вообще есть несколько (основных три) подхода к определению бедности:

1. Абсолютная концепция — недостаточное удовлетворение физиологических потребностей (питание, одежда, предметы длительного пользования, жилье), определяющих прожиточный минимум.

2. Относительная (депривационная) концепция — худшее положение человека относительно материальной обеспеченности преобладающей части населения.

3. Субъективная концепция — собственная оценка гражданами их материального положения и качества жизни.

Различают текущую (на данный момент, в определенный месяц или год) и хроническую, воспроизводимую в течение длительного времени, бедность. Для оценки бедности в теории и на практике применяются различные показатели — индексы нищеты населения (ИНН). Их варианты:

ИНН-1 рассчитывается как простая среднеарифметическая величина индексов по группам населения; ИНН-2 рассчитывается как средневзвешенная величина из индексов по группам населения с весами, равными численности населения в этих группах.

Применяют также Индекс глубины бедности — во сколько раз доходы бедных домохозяйств ниже относительной черты бедности.

Известны различные методы расчета уровня бедности: нормативный, в рамках которого бедными считаются те, кто не могут удовлетворять свои физиологические и социально-культурные потребности в соответствии с научно-обоснованными нормами и нормативами потребления различных половозрастных групп населения; комбинированный (нормативно-статистический) метод применяется, если отсутствуют нормы и нормативы на отдельные товары и услуги или если не известны нормы и нормативы по некоторым группам населения. Для оценки необходимых расходов ненормируемых товаров, услуг и групп населения в российской статистической практике применяют поправочные коэффициенты, вычисляемые по долям соответствующих статей расходов в бюджетах малоимущих семей. При этом необходимо учитывать, что домохозяйства могут недостаточно потреблять не только из-за низкого дохода, но и вследствие отсутствия

необходимых активов, плохого здоровья или образования, других неблагоприятных обстоятельств. Отсутствие прав человека, политических свобод, социальная эксклюзия также ограничивают жизненные возможности человека и семьи.

Ясно, что у нас, во всяком случае, бедных не становится меньше: раз экономика стагнирует, доходы работающих падают, то бедных, как ни их хитряйся считать, становится больше.

А что у других?

В последние годы наиболее высокие показатели по темпам роста и уровню благосостояния среди всех постсоциалистических стран имеют Чехия и Словакия.

Давайте присмотримся к ним. Экономический рост в этих странах составляет около 2% в год.

В списке стран по индексу человеческого развития (ИЧР) ООН, опубликованном 15.12.2020, Чехия занимает 27-е, Словакия 39-е место из 187 государств — членов ООН. Это очень прилично. Уровень безработицы в Чехии достигает 4%, в Словакии — 8%. Минимальная и средняя заработная плата составляют в Чехии 580 евро и 1320 евро в месяц, в Словакии — 435 евро и 800 евро. Пенсионный возраст в Чехии — 67 лет, в Словакии — 62 года вне зависимости от пола. По состоянию на 2018 год достигли пенсионного возраста в Чехии примерно 21%, в Словакии — 25% от общей численности населения. Минимальный размер пенсии в Чехии не устанавливается, а ее средний размер составляет 560 евро в месяц, или 42% от средней заработной платы. В Словакии минимальный размер пенсии составляет 220 евро в месяц, или 50% от минимальной заработной платы, средний — 400 евро в месяц, или также 50% от средней заработной платы. Поддерживать достойный уровень жизни в этих странах помогает стабильная экономика и относительно низкие (по сравнению с другими восточно-европейскими странами) цены.

Как считать бедных? При определении бедности в России используется *абсолютная концепция*, согласно которой черта бедности устанавливается на уровне прожиточного минимума, рассчитанного в соответствии с физиологическими нормами поддержания жизнедеятельности. К бедным относят-

ся те, кто имеет доходы ниже прожиточного минимума. Для кого проблема даже пропитание. Таких людей у нас очень много. Я считаю, что основной формой государственной поддержки малоимущих россиян должен стать так называемый социальный контракт.

По официальным данным выборочных обследований домашних хозяйств и статистики денежных доходов населения, в России численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума составляла в 1992 году 33,5% от общей численности населения страны. Затем удельный вес такого населения снижался и в 1997 году составил 20,8%. После кризиса 1998 года он снова возрос и достиг 29% в 2000 году. В дальнейшем этот показатель устойчиво снижался вплоть до 2012 года, когда он был минимальным — 10,7%. После этого он повышался до 13,4% в 2015 году и снова снизился до 12,1% в 2020 году.

Таким образом, в целом за 1992–2020 годы численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума сократилась в 2,8 раза при колебательной динамике внутри этого периода. Несмотря на все проблемы и противоречия, которые имели место в эти годы, снижение масштабов бедности является важным достижением последнего тридцатилетия российской истории. При этом различия в соотношении среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума в среднем по стране в 2020 году различие составило 315,4%.

Но усреднение по стране мало что дает для понимания реальной картины. В регионах, ситуация сильно различается.

Самым высоким различие среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума в этом году оно оказалось в Ямало-Ненецком автономном округе (538,6%), Москве (427,8%), Санкт-Петербурге (413,6%), Ненецком автономном округе (384,4%). Это означает огромное расслоение общества. При этом, если бы сравнивали медианные доходы, расслоение оказалось бы еще большим. Огромна разница в доходах самых богатых и самых бедных. В целом, на наших просторах ландшафт довольно однообразный.

В Сахалинском крае (377,9%), Республике Татарстан (372,5%), Московской области (352,5%), Воронежской области (349,9%), Свердловской области (343,9%). Самым низким это соотношение было в Республике Тыва (159,7%), в Ингушетии (162,8%), Карачаево-Черкесской Республике (180,7%), Еврейской автономной области (181,3%), Кабардино-Балкарии (184,1%), Калмыкии (190%), Республике Алтай (199,7%), Забайкальском крае (201,9%), Курганской области (209,3%), Республике Бурятия (209,8%). Эти различия обусловлены как уровнем социально-экономического развития региона, так и состоянием регионального рынка труда.

В Москве, Санкт-Петербурге вызывающее богатство соседствует с бедностью. В других регионах не так разителен контраст. Но прожиточный минимум единый по стране. Это величина, конечно расчетная, условная, но базовая. От нее идут расчеты всех социальных программ. В 2021 году величина прожиточного минимума установлена постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 № 2406 в размере 11653 рубля на душу населения в целом по стране, для трудоспособного населения — 12702 рубля на душу, пенсионеров — 10022 рубля на душу, детей — 11303 рубля на душу. Эти размеры прожиточного минимума рассчитаны в соответствии с федеральным законом от 29.12.2020 № 473-ФЗ, по которому он исчисляется исходя из медианного дохода, а минимальный размер оплаты труда (МРОТ) устанавливается в размере не ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по РФ на очередной год и не ниже МРОТ текущего года.

Это ведь уже для многих стало такой мантрой мало кого интересующей, все знают: бедные беднеют, богатые богатеют.

Во-первых, важно создать условия для самообеспечения нормального уровня благосостояния семей с трудоспособными взрослыми. Во-вторых, нужна эффективная поддержка уязвимых слоев населения (инвалидов, престарелых, семей с высокой иждивенческой нагрузкой). В-третьих, необходимо наладить недискриминационный доступ нуждающихся граждан к бесплатным ресурсам.

Все активнее обсуждается необходимость пересмотреть и сократить число льготников. Нужна

первоочередная поддержка беднейшего населения, не имеющего объективной возможности получения надлежащего трудового дохода. Государственная поддержка должна стать эффективным средством социальной защиты малоимущих, не поощряя при этом иждивенчество. Но проблема сложнейшая, многофакторная...

Я считаю, что основной формой государственной поддержки малоимущих россиян, на наш взгляд, должен стать так называемый *социальный контракт*.

Он предусматривает определенные обязательства со стороны реципиента: получить минимально необходимое профессиональное образование, завести личное подсобное хозяйство, заняться собственным бизнесом. Это помогает людям выйти из кризисной ситуации, не порождая иждивенческих настроений, не лишая их мотивации развития.

В Швейцарии несколько лет назад провели референдум по вопросу, не ввести ли в стране безусловный всеобщий (не маленький, больше 2000 евро) доход. И зрелое общество проголосовало против. Но вообще, к этой идее все чаще обращаются в разных странах, хотя это очень «левый» и не бесспорный подход.

Важно понимать, что при любых (кроме ведущего к финансовой катастрофе) вариантах государственной поддержки нуждающихся в ней слоев населения самым важным условием достижения (и поддержания) достойного уровня жизни граждан в долгосрочной перспективе является устойчивый экономический рост.

Конечно, политики, футурологи, экологи, историки предупреждают, что вечный рост в принципе невозможен, поскольку существуют глобальные природные и экономические кризисы, пандемии, как та, в которой мы барахтаемся уже два года, экологические и иные, вплоть до культурных и религиозных, ограничения. Тем не менее, мир, ООН приняли концепцию и философию Устойчивого развития. Развития, а не стагнации! И действуют в ее рамках.

Выход на траекторию такого экономического роста с необходимостью требует, на мой взгляд, воплощения в жизнь своего рода *пакета либеральной демократии*, который предусматривает ре-

© Узбекистан. 2013. Фото: Григорий Ярошенко

шительную модернизацию политической системы, институтов и экономических отношений, сложившихся в стране.

Это необходимо, чтобы не «отстать навсегда» от группы стран-мировых лидеров, создающих сейчас новую экономику, новую энергетику, новую цифровую, технологическую, транспортную, информационную, глобальную инфраструктуру. В этот переломный момент мировой истории будет катастрофой уходить в изоляцию. Передовой мир и запада, и востока развивает (пусть не без проблем) демократические ценности и институты.

Даже Китай, путь развития которого представляют альтернативой западному пути, огромное внимание уделяет человеческому капиталу, образованию, культуре, мировому сотрудничеству, от спорта до космоса, строит оборудованные по последнему слову университеты и художественные центры, их студенты обучаются в лучших университетах мира.

2. СТРУКТУРНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ

О несвоевременной структуре нашей экономики мы говорим не первое десятилетие. Но в период с 2014 по 2020 г. структурные диспропорции опасно обострились. Сегодня топливно-энергетический комплекс (ТЭК) формирует около трети валового внутреннего продукта (ВВП) страны. 75% нашего экспорта обеспечивается вывозом нефти, газа, угля, металлов и минеральных удобрений. В то же время страна критически зависит от импорта со-

временных машин и оборудования, а также продовольствия («Внешняя торговля» — rosstat.gor.ru>folder/11193).

Доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства у нас меньше 1%. В Финляндии, например, которую в начале XX века называли «отсталой окраиной Российской империи», она в наши дни составляет 25%.

Если же взять обобщающий макроэкономический показатель — производительности труда, то по нему мы отстаем от США и стран Западной Европы в 3-5 раз.

Могут сказать: ну вот, теперь вы вгоняете нас в пессимизм. Между тем, именно исторический пессимизм, неверие в творческие возможности собственного народа, неверие в возможность лучшего, свободного будущего страны в мировом сообществе служит основой автаркии и деспотизма.

Я не пессимист. Я экономист и знаю, что Российская Федерация имеет серьезные конкурентные преимущества на мировом рынке. Россия занимает первое место в мире по запасам природных ресурсов — черноземов, запасов водных и лесных ресурсов, полезных ископаемых. Их стоимость, по оценкам Мирового валютного фонда (МВФ) и Мирового банка (МБ), составляет около 76 трлн долларов США. В стране достаточно квалифицированной рабочей силы и значительные интеллектуальные возможности, неплохое экономическое законодательство. Но мы лишь на 48-м месте в мире по общему состоянию экономики и на 52-м месте по индексу человеческого развития (ИЧР) (см. таблицы 2 и 3).

Таблица 2. Выписка из списка стран мира по объему ВВП (ППС) на душу населения — 2020 г., МВФ

Страна	Место в списке	ВВП (ППС) на душу населения (в долларах США)
США	7	63 416
Германия	16	54 076
Финляндия	19	49 853
Россия	48	27 930
Китай	72	17 192
Украина	90	13 110
		Редакция

Таблица 3. Список стран мира по индексу человеческого развития (ИЧР) — 2019 г., Программа развития ООН

Страна	Место в списке	Индекс человеческого развития (ИЧР)
Германия	6	0,947
Финляндия	11	0,938
США	17	0,926
Россия	52	0,824
Украина	74	0,779
Китай	85	0,761

Можно заметить, что в этих таблицах Китай гораздо ниже России. У Китая огромное, полутраиллиардное население, поэтому в пересчете на душу населения он пока отстает, конечно. Но когда и если (я в этом не уверен) выйдет вперед — станет недостижимым. Но нас волнует наша страна. Очевидно, занимаемые Россией места в мировых рейтингах не соответствуют ее интеллектуальному потенциалу и уровню обеспеченности ресурсами. Если мы хотим — а мы хотим! — выйти на траекторию мирового современного социально-экономического развития, нам необходима решительная модернизация политической системы, институтов и экономических отношений, сложившихся в стране.

Мне могут возразить: мы с вами, положим, хотим. И еще пятнадцать, много -двадцать процентов населения хочет и может. Но хочет ли этого большинство граждан? Ведущие политические силы?

Отвечу так: никто не объявлял о политике национального самоуничтожения, государственной и экономической деградации, никто не голосовал за такую политику. Люди в большинстве своем разумные существа, склонные к стремлению обеспечить лучшее будущее своих детей, поэтому позитивные изменения необходимы и неотвратимы.

В процессе политической модернизации предстоит перейти от государственного патернализма к социальному партнерству. В частности, воплотить в жизнь упоминавшийся мной так называемый «пакет либеральной демократии» и обеспечить реальную многопартийность; общественный контроль за бюрократией и бизнесом; децентрализацию власти и развитие местного самоуправления.

Здесь ключевое слово «реальную». В процессе модернизации институтов предстоит добиться безусловного соблюдения прав собственности и верховенство закона. И это — более чем актуально, если вспомнить истории разных лет: Ходорковского, Евтушенкова, Чичваркина и тысяч (!) других, менее заметных предпринимателей, в том числе, местного уровня.

На недавней встрече Президента В.В. Путина (в режиме видеоконференции 9 декабря 2021г.) с членами Совета по развитию гражданского общества и правам человека Ева Меркачёва говорила: «Несмотря на то что число людей в наших местах лишения свободы уменьшается...— ситуация уникальная: их количество в СИЗО растёт. На сегодняшний день там находится 109 тысяч человек. То есть получается, что каждый четвёртый, который находится у нас за решёткой, это невиновный человек, потому что до суда человек ещё не виновен, пока суд его вину не установил. Что они делают в СИЗО?» Она привела несколько вопиющих примеров. «Например, ректор знаменитой «Шанинки» Сергей Зуев три операции в этом году перенёс. Зачем его арестовали и он находится в тюремной больнице? Врачи, акушеры-гинекологи, в том числе среди них есть те, которые проходят по так называемому делу репродуктологов, — все сидят... У всех преступления экономические — непонятно, повторюсь, что они делают в СИЗО, они вполне могли бы быть под домашним арестом. Примеров на самом деле масса. Это просто люди, которые на слуху, но есть огромное количество тех, кто никому не известен, при этом они являются многодетными матерями, они являются бизнесменами и так далее. Пока они сидят, происходит

что-то невообразимое с их бизнесом, с их семьями... Это, собственно, единственный механизм, который, наверное, следствие сейчас может использовать, чтобы какие-то доказательства получить, собрать» (сайт в режиме видеоконференции) 9 декабря 2021г. <http://kremlin.ru/events/president/news/67331>

* * *

В процессе модернизации экономических отношений, на мой взгляд, главное — создать условия для справедливой конкуренции. Именно она служит катализатором научно-технического прогресса, экономического роста и улучшения благосостояния населения. При этом надо исходить из того, что в современных условиях темпы и пропорции социально-экономического развития обеспечиваются не столько вовлечением в оборот дополнительных ресурсов, сколько *динамикой и качеством человеческого капитала*. Отсюда — особая актуальность создания благоприятных условий для функционирования всей социальной сферы, и в особенности — здравоохранения и образования. Именно они в наибольшей мере способствуют наращиванию человеческого капитала. Могу назвать и конкретные меры, которые, на мой взгляд, будут способствовать решению назревших в экономике проблем. Первым делом — диверсифицировать доходы федерального бюджета и сократить его затраты (прежде всего — на госаппарат). Во-вторых, следует создать благоприятные условия для развития частного бизнеса, что обеспечит ввод новых рабочих мест и повышения занятости населения. Проще говоря, нужно не «кошмарить» бизнес, а предоставить ему гарантии собственности, защитить от произвола силовиков и госчиновников, вести продуманную таможенную и тарифную политику. В-третьих, необходимо сделать, наконец, то, что так и не сделано за тридцать лет — приватизировать неэффективные государственные компании, прежде всего — дотационные. На их месте появятся дееспособные частные предприятия, снизится безработица, и ослабеет социальная напряженность в обществе. Приватизация — одно из самых действенных средств выхода из финансово-экономических кризисов.

И, наконец, в-четвертых, стоит подумать о снижении налоговой нагрузки на отечественный бизнес. Это будет стимулировать предпринимательскую активность, в первую очередь — малый и средний бизнес. Для России это особенно актуально. Ведь у нас доля малого и среднего бизнеса в экономике в 2018 г. составила лишь 20%. В то время как в США эта доля равна 56%, Германии — 43%, Китае — 60%, даже в Узбекистане — 56,9%. Ведь не надо быть экономистом, чтобы понимать, как все связано. Государственные предприятия пожирают дотации, невозвратные кредиты, их топ-менеджеры красуются в списках ФОРБС, а люди, занятые на них, «бюджетники», получают растущую заработную плату. За последние годы мы, по официальным данным, достигли предельных для отечественной экономики значений коэффициента использования производственных мощностей и показателей занятости населения. При этом рост производительности труда у нас уже длительное время отстает от роста заработной платы. И все это ложится тяжелым грузом на экономику. Как ей ускориться и расти?

3.

ПОЛЗУЧАЯ КОНТРРЕФОРМА?

Складывается впечатление, что уже давно и неостановимо идет необъявленная экономическая контрреформа. По данным Федеральной Антимонопольной Службы, вклад государства и госкомпаний в ВВП России вырос с 35% в 2005 г. до 70% в 2015 г. Количество государственных предприятий за это время утроилось, а значит, и упрочилось административное управление экономикой. «По оценке ИПЭИ РАНХиГС, в 2000 году индекс государственной собственности РФ составил 31,2% ВВП, а в 2019 году он вырос до 53,1%, по состоянию на 16 июля 2021 г. государство владело долями в 752 акционерных обществах и 496 федеральных государственных унитарных предприятиях. По данным ЦСР, в 2018 году доля совокупной выручки контролируемых государством компаний в сфере добычи нефти и газа составила

74,4%, в сфере машиностроения, электроники, оптики и электрооборудования — 55,6%, в финансах и страховании — 46,8%. При этом в строительстве этот показатель составляет лишь 20,9%, а в торговле сводится к 1,1%... По мнению экспертов, все это приводит к снижению эффективности функционирования рыночных механизмов: из-за конфликта интересов собственника и блюстителя рыночных правил игры нарушается принцип равенства компаний во взаимоотношениях с государством. Конкуренционные механизмы замещаются административным ресурсом и лоббистскими возможностями». ¹

Госпредприятия (или «предприятия с государственным участием»), растут и множатся, как грибы после дождя, причем создаются они на рынках с развитой конкуренцией, а не только в естественно-монопольных отраслях. Между тем хорошо известно, что административный ресурс порождает коррупцию. что предпринимательская активность отечественного бизнеса и приток иностранных инвестиций тормозятся высокими институциональными барьерами. Главные из них — незащищенность частной собственности и недобросовестная конкуренция. Зачастую административный ресурс заменяет и вытесняет инновации. В условиях недовольного судопроизводства неоправданно растут транзакционные издержки и усиливается коррупция.

В свое время, будучи министром экономического развития и потом вице-премьером в правительстве Черномырдина, я курировал ВПК и угольную промышленность. Развитие их пошло очень поразному. Угольная промышленность, если вспомнить, была самой кризисной отраслью с годовыми невыплатами зарплаты, долгами забастовками шахтеров, помните, они стучали целый год касками перед зданием правительства РФ (и мы это терпели!). Отрасль была одной из первых реформирована, важнейшие предприятия приватизированы, и теперь она не в новостных заголовках.

Хотя в современном мире похоже, намечился спад спроса на уголь, да и нефть, и вообще в углеродной энергетике в ближайшие десятилетия ожи-

даются серьезные проблемы. Мир к этому готовится, а мы пока больше говорим на эту тему.

С оборонным комплексом другая история. В федеральном бюджете России, особенно после событий в Крыму и на Украине, наблюдается ярко выраженный приоритет ВПК и военных расходов. В то же время наращиваются и определенные социальные расходы, что позволяет покупать лояльность населения.

Патернализм и огосударствление экономики обуславливают ее низкую эффективность, о чем уже говорилось выше. ²

4.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К СМЫСЛУ РЕФОРМ

К концу 1991 года, когда Ельцин и Гайдар начали реформы в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике, Советский Союз если и существовал, то только де-юре. Де-факто единого государства уже не было. Силовые структуры оказались недееспособны и в августе 1991 года не подчинялись командам своих высших руководителей. Экономика не работала, рубль стал «деревянным», полки магазинов опустели. Предприятия не могли нормально функционировать в условиях неплатежей, люди лишались даже той зарплаты, которую трудно было отоварить. 16 августа 1991 года заместитель премьер-министра СССР, министр экономики В. Щербаков направил Президенту СССР М.С. Горбачеву секретный доклад (в 1994 году он был рассекречен) «О неотложных мерах по нормализации финансов и денежного обращения». ³

В нем он бил тревогу, описывая катастрофическое положение дел: «Страна ускоренными темпами втягивается в глубокий финансовый кризис и развал денежного обращения. Эти факторы в настоящее время в решающей степени определяют ухудшение экономической, социально-психологической и политической ситуации в стране». Далее в докладе анализировались различные сценарии выхода из кризиса и делался вывод: в любом случае придется приступить к немедленной «ли-

берализации всех цен, прежде всего на топливно-сырьевые ресурсы, тарифов на перевозки грузов, розничных цен на продовольственные и другие товары. На товары, составляющие основу прожиточного минимума (5-6 видов продовольствия, 5-6 непродовольственных), придется вводить карточки».

В. Щербаков подчеркивал, что необходимым условием оживления экономики является проведение денежной реформы рестрикционного характера и 3-4-разовой девальвации официального курса рубля к доллару с общим его понижением примерно до уровня биржевого (30:1 — 35:1). Он заключал, что значительно возрастает опасность введения республиками собственных денег и полного распада государства.

Предложения В. Щербакова также, как и все другие инициативы по выходу из критической ситуации, были тогда отвергнуты Верховным Советом СССР, верховными советами союзных республик и Советом Федерации.

Как мы теперь знаем, жизнь сложилась так, что ту жуткую кашу, которую не один год заваривали умудренные большим партийно-советским опытом, руководители СССР, пришлось расхлебывать правительству Ельцина–Гайдара.

Причем действовать нужно было быстро и решительно. У первого постсоветского правительства России не было никаких 500 дней для проведения экономической реформы. Гигантские очереди в магазинах за всем — от хлеба до водки, сигаретные бунты, перебои в работе систем водоснабжения и отопления. Останавливались не только мелкие и средние, но и самые что ни на есть системообразующие предприятия страны. Бастовали уже не только шахтеры, но даже рабочие оборонных заводов.

Время на подготовку к радикальной экономической реформе было упущено. Конечно, было бы правильнее до либерализации цен накопить ресурсы для интервенций на товарных рынках, чтобы смягчить неизбежный ценовой шок. Но о каком накоплении ресурсов могла идти речь, если стране реально грозил голод. Руководители многих областей и городов страны слали в Москву Ельцину и Гайдару телеграммы, уведомлявшие об исчерпа-

нии продовольственных ресурсов, с требованиями их скорейшего пополнения. Золотовалютные запасы страны практически равнялись нулю. Новых займов нам ни одна страна не давала. Более того, в счет старых долгов в канадских и европейских портах арестовывались корабли с зерном, которое мы должны были получить по ранее заключенным соглашениям.

А в это время правительство Ельцина–Гайдара должно было: создавать новую бюджетную и жизнеспособную налоговую систему, чтобы хоть как-то наполнить казну и сформировать реальный бюджет страны; наводить порядок в банковской системе и денежном обращении в условиях общего с бывшими союзными республиками рублёвого пространства (печатались наличные деньги, к счастью, только в России — в Москве, Питере и Перми, а вот кредитную эмиссию банков Украины или Грузии проконтролировать было практически невозможно); обустроить государственную границу Российской Федерации и вводить таможенно-тарифное регулирование; договариваться с МВФ и Мировым банком о стабилизационном и продовольственном займах; решать самые насущные проблемы поддержания систем жизнеобеспечения населения и т.д.

Сегодня молодые люди не ведают, а многие из тех, кто постарше, уже подзабыли те ожидания грядущей катастрофы, которые овладели и руководителями предприятий, и региональными лидерами, и федеральными чиновниками, и рядовыми гражданами. Как мы теперь знаем, правительство Ельцина–Гайдара сумело избежать худшего варианта развития событий и постепенно стабилизировало ситуацию. Но столкнулось это правительство не только с экономическими, но и с военнополитическими проблемами.

Распад Советского Союза, мощнейшей ядерной державы, на пятнадцать независимых государств обещал возникновение как минимум нескольких новых ядерных государств. Как удалось избежать этого и сконцентрировать всю ядерную мощь СССР в России? Имела место очень непростая, закулисная по определению, дипломатия.

И сегодня не обо всем публично рассказано. Президент Ельцин и первое Правительство новой России вынуждены были в условиях острого дефицита бюджета искать необходимые решения по финансированию Вооруженных сил страны, государственного оборонного заказа и поддержанию на должном уровне атомно-оружейного комплекса. Б. Ельцин, Г. Бурбулис, С. Филатов, Е. Гайдар, П. Грачёв, А. Козырев, П. Авен, В. Барчук, В. Ерин, А. Нечаев, Ю. Рыжов, Б. Салтыков, А. Чубайс, С. Шойгу, А. Шохин, Е. Ясин и все, кто был тогда причастен к принятию сверхответственных решений в этой области, думаю, опасались, что раскол страны приведёт к вооруженным конфликтам в бывших союзных республиках, то есть пойдёт по сценарию, который реализовался через несколько лет в Югославии. Для ядерной державы это означало бы катастрофу планетарного масштаба.

К счастью, этого не произошло. Достигнув известных договоренностей со своими соседями,

Россия решительно приступила к построению нового демократического государства, базирующегося на рыночной экономике. При этом удалось избежать не только военного противостояния с появившимися на месте бывших союзных республик государствами, но и гражданской войны внутри страны. Меры, принятые в ходе радикальной экономической реформы правительством Ельцина–Гайдара уже в январе 1992 года, позволили избежать худших вариантов развития событий. Демонтаж планово-распределительной системы и формирование рыночных институтов, либерализация экономики раскрепостили и предприятия, и людей. Страна постепенно, с большим трудом и издержками стала выходить из кризиса. Именно в 1992 году закладывались основы последующей стабилизации и экономического роста.

Экономисты любят цифры. Приведу их. В целом за последние 30 лет имели место поступательное развитие экономики и улучшение уровня жизни российских граждан (см. таблицу 4).

Таблица 4. Развитие экономики и динамика уровня жизни населения Российской Федерации

	Динамика ВВП России по годам (в %)	Среднедушевые доходы населения (руб. в месяц, до 1998 г. — тыс. руб.)	Продолжительность жизни (в годах)
1991	-5,0	0,470	69,0
1995	-4,1	515,9	64,4
2000	10,0	2281,1	65,2
2005	6,4	8088,3	66,6
2010	4,5	18958,4	68,9
2015	-2,0	30473,6	71,4
2018	2,8	32609,3	71,9
2019	2,0	35338,0	73,3
2020	-3,0	35740,1	73,4

Источник: rosstat.gov.ru, rosinfostat.ru.

Вместе с тем в 2010–2020 гг. экономическая динамика в нашей стране все больше приобретает характер стагнации: пусть медленный, но рост ВВП сменяется его хроническим снижением, уровень жизни населения если и улучшается, то очень незначительно. Объясняется это, на мой взгляд, как политически мотивированным давлением на отечественную экономику, разрывом важных

внешнеэкономических связей, так и неудовлетворительным инвестиционным и деловым климатом внутри страны (рост налоговой нагрузки на бизнес; жесткая фискальная политика; перманентное давление силовых ведомств, о чем уже говорилось).

Хочется надеяться, что в ближайшей перспективе страна вернется к принципам и нормам жизни современного открытого общества, обеспечит эф-

фективное использование собственных ресурсов и возможностей международного сотрудничества, добьется на этой основе поступательного развития экономики и обеспечит достойный уровень благосостояния своим гражданам и достойное место в мире среди самых развитых стран.

Примечания

- 1 (А. Кудрин. Пора дать экономике повзрослеть. — ko.ru/articles/06/09/2021).
- 2 Об этом пишет и Б. Титов в Докладе Президенту РФ 2021 — doclad.ombudsman-biz.ru/2021/7.pdf.
- 3 см. Gaidarfund.ru/articles/1104)

Литература

1. Авен П.О., Кох А.Р. Революция Гайдара: история реформ 1990-х из первых рук. — М.: Альпина Паблишер, 2013.
2. Аузан А.А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
3. Бурбулис Г.Э. Профессия — политик. — М.: Стратегия, 1999.
4. Гайдар Е.Т. Смуты и институты. Государство и эволюция. — СПб.: Норма, 2010.
5. Гайдар Е.Т., Чубайс А.Б. Развилки новейшей истории. — СПб.: Норма, 2011.
6. Гуриев С.М. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. — 2-е изд. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.
7. Иноземцев В.Л. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. — М.: Альпина Паблишер, 2019.
8. История новой России. Очерки, интервью: в 3-х т. / Под общей редакцией П.С. Филиппова. — СПб.: Норма, 2011.
9. Людвиг фон Мизес. Либерализм. — Социум, 2007.
10. Мау В.А., Стародубровская И.В. Великие революции — от Кромвеля до Путина. — М.: Вагриус, 2001.
11. Сонин К.И. Уроки экономики. — М.: Юнайтед Пресс, 2011.
12. Травин Д.Я., Маргания О.Л. Модернизация от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. — СПб.: Норма, 2016.
13. Уринсон Я.М. Экономика и государство. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2021.
14. Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х до наших дней. — М.: НИУ ВШЭ, 2014.
15. Фукуяма Фрэнсис. Конец истории и последний человек. — М.: АСТ, 2007.
16. Хантингтон Самюэль. Столкновения цивилизаций. — М.: АСТ, 2003.
17. Хайек Фридрих Август. Судьбы либерализма в XXI веке. — М.: ИРИСЭН, Мысль; Челябинск: Социум, 2009.
18. Шевцова Л.Ф. Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом? — М.: РОССПЭН, 2010.
19. Экономика Словакии. Экономика Чехии — URL: <https://www.orangesmile.com/czech-republic/slovakia>.
20. Яковлев А.Н. Сумерки. — М.: Издательство «Материк», 2005.
21. Ясин Е.Г. Развитие постсоветской экономики: от прошлого в будущее. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2017.
22. Human Development Report 2020. United Nations Development Programme. NY: United Nations. — 2020.
23. Gokhberg L., Kuznetsova T., Pikalova A.G., Sokolov A. Overview of Science, Technology and Innovation Development in Russia, in BRICS Innovative Competitiveness Report 2017 / Ed. by M. Li, X. Zhao, M. Huang, A. Sokolov. Singapore: Springer, 2018; "GDP based on purchasing-power-parity (PPP) per capita". IMF, 06.04.2020;
24. Доклад о человеческом развитии 2020. — United Nations Development Programme. New York, NY 10017 USA. Copyright@2020.

© Текст: Яков Уринсон

ЯКОВ МОИСЕВИЧ УРИНСОН — российский экономист, государственный и общественный деятель. Доктор экономических наук. Заслуженный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Заместитель председателя правительства, Министр экономики Российской Федерации (в 1997-1998 годах). Председатель Управляющего совета фонда Егора Гайдара.

«МЯГКАЯ СИЛА» СЛАБЕЮЩЕЙ ДЕРЖАВЫ¹

СЕРГЕЙ МЕДВЕДЕВ

6 января 1985 г. Милан Кундера опубликовал в *New York Times Book Review* эссе под заглавием «Предисловие к вариации». В этом тексте он вспоминает то время, после августа 1968 года его книги были запрещены, и он оказался без работы. Тогда к нему обратился театральный режиссер и предложил написать сценическую версию «Идиота» Достоевского. Кундера перечитал «Идиота» и отказался: «даже если бы мне пришлось голодать, я бы не смог взяться за эту работу. Мир Достоевского с его безбрежными жестами, мутными глубинами и агрессивной сентиментальностью отталкивал меня...».² В качестве примера он приводил разговор на улице Праги с советским офицером, который объяснял ввод танков тем, «что мы вас любим». Кундера находил связь между миром Достоевского и советским вторжением, видел в Достоевском воплощение антизападного духа русской культуры.

Пару месяцев спустя, обвинения Кундеры с негодованием отверг никто иной как Иосиф Бродский, написавший ответное эссе все в том же *New York Times Book Review*, где он отрицал ответственность за советский (по сути, российский) империализм, говоря, что «солдаты никогда не представляют культуру, тем более литературу — они держат ружья, а не книги».³

Этот давний спор, приключившийся почти сорок лет назад, ставит вопрос о непростых отношениях между культурным наследием и внешней политикой страны — то есть вопрос о том, несет ли классическая русская культура ответственность за российский империализм. В новом столетии Виктор Пелевин в своей иронической манере предложил назвать новейший российский авианосец «Идиот»: эта была, конечно, шутка — но вот уже на полном серьезе праправнук Федора Михайловича некто Дмитрий Достоевский становится видной публичной фигурой, заседает в общественных советах и делает патриотические и верноподданнические заявления от имени своего знаменитого предка; потомок другого великого писателя, праправнук Льва Толстого Владимир Толстой, является советником президента Путина по культуре, а представитель рода Лермонтовых Михаил Юрьевич, полный тезка поэта, является председателем общественного совета при Министерстве культуры.

* * *

Отечественная культура и история стали ходовым товаром на российском политическом рынке. Они являются важным символическим ресурсом для режима, который консолидирует свою базу вокруг идей консерватизма, былой славы и тради-

ционных ценностей («скреп»). С одной стороны, как и прежде в СССР, государство формирует единый нарратив истории и культуры, усиливает цензуру, репрессивует значимые культурные фигуры и подключает РПЦ и консервативных спикеров в своей политике имперского «гляйхшальтунга». С другой стороны, культура, история, русский язык, мифы и модели восприятия, и прочие гуманитарные ресурсы все чаще встраиваются во внешнюю политику, составляя арсенал российской «мягкой силы».

По мере того, как у России в XXI веке один за другим теряют эффективность традиционные инструменты силы государства — экономика, военная мощь, союзы и союзники, участие в международных институтах — стратегия международного влияния России становится все более гибкой, виртуальной и сетевой. Она основана на гибридных элементах силы, старых и новых — таких как пропаганда в СМИ, шпионаж и спецоперации, кибервойны и проникновение в западные социальные сети, PR и GR (в том числе покупка политиков и партий в интересующих Россию странах) — и, в целом, на продвижении в мире образа России и набора идей и ощущений, которые она вызывает, в том числе мифологий и страхов, связанных с Россией. В этом эссе я рассмотрю культурные ресурсы, инструменты, мифы и психологические матрицы, на которых основана гибридная «мягкая сила» путинской России.

I.

«МЯГКАЯ СИЛА» В ЭПОХУ СЛАБОСТИ

1. Место России в мировой политике XXI века — предмет оживленных споров. С одной стороны, многие комментаторы пишут о долгосрочном ослаблении России в качестве глобальной державы — Стивен Коткин из Принстона, Джозеф Най и Стивен Уолт из Гарварда.⁴ Тематический проект Вашингтонского Фонда «Джеймстаун» увенчался 200-страничным докладом под названием «Россия в упадке», который утверждает, что «упадок России ускоряется практически во всех сферах политики,

экономики, общества и военной силы, что делает шансы России на выживание в условиях глобализации весьма призрачными, не говоря уже о том, чтобы претендовать на звание великой державы».⁵

С другой стороны, некоторые исследователи, такие как Джулия Гурганус и Юджин Румер из Фонда Карнеги отмечают растущие глобальные амбиции и относительные успехи России в эпоху Путина.⁶ Стратегия национальной безопасности США 2017 года признает, что «Россия бросает вызов американской силе»,⁷ а последний Обзор ядерной политики США (Nuclear Posture Review) утверждает, что Россия вернулась к соревнованию сверхдержав.⁸ Подводя итог этим спорам, Эндрю Качинс из Джорджтаунского университета пишет, что Россия одновременно находится на подъеме и в упадке.⁹

Это замечание, возможно, ближе всего к действительности. Хотя физические параметры российской силы, несомненно, в упадке, Россия по-прежнему влияет на ключевые вопросы мировой политики, от войны в Сирии до выборов в США, от энергетического кризиса в Европе до создания вакцины от коронавируса. При этом президент Путин стал одним из знаковых мировых лидеров нового столетия, глядя на нас с бесчисленных обложек книг и журналов, с телеэкранов и карикатур — неважно, в позитивном или негативном свете. В этом смысле Россия прыгает выше своей головы, своего физического (экономического, военного, демографического) веса, поскольку обладает важными символическими и психологическими ресурсами и значимым присутствием в СМИ.

Этот парадокс можно объяснить тем, что в течение последнего десятилетия Россия смогла конвертировать свое историческое наследие, бывшее величие, мифы о себе, страхи, предрассудки и ожидания внешней аудитории в геополитическое влияние. И в этом смысле российская культура превращается в государственную политику. Используя различные медийные платформы и инструменты публичной политики (телеканал *Russia Today*

и агентство «Спутник», Валдайский форум и Фонд «Русский мир», фабрики троллей и группы поддержки Кремля в *Facebook* и *Twitter*), Россия формирует периметр культурного и медийного присутствия, которое обладает кумулятивным эффектом влияния, компенсируя и маскируя объективную слабость державы.

2. Это ставит вопрос о сути «мягкой силы». Отец этого термина Джозеф Най, который ввел его в оборот в конце 1980х, определял «мягкую силу» (для него это была скорее «мягкая власть», *soft power*, а не *soft force*) как способность страны убеждать других делать то, что она хочет, без применения силы или принуждения.¹⁰ В этом смысле «мягкая сила» напоминает то, что Антонио Грамши в «Тюремных тетрадах» называл моральной, интеллектуальной, этической и культурной гегемонией (в отличие от доминирования), которая одна только и могла гарантировать превосходство над соперником.¹¹ Именно на американскую «культурную гегемонию» жаловался президент Путин в своей мюнхенской речи в 2007 г.¹² — и в том же самом году был создан фонд «Русский мир».

И все же в понимании российской «мягкой силы», в особенности, как она трактуется в современной России, есть нюанс. Речь идет не только об использовании государством традиционной культурной продукции (произведения литературы и искусства, научно-технические и спортивные достижения, историческое наследие, язык, фольклор, обычаи и прочее), но культуры как арсенала, набора инструментов, платформы для политических акций и интервенций государства. В логике «ресурсного государства», описанного Симоном Кордонским, где государство превращает все — нефть и газ, территорию и население, насилие и угрозы — в административно управляемые ресурсы, культура также превращается в ресурс, который государство использует для воспроизводства, укрепления и проецирования власти.¹³

3. Традиционные формы российского культурного экспорта, что восходят ко второй половине XIX

и XX веку и включают в себя советскую триаду искусства, спорта и науки, за последние десятилетия поверглись эрозии. И хотя неувядающие шедевры, такие как романы Толстого или симфонии Чайковского, по-прежнему пользуются глобальным спросом, современная российская культура слабо представлена на мировой арене. Если взять ключевые фигуры российской культуры с мировым именем, такие как кинорежиссер Андрей Звягинцев, писатель Владимир Сорокин, оперный режиссер Владимир Черняков или дирижер Владимир Юровский, то окажется, что они живут и работают в основном за пределами России — и находятся вне контура «мягкой силы» российского государства.

Одна из немногих крупных фигур, вписывающихся в парадигму «мягкой силы» — дирижер Валерий Гергиев, являющийся доверенным лицом президента Путина и авторитетным игроком в российской политической элите. (При этом, однако, в 2015г. его лоялистская позиция по Крыму и войне с Украиной осложнила его назначение главным дирижером Мюнхенской филармонии). Гротескным примером российской «мягкой силы» был концерт классической музыки в древнеримском амфитеатре в Пальмире, освобожденной от ИГИЛ в мае 2016г.: дирижировал Валерий Гергиев, надев белую кепку, чтобы спастись от беспощадного солнца сирийской пустыни, солировал виолончелист Сергей Ролдугин, которого считают близким другом президента Путина.

Год спустя, Пальмиру снова заняли исламисты, хранителю музея отрезали голову и разрушили амфитеатр.

4. Другой традиционный атрибут советской и российской «мягкой силы», спортивные достижения, также был обесценен в XXI веке. Серия допинговых скандалов, прежде всего разоблачение гигантской государственной машины допинга на Зимней Олимпиаде в Сочи в 2014 году, привела к тому, что МОК отстранил команду России от Олимпийских игр в Рио в 2016 г., в Пхенчхане в 2018 г. и Игр в Токио 2020го года (перенесенных на 2021г.). Более того, в декабре 2019 года

© Чечня 1991 г. Фото: Максим Мармур

выяснилось, что база данных российских атлетов, которую предоставило Российское антидопинговое агентство (РУСАДА), была подчищена российскими чиновниками с целью скрыть нарушения отдельных спортсменов, вследствие чего Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА) отстранило Россию от всех крупных международных соревнований еще на четыре года. Таким образом, попытки Кремля (а у меня нет сомнений, что допинговый план был санкционирован в верхах) укрепить свою «мягкую силу» за счет триумфальной победы в Сочи обернулись провалом, отправив Россию на обочину мирового спорта и бросив тень на предыдущие победы российских атлетов.

5. Аналогичным образом, третий аспект советской «мягкой силы», достижения в науке и технике, в том числе передовая космическая и ядерная программа, успехи в физике и математике, по преимуществу остался в XX веке. За тридцать лет, прошедших с распада СССР, Россия растеряла большую часть своего научного потенциала и в настоящее время находится на 47 месте в Глобальном индексе инноваций.¹⁴ За эти три десятилетия лишь трое россиян получили Нобелевские премии, причем две из них — за открытия, сделанные в советские времена. В России в настоящее время не живет ни один ученый-нобелевский лауреат. Примером отставания может служить российская космическая программа, которая основана на технологиях 1960-1980х годов: они надежны, но становятся все более устаревшими и затратными, вчистую проигрывая конкуренцию частному бизнесу — компания *SpaceX* Илона Маска, в которой работает 8 тысяч человек, опережает по эффективности корпорацию «Роскосмос» с ее 240 тысяч сотрудников. Если в 2024г., как предполагается, прекратит свое существование Международная космическая станция (МКС) — ее срок службы заканчивался в 2015г., но дважды продлевался — Россия может остаться без постоянного присутствия в космическом пространстве.

Символично, что российская вакцина против коронавируса получила название «Спутник V»

в честь первого советского спутника. Поспешная регистрация вакцины в России без надлежащего тестирования и научных публикаций одновременно с широкой кампанией по ее продвижению на зарубежных рынках (например, в Бразилии) свидетельствуют о том, что российские власти рассматривали ее как элемент медико-биологической «мягкой силы». К концу 2021г. «Спутник», несмотря на очевидную его эффективность, все еще не зарегистрирован ВОЗ, а провалы российских властей в массовой вакцинации населения и в сдерживании третьей волны пандемии осенью 2021г., (что привело к рекордной смертности), не позволяют России претендовать на лидерство в медицинской и эпидемиологической номинации.

6. Таким образом, за минувшие три десятилетия традиционные российские ресурсы «мягкой силы» от культурных и спортивных до научных и технологических достижений оказались подорваны, и российская культурная дипломатия более не делает на них ставку. Как пишет Дмитрий Ахтырский, «вместо базовых аспектов, они [российские власти] выделяют инструментальные и информационные аспекты ‘мягкой силы’».¹⁵ «Практическая мягкая сила» представлена прежде всего российскими СМИ, работающими на зарубежную аудиторию, такими как телеканал *Russia Today*, вещающий на английском, арабском, испанском, французском и немецком. Характерная особенность этого культурного экспорта, замечает Ахтырский, «состоит не в том, чтобы поддержать позитивный образ России, а в том, чтобы *дискредитировать те силы на Западе, которые Кремль рассматривает как враждебные*»;¹⁶ иными словами, это не классическая «мягкая сила», а информационная война.

Это позволяет по-новому взглянуть на феномен российской «мягкой силы»: она работает не столько с культурной продукцией как таковой, но скорее с политикой и стратегией, которую государство выстраивает на различных культурных платформах; она использует не сами феномены и институции культуры (искусство, литература, музыка, театр, русский язык, религия, образова-

ние, спорт), но определенные идеи, представления, идеологии и мифологии в своей информационной и психологической войне против Запада. Российская «мягкая сила» проецирует образы, ценности и убеждения с целью воздействия на внешнее окружение. В этом смысле можно говорить не о традиционной «положительной мягкой силе», силе привлечения и убеждения, а об «отрицательной мягкой силе», силе разубеждения, сомнения и страха, которая используется, чтобы позиционировать Россию во внешнем мире и сдержать потенциальных или вымышленных противников.

II. ПРОШЛОЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС

1. Одна из базовых характеристик России в глазах внешнего мира — это образ «инаковости» (*otherness*). С одной стороны, Россия, подобно Турции, на протяжении столетий была традиционным «конституирующим Другим» для Запада. Но «инаковость» России это и нечто большее: в XX веке Советский Союз показал миру альтернативный путь к современности. Советский проект снискал интерес и восхищение со стороны прогрессивной элиты Запада в 1920-1950е гг.: в свое время СССР симпатизировали Герберт Уэллс и Альберт Эйнштейн, Чарли Чаплин и Теодор Драйзер, Бернард Шоу и Жан-Поль Сартр; для западных интеллектуалов Советский Союз представлялся обетованной землей модернизации, и многие из них отправлялись в паломничество в Россию, особенно в 1920е и 1930е гг., естественно, в негласном сопровождении сотрудников спецслужб и при соответствующем пропагандистском антураже.¹⁷

После разоблачения Хрущевым культа личности Сталина на XX съезде КПСС в 1956г., советского вторжения в Венгрию в октябре того же года и в Чехословакию в августе 1968го, после публикации на Западе «Архипелага ГУЛАг» Александра Солженицына в 1973г. светлый образ СССР на Западе потускнел — хотя и сохранялся в умах левой

интеллигенции. Но с волной деколонизации 1960-1970х гг. миф о советской модернизации перекинулся на развивающиеся страны. Образ альтернативного, незападного, Модерна, воплощенного в Советском Союзе, сохранялся вплоть до конца XX века в десятках стран от Индии до Мексики — его поддерживали советские кредиты, вооружения, технологии, специалисты и образовательный экспорт.

Это наследие было творчески переосмыслено в российской пропаганде в последние двадцать лет. Хотя Россия больше не способна экспортировать технологии, идеологии и образ жизни, она может использовать образ альтернативы западной либеральной глобализации, на что в мире существует растущий запрос. К примеру, *Russia Today* позиционирует себя как «альтернативный источник новостей», противостоящий ведущим западным СМИ. Под лозунгом «задавайте больше вопросов» телеканал продвигает маргинальные взгляды, сомнительные источники и теории заговоров — к примеру, он давал трибуну основателю WikiLeaks Джулиану Ассанжу, отрицателю Холокоста Райану Доусону и лидеру партии «Брекзита» Найджелу Фараджу. В 2021 году канал отличился тем, что транслировал в странах Запада взгляды ковид-отрицателей и антивакцинаторов, за что неоднократно получал предупреждения от европейских медиа-регуляторов. Таким образом, при помощи подобных информационных вбросов Россия представляет свою «мягкую силу» в качестве **альтернативы** Западу.

2. Еще одна грань «инаковости» России — ее патентованная **иррациональность**, которая является предметом особой гордости («умом Россию не понять», по заветам Тютчева). Иногда это изображается как часть глобальной миссии России, противостоящей скучному рационализму западной цивилизации, как ключ к «загадочной русской душе», воплощенной в Достоевском, — именно об этом и писал в своем эссе Милан Кундера, тощая взамен о простодушном рационализме «Жака-Фаталиста» Дидро. С точки зрения «мягкой

силы» иррациональность России превращается в инструмент внешней политики, в котором сочетаются непредсказуемость, риск и толика безумия. Во внешнеполитическом манифесте, характерно озаглавленном «Мировой шторм и русский кураж», прокремлевский аналитик Сергей Караганов предполагает, что Россия должна вести психологическое наступление,¹⁸ а в недавнем манифесте под названием «Куда девался хаос» бывший главный идеолог Кремля Владислав Сурков откровенно пишет, что Россия должна экспортировать во внешний мир хаос.¹⁹ Россия, по сути, позиционирует себя как силу, приспособленную к эпохе возрастающего хаоса и случайности, и как одного из генераторов этого хаоса.

3. Похоже, что Россия нашла для себя комфортную нишу на мировом идеологическом рынке, выступая с позиций **консерватизма, анти-либерализма и антиглобализма**, пытаясь предстать в виде «всемирной консервативной силы». Как заметил Гленн Дисен, «Россия превратилась в мирового лидера консерватизма, который защищает традиционную европейскую культуру, христианство, традиционные ценности и семью. Россия вернулась к своей дореволюционной роли прибежища для классических западных консерваторов».²⁰ Подобно тому, как в начале XIX века отец европейского консерватизма Жозеф де Местр (безуспешно) пытался продвинуть свои идеи в России Николая I, двести лет спустя лидер американских неоконсерваторов Пэт Бьюкенен задается вопросом: «Является ли Путин одним из нас?».²¹ Хорошо известны связи между российскими консервативными кругами и американскими «кальрайтами» или европейскими ультраправыми, наподобие французского «Национального фронта» и немецкой «Альтернативы для Германии».

4. Новообретенный российский традиционализм в XXI веке обращен ко многим глобальным аудиториям, недовольным глобализацией, вестернизацией, либерализмом и в особенности новой либеральной культурой толерантности, мультикультурализма и чувствительности к расовым и гендерным

проблемам. Россия предлагает альтернативу пост-колониальному и пост-патриархальному миру, апеллируя к «незыблемым ценностям» семьи, установленным гендерным ролям (в комплекте с мужскими привилегиями), иерархиям возраста и к уважению к властям.

Западный лево-либеральный консенсус отвергается в России по трем главным пунктам: окружающая среда и глобальное потепление (большая часть российской публики была раздражена выступлениями Греты Тунберг, особенно потому что они исходили от малолетней школьницы с аутическим расстройством, а глобальное потепление считает заговором климатологов), гендерное равенство (схожим образом, широкую публику в России раздражает движение #MeToo и скандалы последних лет вокруг харассмента) и расовая справедливость (здесь российский гнев обращен против движения *Black Lives Matter*, которое стало столь заметным и порой бунтарским в 2020г.).²²

Россия развивает свое идеологическое наступление по двум направлениям. С одной стороны, отечественные традиционалисты разоблачают моральный упадок Запада, который они презрительно именуют «гейропой». Для них Запад потерял свою нравственную основу, христианское наследие белой расы, и разрушается под натиском новых «варваров» (читай мигрантов). С другой стороны, либеральные критики Запада в России сокрушаются по поводу толерантности и политкорректности, в которых они видят опасность нового «левого тоталитаризма», подрывающего ключевые западные ценности — свободу индивида, свободу слова и свободу сексуального поведения.

Эти претензии к Западу были суммированы в манифесте Константина Богомолова под заглавием «Похищение Европы 2.0», в котором он гневно отвергает «новый этический Рейх». В качестве альтернативы «новой этике» Богомолов предлагает проект морального спасения Запада, который может заново открыть «настоящую Европу»: Россия призвана «Заново строить нашу старую добрую Европу.

Европу, о которой мы мечтали. Европу, которую они потеряли. Европу здорового человека».²³ Как несколькими годами раньше писал норвежский политолог Ивер Нойман, «официальная российская позиция сейчас заключается в том, что подлинная Европа — это сама Россия, консервативная великая держава, которая охраняет подлинное христианское наследие Европы от фальшивой Европы разврата и упадка к западу от своих границ».²⁴ Это идея-фикс в отношении России к Европе: точно так же в 1830-1840х гг. консервативная николаевская Россия видела свою роль не только в качестве «жандарма Европы» и бастиона против революций 1830 и 1848гг., но и пыталась представить свою триаду «православие, самодержавие, народность» как форму сохранения европейского наследия.

5. Тема «спасения Европы», столь важная для самосознания России, подводит к еще одному важному аспекту российской «мягкой силы» — к агрессивной **политике памяти**, которая стремится монополизировать мемориальный дискурс о Второй мировой и представить Россию как единственного защитника памяти о войне от «реваншизма» и «фальсификации». За годы президентства Владимира Путина память о войне была в России «секьюритизирована» — она стала ядром российской идентичности в XXI веке, а День Победы стал, по сути, праздником основания нации, еще более важным, чем прочие государственные даты. Политика памяти становится инструментом авторитарного контроля, репрессивной дубиной, которая используется для «огосударствления» исторической дискуссии, построения единого исторического нарратива, для дисциплинирования общества и наказания несогласных. Показательным примером стал суд над Алексеем Навальным в феврале 2021г. по делу об оскорблении ветерана Великой Отечественной и последующее принятие Госдумой закона, по которому «оскорбление ветеранов» стало уголовным преступлением с наказанием в виде тюремного срока до 5 лет. Еще ранее «реабилитация нацизма» также стала уголовным преступлением, а на референдуме в июле 2020г. в Конституцию бы-

ла внесена поправка о «защите исторической правды» и недопустимости «умаления значения подвига народа»: вокруг политики памяти был выстроен полный репрессивный контур.

Одновременно историческая память используется в качестве инструмента внешней политики в битвах за историю Второй мировой, расколовших Европу в последние годы. Во многом под влиянием восточноевропейских исторических нарративов на Россию теперь возлагают часть ответственности за начало войны (как следствие Пакта Молотова-Риббентропа) и за послевоенную оккупацию Восточной Европы после 1945 года. Это было подчеркнуто в Резолюции Европарламента от 19 сентября 2019г. «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», которая возлагала равную вину на Германию и на СССР за развязывание Второй Мировой войны и обвиняла современную Россию в переписывании истории.²⁵ Эта резолюция вызвала крайнее негодование среди российской политической элиты. Президент Путин несколько раз высказывался по этому поводу: в ноябре 2019г. он ввязался в словесную войну с Польшей относительно роли этой страны в начале войны и в Холокосте; в январе 2020г., не получив приглашения в Освенцим на годовщину освобождения концлагеря, он представил свою версию истории на альтернативной памятной церемонии в израильском мемориале «Яд Вашем»; и наконец, в июне 2020г. он опубликовал в журнале *The National Interest* статью о корнях и причинах Второй Мировой, в которой особо подчеркнул значение Мюнхенского сговора и ответственность Запада и Польши за развязывание войны, а также ключевую роль Советского Союза в освобождении Европы.²⁶ По мнению историка Ивана Куриллы, подчеркивание роли СССР в победе над фашизмом и в формировании нового политического порядка в Европе видится сегодня в Москве как элемент российской «мягкой силы» и как заявка на особую роль при определении будущего этого региона.²⁷

6. И наконец, есть еще один компонент невидимой российской «мягкой силы», тесно связанный

с ее культурными и историческими ресурсами — этим элементом служит **страх**. Россия была соперником Запада на протяжении веков (вспоминаются казачьи биваки на Елисейских полях в 1814г. и советские танковые армии в центре Европы с 1945 по 1994гг.) и превратилась в экзистенциальную угрозу, глубоко прописанную в коллективной памяти Запада. Применив парадигму психоанализа к запутанным отношениям России и Запада, российско-немецкий философ Борис Гройс предположил, что Россия является подсознанием Запада, бесформенным, бессознательным «оно», куда были вытеснены травмы, чувство угрозы и страха.²⁸

Сегодняшняя Россия не может похвастаться военной мощью и присутствием на глобальной сцене, какие были у Советского Союза, но она по-прежнему может играть на страхах в коллективной памяти Европы. Впрочем, и американское массовое сознание имеет отдаленные воспоминания о советской и коммунистической угрозе времен Холодной войны: «русские идут!». Продолжая эту линию, Россия умело манипулирует этими страхами, выборочно осуществляя спецоперации за рубежом. Отравления политических оппонентов и перебежчиков, попытки вмешательства в выборы в разных странах, атаки хакеров и «фабрик троллей» на сайты и социальные сети — во всех этих случаях официальные представители опровергли причастность России, но в западном общественном мнении сложился устойчивый консенсус, что за этими операциями стоят российские власти. Появился токсичный образ вездесущей и незаметной угрозы, которая может возникнуть везде и всегда и остаться неопознанной и безнаказанной. Это токсичность — новая версия классической «**российской угрозы**», которая крайне эффективна в мире гибридности, неопределенности и рисков и составляет важный компонент российской «мягкой силы». Она заключается сегодня не столько в том, чтобы привлекать друзей, но скорее в том, чтобы запугивать соперников: Россия берет на вооружение стратегию государств типа Северной Кореи и Ирана.

Показательно, что в последние годы одним из архетипичных образов России, успешно используемых дома и на экспорт, стал автомат Калашникова. В самой России это культовый предмет, которому посвящают фильмы и уроки истории в школах, наклейки с АК-47 украшают задние стекла автомобилей и аватары в соцсетях, патриотическая пропаганда с гордостью говорит о нем, как о российском вкладе в мировую цивилизацию: нехитрое оружие, простое в обслуживании и использовании, которое олицетворяет российскую смекалку и умение находить простые решения для сложных проблем. Монструозный памятник создателю автомата Михаилу Калашникову был поставлен в Москве в 2017 году поперек Садового кольца, и на церемонии открытия тогдашний министр культуры Владимир Мединский назвал автомат «российским культурным брендом».²⁹ По всему миру было продано более 70 миллионов «Калашниковых»: на памятнике это изображено в виде земного шара, на который наложен автомат. Как заметил по этому поводу писатель Виктор Ерофеев, «это все равно, как если бы французы назвали гильотину национальным воспитателем чувств».³⁰

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

«Мягкая сила» России в 21 веке опрокинута в прошлое, основана на исторических паттернах, мифах и достижениях — от христианства и «традиционных ценностей» семьи и гетеросексуальности до памяти об имперском могуществе и воинской славе. Россия, переживающая период драматической потери своего глобального веса, смогла капитализировать свои культурные ресурсы, историю, мифологию и психологическое влияние и трансформировать их в «мягкую силу». В отличие от Советского Союза, который на протяжении большей части XX века проецировал в мир образ будущего, Россия экспортирует образы прошлого в государственной ретро-политике, которая находит в мире отклик у тех, кто разочарован в глобализации и ищет альтернатив неолиберальному миропорядку.

Эта политика является отражением идеологического режима, установившегося в России в последние десять лет. Структурно неспособная обеспечить экономический рост, повышение благосостояния и модернизацию внутри страны, власть, совместно с пропагандой и масс-культурой, сконструировала ностальгический нарратив, в котором советская романтика и имперский ресентимент являются инструментами для легитимации правящего режима и консолидации общества. Утратив образ будущего, чувство направления и целеполагание для страны, отказавшись от всяких разговоров о модернизации (последняя слабая попытка была в президентство Медведева в 2008-2011гг.), путинизм превратился в проживание прошлого, в непрерывную литургию Победы и памяти. Чтобы справиться с текущей неопределенностью, взамен образов будущего процветания населению были предложены тени великого прошлого. Путинизм — это форма ретро-политики, которую Зигмунт Бауман в своей последней книге назвал «ретротопией», что возникает на руинах утопии, воскрешая и презентуя воображаемые блага, обещанные утопией.³¹ В свою очередь, Светлана Бойм в книге «Будущее ностальгии» предупреждает об «эпидемиях ностальгии», которые случаются после революций: не только *ancien régime* приводит к революции, пишет она, но революции заканчиваются тем, что конструируют *ancien régime* как ностальгическое воспоминание.³²

Сегодня Россия пытается спроецировать эту политизированную и секьюритизированную ностальгию во внешний мир — либо в виде классической «российской угрозы» с гиперзвуковыми ракетами, автоматами Калашникова и неприметными чекистами с флаконами «новичка», либо как идеализированный образ белого христианского мира, где отцы семейств в домах, полицейские на улицах и президенты в величественных дворцах являются хранителями социального порядка. Реалистичные или иллюзорные, эти образы хорошо продаются в мире, уставшем от пандемии, непредсказуемости, миграции и социальной дислокации. Россия встривается в этот мир как продавец угроз и как сама

угроза — в этом и заключается парадоксальная «мягкая сила» слабеющей державы.

Примечания

- ¹ Статья является переработанной и адаптированной версией главы автора в сборнике *Russia's Cultural Statecraft* (ed. by Tuomas Forsberg and Sirke Mäkinen), Milton Park: Routledge, 2022
- ² Kundera, Milan, 'An Introduction to a Variation', *New York Times Book Review*, January 6, 1985. <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/98/05/17/specials/kundera-variation.html>
- ³ Brodsky, Joseph, 'Why Milan Kundera is Wrong About Dostoyevsky', *New York Times Book Review*, February 17, 1985. <https://movies2.nytimes.com/books/00/09/17/specials/brodsky-kundera.html>
- ⁴ Kotkin, Stephen, 'Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern', *Foreign Policy*, 95(3), 2016, <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2016-04-18/russias-perpetual-geopolitics>; Nye Jr., Joseph S., 'The Good News and the Bad', *The National Interest*, 26 November 2016, <https://nationalinterest.org/feature/the-good-news-the-bad-18527>; Walt, Stephen M. (2015) 'What Will 2050 Look Like?', *Foreign Policy*, 94(3), 2015. <https://foreignpolicy.com/2015/05/12/what-will-2050-look-like-china-nato/>
- ⁵ Wimbush, S. Enders and Elizabeth M. Portale (eds) *Russia in Decline*. Washington DC: Jamestown Foundation, 2017
- ⁶ Gurganus, Julia and Eugene Rumer, 'Russia's Global Ambitions in Perspective', *Carnegie Working Paper*, February 2019. https://carnegieendowment.org/files/RumerGurganus_Perspective_final.pdf
- ⁷ The White House, 'National Security Strategy of the United States of America' Washington, DC, 12 December 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
- ⁸ Office of the Secretary of Defense, 'Nuclear Posture Review', 2 February 2018, Washington, DC, February. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF>
- ⁹ Kuchins, Andrew C., 'Russian Power Rising and Falling Simultaneously'. In Michael Wills, Ashley J. Tellis and Alison Szalwinski (eds) *Strategic Asia 2015-16: Found-*

10 *dations of National Power in the Asia-Pacific*. Washington DC: National Bureau of Asian Research, 2015.

11 Nye, Joseph S. Jr. *Bound to Lead. The Changing Nature of American Power*. New York, Basic Books, 1991

12 Грамши, Антонио. Тюремные тетради. Введение в изучение философии и исторического материализма. <https://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi,tetradi.pdf>

13 Путин, Владимир, Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля 2007 года. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

14 Кордонский, Симон. Ресурсное государство. Москва: Ретгум, 2007. См. также: Кордонский, Симон, «Три культуры», *НГ-Сценарии*, 27 марта 2007. https://www.ng.ru/stsenarii/2007-03-27/15_kordonskii.html

15 'Global Innovation Index 2020'. Geneva: World Intellectual Property Organization. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf

16 Ахтырский, Дмитрий, «Мягкая сила России в XXI веке», Eurasianet, 21 января 2018г. <https://russian.eurasianet.org/node/65127>

17 Там же.

18 David-Fox, Michael, 'Communism and Intellectuals'. In S. Pons & S. Smith (eds) *The Cambridge History of Communism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017, pp. 526–550.

19 Караганов, Сергей, «Мировой шторм и русский кураж», *Россия в глобальной политике*, 28 октября 2010г., <https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-shtorm-i-russkij-kurazh/>

20 Сурков, Владислав, «Куда делся хаос? Распаковка стабильности». *Актуальные комментарии*, 20 ноября 2021г., <https://actualcomment.ru/kuda-delsya-chaos-raspakovka-stabilnosti-2111201336.html>

21 Цит. по: Blinova, Elena, "Russia Has Emerged as an International Conservative Leader" — *Academic*, *Sputnik International*, 20 October 2018. <https://sputniknews.com/analysis/201810201069040138-russia-eu-us-conservatism/>

21 Buchanan, Patrick, 'Is Putin One of Us?', *Patrick J. Buchanan Official Website*, 17 December 2013. <https://buchanan.org/blog/putin-one-us-6071>

22 Латынина, Юлия, «Заблудились в трех нарративах. Дискуссия. Инфантильный социализм стал новой религией Большого Запада». *Новая газета*, 3 августа 2020г. <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/03/86505-zabludilis-v-treh-narrativah-diskussiya>

23 Богомолов, Константин. «Похищение Европы 2.0». *Новая газета*, 10 февраля 2021г. <https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/10/89120-pohischenie-evropy-2-0>

24 Neumann, Iver B. 'Russia's Return as True Europe, 1991–2017', *Conflict and Society*, 3(1), 2017, p. 78

25 European Parliament, 'Importance of European Remembrance for the future of Europe', 19 September 2019. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html

26 Putin, Vladimir, "The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II", *The National Interest*, June 18, 2020

27 Курилла, Иван, «Перед судом — история. Вторая Мировая война в европейской памяти XXI века». *Россия в глобальной политике*, №5, , сентябрь/октябрь, 2015, <https://globalaffairs.ru/articles/pered-sudom-istoriya/>

28 Гройс, Борис, «Россия как подсознание Запада», в кн: *Утопия и обмен*, Москва: Знак, 1993. См. также: Medvedev, Sergei, 'Russia as the Subconsciousness of Finland', *Security Dialogue* 30(1), 1999, pp. 95–107.

29 «Мединский назвал автомат Калашникова «культурным брендом» России», *Ведомости*, 19 сентября 2017г. <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/09/19/734405-avtomat-kalashnikova-kulturnim>

30 Ерофеев, Виктор, «Россия — родина слонов и автомата Калашникова», *Deutsche Welle*, 17 сентября 2017г., <https://p.dw.com/p/2VzxM>

31 Бауман, Зигмунт, *Петрополия*. Москва: ВЦИОМ, 2019

32 Бойм, Светлана, *Будущее ностальгии*. Москва: НЛО, 2021

© Текст: Сергей Медведев

СЕРГЕЙ МЕДВЕДЕВ — профессор Свободного Университета, Москва

ФРАНЦИЯ СТОИТ ПЕРЕД ОТСУТСТВИЕМ ВЫБОРА?

ЮРИЙ САФРОНОВ

Президентская кампания-2022: Макрон не готовится паковать вещи, чтобы покинуть Елисейский дворец, но в последние недели у него появился неожиданный повод

для волнения

Президентская кампания по-настоящему начинается в декабре-январе во Франции. Первые сюрпризы уже здесь. Правая, «голистская», оппозиция выбрала единую кандидату Валери Пекресс, на которую мало кто ставил и которая после этого, вопреки ожиданиям, стала набирать очки. У крайне правой Марин Ле Пен — безоговорочно выходящей по всем

опросам последних лет во второй тур президентских выборов — появился соперник на ее же фланге, которому теперь социологи дают примерно равные с ней шансы. Несколько пошатнулись за две недели середины декабря позиции главного фаворита — президента Макрона, которому — в случае, если Пекресс

удастся опередить ультраправых и проскочить во второй тур — будет уже тяжелее выиграть. Впрочем, это прогнозы на конец декабря, а выборы — в апреле, так что сюрпризы еще будут.

И, конечно, публика ждет скандалов: неужели не выложат бережно собранный на кого-нибудь компромат? Ни одна из последних кампаний не обходилась без этого.

...Еще до первой декады декабря все соцпросы безоговорочно предсказывали: Макрон должен сильно постараться, чтобы проиграть.

Конечно, то же самое говорили и накануне прошлых выборов, в декабре-январе 2016-2017, о другом фаворите — Франсуа Фийоне, но в конце января 17-го вытаснен был из шкафа коррупционный скелет — и съел фаворита.

Есть ли какие-то опасности для Макрона сегодня? Какие проблемы французские избиратели считают основными, и чего ждут в качестве предвыборных обещаний? Кто на этих выборах — главные пророссийские кандидаты?..

Начнем с президентских опасений.

ЧЕГО БОИТСЯ МАКРОН

Окружение президента видит угрозу, посматривая в сторону Москвы.

Известно, что в мае 2017-го, за пару дней до второго тура прошлых президентских выборов — где Макрону противостояла «наша» ультраправая Марин Ле Пен — в Интернет была вброшена внушительная «пачка» электронных писем, связанных с макроновской избирательной кампанией (т.н. скандал MacronLeaks).

Скандал не сказался на результатах — Ле Пен с треском проиграла второй тур.

Проиграла, в том числе, из-за бездарно проведенных финальных дебатов с Макроном, на которых она, между прочим, пыталась забросать соперника «компроматом» из MasconLeaks (хотя тот еще даже не был опубликован).

Тем не менее, Макрон — который уже видел пример с избранием Трампа в 2016-м — отнесся к «российской угрозе» серьезно. И не только к хакерской, но и к пропагандистской — и принял меры: в том числе, укрепил предвыборное законодательство.

В конце мая 2017-го в Версале, на совместной пресс-конференции с Путиным, с которым он тогда встретился впервые, Макрон перешел на повышенный тон лишь однажды: обращаясь по адресу российских государственных учреждений — Russia Today и Sputnik. Молодой президент заявил, что выстраивает «образцовые отношения с (нормальными) журналистами», но не с «органами влияния», «пропаганды» и «лживой пропаганды».

С годами Макрон не изменил мнения и сохранил прежние опасения.

Это видно и по октябрьскому интервью министра иностранных дел Жан-Ива Ле Дриана каналу France 5: «Когда была первая встреча президента Макрона и президента Путина, в Версале в 2017-м, президент Макрон ему сказал: «Я видел, что ты сделал в момент моего избрания. Я видел попытки вмешательства, реальность вмешательства...».

Ле Дриан добавил: «Можно ему (Путину) сказать это и сейчас: «Мы знаем, что вы можете действовать таким же образом во время ближайших президентских выборов во Франции».

Но макроновцы в этот раз обещают быть начеку. «Нужно обезопасить себя, — пояснил министр. — И для этого мы применили инструменты (...), создали Task Force, которая следит за всем, что происходит. И еще на уровне премьер-министра создан механизм для отслеживания потенциальных случаев вмешательства».

Заканчивая с темой «вмешательства», которая является хоть и любопытной, но пока второстепен-

ной, перейдем к основным конкурентам действующего президента. По состоянию на конец ноября.

Так уж вышло, что двое из трех — ультраправые, которые профессионально восхищаются Владимиром Путиным, а сами в ответ получают активную поддержку — как минимум со стороны российской пропаганды.

ЗЕММУР, КОНКУРЕНТ ЛЕ ПЕН

Первым громким открытием нынешней избирательной кампании стал 63-летний эссеист-полемист Эрик Земмур. Персонаж, любящий скандалы. Подкармливающий свою известность за счет провокационных фраз и теорий. Из последних примеров: еврей Земмур призывает реабилитировать маршала Петена и обвиняет коммунистов-участников Сопротивления в том, что они развязали во Франции «гражданскую войну». Говорит: «Петен спас французских евреев».

Земмур — неутомимый борец за «чистоту» «французской нации». Он сравнивает «нашествие мигрантов» в страну с «великими вторжениями» варваров «после падения Рима»: видит «банды чеченцев, цыган, косоваров, магребинцев, африканцев, которые грабят, насилуют» французам.

«Ошеломленное и обессиленное французское население кричит о своей ярости, но теряет в космической пустоте статистики», — говорит Земмур, намекая, что основное число преступлений совершают «понаехавшие», но французское государство не только с ними не борется, как следовало бы, но и не отражает в статистике национальную принадлежность преступников. Впрочем, спастись еще можно. Достаточно избрать господина Z.

Для него, как для всякого уважающего себя кандидата в президенты Франции, и молодежное движение уже создали — со скромным названием *Génération Z* (напомню, так принято называть «поколение зумеров» по всему миру).

Последняя книга Земмура, вышедшая в сентябре, называется *La France n'a pas dit son dernier mot* («Франция не сказала своего последнего слова»). С тех пор Z ездит по стране с предвыбор-

ным турне (поначалу называя это встречами с читателями) и обещает заступиться за старую, добрую, поруганную мигрантами Францию. А чтобы это было легче сделать, уверяет, среди прочего, публику в том, что избавит страну от «гнета» Европейского суда по правам человека, потому что ЕСПЧ мешает выдворять «чужаков» без суда и следствия. Заодно уж Z предлагает избавиться и от Конституционного совета Франции.

Разные соцопросы, которые сейчас публикуются как минимум пару раз в неделю, дают Земмуру в первом туре от 13% до 18% — и это плюс-минус столько же, как у Марин Ле Пен.

Самой Ле Пен выход Земмура на арену может сломать железный сценарий, при котором она по всем раскладам выходит во второй тур вместе с Макроном. А значит, может не сомневаться в том, что если и не победит, то хотя бы московские баранки и коврижки получит в достаточном количестве. Теперь задача усложнилась.

И Земмур выражает восхищение Путиным с гораздо большим энтузиазмом, чем Ле Пен, и российские органы информирования уделяют сверхновой ультраправой звезде огромную долю участливого внимания.

Рассказывая о Европе «от Атлантики до Урала», которую мешают построить американцы, Земмур использует примерно те же аргументы, что и подавляющая часть друзей и попутчиков Кремля на Западе: в 90-е Россию «унизили» и «обманули», подведя НАТО к ее границам, а теперь Путин — которого в определенной степени можно сравнить даже с де Голлем — лишь восстанавливает справедливость и возвращает России «величие».

К слову, из НАТО Земмур обещает выйти.

Впрочем, в победу Z. на президентских выборах во Франции пока по-настоящему верит в лучшем случае он сам и могучее ядро поклонников, заполняющих залы во время его «литературной» поездки по стране.

30 ноября Земмур официально объявил себя кандидатом в президенты, прервав ложную интригу.

А потом его команда перенесла первый официальный предвыборный митинг из 7-тысячного парижского зала Zenith в 20-тысячное пространство

в парижском пригороде. Сказали: иначе сторонники не помещаются. (Митинг ознаменовался столкновениями активистов антирасистских ассоциаций с земмуровскими сторонниками).

ФРАНЦИЯ, ТЫ ПОПРАВЕЛА

Тем не менее, если в апреле 2022-го, когда станет известно имя президента,

и нельзя будет сказать, перефразировав классика, «Франция, ты одурела!», то вот «Франция, ты поправила» — вполне возможно.

Ведь если просто, без учета нюансов (и скидки на возможные ошибки социологов), сложить потенциальных избирателей Ле Пен и Земмура, получится 30-35%. И это только те, кто говорит о готовности голосовать за откровенно крайне правых.

Можно было бы отметить, что и в 2016-м, на фоне слабости президента Олланда, одна Марин Ле Пен имела почти такой же рейтинг (при этом получив в первом туре всего 21,3%), но тогда другие кандидаты гораздо четче высказывались против ультраправых «ценностей».

Пять лет спустя можно констатировать: сегодня и правая оппозиция, и «умеренно-правый» Макрон сделали несколько заметных шагов по направлению к правому краю.

Даже многоопытный евробюрократ Мишель Барнье (*в последние десятилетия занимал высокие посты в руководстве Евросоюза*) вдруг заявил в сентябре о том же, что и Земмур — Франция должна обрести «юридический суверенитет» в вопросах миграции, перестав в этой области подчиняться ЕСПЧ. «Он теперь спокойно повторяет риторику, с которой боролся в Брюсселе», — с удивлением отметила газета Le Monde. На самом деле все объясняется просто: Барнье — был одним из претендентов на выдвижение в президенты от правой партии «Республиканцы» (*сторонники партии избирали единственного на партийном конгрессе 1-4 декабря*). Многоопытный функционер полагал, что избиратель ждет таких заявлений.

Примечательными в этом смысле выдались теледебаты макроновского министра внутренних

© Париж. 2009. Фото: Григорий Ярошенко

дел Жеральда Дарманена с Марин Ле Пен в феврале 2021 года. Макроновская партия «Вперед, Республика!» тогда как раз начала принимать закон «об укреплении республиканских принципов» (де-факто первый в истории страны документ о борьбе с «радикальным исламом»), а сам Дарманен выпустил в свет бессмертное творение *Le séparatisme islamiste* («Исламистский сепаратизм»).

После дебатов политологи и журналисты долго спорили о дуэлянтах, и так и не смогли определить, кто из них показал себя более радикальным правым. По крайней мере, сам Дарманен в прямом эфире назвал свою оппонентку «слишком вялой» в «борьбе» с исламизмом и посоветовал «принимать витамины». А ведь она похвалила его книгу, сказав, что «сама могла бы быть ее автором».

Что касается витаминов, то, может, министр и прав: резкое восхождение радикального Земмура показывает, что стратегия «дедьяволизации» (фр. *dédiabolisation*), которую избрала в последние годы для себя и для своего политического формирования госпожа Ле Пен — выгнав из партии открытого расиста-папу и сменив ее название — может на нынешнем круге политической истории Франции оказаться востребованной меньше, чем ожидалось.

Ле Пен думала, став более умеренной, расширить электоральную базу, а время, наоборот, требует быть более радикальной? По крайней мере, президент Макрон, приверженец «идеологии» политического прагматизма, произнес в конце 2020-го и в начале 2021-го две полноценные программные речи, посвященные исключительно защите «республиканских ценностей» от «сепаратизмов» (под «сепаратизмами» на самом деле подразумевалась исключительно исламистская угроза, но нельзя же совсем уж открыто стигматизировать представителей одной отдельной религии).

ЧЕГО ХОТЯТ ИЗБИРАТЕЛИ

Хотя в годы правления Олланда страх перед исламистским терроризмом — на фоне чудовищных терактов 2015-2016 годов («Шарли Эбдо», серия атак

13.11.2015, теракт в Ницце...) — был действительно большим и ощутимым, а требование защиты стояло на первом месте в списке приоритетов избирателей, сегодня картина изменилась.

И Макрон, кстати, в начале ноября — выступая с очередным «коронавирусным» обращением к нации (а по факту это была уже предвыборная речь) — отметил, в том числе, успехи в борьбе с терроризмом, заявив о предотвращении 36 терактов с 2017 года, то есть, за время его президентского правления. Проверить эти цифры, идущие от спецслужб, нет никакой возможности, так что остается верить или не верить. Кроме того, никто не может гарантировать, что страна застрахована от новой масштабной трагедии — в любой момент. И тогда граждане снова могут пересмотреть «рейтинг» своих приоритетов.

Но на сегодняшний день (если руководствоваться результатами масштабного соцопроса, проведенного в октябре, и с тех пор не устаревшего по принципиальным показателям) первой в списке приоритетных проблем граждан стало «повышение покупательной способности» (среди самых главных пожеланий его называют 45% опрошенных). Это желание опередило требования об «укреплении безопасности» (30%) и о «борьбе с миграцией» (27%). Следом в списке проблем идут здравоохранение (26%), экология (25%), пенсия (22% — Макрон готовил масштабную пенсионную реформу, но на фоне протестов решил не рисковать и, как минимум, отложил ее до окончания выборов), рабочие места (21%), социальное неравенство (18%), образование (17%), налоги (13%) и т.д. — вплоть до места Франции в мире (5%).

Оцените, к слову, насколько малое место занимает в жизни французов Большая Геополитика.

СЮРПРИЗ ПО ИМЕНИ ПЕКРЕСС

Но не только международные дела, но и большая внутренняя политика интересует французов гораздо меньше, чем еще десять лет назад. Уже в 2017-м Макрон пришел к власти на фоне высокого уровня политической апатии избирателей, большого

недоверия граждан к политикам вообще и к двум политическим «китам», на которых десятилетиями «держалась» Франция — в частности. Киты — это правая («голлистская») партия (нынешние «Республиканцы») и Соцпартия.

За истекшие пять лет оба политформирования не смогли оправиться от полученного на выборах в 2017-м шока: тогда впервые за сорок лет ни социалистов, ни правых не оказалось во втором туре. Есть немалые шансы на то, что ситуация повторится и в 2022-м.

...Я написал эти строки, сразу после 4 декабря, когда неожиданно избранная на конгрессе «Республиканцев» единым кандидатом от партии Валери Пекресс, набирала в опросах, посвященных первому туру президентских выборов, в районе 8-10% голосов. И занимала в лучшем случае четвертое место — после Макрона (в районе 25%), Ле Пен и Земмура.

Но за две недели, которые истекли с тех пор, оказалось, что первое в истории «голлистов» выдвижение женщины в качестве кандидата в президенты Франции — вероятно, лучший выход для партии, пытающейся найти хоть-какие-то способы обновления.

Рейтинг Пекресс за эти две недели почти удвоился, достигнув 15-17%, и вот уже эта вошедшая несколько десятилетий назад в политику благодаря знакомству своего дедушки с Жаком Шираком 54-летняя мать троих детей, умеренно-консервативная (во всем, кроме вопроса «борьбы» с миграцией) госпожа экс-депутат Нацсобрания, экс-глава предвыборного штаба партии, экс-министр (в правительстве Фийона), глава столичного региона Иль-де-Франс — обещает в апреле въехать в Елисейский дворец.

(К слову, Пекресс, тоже из «наших» — в 15-16-летнем возрасте ездила в пионерлагеря в Ялту и Прибалтику: «влюбившись в «Доктора Живаго», решила — как и Ширак — изучить русский язык).

Питать надежду на победу ей позволяют, опять же, последние соцопросы, согласно которым для президента Макрона самым неудобным сопер-

ником во втором туре является как раз Пекресс — если, конечно, сможет, пройти тур первый.

Но до первого тура, который состоится 10 апреля, еще многое произойдет. И даже перемена настроений пассивных (неявка, согласно декабрьскому соцопросу Le Monde, обещает быть еще более высокой, чем пять лет назад) и неопределившихся избирателей (за два последних месяца 30% опрошенных «изменили мнение» о том, за кого собираются голосовать) еще сыграют свою роль.

И электоральная база Пекресс пока не так устойчива, как у других главных кандидатов — только половина ее потенциальных избирателей говорят сегодня о том, что их выбор «окончательный». У Макрона таких 65%, у Ле Пен — 68%, у Земмура — 61%.

К тому же сейчас, в конце декабря, перед нами еще как минимум несколько несобранных деталей предвыборного паззла — как будет «развиваться» пандемия и борьба с ней, как и когда сам Макрон официально объявит о начале своей предвыборной кампании, войдет ли в игру довольно популярная среди левого электората олландовская экс-министр юстиции Кристиан Тобира... Решатся ли слабые по отдельности левые на какой-нибудь союз...

А пока у кандидата от Соцпартии, мэра Парижа Анн Идальго ситуация плачевная — в первом туре она «набирает» 4-6% и претендует разве что на то, чтобы сократить отставание от кандидата партии «Европа-Экология-Зеленые» Янника Жадю и главы ультралевого движения «Непокорная Франция» Жан-Люка Меланшона (еще одного, к слову, защитника интересов Кремля) — у обоих по 7-9%.

В ЧЕМ СИЛА ПРЕЗИДЕНТА

Сам Макрон — вышедший из Соцпартии, но легко отрекшийся от нее, когда ощутил ее слабость и решил пойти в президенты — все эти годы успешно продолжал раскалывать единство как правых, так и левых. Переманивая у них кадры, перехватывая их повестку по отдельным вопросам и проявляя политическую гибкость в кризисные моменты (как,

например, было с протестами «желтых жилетов», когда Макрон отменил некоторые свои решения по налогам и сборам, поняв, что они вызвали главное недовольство, и отсыпал гражданам прибавки к минимальным зарплатам).

Но преимущество Макрона поддерживается не только апатией избирателей и не только достаточно успешными по мнению многих граждан его действиями на посту главы государства (последний пример: больше половины опрошенных одобряют то, как он справлялся с санитарным кризисом), но и отсутствием узнаваемых сильных конкурентов (та же Пекресс, мало известная в провинции, все же до сих пор была лидером из второго эшелона национальной политики).

25%, которые предрекают Макрону в первом туре — это ведь далеко от народного обожания.

Более того, многие (в первую очередь — из числа убежденных сторонников Меланшона и Ле Пен) откровенно ненавидят Макрона — «самовлюбленного» «республиканского монарха» (вариант: «марионетки Ротшильдов», у которых он несколько лет работал в банке).

Но ненавистники никак не объединяются в единый могучий фронт. А президент Макрон, пользуясь эксклюзивным доступом к государственной казне, занимается тем же, что делали все его предшественники — в последние месяцы перед выборами активно задаривает народ «подарками», еще немного наращивая создаваемый трудами всех французских президентов, начиная с Миттерана, государственный долг Франции (в начале макроновского правления он составлял около 100% ВВП, сейчас — около 115%).

Оппозиция обвиняет Макрона в «разграблении кассы». Макроновцы заявляют, что вкладывают

в развитие страны и вообще отлично справляются с управлением экономикой — особенно с учетом масштабнейшего санитарного кризиса.

Сам Макрон подчеркнул в последнем обращении к народу, что такого низкого уровня безработицы не было много лет; а Банк Франции опубликовал отчет, согласно которому в октябре французская экономика вернулась на «доковидный» уровень, а в ноябре уже пошел рост.

Что касается государственного долга...

Главное, чтобы избиратели в долгу не остались.

А Макрон в октябре уже представил «масштабный план модернизации» под названием «Франция-2030». Он предполагает вложение 30 миллиардов евро. Как сказали в Елисейском, план должен помочь «выявить технологических лидеров завтрашнего дня и поддержать переходные процессы в наших (французских) ведущих секторах: автомобильном, авиастроительном, космическом, в сельском хозяйстве, в энергетике...». Озвучены, например, такие задачи: выпустить «первый низкоуглеродный самолет», произвести до 2030 года «2 миллиона электромобилей», построить несколько малых атомных реакторов, вложить 2 млрд евро в «ускорение агропродовольственной революции», еще 7 млрд евро — на инновации в здравоохранении, 6 млрд — на то, чтобы добиться «удвоения производства электроники» и роботехники. Поставлена и задача — ни много ни мало — «вывести Францию на первое место в производстве культурного контента».

Президент уже думает о том, как будет развивать страну после 2022 года, оценили грандиозный макроновский предвыборный план лояльные аналитики.

© Текст: Юрий Сафронов

ЮРИЙ САФРОНОВ — журналист RFI, обозреватель «Новой газеты» — специально для «Вестника Европы»

ПОСТ- КОВИДНЫЙ РАЗВОРОТ В ЧЕХИИ

ИВАН ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Чехия может вновь стать законодателем политической моды в Центральной и Восточной Европе. Поводом, чтобы так говорить, являются итоги октябрьских парламентских выборов 2021 года в этой стране. Их результатом стало возвращение к власти партий преимущественно правоцентристских, непопулистских, которые в последние полтора десятилетия потеряли власть не только в Чехии, но и повсюду в Центральной Европе. Кроме того, левые, две старейшие партии в стране, социал-демократы и Компартия, вообще не прошли в чешский парламент. Могут ли политические изменения в Чехии стать началом постковидного антипопулистского разворота в регионе? Является ли это тенденцией, которая проявится и в соседних странах, где в ближайшее время ожидаются выборы? Иначе говоря, последуют ли за Чехией ее партнеры по «Вышеградской четверке» — Польша, Венгрия, Словакия?

Что касается самой Чехии, то можно констатировать, что там произошла фактически буржуазная революция. Решающие доли процента, позволившие победить оппозиционному трехпартийному блоку SPOLU, по данным чешских социологов, дали жители богатых предместий крупных городов. В прошлые два выборных цикла высший средний класс поддерживал популистскую партию ANO (ДА) миллиардера Андрея Бабиша. Полтора года локдаунов, самоизоляции и снижения уровня жизни европейского среднего класса в целом в результате мер, принятых популистскими правительствами, изменили настроение этой группы избирателей, и ее мнение оказалось решающим.

Чехи в принципе серьезно поправили за два ковидных года. Та же партия ANO и премьер-популист Андрей Бабиш (как и их младшие партнеры по коалиции, социал-демократы) вовремя этого не заметили, пошли на выборы с прежней попу-

листской повесткой — и проиграли их. Зато оппозиция сформировала два предвыборных блока, продемонстрировала солидарность и взвешенные программы — и выиграла.

Похожая картина сейчас, надо сказать, наблюдается в соседней Венгрии, где противники нынешнего главы правительства, национал-популиста Виктора Орбана и его партии ФИДЕС, провели праймериз и выбрали единого кандидата на пост премьер-министра — Петера Марки-Зай. В Польше рейтинги правящей право-популистской партии «Право и справедливость» стабильно падали последние месяцы, а запрос на «экспертное правительство» вместо популистского сформировался еще раньше. Хотя там, впрочем, серьезные коррективы в электоральные настроения внес организованый белорусскими властями рукотворный «миграционный кризис». Но в целом, настроения таковы, что следование чешскому примеру — смене популистов на право-центристов — вовсе не исключено.

РАЗВОРОТ НА ЗАПАД

Электоральные перемены совпали с достаточно резким изменением чешской внешней политики и, скорее всего, с приходом нового правительства эти изменения только углубятся. В последние годы многим казалось, что Чехия была одной из наиболее лояльных к России стран в Евросоюзе, особенно на его восточных границах. Разумеется, до орбановской Венгрии ей было далеко. Но, скажем, в сравнении с Польшей или государствами Балтии, официальная Прага считалась значительно лояльнее в своем отношении к Кремлю.

Серьезную роль в этом, безусловно, играла личная роль президента страны Милоша Земана. Именно он критиковал в своих интервью российскую оппозицию, высказывался за тесное экономическое взаимодействие как с Россией, так и с Китаем, и даже однажды призвал Евросоюз де-факто признать присоединение Крыма, предложив финансово-экономически компенсировать эту потерю для Украины. Земана и его окружение с симпатией

принимали в Кремле, а радикальная часть чешской либеральной оппозиции называла его за это «резидент Земан», намекая на обслуживание иностранных внешнеполитических интересов.

Считалось достаточно прагматично настроенным в отношении России и чешское правительство. Без прямых дружеских заявлений, но всегда — за сотрудничество. Примерно в рамках курса крупнейшего экономического партнера Чехии в эти годы — меркелевской Германии.

Поэтому многим внешним наблюдателям, особенно в России, показалось, что ситуация радикально изменилась буквально в течение нескольких дней, когда весной 2021 года чешское правительство обвинило Россию в организации в 2014 году взрывов на военных складах во Врбетицах и, при помощи высылки российских дипломатов, фактически принудило МИД РФ сформировать партитет по количеству дипломатов в Москве и Праге.

Изменение было тем более неожиданным, что еще за день до этого в российскую столицу планировал отправиться чешский вице-премьер и глава МВД Ян Гамачек, в тот момент являвшийся также врио министра иностранных дел. А за несколько дней до этого его коллега по правительству вице-премьер и министр промышленности Ян Гавличек уволил из своего ведомства ключевого эксперта по ядерной промышленности за его упорное противодействие участию российского «Росатома» в достройке чешской АЭС «Дукованы».

После этого Чехия, вместе только с США, вошла в список «недружественных» России государств. Двусторонние отношения оказались практически замороженными. С той разве что разницей, что, несмотря на настойчивые слухи, санкций против Чехии, которая является важным для России поставщиком техники и технологий, Кремль вводить не стал. Не случилось и взаимного отзыва послов.

Однако всего этого нельзя исключать в будущем. С приходом в декабре 2021 года в Чехии к власти нового правительства, сформированного бывшей оппозицией, отношения с Россией станут только сложнее. Поводов к тому несколь-

© Прага, 2019. Фото: И. Прохин

ко, но есть три ключевых. Во-первых, пришедшие к власти партии выступают за более жесткую ориентацию на единство Евросоюза, чем предшествовавшее им правительство Андрея Бабиша, а равно за более активное участие Чехии в деятельности НАТО. Во-вторых, в правительстве нет прямых лоббистов интересов России или Китая, а новый премьер Петр Фиала — политолог по образованию, крайне скептический относящийся к авторитарным режимам.

Наконец, в-третьих, резко снижается влияние президента Милоша Земана. Прежний премьер Андрей Бабиш был зависим от главы государства. Его правительство, с правовой точки зрения, было правительством меньшинства, которое держалось, в значительной степени, благодаря поддержке президента. При этом миллиардер Андрей Бабиш находился под постоянным давлением со стороны Еврокомиссии и чешской полиции и юстиции, в связи с обвинениями в коррупции и нецелевом использовании на благо личного бизнеса европейских дотаций.

Петр Фиала, хоть его кабинет и сформирован пятью партиями и опирается, соответственно, сразу на пять фракций в нижней палате чешского парламента, чувствует себя на посту премьера гораздо устойчивее, чем Бабиш. После утверждения состава его правительства, эффективное давление на него со стороны президента практически исключено. Добавим к этому серьезные проблемы Милоша Земана со здоровьем, из-за которых он был вынужден большую часть октября и ноября провести в больнице. И становится понятно, что серьезной роли во внешней политике Чехии нынешний глава государства в ближайшее время играть не сможет.

Что-то может поменяться в этом плане только в случае досрочной смены президента, еще до плановых выборов, которые приходятся на 2023 год. Но и тогда есть достаточно большая вероятность, что победу одержит кандидат, поддержанный нынешней правящей коалицией. В этом случае он, весьма вероятно, будет проводить общий с ней внешнеполитический курс, а не как Милош Земан — свой собственный.

СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСТАЮТСЯ

Вопрос президентских выборов, впрочем, не сводится к тому, каков будет внешнеполитический курс следующего главы Чешской Республики. Проблема в Чехии системна, с этой точки зрения она как раз представляет собой как бы «антипример» для других парламентских республик. Причина в том, что с 2013 года страна перешла к прямым выборам президента, которые и выиграл популист Милош Земан. Эти прямые выборы оказались тогда в полном смысле слова бомбой замедленного действия под конституционной системой Чехии.

Все столкновения чешского правительства и президента, давление его на премьер-министра и многократные попытки Милоша Земана присвоить себе дополнительные полномочия, например, по утверждению конкретных министров, не случайны, связаны не только с его особенностями, как политика, но системны. Его предшественники Вацлав Гавел и Вацлав Клаус избирались, в соответствии с классической для парламентской республики схемой, то есть депутатами нижней палаты национального собрания. Соответственно, подотчетны они были, в первую очередь, парламенту, он же эффективно ограничивал не только их полномочия, но и эффективность.

Иное дело Милош Земан, первый всенародно избранный президент Чехии, чья легитимность выше любого другого политика в стране, просто потому, что за него проголосовало одновременно более 50% пришедших на выборы чешских избирателей. Уже сами такие выборы создают у избирателей ожидания масштаба президентских республик: США, России или хотя бы Франции.

Однако чешский президент, в отличие от коллег из президентских республик, имеет в основном представительские полномочия. Самое серьезное и реальное — утверждение премьер-министра. И то, им должен стать лидер победившей на парламентских выборах политической силы. Но при наличии достаточных амбиций, которые были, например, у Милоша Земана при вступлении в должность, народные ожидания вкупе с амбициями главы го-

сударства, неизбежно провоцируют конфликт главы государства с другими госинститутами.

Именно это происходило в Чехии все последние годы и, кстати, стало одной из основ для поствыборного многомесячного политического кризиса в стране. К моменту этих выборов Земан, с одной стороны, находился в конфликте с правительством после скандала вокруг дела о взрывах во Врбетицах. Президент отказался считать позицию кабинета министров единственно верной и назвал обвинения, выдвинутые против России, лишь одной из версий. В то же время, он остался гарантом сохранения власти действующим премьером Андреем Бабишем. В условиях, когда оппозиция (победившая в итоге на выборах) сформировала два политических блока, президент обещал доверить формирование кабинета министров лидеру набравшей наибольшее число голосов партии, а не политической силы. Все соцопросы гарантировали в тот момент, что таким лидером окажется именно Андрей Бабиш, его ANO, в одиночку проигрывая одному, а может и обоим оппозиционным блокам, все равно как партия должна была остаться на первом месте.

Усложнила ситуацию после выборов и госпитализация Милоша Земана. Подтвердив свое обещание Бабишу неформально, глава государства через день после голосования уехал в больницу, в палату реанимации. Чешская же конституция не предусматривает практически никаких вариантов временной нетрудоспособности президента, на этот случай не происходит никакой автоматической передачи власти, не прописан и процесс самостоятельного вступления премьера в полномочия. Оппозиции в лице победившего на выборах блока SPOLU и союза Пиратской партии с объединением STAN пришлось угрожать канцелярии президента началом громоздкой, почти повторяющей импичмент, процедуры признания Земана неспособным исполнять свои

полномочия. Попутно полиция начала расследование возможной узурпации полномочий главы государства сотрудниками его канцелярии.

Итогом этого стало неформальное соглашение победивших политических сил с Милошем Земаном и его окружением. Находясь под давлением, он согласился утвердить новым премьером лидера блока SPOLU и его основной партии ODS Петра Фиалу и его министров. Однако это решение конкретного политического кризиса, а не проблемы в целом.

Даже если Чехия в ближайшие годы, в политическом плане, окажется локомотивом Центральной и Восточной Европы, проблему сочетаемости прямых выборов президента и парламентской республики ей однозначно придется решать. Причем, скорее всего, внесением уточнений или изменений в Конституцию страны или, как минимум, принятием уточняющих решений Конституционным судом, который, в этом случае, своими постановлениями закроет самые опасные «прорехи» в основном законе стране. В противном случае, и преемник Милоша Земана, даже если он будет из одного политического лагеря с современным ему правительством, практически неизбежно вступит с ним в соревнование за легитимность, а значит, и за полномочия, провоцируя новые политические кризисы. Просто потому, что это заложено в современной чешской политсистеме.

Это положение — яркий пример того, что электоральные успехи еще не все, для изменения положения в любой демократической стране. Если проблема лежит в основе системы, она неизбежно будет воспроизводиться. И это необходимо учитывать и другим странам и политическим силам, которые считают, что могут изменить положение в своих странах, не меняя основ политической системы, лишь победив на выборах или иным способом перехватив власть у действующего правящего класса.

© Текст: Иван Преображенский

ВАДИМ ЖУК

На советских картинах минувших годов
 Мимо белых колонн, мимо белых дворцов,
 В ослепительно-радостном белом
 Шел по лестницам белым советский народ,
 Шёл по лестницам вниз, но стремился вперёд!
 Шёл с цветами грузин загорелый,
 Шёл с завидною дыней красивый узбек
 Рядом с замороженной узбечкой,
 И кубанский казак, среди других человек,
 Вёл коня за витую уздечку.
 Нёс латышский рыбак целый выводок шпрот
 В специальном хрустальном сосуде,
 И фруктовых садов удивительный плод
 Нёс таджик на узорчатом блюде.
 Богатырь-белорус нёс картошки мешок,
 Глядя зубра свободной рукою,
 И тишайший еврей нёс весёлый стишок,
 Посвящённый советскому строю.
 Рядом реки струились из хлопка и ржи
 И ручьи углеродистой стали,
 Краснозвёздные резали небо стрижи,
 Краснозвёздные пчёлы летали.
 На библейских картинах минувших годов
 Врач слепил белоснежным халатом,
 Химик плавал в растворах различных цветов,
 Физик мирный показывал атом.
 Пирамиды спортсменов, играя собой,
 Становились друг другу на плечи,
 Бочку амбры катил удалой китобой,
 Парфюмерным заводам навстречу.
 Балерины крутили свои фуэте,
 Тенора брали «до», как высотки,
 Остальные стремились к высокой мечте,
 Остальные используя нотки.
 Пограничник свой столб пограничный держал,
 Боевой подготовки отличник –
 Шлемоглавый танкист по нему проезжал.
 «Хоть бы что» – говорил пограничник.
 На могучих картинах затопленных лет,
 На страну покрывавших полотнах,
 Озарённые светом великих побед,
 Наши гены шагали вольготно.
 Мимо белых дворцов по торцам площадей
 Шли и шли к ускользящей цели.
 И глаза наших гордых и мудрых вождей
 Сквозь прицелы с трибуны глядели.

22 ноября 21

© Текст: Вадим Жук

© Узбекистан. 2013. Фото: Григорий Ярошенко

«Он Император Всея-Всея»

ТАТЬЯНА ЩЕРБИНА

Советская идеология строилась на святости своего первого дня, «Великого Октября», праздновавшегося 7 ноября, 25 октября по старому стилю. Новая жизнь требует нового отсчета времени, нового календаря (он был, правда, временно, учрежден и французской революцией 1789 г.), точки в завершении предыдущего мира. На моей памяти еще говорили про некоторых людей — «из бывших», из дворян, их сменила новая высшая каста — партноменклатура. Сегодняшние «дворяне» называются «элита». И нынешняя власть тоже хочет иметь свой день рождения, священную дату, ею пытаются представить 9 мая 1945 г., День Победы. Всё, что до этого — история прежнего мира, революционного, это не «мы», а мы — это те, кто победили, уничтожили врага. Граница между советским и постсоветским постепенно ретушируется, просто «мы — страна победителей», как написано на многочисленных щитах вдоль шоссе. «Мы» (имеются в виду нынешние хозяева страны) идем от победы к победе, ставим на место, переставляем местами, потому что есть тот самый первый день в раю, в котором мы еще, правда, не были, но попадем туда, когда другие сдохнут.

Залп Авроры, взятие Зимнего, телеграфа и телефона — это «этапы большого пути», но свергнутая жизнь, сколько ни поубивали ее носителей, продолжает жить, пока живы ее символы — царь и его дети, царевичи и царевны. Кем они станут — простыми гражданами новой советской республики? Рабочими и крестьянами? Бегут за границу? Они — потенциальные конкуренты, в 1918 г. «молодая советская республика» чувствует себя еще неуверенно. А устроенная ею бойня превосходит во столько раз деяния «Николашки Кровавого», Ходынки, и Кровавого Воскресенья 9 января, что уже завтра некоторые могут задуматься: революция делалась для того, чтобы построить общество справедливости и равноправия. И где же оно, когда полстраны пустили под нож? Тут-то и вспомнится, что есть у нас царь, царевичи и царевны, и вдруг всё вернется? Их нужно физически уничтожить, как и во Франции отрезали головы королю и королеве. Во Франции, несмотря на это, монархия возвращалась в разных формах, и потребовался почти век, чтобы Франция стала действительно республикой («Третья Республика, с 1870-го г.) и еще почти век,

когда она обрела форму той Франции, которая существует по сей день с 1958 г. («Пятая Республика»).

Но российские революционеры об истории не сильно задумывались, им нужно было удержать власть здесь и сейчас, и негласной, но завершающей точкой отсчета нового самодержавия, так никогда и не ставшего республикой, стало убийство царской семьи.

В отличие от демонстративного гильотинирования монаршей четы во Франции, в России это делалось тайно, ночью, эстетически и морально тошнотворно, подло, как бы с сознанием того, что свершается не правосудие, а преступление. Так оно пошло и дальше: ночные воронки, тайные расстрелы и концлагеря при Сталине, венгерская и новочеркасская бойни при Хрущеве, танки в Праге и аресты диссидентов при Брежневле — ну да все знают. А ключевое событие-инициация всего этого — именно убийство царской семьи.

В сегодняшней жизни такой реальной точки отсчета нет, она идет как гибрид советского и царского, то же самодержавие, близкое к самосознанию СССР времен «отца народов» и Российской Империи последнего императора: «Божиею милостию, Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая*»,

а кому не самодержец — те враги. Только география сузилась, хоть и зудит беспокойной памятью.

И вот отличие российского эха царевубийства исподтишка от французского провозглашенного: там оно не породило гражданской войны, противостояния в течение ста лет (и оно продолжается), как в России. И если там девиз свобода-равенство-братство худо-бедно реализовался (не будем о сегодняшнем дне, он везде заблудший), то в России демократия так никогда и не настала. Вождь, Генсек, Первый Секретарь, Президент — это все тот же Император.

В этой связи интересно, что в русской литературе к сюжету царевубийства возвращались постоянно, и Олег Лекманов проанализировал тексты, отметив, что «поделом» писали советские авторы совсем бесталанные, проклинали царевубийц тоже не самые выдающиеся антисоветские, а самые были внутренне раздираемы между этими двумя полюсами: заслужил, да, но нельзя же так. И детей жалко.

Позволю себе привести тут и собственный стишок на тему:

*Царь Ни кола ни двора Второй
не услышал лязг и не слушал вой
по цехам, на фронте и под землей.
У него под контролем земля-земля,
он Император всея-всея,
за него... И всё оказалось зря.*

★★★

© Текст: Татьяна Щербина

* полный титул: «Божиею поспешествующею милостию, Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и великий князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северная странъ Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския землей и области Арменския; Черкаских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель, Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голштейнский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая» [

ГИБЕЛЬ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

в русских стихотворениях 1919 — 1930-х гг.:

примеры с комментариями

*где в ипатьевском подвале
ради пламенных идей
коммуняки убивали
перепуганных детей.*

Лев Лосев

ОЛЕГ ЛЕКМАНОВ

***

Расстрел семерых членов императорской семьи и четырех человек из императорской свиты в ночь с 16 на 17 июля 1918 года не оставил и не мог оставить равнодушными большинство современников. Как минимум, потому что двум расстрелянным царевнам не было еще и двадцати лет от роду, а царевичу Алексею не исполнилось и четырнадцати.

Следы рефлексии над этим травмирующим сознание событием обнаруживаются не только в произведениях оппонентов политики большевиков¹, но и в книгах вполне ортодоксальных коммунистов: им нужно было как-то объяснить и оправдать для себя и для читателей убийство безоружных людей и детей.

Так, в повести Аркадия Голикова «Обыкновенная биография» 1929 года (в 1930 году вышедшей отдельным изданием под псевдонимом «Гайдар» и новым названием — «Шко-

ла») тема царубийства первоначально подается в игровом, почти комическом ключе. Герой повести разговаривает со школьным товарищем:

— Федька, — спросил я, — а почему французский царь президентом называется?

Федька задумался.

— Не знаю, — ответил он. — Я что-то слышал, что ихний президент вовсе и не царь, а так просто.

— Как это — так просто?

— Ей-богу, не знаю. Я, знаешь, читал книжку писателя Дюма. Интересная книжка — кругом одни приключения. И по той книжке выходит, что французы убили своего царя, и с тех пор у них не царь, а президент.

— Как же можно, чтобы царя убили? — возмутился я. — Ты врешь, Федька, или напутал что-нибудь.

— А ей-богу же, убили. И его самого убили, и жену его убили. Всем им был суд, и присудили им смертную казнь.

— Ну, уж это ты непременно врешь! Какой же на царя может быть суд? <...>

— Ну, хочешь — верь, хочешь — нет! — рассердился Федька. — Вот Сашка Головешкин прочитает книжку, я тебе ее дам. <...> Там собирался весь народ и судили, и казнили... — добавил он раздраженно, — и даже вспомнил я, как казнили. У них не вешают, а машина такая есть — гильотина. Ее заведут, а она раз-раз — и отрубает головы.

— И царю отрубали?

— И царю, и царице, и еще кому-то там².

Затем у героя арестовывают и расстреливают дезертира-отца, и когда мальчик после Февральской революции встречает одного из участников ареста, тот оправдывается следующим образом:

Сам государь император и то только под домашним арестом, а уж чего же с нас спрашивать!.. Вон, слышите? Оратор говорит, что не нужно никакой мести, что люди должны быть братьями и теперь, в свободной России, не должно быть ни тюрем, ни казней. Значит, и нам не будет ни тюрем, ни казней³.

Однако сочувствия такая логика у героя не находит:

Я посмотрел ему вслед и подумал: «Как же так не нужно?.. Неужели же, если бы отец вырвался из тюрьмы, он позволил бы спокойно расхаживать своему тюремщику и не тронул бы его только потому, что все люди должны быть братьями?»⁴

Сопоставленные нами эпизоды «Школы», как представляется, введены в повесть для того, чтобы читатель сам восстановил в памяти не упоминаемое в «Школе» историческое со-

бытие — расстрел последнего русского царя, его жены и его детей. Вспомнил и не просто оправдал палачей, а понял справедливость и неизбежность их действий. Как сформулировал в заметке 1922 года не кто-нибудь, а Осип Мандельштам: «нельзя жить, если не будет убит царь»⁵.

***

Стихотворения 1919–1930-х гг. прямо описывающие расстрел царской семьи, можно разбить на три группы: ту, где царь и его семья воспеваются, а палачи проклинаются; ту, где палачи воспеваются, а царь и его семья проклинаются; и ту, где палачи так или иначе оправдываются, но и к царской семье проявлено вольное или невольное сочувствие.

В первую группу входят достаточно многочисленные стихотворения русских эмигрантов. Все они не блещут особыми поэтическими достоинствами, поскольку за раскрытие темы царубийства брались исключительно дилетанты. Приведем здесь в качестве примера только одно стихотворение, выхваченное почти наугад из эмигрантской прессы. В нем, как в линзе, собраны в пучок ключевые мотивы эмигрантских стихотворений о смерти последнего русского императора:

Где-то там далеко на Урале,
Там, где в небо уперся гранит,
Темной ночью, как жертва, в подвале
Был Помазанник Божий убит.

Был убит Он с детьми и женою,
С горстью верных до гроба служак,
И с тех пор над несчастной страной
Льется кровь и сгущается мрак.

Много лет за железной завесой
Заперта, как колодник страна, —
Там глумится за черною мессой
Над распятым Христом сатана.

Так свершилась правительства смена
И раздел Твоих царственных риз...
Как Ты, прав, — только ложь и измена
Заменили наш старый девиз.

Сатана стал у власти кормила,
Заметая Твой царственный след,
Много горя страна пережила,
А «свободы» и мертвому нет.

Мы грешны, Русский Царь, перед Богом,
Пред Тобою мы тоже грешны,
У Тебя должники мы во многом.
Пострадал Ты за правду и «ны»...

Но всему есть и время и мера, —
После ночи наступит заря,
И Господь посрамит изувера
За убийство Руси и Царя.

Будет проклят свобод провокатор,
Будет проклят семнадцатый год,
И Тебя, Государь Император,
Будет чтить, как святого, народ.

И в лесу, на далеком Исете,
Он воздвигнет из мрамора храм,
Чтобы знали все люди на свете,
Что замучен был праведник там⁶.

Стихотворные тексты из второй группы (порушение убитых, воспевание убийц) поэтически тоже не слишком состоятельны. Такова, например, графоманская поэма Константина Тюляпина «Расстрел Романовых»:

В отштукатуренной
белой коробке,
В низкой,
подвальной,
с одним окном
Романовы
встретились
бледные, робкие,
С революционным

народным
судом.
Жалким листком
пожелтевшей березы
Дрожит
Николая
Романова
взор...
Величье разбито.
Кончатся грозы...
... Читает
уральский чекист
приговор.
Кровью миллионов
написаны буквы.
Итог преступлений
в строчках не счесть.
Там расстреляли.
Повесили тут вот...
В крови захлебнулась
царская месть⁷.

И далее:
Каждая сточка —
кровь преступлений.
Чекист проверяет
строчечный строй.
Мела белее
Виновник глумлений,
Палач
Николай
второй⁸.

Такова и написанная куда более профессиональным автором (конструктивистом Диром Туманным (Н. Пановым)) поэма «Домик в Свердловске» (1926), в которой о столь незначительном событии, как расстрел царской семьи предлагается просто забыть, а вместо этого сосредоточить внимание на достижениях советской власти в городе, где некогда был убит император⁹.

Наиболее интересные стихотворения входят в третью группу. Это «Последний»

(1919) Павла Антокольского¹⁰, «Народной ярости не внове...» (1920) Марии Шкапской¹¹, «Царская ставка» (1922–1924) Михаила Зенкевича¹² и «Закон самодержавия таков...» (1924) Максимилиана Волошина¹³. Примыкают к этим стихотворениям и наброски к «Поэме о царской семье» (1930) Марины Цветаевой¹⁴.

Логика всех этих текстов отчасти совпадает с логикой приведенного мною чуть выше фрагмента из людоедской поэмы Тюляпина — Николай II и его семья расплачиваются за злодеяния, совершенные во время правления последнего русского императора.

Царю и его семье припоминают ходыньскую давку, бездарное поражение в русско-японской войне, 9 января 1905 года, распутищину, бессмысленную гибель людей на фронтах Первой мировой войны:

То он, идиот, подсудимый, носимый
По серым низинам и взгорьям,
От черной Ходынки до желтой Цусимы,
С молебном, гармоникой, горем...
(Антокольский)

Народной ярости не внове
Смиряться страшною игрой.
Тебе, Семнадцатый Людовик,
Стал братом Алексей Второй.
И он принес свой выкуп древний
За горевых пожаров чад,
За то, что мерли по деревне
Милльоны каждый год ребят.
За их отцов разгул кабацкий
И за покрытый кровью шлях,
За хруст костей в могилах братских
В манджурских и иных полях.
(Шкапская)

А помните Ходынку и на Дворцовой площади
Иконы в крови и виселиц помост.
Как Людовику XVI-ому, вам не будет пощады,

Народ ничего не забывает и мстит...
(Зенкевич)

Закон самодержавия таков:
Чем царь добрей, тем больше льется крови.
А всех добрей был Николай Второй,
Зиявший непристойной пустотою
В сосредоточьи гения Петра.
Санкт-Петербург был скроен исполином,
Размах столицы был не по плечу
Тому, кто стер блистательное имя.
Как медиум, опорожнив сосуд
Своей души, притягивает нежить —
И пляшет стол, и щелкает стена, —
Так хлынула вся бестолочь России
В пустой сквозняк последнего царя:
Желвак От-Цу, Ходынка и Цусима,
Филипп, Папюс, Гапонов ход, Азеф...
Тень Александра Третьего из гроба
Заезжий вызывает некромант,
Царице примеряют от бесплодия
В Сарове чудотворные штаны.
Она, как немка, честно верит в мощи,
В юродивых и в преданный народ.
И вот со дна самой крестьянской гущи —
Из тех же недр, откуда Пугачев, —
Рыжебородый, с оморошным взглядом —
Идет Распутин в государев дом,
Чтоб честь двора, и церкви, и царицы
В грязь затоптать мужицким сапогом
И до низов ославить власть цареву.
И всё быстрее, всё круче чертогон...
В Юсуповском дворце на Мойке — Старец,
С отравленным пирожным в животе,
Простреленный, грозит убийце пальцем:
«Феликс, Феликс! Царице всё скажу...»
(Волошин)

И опять — стопудовым жерновом
Половина — какого черного?
— В голубые пруды атласные —
Часа — царствования — сплошь красного!
Настоящего Моря Красного!
От Ходынского Поля красного
До веселого и красивого

Алексея Кровоточивого
На последнюю каплю — щедро!
(Цветаева)

Однако каждый из авторов, которых мы включили в третью группу, находит возможность для того, чтобы выразить ужас по поводу расстрела царя и его близких. Главным маркером сочувственного отношения поэтов к жертвам страшного приговора становится во всех перечисленных стихотворениях само упоминание о семье Николая II, и, в первую очередь, о мальчике-царевиче (характерно, что Тютюпин обходится сухим перечислением в самом начале поэмы: «Вышли. / Тревогой подернулись лица. / Николай, / Александра, / квартет дочерей, / Наследник... / Всего — / одиннадцать»¹⁵).

При этом Антокольский и Зенкевич спроецировали строки о гибели императора и его сына на знаменитую балладу «Лесной царь» Гёте — Жуковского:

Он с мальчиком мчится. А лошадь взмолилась,
Как видно, пора околеть ей.
Зафыркала, искры по слякоти сея,
Храпит ошалевшая лошадь...
.....
— Отец, мы доехали? Где мы? — В России.
Мы в землю зарыты, Алеша.
(Антокольский)

Мчится автомобиль в ночь, и рядом
Шепчет испуганно прижавшийся сын:
— Папа, папа, куда же мы едем?
(Зенкевич)

А Шкапская в финале своего стихотворения взглянула на смерть царевича Алексея с привычной для нее точки зрения Женщины и Матери:

Но помню горестно и ясно —
Я — мать, и наш закон — простой:

Мы к этой крови непричастны,
Как непричастны были к той.

Нужно еще отметить, что в финале стихотворений Зенкевича и Волошина сделан акцент на подробностях последних минут царя и его семьи. Так что читатель с неизбежностью преисполняется к ним жалостью и состраданием:

Последний раз обнимите сына,
Жену и дочерей. Как руки дрожат!
Соблюдайте достоинство вашего сана,
Здесь нет камергеров вас поддержать...
На костер волочите их вместо падали.
Ничего, если царская кровь обольет.
У княжон и царицы задирайте подолы,
Щупая, нет ли бриллиантов в белье.
Валите валежник. Не поленитесь,
Лейте бензин, — золотом затопить
Последнюю царскую ставку — поленицу
Дров, огневеющих ночью в степи.
(Зенкевич)

И где-то на Урале среди лесов
Латышские солдаты и мадьяры
Расстреливают царскую семью
В сумятице поспешных отступлений:
Царевич на руках царя, одна
Царевна мечется, подушкой прикрываясь,
Царица выпрямилась у стены...
Потом их жгут и зарывают пепел.
Всё кончено. Петровский замкнут круг.
(Волошин)

***

Особое положение в ряду поэтических текстов о смерти последнего русского царя и его семьи занимает стихотворение Владимира Маяковского «Император». Как известно, будучи в Свердловске в январе 1928 года, он попросил тогдашнего председателя областного Совета Анатолия Парамонова о поездке к месту захоронения Николая II. По итогам и было написано стихотворение,

для финала которого Маяковский в черновике подбирал следующие варианты:

Я вскину две моих пятерни
Я сразу вскину две пятерни
Что я голосую против
Я голосую против
Спросите руку твою протяни
казнить или нет человечьи дни
не встать мне на повороте
Живые так можно в зверинец их
Промежду гиеной и волком
И как не крошечен толк от живых
от мертвого меньше толку
Мы повернули истории бег
Старье навсегда провожайте
Коммунист и человек
Не может быть кровожаден¹⁶

Однако с направления, заданного этими черновыми строками, Маяковский в окончательном тексте резко свернул и превратил свое в меру человеколюбивое стихотворение в очередную кровожадную агитку. В итоговой редакции финал «Императора» оказался направленным против фигурантов так называемого Шахтинского дела¹⁷ и выглядел он следующим образом:

Прельщают
многих
короны лучи.
Пожалте,
дворяне и шляхта,
корону
можно
у нас получить,
но только
вместе с шахтой¹⁸.

Примечания

¹ Ср., например, в очерке Владислава Ходасевича «У камелька в семье Каменевых» (1937) описание реакции автора на восторги О. Д. Каменевой по поводу жизни и веселости ее сына: «Слушать ее мне противно и жутковато. Ведь так же точно, таким же матросиком,

недавно бегал еще один мальчик, сыну ее примерно ровесник: наследник, убитый большевиками: ребенок, которого кровь на руках вот у этих счастливых родителей!» (Ходасевич В. Собрание сочинений: в 4-х тт. Т. 4. М., 1996. С. 260).

² Гайдар А. Собрание сочинений: в 4-х тт. Т. 1. М., 1971. С. 106–107.

³ Там же. С. 155.

⁴ Там же.

⁵ Мандельштам О. Кровавая мистерия 9-го января // Мандельштам О. Собрание сочинений: в 3-х тт. Т. 2. М., 2010. С. 61.

⁶ Петрушевский В. А. Государю Императору Николаю II // Русская летопись. Париж. Кн. 2. 1922. С. 58а. См. также: Янсон А. Царь света незримого. Финляндия, 1926; Шабельский-Борк П. Да воссияет Пресветлый! Берлин, 1929; Бехтеев С. Царский гуслир: сборник патриотических стихотворений. Ницца, 1934 и мн. др.

⁷ Рост. Уральский ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1931. Кн. Вторя и Третья. Февраль — Март. С. 60. Подробнее об этом тексте см.: Подлубнова Ю. С. Интерпретации истории в художественных произведениях, посвященных пребыванию и гибели царской семьи на Урале // Сюжетология и сюжетография. 2015. № 1. С. 158–169.

⁸ Рост. Уральский ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1931. Кн. Вторя и Третья. Февраль — Март. С. 61.

⁹ Панов Н. (Д. Туманный). Человек в зеленом шарфе. Вторая книга стихов (1924–1927). [М.], 1928. С. 80–93. Подробнее об этой поэме см.: Белоусова А. «Так вот куда октавы нас вели...»: «Домик в Свердловске» Н. Панова в контексте ирои-комической традиции // Studia Slavica IX: Сборник научных трудов молодых филологов. Таллинн, 2010. С. 171–186.

¹⁰ Антокольский П. Избранное: в 2-х тт. Т. 1. М., 1966. С. 29–31.

¹¹ Шкапская М. Час вечерний. Стихи. СПб., 2000. С. 65–66.

¹² Зенкевич М. Сказочная эра. Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М., 1994. С. 161–163.

¹³ Волошин М. Собрание сочинений: в 13-ти тт. Т. 1. М., 2003. С. 372–373.

¹⁴ Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С. 669–672.

¹⁵ Рост. Уральский ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1931. Кн. Вторя и Третья. Февраль — Март. С. 59.

¹⁶ Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13-ти тт. Т. 9. М., 1958. С. 444.

¹⁷ Подробнее см.: Лекманов О. А. Последний император // Знамя. 2014. № 2. С. 197 — 206.

¹⁸ Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13-ти тт. Т. 9. С. 30.

© Текст: Олег Лекманов

КТО

убил царя

В театре «Пространство ВНУТРИ», что стараниями архитектора и продюсера Олега Карлсона недавно открылся в пространстве «ВНУТРИ», что на Казакова, 8/3, недавно состоялась премьера спектакля Олега Богаева и Владимира Мирзоева «Я убил Царя».

© Фото Сергей Митяковский
<https://disk.yandex.ru/d/Rlgaz3NRROZg>

© Militsky Sergey

ЮЛЯ СТРОГАЯ

— Так кто же... убил? — спросил Раскольников, не выдержав, задыхающимся голосом. Порфирий Петрович даже отшатнулся на спинку стула, будто уж так неожиданно он был изумлён вопросом.

— Как кто убил? — проговорил он, точно не веря ушам своим, — Да вы убили, батенька. Вы и убили-с...

Из подвалов Ипатьевского дома в подвал Московский, из отшлифованных текущей политикой партии статей в мелочное и подлое перетряхивание панталон с барахолки с фальшивыми «царскими» вензелями. Вереница «хат с краю» образует колоссальную громаду, перемоловшую вместо Царской семьи остатки выстраданной многими веками национальной нравственности.

«Православный(-ая)», — не колеблясь рапортует каждый из свидетелей, по мере продолжения рассказа донельзя оскверняя факт веры. Не кради, но если сапоги не добрые, то и кражи нет. Не прелюбодействуй, но если вдове тяжело, то и греха никакого не будет. Не желай дома ближнего своего, ни раба его, ни вола его, ни осла. О Георгиевском кресте и шелковых корсетах ни слова — выходит, благое дело.

Глобальная, всеобъемлющая подлость, безвозвратно развернувшая историю, вскрывается в мелочах: крышечки от шкатулочек, безголовые солдатики, капроновые чулочки, — в куче бесполезного барахла итог правления целой династии, огромная историческая вежа, измеренная дамским бельём. Обыденность, которая пугает до онемения. Бытовой омут легко скрывает в заботах о нехватке керосина

и испорченных диванах, пожалуй, самую масштабную трагедию прошлого века. Крах отечественной морали происходит даже не под банальный звон монет — под звон покрашенного краской стекла.

«Чтобы жили как рыбы. Ну, как будто как рыбы».

Окна окрашивают царской семье, а слепнет богоизбранный народ. И злости ни в ком ни на грамм, — спас бы каждый, не задумываясь бы спас! А задумавшись?

А задумавшись... ну, если пуля шальная? А если Красные? Не Красные, так Белые. То расстрелом страшат, то Царю бошку оторвут, а дома тёща молоком обварилась. Сам понимаешь — не до Самодержца.

От нескладных и нарочито глупых бесед режиссер мастерски уводит спектакль в поле ирреальных психофизических символов и метафор. Маленький человек с рыжей бородкой в costume из червей приглашает к поминальному обеду. Разумеется, «маленький человек» безусловно и категорично описан от июньских событий свидетельствами и документами. Да и костюма из червей никакого нет — вполне себе привычный черный костюм. И галстук чёрный, в мелкий светлый горо-

шек. И бородка рыжая сохранилась прекрасно, и от бывшего рабочего места в двух шагах.

Проводником между рациональным и иллюзорным выступает великолепная Елена Коренева, удивительно гармонично сочетающая «старую школу» с абсурдным, почти сатирическим гротеском. «Раньше у меня были кудри», — то ли повествует, то ли бессвязно скулит Пудель Джой, заставляя оборваться в груди чего-то тяжёлое. Собачья преданность заканчивается людским предательством.

«А я им говорю — это же... люди», — выворачивает наизнанку жалкие остатки человечности в Стрелочнике, похожем на человека менее всех, Сергей Беляев. Два его образа — две самых крайних полярности в градации человеческой низости. Сгорбленный юродивый Стрелочник сострадает, следовательно, спасётся. Высокий, статный Маляр с серебряным портсигаром обречён.

Раскалённая, нервная вибрация беспросветной ненависти прошибает зал током ещё при одном появлении тени Александра Доронина, идёт впереди него и въедается под кожу от одного случайного пересечения взглядом с мертвенно-безумными глазами Комиссара Ермакова. «Мне вас всех жалко», — мрачно ре-

зюмирует Комиссар, обличая в неизбежности кары каждого.

Эффект неподдельного ужаса достигает апогея на беззвучной молитве убиенного Николая II в исполнении Олега Дуленина. Та степень откровенности, которую сыграть невозможно; шокирующий своей выстраданностью переход из Самодержца в Страстотерпцы в предельной близости к зрителю, отсчитывающему семь ударов-выстрелов. Белый погребальный саван тонет в наступающей темноте, свет гаснет не на сцене — свет покидает души людей. Без Царя на престоле, без царя в голове.

«Так кто же убил?» истерично бьется внутренний голос зрителя, мечется взглядом по кровавому озеру на полу, бурым пятнам на юбке поломойки и с ужасом застывает на собственных руках (художник спектакля Алиса Меликова).

«Да Вы убили, батенька. Вы и убили-с...»

Фото Сергея Милицкого
<https://disk.yandex.ru/d/RIogazt3NRROZg>

★ ★ ★

© Текст: Юлия Строгая
 © Фото: Сергей Милицкий

НАТАЛЬЯ ГРОМОВА

Недавно отмечалось 125-летие Евгения Шварца, драматурга и киносценариста.

Сказочные пьесы Евгения Шварца уникальны, хотя почти все созданы на чужом литературном материале. Но если в сказках Андерсена мир зла отделен от мира добра жесткой границей, то у Шварца все иначе: реальный и волшебный мир смотрят друг в друга, как в зеркало. Его истории всегда современны, если нет свободы, если царит страх, если отравлен воздух — люди каждое утро встают с вопросом; не отменили ли вдруг кошек, поцелуи, рукопожатия? Не случайно Шарлемань в пьесе «Дракон» спрашивает: «Любовь к ребенку — ведь это ничего. Это можно?» Это смешной и страшный мир. И здесь доктор из «Тени» дает рецепты гражданам, которых тревожат уколы совести: «Надо на все махнуть рукой или посмотреть на все сквозь пальцы».

© Рисунок: А. Двиго. С разрешения автора.

Евгений Шварц: НЕ БОЙТЕСЬ! ЖАЛЕЙТЕ ДРУГ ДРУГА...

С такими словами рыцарь Ланцелот в пьесе «Дракон» обращается к гражданам сказочного города. И дальше: «Жалейте — и вы будете счастливы! Честное слово, это правда, чистая правда, самая чистая правда, какая есть на земле».

Почему: «не бойтесь!» И отчего рыцарь, а в его лице сам Шварц, призывал именно «жалеть друг друга»? Не сострадать, не любить, а именно жалеть?

Пожалуй, потому, что жалость — самое обнаженное и сокровенное чувство на свете. В жалости человек более всего уязвим и беззащитен. Жалость — люди чаще всего стесняются и даже боятся проявлять.

И действительно, все претерпевших и все потерявших современников Шварца — надо было жалеть. Они были отчаянно одиноки. Зброшены, лишены правды и справедливости. Многие десятилетия их мучали голодом, холодом и страхом. Ссылали. Отнимали родных и близких. А Шварцу было жалко и тех, кто добрался по ступенькам скользкой лестницы до собственных высоких кабинетов, и тех, кто ни на что не надеясь, погибал, лишенный доброго имени. В своих дневниках, он с горечью рассказывает о метаморфозах, которые

случились со многими из уцелевших писателей, с которыми он дружил с 20-х годов. Все они — перепуганные на собраниях, но смелые на войне — были равны в унижении, позоре и страхе. И такая полуобморочная жизнь у целого поколения длилась много лет вплоть до самой смерти Дракона.

И, наверное, поэтому Шварц голосом Ланцелота — заступался за них и просил не судить строго за их больные, дырявые души, ... а жалеть.

В конце 1941 года Евгения Львовича Шварца и его жену вывезли из блокадного Ленинграда в состоянии тяжелой дистрофии. Перед тем как улететь, Шварц сжег свои дневники, которые вел с 1926 года. В самолет нельзя было брать больше десяти килограммов, и в то же время «старая жизнь кончилась, жалеть не о чем». Однако он не мог не понимать, что, если погибнет, его тетради могут попасть в НКВД и навредить самым близким людям. Осенью 1941 года Ольга Берггольц зарыла свои дневники во дворе Невского проспекта, а Корней Чуковский перед отъездом в эвакуацию в Ташкент закопал дневники и знаменитую «Чуккоколу» во дворе своей да-

чи в Переделкино. Шварц же уничтожил все свои тетради, о чем потом очень сожалел.

Вера Кетлинская, с которой он часто дежурил во время бомбежек на крыше, вспоминала, что в какой-то момент абсолютно ясно увидела, как в нем угасает жизнь, и уговаривала его эвакуироваться. Он был таким опухшим и слабым, что еле передвигал ноги. Кетлинская же, будучи полной противоположностью Шварцу: секретарь парткома писательской организации, коммунистка, истово верящая всему, что транслирует власть — безмерно уважала Евгения Львовича. После контузии во время Гражданской войны у него был тремор рук, пальцы плохо слушались. Тем не менее, он одним из первых пришел на призывной пункт и записался добровольцем. Но получил отвод медкомиссии, поскольку не мог удержать в руках винтовку. Каждый раз, когда Кетлинская уговаривала Шварца эвакуироваться, он отвечал: «Вера, я еще немножко продержусь». Отшучивался, говоря, что ему в мирной жизни никогда не удавалось так радикально похудеть. «Нет, правда, пожалуйста, будьте осторожны. Вы очень хороший человек, а именно таким чаще всего приходится плохо», — могла бы сказать ему очень партийная Вера Казимировна голосом Аннуциатты из «Тени».

«Кетлинская, — писал он в дневнике — жила в мире, сознательно упрощенном, отворачиваясь от фактов, закрывая то один, то другой глаз, подвешивалась за ноги к потолку, становилась на стол, чтобы видеть только то, что должно, но веровала, веровала с той энергией, что дается не всякому безумцу». Он иронизировал над ее способностью неуклонно колебаться с линией партии, но при этом уважал. Она осталась в блокадном Ленинграде и вела себя мужественнее многих мужчин, постоянно хлопотала об облегчении жизни писателей. «В каждом человеке есть что-то живое. Надо его за живое задеть — и все тут», — говорил Шварц голосом Ученого из «Тени».

Многие литераторы были, как и Кетлинская, «подвешены за ноги к потолку», закрывая то один, то другой глаз, чтобы не видеть реальности. Вспоминая страшное учреждение под названием «Союз писателей», Шварц с нескрываемой горечью писал: «Сколько погибших друзей, сколько изуродованных душ, изуверских или идиотских мировоззрений, вывихнутых глаз, забитых грязью и кровью ушей. Собачья старость одних, неестественная молодость других: им кажется, что они вот-вот выберутся из-под скалы и начнут работать. Кое-кто уцелел и даже приносил плоды, вызывая недоумение одних, раздражение других, тупую ненависть третьих». Портреты писателей из дневников, которые оставил нам Шварц — это почти всегда истории талантливых, ярких, живых молодых людей, с которыми произошла необратимая трансформация. В 1940 году в спектакле «Тень» прозвучал его печальный диагноз многим его современникам. Тем, кто получал награды и огромные гонорары на фоне происходящих бед. Тем, кто вывихнул и уже не мог вернуть свой дар обратно.

«— Чем же они больны?

Доктор. Сытость в острой форме внезапно овладевает даже достойными людьми. Человек честным путем заработал много денег. И вдруг у него появляется зловещий симптом: особый, беспокойный, голодный взгляд обеспеченного человека. Тут ему и конец. Отныне он бесплоден, слеп и жесток.

Ученый. А вы не пробовали объяснить им все?

Доктор. Вот от этого я и хотел вас предостеречь. Горе тому, кто попытается заставить их думать о чем-нибудь, кроме денег. Это их приводит в настоящее бешенство».

Так стоило их «задевать за живое»? Надо ли было, что-то объяснять людям, которые живут в эпоху Дракона?

В 1942 году в Кирове Шварц продолжил вести новые тетради взамен тех, которые унич-

тожил в Ленинграде. Тут сразу же надо оговориться, что это не были обычные дневники с подневными записями. День за днем, иногда, отвлекаясь на сиюминутное, он рассказывал о своей жизни, начиная с раннего детства. Не оставь он этих записей, мы бы очень мало знали о нем. Шварц был человек закрытый, но не от замкнутости, нет, скорее от удивительной скромности. Он считал себя малоинтересной другим фигурой. В нем не было ни писательского эгоцентризма, ни честолюбия. Больше всего его занимали другие люди. Их мысли, сюжеты их жизни, природа их таланта, или же отсутствие его, и, главное, то, как они менялись. Но как это выразить не в драматургии, которую он чувствовал, а в прозе?

«Я начал писать ежедневно в этих тетрадях, — признавался он, — не давая себе отдыха, стал рассказывать о себе — по нескольким причинам. Первая, что я боялся, ужасался, не глухонемой ли я. Точнее, не немой ли. Ведь я прожил свою жизнь и видя, и слыша, — неужели не рассказать мне обо всем этом? Впрочем, это не точно. Я должен признаться, что этого здорового нормального ощущения своего возраста я еще не переживал. Более того. Я думал так: «Надо же, наконец, научиться писать». Мне казалось (да и сейчас еще кажется), что для этого есть время. Пора, наконец, научиться писать для того, чтобы рассказать то, что видел. Пора научиться писать по памяти — это равносильно тому, чтобы научиться живописцу писать с натуры. И вот я стал учиться. И по мере того, как я погружался в это дело, я стал испытывать удовольствие...».

Итак, один из мотивов ведения тетрадей — доказать себе, что он ... писатель. Наверное, это еще происходило от того, что многие близкие воспринимали этого неуверенного в себе интеллигентного человека, с дрожащими руками, старающегося никого не обидеть, предупредительно вежливого, с извиняющейся мягкой улыбкой — просто переписчиком детских сказок, переключивающего их в пьесы.

И не более того! Когда уже после войны к его другу и соседу по дому на набережной Грибоедова — Борису Эйхенбауму — приезжал из Москвы Виктор Шкловский, Шварц старался не показываться ему на глаза. «Он подозревает, что я не писатель».

Начало его неуверенности уходило корнями в детство. Хотя оно не было ни тяжелым, ни неблагополучным. Маленький Женя в своей патриархальной семье со строгим отцом и матерью переживал особые детские горести. «Теперь, когда многое ожило в моей памяти, — признавался он — я начинаю думать вот что: первые, необыкновенно счастливые, полные лаской, сказками, играми шесть лет моей жизни определили всю последующую мою жизнь. Я был изгнан из рая, но без всякой вины с моей стороны. Сначала я рвался назад, требовал, негодовал. Потом, после долгих неудач, уверовал, что я этого рая недостоин». Он писал о своем детстве, о рождении младшего брата, что для него стало острейшим детским горем. «Я, до сих пор окруженный, как футляром, маминой любовью и заботой, стал чувствовать неясно и бессознательно пустоту, страх одиночества и холод. В те дни стали определяться душевные свойства, которые сохранил я до сих пор. Неуверенность в себе и страх одиночества. К этому следует прибавить вытекающее отсюда желание нравиться. Мне страстно хотелось, чтобы я стал нравиться маме, как и в те дни, когда еще не явился «этот». Я всеми силами старался вернуть потерянный рай и, чувствуя, что это не удастся, бессмысленно грубил, бунтовал и суетился».

И беспощадно к самому себе признавался в своей слабости, мягкости и уступчивости.

«Да, именно с тех давних пор я приобрел привычку, с которой безуспешно борюсь до сих пор: сказав что-нибудь, заглядывать в лицо собеседнику, чтобы увидеть, какое впечатление произвели мои слова, или, что еще хуже, с улыбкой оглядывать всех, даже посторонних, сидящих за соседними столиками в ресторане или на скамейках трамвая: похва-

лите, мол, меня, бедного. Эта пагубная привычка привела к тому, что иной раз меня считают слабее, чем я есть. Это мешает во многих случаях моей жизни».

В Петрограде Шварц появился осенью 1921 года. Этому предшествовало неудачное обучение в Университете Шанявского в Москве, затем он был призван в армию, а в 1918 году (по еще не до конца проверенным данным) вступил в Добровольческую армию и участвовал в знаменитом Ледяном походе генерала Корнилова. В боях под Екатеринодаром он был сильно контужен, после чего уволен с военной службы. Шварц не рассказывал о службе в белой армии даже близким друзьям. Оказался он в Петрограде вместе с ростовской театральной труппой. В Доме искусств («Сумасшедшем корабле» — так в своей книге назвала этот дом Ольга Форш) все заметили необычного импровизатора и рассказчика. Писательница вывела его под именем Геня Чорн: «Шварц ... был неистощимый выдумщик. Живое и тонкое остроумие, насмешливый ум сочетались в нем с добротой, мягкостью, человечностью и завоевывали всеобщую симпатию... Мы любили Женю не просто так, как обычно любят веселых, легких людей. Он хотел «поднять на художественную высоту культуру шутки», как говорил он сам, делая при этом важное, значительное лицо». Этот дом был неповторимым пространством для жизни писателей, для их собраний, работы литобъединений и студий — и в то же время распределения пайков и дров. Евгений Львович почувствовал себя здесь больше случайным прохожим, нежели принадлежащим к закрытому писательскому ордену. «К литературе я подходил в двадцатых годах на цыпочках», — признавался Шварц в дневнике. Он считал писателей сверхлюдьми, однако это не мешало ему подмечать в них смешное и чудаческое и наблюдать за ними больше, чем они подозревали об этом.

Если бы Шварцу в 20-х годах сказали, что через несколько десятков лет он будет

популярнее, чем знаменитые Серапионы — Константин Федин, Михаил Слонимский и даже Николай Тихонов, он бы долго смеялся и ни за что не поверил. «Уже на первом вечере я почувствовал, что под именем «Серапионовых братьев» объединились писатели и люди мало друг на друга похожие. Но общее ощущение талантливости и новизны объясняло их, оправдывало их объединение. Среди умерших, но продолжавших считать себя живыми, и пролеткультовскими искусственными цветами они ощущались как люди живые и здоровые». Он рассказывает о своем ближайшем друге тех лет Михаиле Слонимском, который в Доме искусств изо дня в день лежал на диване, вытянув длинные ноги, и сочинял рассказы про ненормальных людей... Потом они поедут вместе на Донбасс (там окажутся его родители), и Шварц представит его отцу как настоящего живого писателя. Они со Слонимским застрянут в этих местах на год, работая в шахтерской газете. А когда вернутся — Слонимский столкнется с Корнеем Чуковским, и необычная запись появится у того в дневнике. 26/V. 1922. «Чудесно разговаривал с Мишей Слонимским. «Мы — советские писатели, — и в этом наша величайшая удача. Всякие дрязги, цензурные гнеты и проч. — все это случайно, временно, и не это типично для советской власти. Мы еще доживем до полнейшей свободы, о которой и не мечтают писатели буржуазной культуры. Мы можем жаловаться, скулить, усмехаться, но основной наш пафос — любовь и доверие. Мы должны быть достойны своей страны и эпохи». Он говорил это не в митинговом стиле, а задушевно и очень интимно. В воскресенье он приведет ко мне «Серапионовых братьев». Жаль, что так сильно нездоровится. Если бы ввести в роман то, что говорил М. Слонимский, получилось бы фальшиво и приторно. А в жизни это было очень натурально».

Это еще не страх. Но уже первая попытка юного Михаила Слонимского повиснуть вниз головой изо всех сил, старясь уверовать

в справедливость происходящего. Потом этих попыток будет немало. «Путь, который он проделал за годы нашего долгого знакомства, — прост, — писал Шварц. — Он старался изо всех сил стать нормальным. И в конце концов действительно отказался от всех своих особенностей. Он стал писать ужасно просто, занял место, стал в позицию нормального».

В 30-е годы Слонимский будет работать над романом о ленинградской оппозиции, настойчиво собирая материал у чекистов, назначая с ними встречи, опрашивая их о врагах народа и страшных заговорах. Но чекисты эти будут таинственно исчезать, а за ними и следующие, и так, волна за волною — в 1934 и в 1937- и романа об оппозиции так и не случится. Слонимского не арестуют, что по тем временам было огромным везением. Но и Шварц видит и понимает, что происходит с его другом юности. Но что он может сделать? Только говорить голосом своих героев. «Люди испугались бы, увидев своими глазами, во что превратились их души».

В 1923 году, еще юные Слонимский и Шварц вернулись в Ленинград с Донбасса и Евгений Львович пришел в детский отдел Госиздата к Маршаку со своей рукописью стихов для детской книжки «Рассказы старой балалайки» и тот принял его очень хорошо. Шварц вспоминал, что никто на свете не умел так любить и понимать чужие тексты, как Маршак. И еще Маршак говорил ему, что если очень сильно пожелать, то можно полететь. Но сам не мог, потому что к земле его тянул набитый рукописями портфель. В редакции Маршака возникала живая и веселая детская литература. Она рождалась из самой атмосферы — юмора, розыгрышей, устных импровизаций, рассказов Житкова, причудливых притч Хармса, стихов о насекомых Олейникова. А еще, писал Шварц, они все буквально поняли слова Маршака, что человек может оторваться от земли и полететь. Они ему верили, как настоящему волшебнику. «Сейчас трудно представить, как мы были веселы.

Пантелеев вспоминал, как пришел он в 26 году впервые в жизни в детский отдел Госиздата и спросил в научном отделе у наших соседей, как ему найти Олейникова или Шварца. В это время соседняя дверь распахнулась и оттуда на четвереньках с криком: «Я верблюду!» выскочил молодой кудрявый человек и, не заметив зрителей, скрылся обратно. «Это и есть Олейников», — сказал редактор научного отдела, никаких не выражая чувств — ни удивления, ни осуждения, приученный, видимо, к поведению соседей. ... Остроумие в его французском представлении презиралось. Считалось доказанным, что русский юмор — не юмор положения, не юмор каламбура. Он в отчаянном нарушении законов логики и рассудка. «А невесте скажите, что она подлец».

Но времена менялись. Маршак был одним из первых, кто это почувствовал. Наступило время «великого перелома». Шли чистки и ссылки. Эпоха веселья, шуток, «Чижа», «Ежа», обэриутства, заканчивалась. Маршак — создатель прекрасной редакции — выставил Шварца, Житкова, Хармса и Олейникова и многих других из Детлита, тем самым заставив их жить самостоятельно. То есть им пришлось жить самим — без Маршака, что кому-то пошло на пользу, а кому-то и нет. Но презрение и ненависть некоторые из них — Житков и Олейников — сохранили к Маршаку до смертного часа. А сам Маршак в Детиздате создал уже другую редакцию при помощи преданных ему редакторш — Чуковской, Любарской и Габбе. Тогда он бредил идеей литературы для детей от «бывалых людей». Он нашел много талантливых авторов; летчиков, водолазов, физиков и химиков, военных и других. Но среди них оказались «големообразные» существа, как назвал их Шварц, — плохо пишущие — Мирошниченко, Голубева (Юнармия, Мальчик из Уржума). И прекрасные маршакские редакторши переписывали их рукописи, создавая хорошие детские книги. И, конечно же, случилось так, что конце 30-х годов именно эти созданные Маршаком «писате-

ли» стали строчить на своего создателя доносы. Когда начался разгром Детлита, Любарская рассказывала, — уже по отзывам других (она была арестована) — как на собрании Н. Григорьев «...обрушился на Маршака, утверждая, что Маршак собрал около себя группу вредителей, что все они хотели загубить детскую литературу, что для этой цели они собирались у него дома, прикрываясь работой над рукописями, и т. д. и т. д. Даже после собрания он посылал Маршаку письма домой с прямыми угрозами и разоблачениями, которые не успел довести до собравшихся».

Маршак уехал в Москву, его соратники пошли кто в тюрьмы, кто под расстрел. Погиб замечательный Матвей Бронштейн, муж Чуковской, которого она сама привела к Маршаку. Известно, что из всех арестованных выбивали показания на Маршака. Но его самого не арестовали ни тогда, ни когда развернулось дело «Антифашистского комитета». Удивительно, но он всегда пытался жить в ногу со временем, все понимая, меняясь вместе с ним. Существует ли он в пьесах Шварца? Не он ли узнается в осторожном докторе из «Тени», который когда-то нашел живую воду, а потом спрятал ее от всех подальше. Он хороший, талантливый, но он давно на все махнул рукой... Но может быть, это кто-то другой?

Так в конце 20-х годов Шварц неожиданно для себя превратился в драматурга-сказочника. Он нашел удивительный прием; соединять бытовые сюжеты от коммуналок, карточек, очередей и сказочные обстоятельства. В 1934 году вышла его пьеса-водевиль «Приключения Гогенштауфена про то, как ведьмы, упыри, и волшебники живут и действуют в стране Советов. В некоем институте работает изобретатель Пантелей Гогенштауфен, которому не дает покоя главбух Упырёва. Она ведьма и вампир. Когда она не может незаметно пить кровь из своих сотрудников, то вынуждена есть гематоген, чтобы зарядиться энергией. Противостоит ей волшебница, которая является по совместительству уборщицей. В том же году Шварц

пишет «Голого короля», которого никогда не ставили при его жизни. И это было не случайно. Несмотря на видимый антифашистский пафос, пьеса звучала как злой памфлет на любой тоталитарный режим. Неуверенный интеллигентный Шварц говорил во всеуслышание: «Вы, слышите, народ безмолвствует!» А вокруг него уже во всю шли аресты. Дом на набережной Грибоедова, где жили почти все ленинградские писатели подвергся жесточайшим арестам. «Начиная с весны [1937 года] разразилась гроза и пошла все кругом крушить, — писал Шварц — и невозможно было понять, кого убьет следующий удар молнии. И никто не убежал и не прятался. Человек, знающий за собой вину, понимает, как вести себя: уголовник добывает подложный паспорт, бежит в другой город. А будущие враги народа, не двигаясь, ждали удара страшной антихристовой печати. Они чуяли кровь, как быки на бойне, чуяли, что печать «враг народа» пришибает без отбора, любого, — и стояли на месте, покорно, как быки, подставляя голову. Как бежать, не зная за собой вины? Как держаться на допросах? И люди гибли, как в бреду, признаваясь в неслыханных преступлениях: в шпионаже, в диверсиях, в терроре, во вредительстве. И исчезали без следа, а за ними высылали жен и детей, целые семьи. Нет, этого еще никто не переживал за всю свою жизнь, никто не засыпал и не просыпался с чувством невиданной, ни на что не похожей беды, обрушившейся на страну. Нет ничего более косного, чем быт. Мы жили внешне как прежде. Устраивались вечера в Доме писателя. Мы ели и пили. И смеялись. По рабскому положению смеялись и над бедой всеобщей, — а что мы еще могли сделать? Любовь оставалась любовью, жизнь — жизнью, но каждый миг был пропитан ужасом. И угрозой позора».

Возможно ли было написать произведение о терроре, находясь внутри террора?

Создание пьесы «Дракон» в 1944 году — поступок такой же храбрости, как, поступок разведчика, который, будучи в глубо-

ком тылу, передает на волю самую опасную информацию. Только риск Шварца быть разоблаченным «своими» был во сто раз сильнее. Тогда он отделался статьей в «Правде». «В статье С. Бородин «Вредная сказка» пьеса Шварца была названа «пасквилем на героическую освободительную борьбу народов с гитлеризмом». «Дракон — это палач народов, — писал Бородин. — Но как относятся к нему жители города, которых он угнетает? Тут-то и начинается беспардонная фантазия Шварца, которая выдает его с головой. Оказывается, жители в восторге от своего дракона. «Мы не жалуемся. Пока он здесь, ни один другой дракон не осмелится нас тронуть»... Народ предстает в виде безнадежно искалеченных эгоистических обывателей».

Конечно же, злобный критик оказался прав, почти все жители не только фашистской Германии, но и сталинского Советского Союза давно превратились в искалеченных обывателей. И Шварц поместил напуганных жителей, бесстыдных журналистов, писателей, разучившихся писать, министров (партийных деятелей), съедающих друг друга, охотников, зарабатывающих награды, военных, пугающихся окрика начальника — множество современников в свои пьесы. Но они, конечно же, не узнали себя в этих героях.

«Что вы! Ведь он чиновник особо важных дел. Вы разве не знаете, какая это страшная сила?.. Я знал человека необычайной храбрости. Он ходил с ножом на медведей, один раз даже пошел на льва с голыми руками, — правда, с этой последней охоты он так и не вернулся. И вот этот человек упал в обморок, толкнув нечаянно тайного советника. Это особый страх».

«Молчать! Встать! Руки по швам!.. Ваш отказ показывает, что вы недостаточно уважаете всю нашу государственную систему. Тихо! Молчать! Под суд!»

Он сумел всех вместить в себя, принять в себя. Они, как это было ни тяжело Шварцу,

стали частью его самого. Он, хотя и смеялся над ними, но и жалел, оплакивая их души.

Считал ли он себя лучше или выше своих современников, когда писал о них в своем дневнике? «Я никого не предал, не клеветал, даже в самые трудные годы выгораживал, как мог, попавших в беду. Но это значок второй степени и только. Это не подвиг. И, перебирая свою жизнь, ни на чем я не мог успокоиться и порадоваться».

Рыцарь Ланцелот убивает непобедимого Дракона в середине пьесы. И после боя — израненный и больной — на время исчезает из города, предоставив, освобожденных жителей самим себе. Как мы помним, дальше происходит нечто более печальное — оказывается, люди как были рабами, так ими и остались. Шварц пишет это во время войны; что будет дальше с Германией и ее жителями — ему неизвестно. Что произойдет в стране после падения нашего Дракона, он тоже еще не понимает. Но, тем не менее, его предвидение, сделанное в 1944 году — абсолютно гениально. Людей изнутри освободить невозможно. На них можно только, по завещанию доктора из Тени, махнуть рукой или, следуя за Ученым, уйти из их проклятого города.

Но Шварц не покинет своих героев и не махнет на них рукой, он будет жалеть и пытаться исправить их до самого конца.

В публицистическом фильме Захарова «Убить Дракона» было показано, что спасти обывателей города, которых Ланцелот вырвал из объятий тирана, невозможно. Идея картины состояла в том, что после многих столетий тирании все жители оказались непоправимо погублены Драконом, и драконий дух проник даже в их спасителя — Ланцелота. Шварц такого исхода пьесы не принял бы никогда.

Завершающим аккордом жизни Шварца стал фильм «Дон Кихот» — знаменитая история странствующего рыцаря, над сценарием которой он работал с Григорием Козинцевым.

Реплики рыцаря печального Образа, стали своеобразным завещанием сказочника.

«Промедление нанесет ущерб всему человеческому роду... Не знаю, колдовство ли это или совесть, но каждую ночь зовут меня несчастные на помощь... Свобода, свобода — вот величайший дар, посланный нам небом! Ради свободы можно и должно рискнуть самой жизнью, а рабство и плен — худшее из несчастий».

15 января 1958 года Шварц умер. Хотя Санчо в конце фильма так просил его: «Ах, не умирайте, ваша милость, мой сеньор! А послушайте моего совета и живите себе! Умереть — это величайшее безумие, которое может позволить себе человек...».

Когда-то святой Франциск из Ассизи научился говорить с деревьями, птицами, рыбами и животными. Он учил любить все живое, что есть на земле. Станным образом Евгений Шварц, сумевший в своих пьесах разговаривать деревья, птиц, зверей, глубоко чувствовать мир детей, видеть людей такими, какие они есть, и не отворачиваться от них, — в чем-то был родственен великому святому. «Я горячо люблю вас. Это самый трудный рыцарский подвиг — увидеть человеческие лица под масками, ... но я увижу, увижу! Я поднимусь выше...».

В последние годы в жизни Шварца неожиданно соединились самые сокровенные сюжеты его судьбы.

Он написал в 1956 году сказку «Обыкновенное чудо», где объяснился в любви своей жене — Екатерине Ивановне. Когда-то он разрушил свою семью и увел ее от младшего брата Вениамина Каверина, Александра. И всю последующую жизнь он сомневался, а сумел ли он сделать ее по-настоящему счастливой. Она была человеком строгим и закрытым.

★★★

© Текст: Наталья Громова

Дмитрий Петров

Издательство ОГИ готовит к печати книгу Дмитрия Петрова «Соло на судьбе с оркестром. Хроника времен Анатолия Гладилина». И очень вовремя. Информационные волны смывают из памяти события и имена. Стоит, к примеру, видному писателю год-два не бывать в России, не издавать книг, не выступать на вечерах, не мерцать на телеэкране и в Сети, как о нем начинают забывать. Так вышло (или почти вышло) с Анатолием Гладилиным — родоначальником «молодой советской исповедальной прозы», одним из лидеров «шестидесятников», с середины 70-х — звездой «западных радиоголосов», а с конца 80-х — частого гостя московских редакций и телестудий. Его новые тексты охотно издавали, а старые — впускали вновь. Немало шума надели книги «Улица генералов», «Тень всадника» и «Жулики, добро пожаловать в Париж». Но в 2016-м он перестал бывать в России, в 2018 погиб, и вскоре, похоже, почти растворился в потоке новых событий, имен и названий. Автор книги «Соло на судьбе с оркестром» Дмитрий Петров возвращает Гладилина — человека феерической судьбы — в российский культурный контекст. Мы публикуем в этом номере ее главу, повествующую о жизни художника в эмиграции.

ДРУЗЬЯ И БЕГЛЕЦЫ

АНАТОЛИЙ ГЛАДИЛИН И ЭМИГРАНТЫ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ

ДМИТРИЙ ПЕТРОВ

1.

Многие, конечно, слышали, как и на Западе, и на Востоке люди говорят: «Я приехал в Нью-Йорк (Тель-Авив, Амстердам, Рио-де-Жанейро) со 100 долларами (200 шекелями, 100 гульденами, 300 реалами). Английского (иврита, голландского, португеш бразильеро) не знал. Друзей и родных не имел. Один как перст бился. И — пробился! Как? Своим умом, горбом и упорством». Слышал такое и я. И не раз. Но тех, у кого так оно всё на самом деле и было, мало. Прочие выдумывают. Одному пробиться тяжело.

Гладилин ничего не выдумывал. А говорил прямо: «мне помогали». Порой — друзья, как Владимир Максимов, а нередко — люди прежде незнакомые. Например — Джордж Бейли, Виктор Ризер, Александр и Наталия Ниссен¹... В их числе — известные русскому Парижу семьи Полонских и Гриссов.

Александр Яковлевич Полонский родился во Франции в 1925-м. Племянник Марка Алданова² и его душеприказчик, он не только берег наследие дяди, но и стал видным собирателем рукописей, книг, картин и других редкостей, попавших в Европу из России. После войны он не раз возил в Союз свои находки, а оттуда другие — для обмена и продажи. Как-то он показал Гладилиным часть коллекции — письма Гоголя и Наполеона.

Полонские и Гладилины познакомились через жену Александра Яковлевича. Ее кузина дружила в Москве с Толиной сестрой Галей и возила в Париж ее гостинцы — советский шоколад. Одно лето они вместе провели на Иль де Ре, где у Полонских был домик, а Толя и его жена Маша снимали квартиру.

Об этой поездке на остров близ Ла-Рошели, прославленной в России писателем Дюма, Анатолий расскажет в очерке «Тамариск под снегом». И его рассказ, возможно, вдохновит Аксенова посвятить этому растению (хоть и не только ему) главу романа «Редкие земли». И поселиться в Биаррице — городе, который он назовет тамарисковым. Гладилин же включит его в сборник 1980 года «Парижская мозаика».

Когда Феликса Канделя, долго «сидевшего в отказе», выпустят из СССР, они пригласили на Иль де Ре и его.

Теперь Александр Полонский лежит на кладбище Монпарнас — в 1990-м его убил рак. Ксения Ильинична пережила его на несколько лет. Гладилины навещали ее до последних дней.

Другие их близкие приятели — Гриссы — Ной Самойлович и Елизавета Владимировна из второй — послевоенной — эмиграции. Ной — еврей. Чудом выжил в Польше при нацистах, Лиза — врач советского госпиталя. Война их свела и увела на Запад. Когда Гладилины

устроивались в Париже, Ной работал в Национальной библиотеке в отделе текстов на идиш. Их познакомил сотрудник «Свободы» Игорь Шенфильд.

Гриссы опекали, в основном, Машу — помогали освоиться в непривычной среде. Как-то летом вскоре по приезду они взяли ее в Швейцарию куда ездили каждый год — в скромный пансионат среди красот, где елки пронзали небо у края снежных высот. Потом пару раз они бывали там вчетвером. Порой Лизу навещали родные из Волгограда. С ними Гладилины слали в Москву французские гостинцы. Ной и Лиза ушли в начале 80-х.

Иной читатель спросит: а в чем же помощь? Ведь ни денег, ни протекций — одни поездки да разговоры. Сегодня он, легко получая загранпаспорт и (имея деньги) объезжая мир, не помнит, что значило в эру железного занавеса оказаться в этом мире, едва знакомом по книгам, фильмам, рассказам счастливых, сообщениям прессы. Понятно, что приезжие нуждались и в деньгах, и в советах. Но не меньше они ценили дружеское общение, тепло и доброе слово на родном языке.

2.

Гладилин, встречавший в Вене многих эмигрантов, спрашивал: какие планы? Юз Алешковский — писатель, сценарист и автор соленых зонгов вроде «Окурочка» и «Товарища Сталина», ответил так: «Водить грузовики». «Может устроюсь сторожем в университете?» — робко предположил эссеист, публицист и поэт Юрий Кублановский.

В 1979-м, в первые часы в Европе, Алешковский не знает, что помощь вроде той, что получил когда-то Гладилин, даст ему возможность написать в Вене роман «Карусель», а после приведет в милый университетский городок Мидлтаун в Коннектикуте.

Как не ведает его брат по «Метрополю» Кублановский, что скоро познакомится с составителем своего дебютного сборника «Избранное» Иосифом Бродским, будет писать в «Рус-

скую мысль» и вести на «Свободе» программу «Вера и Слово».

За Наума Коржавина, когда тот в 1973-м, готовясь уезжать, подает в Союз писателей заявление о выходе, просят несколько поэтов, включая Бориса Слуцкого, уверяя, что его отъезд — огромная потеря, что надо создать Науму условия, а то он погибнет.

— Погибнет? — недоверчиво спрашивает секретарь Московской организации Союза писателей СССР по организационным вопросам товарищ Ильин, как говорят — куратор пишущей братии по линии спецслужб.

— Сдохнет с голоду. — отвечает Слуцкий с горьким прерывистым вздохом.

Ильин молчит. Без вздохов.

Условий не создают. А визу дают. Коржавин уезжает, но с голоду не подыхает — живет в Бостоне, входит в редколлегию «Континента», печатается там и в «Гранях», издает в «Посеве» сборники «Времена» и «Сплетения», доживает до 93 лет и видит свои мемуары изданными в России.

Аксенов, прибывший в 1980 году в США, и вскоре лишенный гражданства СССР, во многом опирается на поддержку издателей Карла и Эллендеи Проффер, Джеймса Биллингтона — главы Центра Вудро Вильсона и основателя Института перспективных российских исследований Дж. Кеннана, а также других американцев и эмигрантов. И он не пропадает, а преподает. В том числе в знаменитом университете «Джордж Мэйсон». И, конечно, пишет. За рубежом выходят «Остров Крым», «Скажи изюм», «В поисках грустного бэби», «Бумажный пейзаж», «Новый сладостный стиль» и другие его большие и малые тексты.

3.

Впрочем, бывает и иначе. Ты помнишь Н.? — как-то спрашивает Максимов, — Вчера звонил мне из Москвы. Сказал, что через два дня будет в Вене. Потребовал, чтоб я прислал его встречать Би-би-си,

«Голос Америки» и три телегруппы из Нью-Йорка, Вашингтона и Лос-Анджелеса.

— Смешно. Кто здесь знает Н.? Встречать его в Вену меня не отправят. А проситься я не стану — мы знакомы шапочно. Кстати, а что он написал?

Потом, сообщает Гладилин, Н. в Штатах всё же прославится. Одной фразой. В показанном по советскому телевидению фильме об эмиграции он заявит: «В СССР было хорошо. Там хоть КГБ мной интересовался, а здесь — никто».

Да, в снятом в 1982-м фильме «Русские здесь», нечто подобное говорит прозаик

Лев Халиф. Мол, в КГБ тщательно читали его рукописи. И было это прекрасно — «пользоваться таким искренним вниманием, чувствовать себя важным и ощущать действительно настоящим писателем».

Глашатай советского официоза Генрих Боровик показал этот фильм в 1986-м в программе «Камера смотрит в мир». И прокомментировал в своей манере. Скажем, Довлатов у него — «некто Довлатов, бывший главный редактор эмигрантской газетенки», «выгнанный его сионистскими хозяевами».

А остальные эмигранты для него — те, что жили в СССР «не очень честно и боялись, что попадутся»; и «готовы клеветать на нас либо за мзду, либо в расчете получше устроиться, выслужиться перед хозяевами, заманившими их на Запад, либо из страха потерять работу»; а также те, кто «уехав, поняли, что они недооценили и что потеряли».

Ключевую фразу фильма произносит бывший советский режиссер Рашид Атамалибеков: «Запад — это общество не для тех, кто воспитывался на стихах Маяковского “Что такое хорошо и что такое плохо”». А Боровик добавляет: «и даже те, кто как-то устроен, производят жалкое впечатление — людей, живущих в духовном гетто, в черте оседлости. И когда, обливаясь слезами, они смотрят советские фильмы, то видят не свое прошлое, а свое потерянное будущее».

Вот с чем тогда имеют дело те, кто из Парижа, Мюнхена, Лондона, Бонна и Вашингто-

на, сквозь рев глушилок, несет свободное слово миллионам людей в Союзе. За семьдесят лет советская пропаганда дико разоглась. Почти никто из тех, кто делает ее в 1986-м, и вообразить не может, что уже в 1991-м — страны, которую они набивают газетами, заклеивают плакатами, заваливают агитками, просто не станет.

Сейчас слова Боровика смешны. Да и тогда они мало кого трогают. Но он вещает: «бывших граждан СССР используют для работы против Родины». «Имperialисты ведут идеологическую войну, применяя самые изощренные приемы и мощные технические средства». «Запад продолжает действовать против Советской страны методами диверсий».

А теперь? Разве редко звучат подобные слова?

4.

А что же — «клеветник»-Гладилин и его семья?

Как живут они вдали от мира, где лечились у знакомых врачей; стриглись у «своих» парикмахеров (многие помнят Моисея Моргулиса из ЦДЛ), мясо им *оставляли* знакомые мясники, в клубах ждали друзья-писатели, актеры, художники и режиссеры, с которыми поутру либо пройтись по знакомым улицам?

Ну, во-первых, по рю, штрассен и стритам тоже славно гуляется. Знакомые до последней колдобины московские мостовые и просеки Сокольников сменяют магистрали с отличным асфальтом, парки, скверы и путей новых городов и стран. Во-вторых, хорошо питаться здесь можно без блата. Нет и отрыва от родной культуры. Кругом — море русской литературы, музыки, прессы. Да такой, что в СССР доступна с трудом либо с риском. Там за чтение «Континента» и «Посева» люди очень просто следуют в тюрьму.

А другие — за рубеж. Многие — с так называемым еврейским билетом. Феликс Дектор едет до Гладилина, Феликс Кандель — после, как и Игорь Дашевский — врач, наблюдавший Машу в пору ее депрессий. Перед отъез-

дом Толя дарит ему книгу «Два года до весны». На титуле пишет: «Ире и Игорю с пожеланиями: 1). здоровья; 2). успехов в общественной, личной и семейной жизни; 3). путешествий по прекрасным местам. А. Гладилин, 12.12.1975». Путешествия им предстоят. Я увижу эту книгу в Бат-Яме.

Кстати, в эмиграции от депрессий Маша избавилась. Как и от иных советских привычек, обнаружив, что у местных жителей нет многих тамошних обычаев и повадок. Не звучат здесь матерные вопли у пивных ларьков, нет хамства в транспорте, табличек «мест нет» и клопов в отелях.

О том, как Алла, Маша и Толя познают мир, Гладилин пишет в статьях и книгах «Французская мозаика», «Прекрасная Франция или почти», «Парижская ярмарка»...

Меж тем, в СССР живут его сводная сестра Галина и брат Валерий.

Галю — незаменимую лаборантку в поликлинике Академии наук — не трогают. А с Валерой, сотрудником радиостанции «Юность», расправляются — его и жену гонят с работы. Не место брату отщепенца на радио, воспитывающем молодежь.

Валерий, как тогда говорят, «качает права». Доходит до Сергея Лапина — главы Комитета по радиовещанию и телевидению. Спрашивает: «В чем я виноват? Брат уехал, у него своя жизнь. А я при чем?». Тот щурится: «Так вы ж его провозжали...»

Впереди у Валерия тяжкие мытарства. Поди устройся.

Беседуя с покинувшими Союз, Гладилин всякий раз видит: родных наказывают почти всегда. «Собирая эти рассказы, — пишет он, — я пытался понять логику Софьи Властьевны. Ну да... простых еврейцев она за людей не считала. Но элитарных представителей культуры? Зачем им-то пакостить?»

22 июля 1980 года в Париж прилетает выданный за границу Аксенов. Проходит сквозь строй репортеров и обнимает Гладилина, что примчался с побережья его встретить. Целу-

ет его и жена Васи Майя, и тут Толя чувствует: она на грани срыва. Что ж — понятно: изгнание, все воспринимают его по-разному. Порой — очень эмоционально.

Анатолий везет их в Париж, пытаясь по пути разговорить. Но Майя не реагирует ни на Париж, ни на его шутки. Ее трясет.

— Старик, оставь, — тихо говорит Василий, — Ее перед отъездом заставили пройти личный досмотр. Знаешь, что это такое?

5.

Вскоре Василий отбывает, а Гладилины строят жизнь дальше.

У них уже есть постоянная, хоть и съемная, квартира. В поисках ее Толя колесит по городу. Советуется с русскими старожилами. Совсем уже, вроде, решает: вот эта! А ему говорят: не спеши. Сейчас здесь тихо — суббота. Но за окном школьный двор. Представь, что здесь творится в учебные дни. И вот летом 1976-го семья въезжает в трехкомнатный апартамент — гостиную и две спальни — на бульваре Понятовского.

Приходит время получать новые документы. По ним Гладилины — ex-soviétique — «бывшие советские». И — исправные французские налогоплательщики.

Гладилин заполняет первую в жизни налоговую декларацию. В графе «профессия» пишет: «писатель». Ведь половина его заработка — это гонорар издательства «Ульштайн». Приходит ответ: уплатите столько-то. И он уже готов выписать чек. Но слава Богу, это видит знакомая француженка: «С ума сошел? Едем!» И везет его в налоговую. А там излагает суть дела: «Этот мужчина — беглец из России. А они там все немножко братья Карамазовы — чуть-чуть слегка малость сдвинутые. Гляньте на него. Какой он писатель? Толя, скажи что-нибудь по-французски». Он что-то говорит.

Служащая видит: человек так говорящий на языке Камю и Роб-Грийе, писать книги не может. И в графе «профессия» меняет «писатель» на «русский редактор». И делает пере-

расчет! Спасибо подруге — сумма уменьшается втрое.

В чем же дело? А в том, что надо знать правила. Журналистам положена скидка — 30%. Любым наемным работникам — 10%. А людей свободных профессий — адвокатов, актеров, писателей очень уважают — ну как же: Жерар Филипп, Клод Лелюш, Жан-Поль Сартр... Но льгот им не дают.

С тех пор каждый год строго в срок Гладилин пишет в декларации номер карточки журналиста, шлет ее в инспекцию и живет-не тужит на Бульваре Понятовского — маршала Франции и племянника последнего короля Польши Станислава Августа.

В 1795-м — проиграв войну с Россией — он отрекся от престола. Польша потеряла свободу, но не гонор. Среди ее патриотов — Юзеф Понятовский, командир польского корпуса Великой армии Бонапарта. Император считает, что он рожден для престола: «благородный и храбрый человек чести. Если бы мне удалась русская кампания, я сделал бы его королем поляков».

Но кампанию он проиграл, а Юзеф — единственный иностранец среди маршалов — погиб, прикрывая отход французов под Лейпцигом.

То, что семья живет здесь, символично. Гладилин высоко ценил польскую культуру и литературу, бывал в Варшаве.

В 1961-м их с Машей пустили в Польшу в компании Виктора Шкловского и еще нескольких литераторов. Прибыли ночью. В дождь. Утром Маша открыла окно: улица полна цветных зонтов. После серой Москвы — карнавал.

Тогда Варшава — это еще не средоточие крамолы, но дух фронды витает в дыму редакций и кафе, где их знакомят с поэтами. Маша, играя на пианино, поет им песни Окуджавы. Успех! Жаль, Толя летит в Москву — хоронить отца.

Но успевает сдружиться с сочинителями и издателями. В 1962-м в Польше выходят его повести «Дым в глаза» и «Бригантина поднимает паруса» в переводе Дануты Вавиловой и Юзефа Ратайчика. А в Париже его соседи — Славомир Мрожек, Ежи Гедройц, Юзеф Чапский. Увы, Марек Хласко, так восхищавший их с Аксеновым, к тому времени уже погиб. С начала 60-х Толя дружил с теми, для кого Понятовский — герой. А теперь живет на улице его имени.

Милое место — часть «Маршальского кольца». Так называют в Париже цепь магистралей, названных в честь соратников Наполеона.

© С. Викторов. Нехариков в студии Радио Свобода. Париж, 1977. Фото: А. Петро

Через дорогу Венсенский лес — крупнейший парк Парижа. А в нем — замок, белки, птицы, озеро Сен-Манде, ипподром и луна-парк. Его огни полюбит Лиза — младшая дочка Гладиллина. Ей предстоит прибыть в Париж и стать прототипом одной из героинь романа «Меня убил скотина Пелл».

А его автор — частый гость ипподрома и держатель особого «бегового фонда» из гонимых денег. Впрочем, играет он нечасто — слишком много времени требуют семья, проза и работа.

6.

Хорошая работа — а такой она и была — для Гладиллина на одном из первых мест в жизни. Как главный источник средств — основа бытия в принявшей его стране. Он скоро уясняет ее важную черту, о которой прежде не знал: быть здесь эмигрантом — значит никогда не стать для французов французом. Гражданство, знание языка, заслуги, бизнес, дом ничего не изменят.

Его друг Полонский — сын эмигранта первой волны, исследователя неизданных писем Чаадаева, члена сопротивления, автора книги «Пресса, пропаганда и общественное мнение в оккупированной Франции», советует: «Вам бы, Анатолий Тихонович, найти для общения настоящего француза...»

— А вы, Александр Яковлевич, себя таковым не считаете? Ведь родились в Париже в 1925-м, окончили Сорбонну, живете в престижном 16-м округе.

— Помилуйте, конечно, нет!

В Штатах человек, получивший гражданство, кредитную линию и купивший дом — американец.

А во Франции — нет. Настоящий француз... О! Его корни должны уходить в эту почву на поколения. А родственники жить всюду — от Аквитании до Эльзаса, от Кот д'Азюр до Бретани. Даже перебиваясь на пособие в муниципальной квартире, он знает: когда-нибудь привалит наследство — виноградник или кафе.

Его племянник служит в министерстве. А среди прапрадедов — гренадер чином не ниже капитана. Он этим не кичится. Но он — такой. А ты — иной.

Дягилев, Кожев³, Нижинский, Нуриев, Шестов, Шагал и другие артисты и ученые принесли Франции славу, но остались чужими. Нобелевский лауреат Мари Кюри, открывшая радиоактивность, при всем почтении к ней французов, для них уроженка Польши. Их гордость — великий Шарль Азнавур — армянин. А Константин Мельник — русский, хотя при де Голле курировал спецслужбы страны.

Первые два, а то и три поколения мы здесь иностранцы — какие бы подвиги ни совершили, и как бы хорошо ни играли в петанк — делает вывод Гладиллин.

Первые беглецы с их газетами, клубами, театрами, философами и нобелевским лауреатом Бунинным говорили, в основном, по-русски, а на «офранцузившихся» смотрели косо. Но их дети и новые волны эмиграции приняли правила игры. И их потомки, возможно, ощутят себя французами. И Франция их примет в этой роли. Если только...

— Что?

— Они не вернуться в Россию.

— А с чего бы им возвращаться в деградирующую империю — страшилку мира?

— А вдруг — чудо? Сам же говорил, уезжая: может, еще встретимся!

— Может. Но всерьез уповать на это нельзя. Так что работа — прежде всего!

— Но всё же, мы теперь — кто?

— Французские русские.

7.

Так же ощущают себя Максимов, Марамзин, их семьи и собратья по радио и сочинительству. Один из самых ярких — Виктор Некрасов. Вика, как зовут его друзья. Включая Гладиллина.

Вика — герой. Все помнят его повесть «В окопах Сталинграда», вышедшую в 1947-м в «Знамени». И Сталинскую премию, отданную на покупку колясок инвалидам. И повесть

«В родном городе». И очерки «Первое знакомство», «По обе стороны океана», «Месяц во Франции». За них пропагандист Мэлор Стурра называет его в «Известиях» «туристом с тросточкой», шаблонно виня в низкопоклонстве.

Помнят и его требования возвести памятник евреям и всем убитым в Бабьем яре, нападки советских СМИ за «организацию сионистских сборищ», дружбу с Сахаровым, проработки, исключение из партии, обыски, аресты рукописей, допросы. В 1974-м — изгнание из Союза писателей. А в 1976-м — изъятие книг из библиотек.

Но тогда Некрасова в Союзе уже нет. Он — невозвращенец. Выехав в 1974-м в Швейцарию в гости к дяде, он переезжает в Париж. Да и остается, херя выездную визу. Знакомится с Максимовым и в 1975-м становится его заместителем в «Континенте».

Меж тем его пасынок Виктор Кондырев с семьей живет в Кривом Роге. Из СССР его не выпускают. Некрасов просит помочь поэта Луи Арагона. Кремль планирует политический ход — вручение ему ордена Дружбы народов. А Арагон объявляет: если Кондырева не выпустят, я публично откажусь от награды. И — срывает!

Виктор едет в Париж в 1976-м. Сейчас он обладатель ценного фотоархива, автор книг «Сапоги — лицо офицера» и «Всё на свете кроме шила и гвоздя», один из создателей Сайта Памяти Некрасова — www.nekrassov-viktor.com.

А тогда его отчим — частый гость программы «Круглый стол» Александра Галича на «Радио Свобода». Там он и знакомится с Гладиллиным. Через много лет после первой мимолетной встречи.

8.

В 1954-м немало шума делает повесть Некрасова «В родном городе». Ее обсуждают на пленуме московской писательской организации, куда проникает студент Гладиллин. Ругают. А автор не унывает — держится иронично.

А потом в холле говорит спутнику: «Подумаешь, критиковали. Ведь не убили». Второй раз они встречаются вдали от Москвы. О чем и рассказал мне Виктор Кондырев:

«Как-то в июле 1976-го Некрасов сообщил: завтра к нам придет Гладиллин.

Я обрадовался и малость всполошился — как же, тот самый, автор «Хроники времен Виктора Подгурского» и «Дыма в глаза», поразивших когда-то меня, провинциального читателя «Юности»? Некрасов выслушал мои восторги и соорудил рожицу (дескать «Скажите на милость! Вот те на! Кто бы подумал!») и пошел в кабинет — подремать, дав моей жене денег на покупку печенья к завтрашнему чаю (мы приехали за три месяца до того и не могли транжирить валюту на угощения).

Толя пришел с московским знакомцем Некрасова критиком Львом Левицким. Они выпили чаю, посидели часок-полтора, толкуя о чем-то околелитературном... Я же помалкивал, понимая, что мне, простому почитателю, негоже вступать в беседу светил. Насмотревшись на кумира юности, я достал камеру и сделал несколько снимков, как оказалось — мутных и плохо проявленных (делал я это сам, опять же из экономии).

Кто мог знать, что Некрасов и Гладиллин станут друзьями? А мы с Толей будем поддерживать до конца его дней добрые отношения. И радоваться нашим, всё менее частым встречам...»

9.

Гладиллин чтит талант и отвагу Некрасова. Говорит: я сделаю всё, чтобы у Вики не было материальных проблем. Как заведующий отделом культуры Парижского бюро «Свободы», он убеждает начальство платить ему по максимуму и следит за графиком выплат. Плюс — хитроумно добывает Некрасову прибавку — деньги за участие в своей передаче «Беседы у микрофона». Каждую ему оплачивают как статью. Но статью он пишет неделю, а беседа длится двадцать минут.

© Сергей Юренин с семьей во Франции после получения политического убежища. Фото: А. Петров

«Впервые с Гладилиным-ведущим⁴ они выходят в эфир 2 мая 1978 года, — сообщает Кондырев, — дома говорили о возможном назначении Гладилина “шефом по культуре”. Некрасов активно поддерживал его кандидатуру, но сказать, что именно это склонило руководство выбрать Гладилина, я не могу. Хотя, наверняка какую-то роль сыграло. Во всяком случае, Виктор Платонович воодушевленно сообщил эту новость».

Тем им хватает. Их дает СССР.

Толя: «Почему двинули именно этого, именно сейчас, и на этот пост?»

Вика: «Он из окружения Щербицкого⁵. И имеет вес в Кремле».

А в Союзе их слушают! О таких эфирах пишет поэт Владимир Корнилов⁶

Вика, Виктор мой Платоныч,
Изведясь, изматерясь
Я ловлю тебя за полночь
Да и то не всякий раз.

Голос твой, в заглушку вступаю
Лезет из тартарары
Вика, Вика, честь и
Послелагерной поры

Не сажали, но грозили
Но хватили за бока
Эх, история России
Сумасбродная река

И тебя, сама не рада
Протащила не за
От окопов
Аж куда не разберешь...

10.

Бывает, Некрасова зовут в дальние края — Гонолулу или Австралию. В 1980-м он выступает в Сиднее, Мельбурне, Аделаиде и Канберре. Шлет путевые заметки в «Новое русское

слово» и читает их на «Свободе». А после подходит к Гладилину, что курит у окна, выходящего на авеню Рапп, и говорит:

— Толя. Сядь. Эту историю тебе лучше слушать сидя.

— Что случилось?

— Да ничего, начальник. Я нашел твоего брата.

— Что с тобой, Вика? Ты что, снова съездил в Гонолулу⁷ и привез оттуда пламенный привет? Да, у меня есть брат. Валерий. Над ним сейчас издеваются в Москве. Есть еще Феликс — двоюродный... А других, извини, Вика — нет.

— Обижает, начальник. — щурясь объявляет Некрасов. — Я знаю, что говорю! Вообрази! Мы — в Сиднее. Всё чин-чинарем — я выступаю перед русскими аборигенами. А после, как положено — коктейль. Напитки, закуски, изящные дамы, солидные господа.

— А вот, — говорят, — и наш миллионер. То же из России. Джон Рабин.

И подходит, понимаешь, такой очень крепкий боевой еврей. И говорит: спасибо, Виктор Платоныч, за книги и выступление. Узнал много полезного. Рад увидеть человека из новой эмиграции. Здесь у нас ее пока нет... Но по делам я бываю в Штатах. И там мне сказали, что из СССР снова едут. И люди, вроде, неплохие, но хвастливые, выдают себя за важных персон. Говорят, что и брат мой двоюродный Анатолий Гладилин, эмигрировал. Он, якобы, известный писатель и живет в Париже. Может, вы о нем что-нибудь знаете?»

— Еще бы не знать! — говорю я. — Это ж мой начальник на «Свободе».

Он — сел. Хорошо стул был рядом. Видел бы ты его, Толя. Ну, я в него вливаю быстро виски. Не забываю и о себе. А он: что ты да как? Я описываю в общих чертах и говорю: ежели желаете подробнее — можно же связаться! Дам вам телефончик, адресок. Он: да-да, конечно! А здесь-то вы какими судьбами? — спрашиваю. И он излагает потрясающий сюжет.

Когда в Белоруссию пришли фрицы, сестры твоей матери бежать не успели и угодили в гетто. Как и сын одной из них — Юда Раби-

нович 19 лет. Гетто нацисты ликвидировали, сестер убили. А Юда сбежал. И ему бы не жить, если б один крестьянин не укрыл его в свинарнике. Прикинь: мальчишка еврей семнадцать месяцев среди свиней! Сечешь, начальник?

Но вот немцев гонят. А Юде уже двадцать два. И он идет с советскими. И как-то так доходит до Италии. А что? Границ-то в Европе толком нет. И там ему нравится больше, чем в Белоруссии. Но нужно жить, а работы не хватает самим итальянцам. И едет он в Австралию. И вкалывает. И что-то такое изобретает. Теперь — миллионер. Так что, начальничек, у тебя есть родственник за рубежом. Жди открытки.

И она приходит. Жаль, не сохранилась. Как и письма Юды. Зато он приезжает сам. С домброй. Всегда возит ее с собой.

А изобрел он штуку с виду простую. Но она принесла кучу денег — пластиковый контейнер для хранения еды, известный миру как Tupperware. Кстати... сейчас в Москве есть офис этой компании. И дела ее хороши.

А тогда Некрасов говорит: ну, я пошел. И уходит в Париж.

Друг глядит ему вслед и думает:

«Когда ж и как окажемся мы снова на Руси?
Когда ж домой не Фебина,
не Грибачева с Кедринной,
не Кочетова с Жуковым,
не Кожинова с Фокиным —
Гладилина с Некрасовым читатель
понесет?..»

11.

А Париж преподносит Москве сюрпризы. Люди там, видите ли, остаются. И однажды в такую историю напрямую попадают Гладилин и его семья.

Утром 25 ноября 1977 года в квартире на Понятовского звонит телефон. Маша слышит незнакомый голос и русскую речь. Простят Гладилина, но он ушел за программой бегов. Маша просит перезвонить и днем тот же человек звонит вновь. Хозяин — дома, он отвечает и после нескольких реплик говорит: приезжайте.

И объясняет: люди хотят просить политического убежища. Приедут к нам.

* * *

Первый раз член Союза писателей двадцати девяти лет от роду Сергей Юрьенен звонит Гладилину из кафе отеля «Будущее», что близ метро Гарибальди в пригороде Сент-Уан. второй — из будки на улице Шарль Шмидт — что у дома, где он живет у родственников жены — Ауроры Родригес Гальего. Аурора с ним. Выслушав Гладилина, они едут к нему.

Теперь Юрьенен — государственный преступник. Беглец. Как и Некрасов. Но если от Виктора Платоновича власти этого шага, может, и ждали, то от Юрьенена — нет. Но сам он знает, на что идет — не раз обсуждал это с женой — дочерью Игнасио Гальего, лидера испанских коммунистов, главы Компартии Народов Испании, стойкого сталинца.

Аурора родилась 14 сентября 1946-го в Нейи-сюр-Сен под Парижем и росла во Франции до 1951 года, когда социалисты в правительстве объявили присутствие испанских эмигрантов-коммунистов нежелательным⁸. Игнасио Гальего перешел на нелегальное положение, а его жену с детьми на советском самолете вывезли в Польшу. Вернулись они в Париж только в 1957-м, когда Ауроре было одиннадцать...

Потом во Франции окончила лицей и собралась в Сорбонну. Но папа отправил ее на филфак МГУ. Там в 1972-м она и встретила Юрьенена.

В СССР Аурора всегда была «под колпаком» спецслужб. Вместе с ней там мигром оказался и Сергей. И почувствовал: скоро отчислят. Но роман благословила подруга его отца — любимица советских генсеков, легендарная Пасионария — Долорес Ибаррури⁹, а законный брак перевел дело в высокие политические сферы.

И вот — дочь видного марксиста и прозаик, замначальника отдела в журнале «Дружба народов», участник Всесоюзного совещания молодых писателей — просят убежища на Западе.

Как дошли они до жизни такой? Зачем бежали из оплота борьбы за новый мир? Да еще в жесткой версии — не убыли как вольноотпущенники с «еврейским билетом», а «перешли в стан врага»? Один из ответов находим в книге Юрьенена и Михаила Эпштейна «Энциклопедия юности»: «Я западник. То есть стремлюсь к Западу... и дорожу им не как реальностью, бытом, предметом, но как идеей, идеалом, будущим».

Умозрительное «стремление к Западу» взыскует практической формы. Аурора готова. В 1976-м они были в гостях во Франции и всё решили. В Союзе ее матери намекнули, что не возражают против отъезда дочери и зятя. Та ответила: «Мы знаем, как американский империализм использует русских писателей. И новых солженицыных создавать не хотим». Значит путь один — побег.

Аурора с дочкой снова едут в гости Париж. Сергей следом — в сторону неведомого будущего. Когда состав гремит над Берлинской стеной с ее прожекторами и пулеметами, он понимает: это его шанс.

12.

В Москве остается квартира с видом на музей Советской Армии, телевизор, холодильник, стиральной машиной. И с открыткой от мамы — поздравлением с 60-летием Октября... Он бросает всё, эвакуируя, как после напишет вполне по-корчагински, «то, что дается только раз». И свою первую и последнюю книгу, изданную в Союзе, только что вышедшую в «Советском писателе» — «По пути к дому».

Поезд грохочет над границей миров 7 ноября. Берлинская стена и большевистская страна теперь в прошлом. А в будущем — Париж и свобода. Но путь к ней непрост. О нем рассказал мне сам Юрьенен.

«Я ехал с интеллектуальной передачей Синявскому, и в том, что касается “выбора свободы”, рассчитывал на Андрея Донатовича. Сорвалось. <...> После нашей первой встре-

чи Синявский и Розанова (как я потом узнал) связались с ДСТ¹⁰. И на вторую я шел уже под наблюдением. Синявские в помощи отказали. <...> Более того. Усиленно рекомендовали вернуться в СССР и Союз его писателей, напирая на то, что там кусок хлеба с маслом, а на Западе мне предстоит гибель от голода.

Поскольку я был нацелен исключительно на Синявского, то вышел не просто облом — катастрофа. На обратном пути я заметил слежку и понял, что попал «между молотом и наковальней». Мало того, что мы жили у коммунистических родственников жены, следивших за каждым нашим шагом, — теперь оказались еще и «под колпаком» у французов... На следующий день из справочника я выписал номера русских писателей-эмигрантов: Виктора Некрасова, Владимира Максимова, Анато-

© Сергей Юрьенен с сыном во Франции после получения политического убежища. Фр. 300. Фото: А. Петров

лия Гладилина... Лично никого из них не знал. Только литературно, так сказать, ноосферно. И Гладилин вызывал наибольшее расположение. Телефонный голос его жены Марии мигром это подтвердил.

При встрече мы изложили нашу ситуацию. Стоим в Париже у родственников-коммунистов. Для них наш уход на Запад — предательство... Гладилин размышлял недолго. Предложил бытовое убежище у себя. А о политическом сказал, что тут он малокомпетентен, и отвез нас к Владимиру Марамзину. Так Анатолий Тихонович и Владимир Рафаилович стали в смысле свободы нашими крестными отцами.

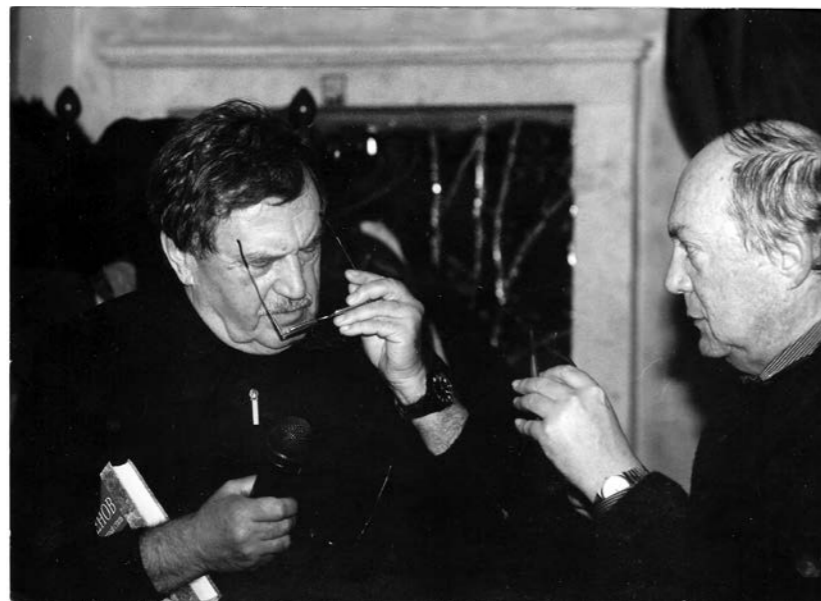
Нет оснований не верить французской пословице о госте, что загнивает на третий день. Но у Гладилиных мы прожили с месяц до той минуты, когда вышли из его “пежо” в Латинском квартале, с напутствием: “Теперь своими ножками, ребята!”»

13.

Итак, на месяц дом 56 по бульвару Понятовского — убежище советских беглецов. Рядом Порт де Шарантон, где в одноименной психбольнице содержали «божественного маркиза»... Стиль здания — французский (смягченный) «брутализм»: вход через неприметную калитку, а дальше через бетонированный двор цвета разбавленного бордо — в стеклянные двери и лифт.

«О себе там помню много, — говорит Юрьенен, — но о хозяине?.. Мы “выбирали свободу”, а Толя работал. И только в свободное время занимался нами. Привез в редакцию «Континента» на рю Лористон, познакомил с Максимовым, и Владимир Емельянович, выписал Гладилину чек на наше у него содержание.

Однажды ночью он постучал к нам, желая познакомиться с гостем — сбежавшим из-под надзора в отеле Андреем Вознесенским. Но к Андрею Андреевичу я не вышел. С одной стороны, юридически я был еще не “свободен”, а в статусе “преступного намерения”.

© С. Васильем Аksenовым. Париж. 2005 г.
Фото: А. Петров

© Встреча друзей в парижской квартире Гладиллиных.
Слева направо сидят Борис Заборов, Элизавета Проффер, Кари Проффер.
Фото: А. Петров

С другой — степень ситуативной паранойи была такова, что усомнился даже в кумире ранней юности. Своими ведь изумленными глазами видел на его сборниках посвящения нашему “бенкендорфу” Филиппу Бобкову, страстному библиофилу и собирателю всего, что относилось к писателям (включая ресторанные салфетки с автографами)... видел и цэдээловские объятия с лысыми «товарищами из ЦК»...

Другое дело — Галич. Но до знакомства с бардом не дошло. Когда 15 декабря 1977 года Гладиллин вернулся со “Свободы”, лица на нем не было: “Галич умер...”

О Гладиллине я услышал в 56-м, когда манифестом “шестидесятничества” гремела “Хроника времен Виктора Подгурского”. Мне было восемь, и я читал другие книги (Твена, Фурманова, Жюль Верна, Рабле, Гашека...) А в начале 60-х отчим под нашим с мамой давлением оформил подписку на “Юность”. Я и познал наши “иконы”.

Первый мой текст Гладиллина — это “Первый день Нового года”. Потом “История одной компании”. Всё было ясно: не Аксенов, но тоже мой писатель. После этого я погрузился в библиотечные изыскания и был пора-

жен тем, как рано начал Гладиллин: “Хроника” вышла за четыре года до явления Аксенова...

Следующий импульс интереса задал Катаев, написавший в “Святом колодце” о друге-мювисте...¹¹ Сильное впечатление произвела книга The Making and Unmaking of a Soviet Writer, изданная в “Ардисе” — ее я прочел в ожидании свободы — получив из рук автора. Там Толя пишет, как он научился быть советским писателем и как в Париже разучился, став западным журналистом. Я не верил, что он поставил на себе крест как на прозаике. Что и подтвердилось. Моя жена Аурора перевела на французский его роман “Большой беговой день”, написанный в Париже...

Хронологически Гладиллин — первый трубач после- и антисталинской генерации.

Несмотря на харизму Аксенова, именно он в силу своего политического радикализма остался центральной фигурой среди “исповедальников”. Появление в Америке Аксенова дало зарубежью большую либеральную литературную фигуру. Был весом и Гладиллин. Я не тотальный его апологет, но он обладал способностью противостоять тому, что отвергает душа...»

Примечания

- ¹ В. Е. Максимов — писатель, главный редактор журнала «Континент»; Дж. Бейли — сотрудник ряда западных издательств и редакций; Виктор Ризер (Витольд Шиманский) — директор парижского бюро «Радио Свобода» (с 1974 г.); чета Ниссенов — влиятельная семья эмигрантов первой волны. Они очень помогли семье Гладиллиных на первых порах их эмиграции из СССР.
- ² М. А. Алданов (Ландау) (1886-1957) — писатель, философ, ученый-химик. В 1905-1910 гг. учился в Киевском университете сразу на двух факультетах. С 1910 по 1919 несколько раз уезжал из России и возвращался. После жил за границей. Автор книг «Ленин», «Две революции: революция французская и революция русская», «Святая Елена, маленький остров» и других. После поражения Франции в 1940 отбыл в США. В 1947 вернулся, жил в Ницце.
- ³ Кожев — псевдоним видного философа и дипломата, эмигранта из России А. В. Кожевникова.
- ⁴ Она доступна на Сайте памяти Виктора Некрасова по адресу <http://nekrassov-viktor.com/>.
- ⁵ Щербицкий В. В. (1918-1990) — 1-й секретарь ЦК Компартии Украины, член Политбюро ЦК КПСС.
- ⁶ Корнилов В. Н. (1928-2002) — поэт, писатель. В 50-х трижды исключен из Литинститута за «идейно порочные стихи». Его сборник «Повестка из военкомата», повести «Без рук, без ног», «Девочки и дамочки» и роман «Демобилизация» в СССР видят свет только за рубежом. Выступал в поддержку Даниэля, Синявского и Сахарова. Член «Международной амнистии»

и Пен-клуба. В 1977 исключен из СП, книги изъяты из библиотек и продажи в 1979. Начал снова издаваться в СССР с 1986.

⁷ Некрасов и впрямь ездил в Голулу на встречу писателей. С тех пор когда он всерьез выпивал, друзья в шутку называли это «съездить в Голулу».

⁸ В мае 1947 социалисты В. Ориоль и П. Рамаде подписали декрет об удалении коммунистов из правительства. Руководство Социалистической партии провозгласило «политику третьей силы», направленную и против реакции, и против коммунистов. В 1947-51 ее лидеры входили в коалиционные правительства и осуществляли антисоветский курс на международной арене.

⁹ Долóрес Ибáррури Гóмес (1895-1999) — испанский политический деятель, Почетный председатель Компартии Испании, член Исполкома Коминтерна, депутат Кортесов (парламента) в годы Республики и после восстановления демократии. За страстность речей ее прозвали Пасионарией.

¹⁰ DST — Direction de la Surveillance du Territoire — французская Служба охраны территории.

¹¹ В книге «Святой колодец» В. П. Катаев объявляет о создании новой литературной школы — мювизма. От французского слова mauvais — плохой. Его спрашивают: «Но вы действительно умеете писать хуже всех?» А он отвечает: «Почти. Хуже меня пишет только один человек в мире, это мой друг, великий Анатолий Гладиллин, мювист номер один».

★★★

© Текст и фото: Дмитрий Петров

БЕСПЕЧНЫЕ ЕЗДОКИ

АЛЕКСАНДР ДЕЛЬФИНОВ

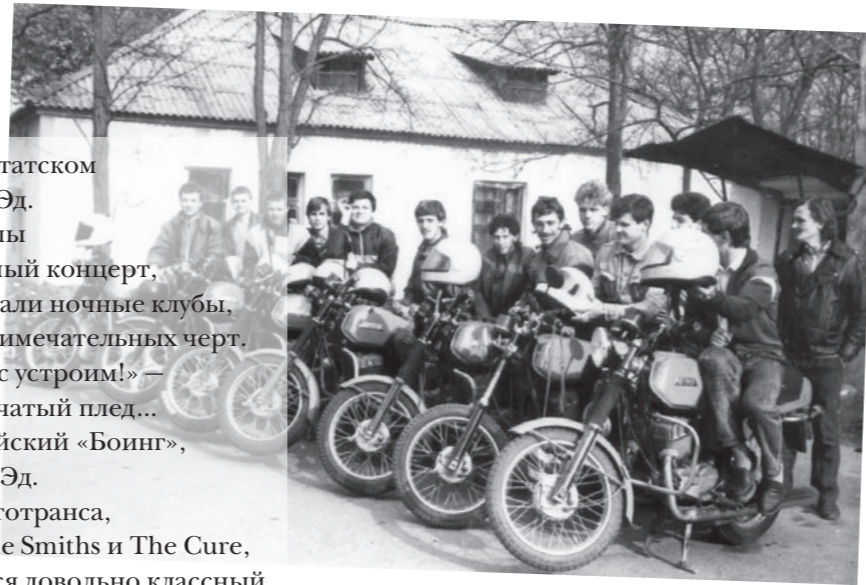
*Памяти Эда Нестеренко из группы «Петля Нестерова»
и других невидимых героев советского андеграунда*

Эд впервые услышал Beatles и Rolling Stones,
Когда ему было 14, где-то в 77-м.
И закрутились бобины, и годы пошли, как поезд,
И струны натягивались колком.
В кружок электрогитары записался в дом пионеров,
Сам подбирал аккорды и ныл кое-как им вслед,
А у метро в стоячке за 15 копеек эклеров
Пару любил купить и тут же сжевать их Эд.
Эд научился петь и аккомпанировать в 79-м
И хрипло орал: «Light my fire!», у Ирки присев на диван,
А после попался с гитарой в лапы чужим ребятам.
Гитару сломали. Наши вторглись в Афганистан.
В то время, конечно, никто не использовал слова «вторглись»,
Тогда называлось это «ограниченный контингент».
В тот год продуктов хватало в целом с достатком в городе.
В восьмидесятом школу закончил Эд.
Эд отрастил себе хаер, утюг толкнул ему джинсы

(Пришлось зарабатывать грузчиком — пот протёк между строк).
Он познакомился с Сэнди, и тот ему дал Sex Pistols,
Сказавши при этом: «Лабух! Послушай-ка ты панк-рок».
А Сэнди в то лето за пьянку погнали из музучилища,
И чуваки решили вместе создать свой бэнд.
Туса попёрла, как танк, и небывалую силищу
Так и почувял до этого скромный Эд.
Эд раздобыл по наводке у старого гитарного мастера
Тяжёлый поддельный Fender с поддельной педалью Fuzz,
А Сэнди пробил им репточку в подвале ДК Автотранса.
Не просыпаясь, ворочался стареющий Советский Союз.
Группу назвали «ВИAtles», хотя какая там группа?
«Худсовет приглашает на сцену электрогитарный дуэт!»
Играть перед худсоветом было довольно тупо,
Но ради дела эмоции научился сдерживать Эд.
Эд познакомился с Кэт на сейшене в ДК Автотранса,
У Кэт были длинные волосы и косяки с травой,
Двинулись в Крым автостопом, их принимала трасса,
И мак на обочине красной покачивал головой.
В Гурзуфе на пляже ночью им встретились харьковчане,
Эда мочили ногами, аж вспыхивал в почках свет,
А Кэт оттащили во мрак, и как она там кричала,
Слушал, слушал, слушал и кровью плевался Эд.
Эд у хайрастных с неделю отлёживался в палатке.
«Герла-то твоя свалила... Совсем безмазовый лайф?
Хочешь вмазаться, бразер?» — спросил его кто-то как-то,
А если такая маза, то надо ловить свой кайф.
Прикольная группа Madness — на средних волнах рокешник,
Не задаёшь вопросов — не ждёшь никакой ответ.
Домой он вернулся подсевший, сразу же умер Брежнев,
Но смерти товарища Брежнева почти не заметил Эд.
Эда ломало, но мало, и ко второму снегу
Он отошёл от «чёрной» и стал как огурчик свеж,
Подстригся, с утра отжимался и даже увлёкся бегом,
Но как-то встретился с Сэнди, и тот ему дал The Clash.
Что эта музыка делала? Будто менялось тело!
Ты сам — звезда рок-н-ролла! Ты — музыкант и поэт!
Душа отрывалась, летела, а сердце скрипело, но пело!
Первую песню придумал в ту зябкую зиму Эд.
Эд снова встречался с Ирккой, а Ирка запанковала:
Косуха-кожзам в заклёпках, подведённые чёрным глаза.
Иркина мама, учительница, крайне запаниковала.
«Не волнуйтесь, Елена Марковна, мы женимся», — Эд сказал.
На неформальной свадьбе все набухались адски,
Но не было даже драки, в трубу не стучал сосед.

© Фото: <https://www.facebook.com/photo/?fbid=1837887702933768&set=gm.1886134151506353>

А время было суровое, искусствоведы в штатском
 Так и шныряли повсюду, но их не боялся Эд.
 Эд и Сэнди сменили название своей группы
 На «Чёрно-белую кошку» и дали подпольный концерт,
 Поскольку в Советском Союзе отсутствовали ночные клубы,
 Это было в какой-то школе, лишённой примечательных черт.
 Народу набилась масса! «Ну, мы им сейчас устроим!» —
 Сэнди глаза подкрасил, завернулся в клетчатый плед...
 В тот год на Дальнем Востоке сбили корейский «Боинг»,
 А у фарцовщика куртку купил из вельвета Эд.
 Эд и Сэнди забили запись в студии ДК Автотранса,
 Неделю писали все песни, сняв саунд у The Smiths и The Cure,
 Альбом под названием «Крыша» получился довольно классный,
 А Ирка, послушав, сказала: «Знаешь, я беременна, Мур».
 (Были у них друг для друга прозвища: Мур и Детка,
 Прохожие оборачивались, порой чертыхались им вслед.)
 Минули девять месяцев, на свет появилась Светка,
 И чувствовал просветление нерелигиозный Эд.
 Эд встречался на Пушкине с менеджером подпольных концертов,
 Тот шастал в клешах лиловых и бархатном пиджаке,
 С ним панкёр в косухе набыченный, представился просто Бертом,
 Как стало известно впоследствии, Берт шлялся с ножом в сапоге.
 Базарили ровно. А небо — чисто синее знамя...
 Вдруг к ним подходят четверо, как близнецы средних лет:
 «Граждане, что за сборище? Проследуйте вслед за нами!».
 Так в первый раз за внешность задержан был модный Эд.
 Эд, Менеджер и Берт прошли в ближайшее отделение,
 И там состоялся типичный воспитательный разговор.
 «Вы же советская молодёжь! Ну, что за буржуазное поведение?»
 Спрашивал риторически пожилой, но бодрый майор.
 Примерно через неделю в Москве потеплело резко.
 Слухи ползли: в Афгане всё больше серьёзных бед.
 Утром из почтового ящика Ирка достала повестку:
 С паспортом к военкому явиться был должен Эд.
 Эд не желал идти в армию, желал быть звездой рок-н-ролла,
 Пришёл к военкому в халате, везя на веревочке танк.
 Того ли, как говорится, желали семья и школа?
 Он закосил в дурдоме, как всякий нормальный панк,
 А вышел оттуда снова, когда тополиным пухом
 Засыпало древний город, как снегом в траве скелет.
 С Иркочкой и Светочкой и Сэнди, их самым лучшим другом,
 На Гаюю двинул стопом веселый и бодрый Эд.
 Эд не заметил, как помер Андропов, а вслед — Черненко,
 Сейшен за сейшеном — группа теперь их имела вес,
 Ирка на бэк-вокале, у бабушки с дедушкой Светка,

© Фото: <https://oldboybarbershop.com/blog/muzbyskaya-strizhka-mogavk-ili-irokez>

А Сэнди выбрил башку и поставил себе ирокез.
 Что-то пошло не так. Комсомольцы их больше не трогали,
 Напротив — со всем уважением позвали на культурный совет.
 И новый магнитоальбом в тот год, когда ебануло в Чернобыле,
 Через студии звукозаписи продавать попробовал Эд.
 Долго ли дело, коротко ли, но вот появились деньги,
 А клип на их главную песню показала программа «Взгляд».
 Прошлись по всему Союзу с гастрольями Эд и Сэнди.
 У кого-то война во Вьетнаме, у нас Тактабазарский отряд.
 В 1990-м играли на стадионе,
 Народу — тысяч под сорок, всё в качестве — звук и свет,
 Но после концерта в номере Сэнди вдруг взял и помер.
 Коньяк и пять пачек снотворного — узнал на следствии Эд.
 Ирка сказала: «Слушай, ты нравишься мне по-прежнему,
 Ты, в общем, парень хороший, хотя и долбишь коноплю,
 И песни твои талантливы, и мы угорали бешено,
 Прости, но признаюсь честно — я больше тебя не люблю».
 А город, как жуткий корабль, плыл по великой Лете,
 И август давил на плечи, и в голову лез всякий бред.
 Потом была революция. «Убейте меня, убейте», —
 Шептал никому в отчаянии на баррикадах Эд.
 Их старые песни всё так же крутили по всем каналам,
 Но новые не сочинялись. Чесался от кокса нос.
 Оставшись один в квартире, Эд забухал сначала,
 А после совсем поехал, поплыл и пошёл вразнос.
 Однажды по пьяни в клубе схлестнулся с крутым бандосом,
 Почувствовал нож у горла и вдруг засмеялся: «Берт!»
 «Вот встреча так встреча, братишка!» — сказал бывший панк хриплым голосом.
 Под утро на мотоцикле с Бертом умчался Эд.
 Пылает заря над городом, летят ездоки беспечные,
 Ревёт по-медвежьи двигатель, и жизнь свистит за спиной...
 Не удержав управление, Берт вылетел вдруг на встречную,
 И вспыхнули звезды яркие, и тут же сменились тьмой.
 ...Кому-то эта история покажется чушью редкой,
 А кто-то с усмешкой скажет: «Да, лажанул поэт».
 Но я от знакомых слышал, что рэп записала Светка,
 И посвятила Эду свой первый сольный концерт.

Поэма впервые опубликована в берлинском издании Берлин.Берега.
<http://berlin-berega.de/o-zhurnale/9plus2020/alexander-delfinov/>

★ ★ ★

© Текст: Александр Дельфинов

батурин

ДЕНИС ОСОКИН

© На старте. Перед Олимпиадой 80. Фото: Юрий Иванов

1

Под казанским Кремлем есть улица Батурина. Она огибает Кремль со всего севера и со всего востока. Машины с городскими автобусами плотно идут по ней. Я всегда думал, что Батурин — это связанный с Казанью революционер, как Бауман. Или красный герой. Но оказалось, что Батурины-командиры и герои — ага — были на самом деле, и улицы в их честь есть в других городах России, Белоруссии, Казахстана и Украины. А улица в Казани названа в честь старинного купца Ульяна Прохоровича Батурина, жившего аж в 1791-1871 и имевшего на этой улице «Верхнесеребряный питейный дом», гостиницу «Гамбург» и еще одно здание. И не просто названа — а еще и до революции. И после революции среди очень немногих городских улиц не сменила старого названия. Но позвольте! За какие такие заслуги пламенная и взыскательная советская власть сохранила на карте владельца питейного дома Ульяна Прохоровича, о котором ни в советское время, ни в нынешнем городе не знали и не знают вообще? Улицы Большая Красная, Малая Красная, Жуковского, Гоголя, Подлужная остались со времен царизма — это понятно. Есть еще загадочный отставной сержант из дворян Касаткин с уцелевшей улицей в его честь всего-то потому, что при улице стоял его «приметный домик», тоже странно. Но по улице Касаткина хотя бы не ездили в Кремль и из Кремля начальники города и Татарской Автономной Республики. Неужто им или их помощникам не приходило в головы задуматься — кто такой этот Батурин и почему наши «Победы», «Чайки» и «Волги» катаются по улице его имени каждый день? Нет, наверняка был приказ от самого Ленина — не трогать Ульяна Батурина. Или так решил в Космосе вообще кто повыше. Интересно было бы попробовать разобраться, написать рассказ или роман, и сценарий полного метра, который пробьет все мировые кинофестивали, и пьесу для спектакля, который получит «Золотую маску».

2

Всё это я изложил Наташе в нашей обычной переписке одним ноябрьским вечером, в те дни мы сидели по разным городам. Мы поулыбались, сходу назначили несколько рабочих версий. Например, что Ульян Прохорович Батурин — настоящий отец Владимира Ильича, а вовсе не Илья Николаевич Ульянов. Правда, Володя родился в 1870 в соседнем губернском Симбирске, а Батурин умер в Казани

ЛИТЕРАТУРА

в 1871 в возрасте 80 лет. Нуу... Кто ж знает человека... А Мария Александровна написала-де потом любезному старику — мне о Вас будет достаточно памяти, ведь Володенька будет Ульяновым по моему законному мужу. Или не написала, даже не поставила в известность. Но сыну потом рассказала. А он, когда стал самым главным в стране, велел улицу отца в Казани не трогать. Или например, что Батуриин лично помог Илье Николаевичу — деньгами, отбил от долгов или спас физически, поймал за воротник на подледной рыбалке на Волге, когда Илья ухнул в полынью. Илья Николаевич ведь выучился на математика в Казанском императорском университете и окончил его в 1854. Илья Николаевич рассказал об этом сыну, а сын, когда стал самым главным... Еще версия, что наследники Батурина помогли изгнать из города белочехов в августе 1918, а каким способом — это надо подумать. Может, дух Ульяна Прохоровича очень сильно напугал их... Или умыкнули у генерала Каппеля золотой запас России, которым он завладел в Казани, и отправили его в Москву Ленину на самом деле, а Каппелю ничего не оставалось, как рассказывать всем, что пароходы с золотом под усиленной охраной он снарядил в Самару, но это была несчастная ложь. А закончили мы тогда и вовсе тем, что решили переименовать Казань в Батуриин. А то Казань с ее чарами поднадоела. И судьба у города стала бы не мигающая-мерцающая, женская — а бойкая, ровная и мужская. Не единственная на свете, дымная от молитвенных и любовных курильниц, песен о расставаниях и слез, травящая, ранящая, цепкая и пугливая большеглазая пери — а бойкий волжский город Батуриин, каких много. И давно пора. Пожелали друг другу доброй ночи, обменялись сердечками и всё на тогда.

3

Вскоре после той переписки и постановки внутри себя вопроса о Батуриине я отправился разведать наш новый ФОК. Я теперь живу не в Казани, а в городке на восемь тысяч жителей, с ласковым очень именем, на севере Средней полосы, и физкультурно-оздоровительный комплекс «Легенда» открылся у нас в начале лета. Красивый, цвета морской волны. Не гигантский, но в самый раз. Название ему выбирали сами жители нашего города и района голосованием на сайте районной газеты и в группах горожан в соцсетях. Такая постройка в таком пространстве — это событие. Был праздник в день открытия, выступали дети из музыкальной школы, районное начальство и представитель из области говорили в микрофон. Меня на нем не было, я сидел дома и работал, и настроение было не то. А потом уехал и вернулся сюда уже во второй половине осени. И о ФОКе вообще забыл. Но потом оказался по делам в этой дальней для меня части города — и вспомнил. Зимы здесь долгие, сходить куда-нибудь внутрь можно только в церковь и в Дом культуры. Пойду разузнаю, может быть, запишусь в бассейн, почему нет? Я казанец, а теперь живу здесь, сам захотел. А внутрь-то особо и не надо ведь мне никуда — писатель должен писать дома за столом, отдыхать в кровати и гулять снаружи. А снаружи тут — роскошь: старый деревянный и местами деревянно-каменный город, нежная целовательная река, ее берега, переполненные жизнью, озера, родники, и со всех сторон разный-прекрасный лес. Церковь и Дом культуры — это для меня идеально. А еще ведь — не сказал — есть маленький пригожий народный театр, радующий нас иногда премьерами. А еще и теперь ФОК. Что же касается Наташи — то она не писатель, поэтому то и дело мотается по работе на машине в Казань. А расстояние между обоими городами — очень сильно приличное. Вот я и пошел на разведку, в общем. И в предзимнем воздухе — запах дыма от угля и дров, запахи реки и леса — дышать не передышать такое!

4

Я никуда не торопился и не смог отказать себе в удовольствии сначала зайти на набережную, хоть это и противоположная от ФОКа сторона. Посмотреть — как там льдины? Уплыли или еще плывут? Они плыли, плыли тихонечко, цвета мокрого песка и ольховой коры. Вся река была ими покрыта. Льди-

© Минские «моржи». Фото: Юрий Иванов

ны тут плывут время от времени с середины ноября по середину марта, когда от резкого потепления вскроется лед сначала в верховьях, а потом и по всей реке — а река очень сильная, течение быстрое, вот они и текут себе к устью. Пока снова не заморозит, и они останутся. Это очень красиво. Если лед был уже крепкий — то льдины бормочут-шуршат, нахлобучиваются на берега и друг на друга, задевают кусты и мостовые опоры, их слышно во всех прибрежных улицах. Если был тонкий — плывут бесшумно, только слышны ветер и покрякивания лесных птиц. Если зимы теплые — такой ледоход можно видеть несколько раз. Если зимы холодные — лед будет спокойно лежать как лед. Пока в середине апреля не случится громкий, уже пьянящий и окончательный весенний ледоход.

Они плыли, плыли. Я стоял и смотрел. В рюкзаке моем были плавки и полотенце на всякий случай. Вдруг мне понравится с порога — и будет возможность сразу же и пойти в бассейн?

Пикали одни синицы. Я снова задумался об Ульяне Батуриной. И подумал о том, что Ульяна Батурина — это было бы красивое имя для девушки, чтобы позвать ее в невесты, чтобы сделать ее женой. А может быть у него была дочь — Ульяна Ульяновна?

5

В кармане зазвенел телефон. Звонили из Жилсервиса и напомнили, что надо как можно скорее зайти оплатить услуги ассенизаторской машины, которая приезжала ко мне на двор пять дней назад. Дом у меня старый, дореволюционный, канализационные колодцы тут во дворе под крышками и подушками из пенопласта. Это перед зимой я вызывал, чтобы зимовать спокойнее. А оплатить — не дошел, да. Вот и хорошо. Это совсем рядом с ФОКом. Я шел в ту сторону, на ту окраину за больницей и редакцией газеты, и иногда здоровался с людьми по обе стороны улиц, тут потихоньку все начинают знать всех. А я живу уже третий год. В середине пути в магазине «Веснушка» я купил себе два сочня на сейчас и хлеб на потом. Тут всегда вкусно — это магазин хлебзавода, единственного уцелевшего завода в городе. А сам хлебзавод — за воротами у «Веснушки», он в бывшем Воскресенском соборе с пятью куполами, куполов и барабанов давно нет, здание выкрашено желтой краской, но все равно это не самая плохая судьба для храма, теперь здесь самый душистый в городе квартал.

6

В Жилсервисе была небольшая очередь, и у меня было время поискать о Батуриной через телефон. Но информации больше никакой, кроме той, что я уже знал и изложил выше. Только узнал, на каком кладбище в Казани он похоронен. Искать по-серьезному — это надо идти в Казани в архив. Подумал — а может, как раз его дочь Ульяну Ульяновну любил казанский студент Илья Николаевич Ульянов? И хотел ее сделать своей женой — Ульяной Ульяновной Ульяновой? Отец-Батурин был рад, студента Ульянова он любил как родного. Но ребята поссорились, и свадьба разладилась. О первой невыносимо прекрасной своей любви отец поведал сыну, а тот потом стал Лениным и... Когда я вышел от жилищников — небо уже легонько темнело, хоть и была половина третьего дня, но это просто сейчас такие короткие световые дни. Теперь прямиком в ФОК. А по дороге — в «Бристоль» за сигаретами, леденцами и гелем для рук.

7

В ФОКе мне сказали, чтобы я лучше приходил к ним после новогодних каникул — через полтора месяца. А то пока еще ажиотаж — школьники из обеих школ, студенты медучилища и агротехникума занимают все часы. Или если сейчас — то по утрам к восьми. Но это не мое совершенно время, я в де-

вать-десять только встаю. Если я не выплыву — день для умственной работы будет у меня потерян, а я только и делаю, что работаю головой. И иногда разгребаю во дворе снег. Во дворе и тропинку через соседний двор к бане и колодцу рядом с ней. Но мне разрешили разуться, раздеться в гардеробе и пройтись по зданию осмотреть. Я осмотрелся — и мне понравилось. Все наполнено шумом, веселыми окриками, ударами мячиков и мячей. Выход к бассейну через душевые — поэтому я туда не пошел, но с улицы его отлично видно. Дети и молодежь — в самом деле. Я сюда вернусь.

8

Стремительно темнело. Половина четвертого — а уже почти ночь. На улице лай собак и шорох редких машин. А еще очень скользко — сильно потеплело ведь, раз лед по реке поплыл. Потому и идешь по льду с лужами улиточным шагом. В этом районе у меня с недавнего времени живет отец, я перевез и его из Казани, а то он там был один, и ему было трудно. Позвонил, узнал, нужны ли какие продукты, купил их в «Пятерочке» и пошел в потемках через вереницы гаражей, палисадников и сараев. Дома попил с отцом кофе с маффинами. Мы с ним очень похожи внешне — а внутренне разные совсем. Но это всё не беда. И помогай Бог. И слава Богу. Кормушку еще на окне засыпал. В первые дни его здешней жизни я повесил на окно его комнаты кормушку для птиц на присоске, семечек целую коробку накупил. Пусть в окно стучают, а в голодные для птиц феврале и марте кто только к кормушке не прилетит из леса!.. У меня дома тоже кормушки на окнах. Теперь пойду домой.

9

О звонкий цыганский город! Ты флагами весь увешан. Желтеют луна и тыква, играет настоль чешен. И кто увидел однажды — забудет тебя едва ли. Город имбирных башен, мускуса и печали. Это Лорка в переводе Гелескула. Похоже на то, как здесь. С цыганами, мускусом и имбирем пусть и не так, как в Хересе-де-ла-Фронтера. А печали и нежности — больше, чем достаточно. Тут только снег, синицы. И луна иногда, хоть и редко — предзимнее небо обычно плотное-плотное. Херес-на-Границе — а у меня как раз тоже приграничный город, тут границы почти трех областей. Я шел через гаражи, чтобы пройти потом через стадион, а на стадионе — на этом круглом городском сердце — я снова хотел подумать об Ульяне Прохоровиче Батуриной. И сходить в туалет, он тут есть — среди высоченных сосен. И скамейки. И деревянная сцена. И нарисован герб города.

10

Я рад, что могу вот так вот ходить и бродить. И перекачивать внутри себя новую идею — о Батуриной. И много прежних своих идей. При свете стадионных фонарей в абсолютной пустоте среди сырости и ветра я пишу на нарастающем под соснами снегу слово «Батурин». А за стадионом — улица Ленина. Улица-позвоночник Пурпурного Запретного Города моего. И я буду идти по ней, пока не сверну в свою улицу. Ульян Прохорович тайн своих мне не выдает. Но я и не желаю их у него выпытывать. С ними — еще лучше. У меня ведь тоже много тайн. Захочу — приеду в Казань и похожу в архив. Просто ради удовольствия, а архив — это удовольствие как голышом в постели и на траве. Казань далеко, Казань прекрасна, любима. И здесь, где я теперь, каждый шаг у меня — тоже любовь. И разгадки тайн вместе с новыми тайнами — не в архиве, а в этих шагах. Я вышагиваю — и на что-то надеюсь. Например, знаю, что с Батуриным мы уже друзья. И с дворянином-сержантом Касаткиным я уже тоже дружен. Покатаемся летом втроем на лодке, а зимой на лыжах по льду. Съездим на машине на соленый источник в лесу. Посидим в кафе «Мечта». А особой разницы между Да и Нет — нет.

11

© Лето 1965 года. Фото: Юрий Иванов

На Ленина много хозяйственных магазинов. В таких городах они — самые главные, и это восхитительно, я их больше всего и люблю, я и сам хозяйственным магазином в маленьком речном-лесном городе хотел бы быть. Зайду в них, кое-что мне там было нужно. На площади-сквере стою у памятника Ленину. Он у нас в теплом очень пальто и в зимней шапке. Ну да — тут прохладно, и зимы долгие. Написал бы и здесь «Батурин», прямо перед Ильичем, ведь он наверняка знает — но рядом с ним как раз снега уже и нет. Напишу завтра или на днях — если нападает. Оттепель ведь закончится, потому что зима по календарю еще даже не началась, но до нее — две синички.

12

В первом магазине я спросил, есть ли у них оконные уличные градусники? Были белые, самые красивые и простые, и дешевле не придумаешь. Я купил три — для своей квартиры и папиной. Удлинитель еще купил, они всегда нужны. У меня и в каждом рюкзаке на дне по удлинителю лежит. Тут уже вовсю продают гирлянды. Их у меня много и так. И еще куплю. Опустил белые градусники в свой черный рюкзак. На моей спине он совсем не заметен. От ботинок до шапки я хожу в черном вторую зиму. А до этого всю жизнь в зеленом ходил.

13

Вспомнил, что хотел зайти в «Электротовары», где можно распечатывать и снимать копии. А я уже их прошел. Вернулся, опять мимо Ленина в шапке. Мне нужно распечатать две строчки из баллады «Миорица», которые я хочу вставить в большую белую рамочку и повесить над кроватью. Распечатал! И в третий раз мимо Ленина. Вернее, четвертый. Первый раз я миновал его, когда топал в Жилсервис и ФОК.

14

Во втором хозяйственном магазине я купил поднос с дырочками, который уже чуть раньше купил отцу, а потом ему позавидовал. Бирюзового цвета, как ФОК, но немножечко более серый. На этикетке написано — «сушилка-поддон универсальная» и нарисовано в трех рисунках как с помощью подноса удобно орудовать в раковине. Три рисунка — три позиции: 1) моем и сушим; 2) чистим; 3) выбрасываем очистки. Очень удобно, да. А сделан он в городе Егорьевске. А такие предметы — они как Боги. Они крепче всех берегут и ладят дом изнутри. Они не просто из свиты Лада — а сами воплощения его. Такой поднос может не дать развестись супругам, когда они обо всем решили уже, подали заявление и разъехались. Такой поднос в подарок близкому или дальнему человеку или самому себе может незаметно прибавить лет десять-пятнадцать жизни, об этом будет знать только поднос, точнее, Бог. Этот поднос так радует меня, что я не стану убирать его в рюкзак, а с ним в руке зайду в третий хозяйственный и потом еще погуляю. Интересно, был ли в семье Батуриных такой поднос? Если не был — я его им подарю, завтра куплю третий и уберу пока в домашний черный контейнер. Как я буду дарить свой подарок людям, которые жили сильно давно и теперь не живут? Способов много, назову первые два. Подарить любому человеку, тебе симпатичному, и подумать в сторону тех, кого уже нет, что этот подарок и в их честь тоже. Либо отнести новенький поднос на помойку. Помойки — пересыльные пункты любых вещей и раскладов на Тот свет, самые надежные молчаливые понимающие пограничники и курьеры, доверять им можно больше, чем самому себе. На помойки выбрасываются только пищевые отходы. Всё остальное — относится. Помойки и людям помогают сильнее врачей. К помойкам нужно относиться крайне уважительно — и ничем не оскорблять, не осквернять их. Если я залезу в мусорный контейнер — то наверняка раздвинется его стена, и Ульян Прохорович возьмет меня под руку. Но я не полезу. Потому что для наших встреч и дружбы есть очень разные способы, и я способен к ним. Способен к

способам — не смущайтесь! — это намеренная пограничная речь.

15

В третьем хозяйственном я просто высматривал — чтобы высмотреть что-нибудь или ничего. И высмотрел складной ножик за пятьдесят рублей. Купил, подарю Наташе. Он удобный и легкий, с фиксатором, черного цвета. Она любит собирать грибы, и такой ножичек только для этого как раз и годится — зато идеально. А она мне подарила два коврика и две гирлянды в последний приезд, которые становятся все реже. Зайду тогда и за едой на ужин. Будет вторая «Пятерочка» за мой день. А в городе их целых три. И три «Магнита», третий — косметический.

16

Дети наши и молодежь, те самые, что населили новый ФОК, как снежинки воскресный рынок, в вечернее время обязательно стоят между стеклянными дверями «Пятерочек» и «Магнитов», которые работают до 22. Стоят один в один — часовые Пражского Града и почетный караул пшвы Гробе Незнанэго Жолнежа на площади Пилсудского. В тепле в часы перед ночью они могут постоять только здесь, долгие четыре месяца, и время это началось. Стараются вести себя потише, хоть не всегда получается. Взрослые с пониманием на них смотрят. Не ворчат, что тесно. Ящики для сумок, корзины для покупок — и глазастый нескладный народ, веселый и грустный, противный и в самый раз, как сложится. Особенно с 20 до 22 — их время. «Бакулина, ну ты свистулька!..» — со смехом кричит одна караульщица другой. Бакулина, видимо это она, отвечает что-то полупшепотом из-за проходящего мимо меня, видимо, что-то покрепче — и все хохочут так сильно, будто они в Раю. Я улыбаюсь, машу им ресницами, прохожу в торговый зал и покупаю там хурму, гуляш, сахар, рис в пакетиках, пятилитровую бутылку воды. Чьи дети чьи, из каких семей, с каких улиц — этого я еще не успел узнать за свои три года, знаю только некоторых, в основном маленьких, которые не стоят зимами по вечерам между раздвижными дверями.

17

А тряпочка в горошек? Голубая тряпочка — кухонное полотенце — оно лежало в «Магните-косметик». Я его тоже купить хотел, тоже Наташе, заверну в него ножик. Себе я уже эту тряпочку завел, покрыл ей прикроватную тумбочку в своей рабочей комнате в отцовской квартире. Как-то поснимал комнату телефоном и отправил фото — тряпочка очень понравилась. Вот я и решил купить и подарить. Но с покупками и бутылку я уж не стану возвращаться, мой дом — вот он. А тот «Магнит» — дальше, через пустырь, хоть и тоже близко. Я уже подустал. Хорошо, завтра!

18

Длинная-длинная-длинная улица, на которой стоит в том числе деревянная автостанция, а напротив нее — третья «Пятерочка» города, называется улицей Мостостроителей. А все потому, что появление постоянного моста через реку в 1984 году стало важнейшим событием в городской истории, а она здесь давняя — настолько с мостом стало легче жить. Если я буду писать о Батурине сценарий — начну с того, что Ульянов Петрович предложил уже в старости построить в Казани большой бесполезный веселый мост, а ему не разрешили. Мост не над рекой — а над землей, на берегу Казанки или в парке или на помойном пустыре. Чтобы все по нему лазили и никто не падал. Чтобы это стал такой первовзор современного экстрим-парка «Урал» у моста Миллениум. Чтобы его украшали как праздничную арку много-много раз в году. И веселились на нем и вокруг, и ставили кругом другие лазалки постепенно. Не разрешили, не рискнули, а зря. Батурин хоть и умер немного огорченный — в Городской думе его полюбили, жалели, что помешали ему подарить городу экстрим-парк с бесполезным, но зело красным

мостом еще в середине XIX века.

19

Дома я вымыл руки, задернул все занавески, переоделся, зажег гирлянды в комнатах и на окнах, сел за стол и изложил в письме знакомому режиссеру идею фильма о Батурине. Эдакий фильм-расследование, феерический, как экстрим-парк. Собственно, содержание первых двух глав этого рассказа плюс еще кое-что. Сказал, что могу сделать сценарий до конца весны, к лету. Цена такая-то. Аванс попрошу столько-то и прямо сейчас, если мы договариваемся. Режиссеров знакомых у меня много, и я написал тому, кто больше других мог бы этот замысел оценить. На кухне включил электроплиту, чтобы готовить ужин. Пока она нагревается — в нерабочей комнате за закрытой дверью открыл окно и в него покурил. Очень мне не нравится это мое курение, и я надеюсь скоро оно сойдет на нет. Уронил пепел на домашнюю штанину у лодыжки, потому что слишком задумчиво думал сразу обо всем. Она прожглась. Ладно. Ужинать и спать.

20

После ужина перед кроватью заглянул на почту. Знакомый режиссер меня обнимал и говорил, что очень хочет такой сценарий. На условия мои согласен. Денег придет в течение недели, а договор — завтра. Это очень хорошо. Будет мне на что жить почти год. И за менее приятные работы можно теперь не братья. И даже купить себе важное кое-что. И кое-куда и кое к кому съездить.

30 ноя — 3 дек 2021

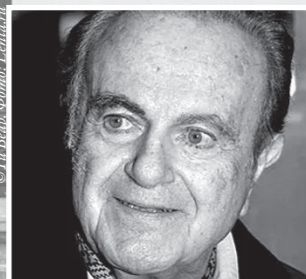
Запретный Город

© Текст: Денис Осокин

© Горожане. Минск, 1967 год. Фото: Юрий Иванов

Ги Беар

в переводах Псоя Короленко

Ги Беар (Guy Béart) родился в 1930 г. в Каире, всю жизнь прожил во Франции, где и умер в 2015 г. Один из блестящей плеяды французских шансонье 1950-1970-х гг. Свою карьеру автора-исполнителя начал в 1954 году, с 1958 г. стал полугатать премии, в 1994 г. награжден «Большой медалью французской песни», присуждаемой Французской Академией.

Беар — автор 250 песен, последний его концерт в Олимпии, в 85 лет, состоялся за несколько месяцев до его смерти и продолжался 4 часа. В нем участвовала его дочь, знаменитая актриса Эмманюэль Беар. Он был дважды женат, рассказывал, что тексты песен возникают из снов, и он записывает их по ногам, что не способствует семейной жизни.

Пресса писала о его тяжелом характере, о том, что он прикуривает одну сигарету от другой, не жалуется медиа и продюсеров, стремясь к полной автономности. Периодически он уходил со сцены, затирался в своем имени, однажды — на 11 лет, когда боролся с раком и победил болезнь, написав об этом книгу. Его называли гениальным мелодистом, настоящим поэтом, трубадуром.

Беар умер, упав на улице от разрыва сердца. В России его почти не знают, Павел Лион ака Псой Короленко решил восполнить этот пробел: он стал переводить песни Ги Беара на русский язык и выпустил диск его песен в своем исполнении, по-русски, оставив в переводах по шепотке оригинальных строк.

ПРАВДА (LA VÉRITÉ)

Тот, кто первый скажет правду —
жертвенный козёл.
Он дал с правдой маху,
Он пойдет на плаху.
Оторвут ему язык и скажут: “Вон пошёл!”,
А после будут сами
Говорить его словами!
Le premier qui dit la vérité
Il doit être exécuté.
Тот, кто скажет правду-матушку,
Потеряет тот башку.

Мне давали миллион, чтоб я пришёл вторым,
Поднял чьи-то ставки,
Дал срубить кому-то бабки.
Тур-де-Франс большой спектакль, так мы
говорим.
А в большом спектакле
Всё всерьёз, не так ли?
Le coureur a dit la vérité
Il doit être exécuté.
Гонщик гонит правду-матушку,
Потеряет он башку!

На чикагской улице лежит корреспондент
Он уже не встанет,
И болтать не станет.
Все свидетели пропали, бедный президент!
Их тринадцать было,
Током всех убило!
Le témoin a dit la vérité
Il doit être exécuté.
Тот, кто знает правду-матушку,
Потерять может башку.

Был приказ от дискурса пьянеть как от вина,
Не ходить за рамку,
Слушать папку-мамку.
А в Москве поэт послал чинуш советских
“на”,
Дунул в миску супа,
Из которой ела группа!
Le poète a dit la vérité

Il doit être exécuté.
Тот, кто пишет правду-матушку,
Потеряет тот башку!

Некий молодой длинноволосый иудей
На крест поднимался,
А народ смеялся.
Римский прокуратор не хотел стрелять в
людей:
Пусть за всех на свете
Человек один ответит!
Ce jeune homme a dit la vérité
Il doit être exécuté.
Тот, кто Сам есть Слово Истины,
Станет жертвой без вины!

Сколько человеческих голов сказавших
«поп»,
Угодило в Лету,
Здесь их больше нету.
И не помнит уж никто ни глаз их, ни имён,
Но их слова остались,
И в «час Че» раздались!
L'inconnu a dit la vérité
Il doit être exécuté.
Кто там ляпнул правду-матушку?
Отрубить ему башку!

Я нарушил правило безропотных утят,
Поделился с вами
Дерзкими словами,
И теперь вам страшно за того, в кого летят
Ваши злые маты
И тухлые томаты!
Ma chanson a dit la vérité
Vous allez m'exécuter!
Я пропел вам правду-матушку
Не рубите мне башку!

ПРАВДА — La Vérité — в исполнении Ги Беара:

<https://www.youtube.com/watch?v=HYuDC7CgLnY>

Перевод и исполнение Псоя Короленко:

<https://psoy.bandcamp.com/track/-74>

БОЛЬШОЙ ПЕРЕВОРОТ (LE GRAND CHAMBARDEMENT)

Земля сошла с ума,
В башках кипит чума,
И вот вам, нате, вот,
Идёт, идёт
И вот на нас идёт
Большой переворот!

Песчинка загорелась,
Кому какое дело-с?
Но две! Но пять! Но сто!
Смотрите вышло что!
Синьоры, синьориты,
В огне весь мир горит, и
Среди людей-колбас
Нейтрон пустился в пляс!
Взбесился мирный атом,
Планеты вертят задом,
Луна кричит “пиф-паф”,
На мушку землю взяв!

Мы лезем по скале,
Расплавленной в желе

В лучах твоих щедрот,
Высот, широт,
В лучах твоих сфирот,
Большой переворот!

Торпеды и ракеты
Готовятся к банкету,
Сегодня вечер бальный,
Апофегей глобальный,
Кричат: “Лови, хватай,
Куда исчез Китай?”
И пыль стоит столбом
Под радужным грибом!
А там, на русских горках,
В лазурных треуголках
Ковбойцы-храбрецы
Сымают куртецы!

Смотрите, кто вершыт
Весёлый гено-шит!
Он запускает Код,
И вот, и вот
И вот на полный ход
Включен переворот!

Волшебные машинки,
Машинки-молодчинки,
Курлычат вдалеке
На птичьем языке
Все эти ИТЭЭрки
На диком фейерверке
Командуют нулям,
Под стать фельдфебелям!
Так грянем дружный “вэлкам”
Усердным ЭВЭэмкам,
Готовящим дорогу
Компьютерному богу!

Nous finirons la guerre
Avec des lance-pierres
Si nous vivons demain
Nous en viendrons aux mains!
Закончим перепалку –
Возьмём копалку-палку.

Псой Короленко. «Кто я». Автор: Ольга Чикина

И землю опылит
Большой палеолит!

БОЛЬШОЙ ПЕРЕВОРОТ — Le Grand
ChambardeMENT — в исполнении Ги Беара:

[https://www.youtube.com/
watch?v=DylBuBWXgHY](https://www.youtube.com/watch?v=DylBuBWXgHY)

Перевод и исполнение Псоя Короленко:
<https://psoy.bandcamp.com/track/-83>

ПСАЛОМ (Ô JÉNOVAN)

Господь, спаси и защити
от злой красы, в которой скверна.
Свечой предивной освети
мои пути,
о Иегова!
Храни меня от чужаков,
чья так улыбка лицемерна,
от этих яростных волков,
от их клыков,
о Иегова!

Mon Dieu, mon Dieu,
Ne l'oublie pas
Ce caillou vieux
Que tu sauvas.
О мой Господь,
се камень твой,
храни его,
он жив Тобой.

Венцы и троны отними
у тех жрецов твоих кровавых,
что сеют войны меж людьми.
Их посрами,
о Иегова!
Безумцам затвори уста,
когда в речах своих лукавых
Тебя зовут царем костра
и топора,
о Иегова!

Mon Dieu, mon Dieu,
Ne l'oublie pas
Ce caillou vieux
Que tu sauvas.
О мой Господь,
се камень твой,
Храни его,
Он жив Тобой.

Врагу вовеки не позволяй
нас искушать. Он правит миром,
где Иов вопиет: “Доколь
продлится боль?»,
о Иегова!
Прошу Тебя не попустить
слепым раскрашенным кумирам
нас обольстить и совратить,
поработить,
о, Иегова!

Mon Dieu, mon Dieu,
Ne l'oublie pas
Ce caillou vieux
Que tu sauvas.
Mon Dieu, mon Dieu,

Псой Короленко. «Правда». Автор: Ольга Чикина

ЛИТЕРАТУРА

Ne l'oublie pas
Ce caillou vieux
Que tu sauvas.

О мой Господь,
се камень Твой,
спасён Тобой
и жив Тобой!
Ты мой Господь,
Спаситель мой,
я камень Твой,
И жив Тобой!

Псалом — О ИЕГОВА! — в исполнении Ги Беара:

https://www.youtube.com/watch?v=3P_iMh8xJ1Q

перевод и исполнение Псоя Короленко:

<https://psoy.bandcamp.com/track/-75>

И КТО Я?
(QUI SUIS-JE?)
рус. текст Псой Короленко, Ольга Чикина)

Родился я на ветке,
Нет больше ветки той.
Теперь вдыхаю едкий
Индастриал-отстой.
Мои корни все в асфальт ушли,
Но есть немножко там земли.
И кто я, и что я,
В миру, где нет покоя?
И кто я, и что я,
В миру, где воли нет?

Меня учили в школе,
Долбили всё подряд:
Про суффиксы в глаголе,
Про поле и заряд.
Когда я всё это смог понять —
В науке стали всё менять.
И кто я? И где я?
В миру, где несть идея?

И кто мы, и где мы,
В миру, где темы нет?

Потом я стал солдатом,
Мне дали «автомат».
Бороться с кровным братом
И земли отымать.
Когда я всё это полюбил —
Так сразу мир объявлен был.
И как же? И что же?
На глупый сон похоже!
Ну как же, ну что же,
А может, это бред?

Я вышел на прямую,
Запретную свою,
Заветную, кривую,
Чужую колею.
Иду вперёд, вперёд, вперёд...
А впереди мой зад идёт!
Кто слева, кто справа,
В миру, где нету права?
Кто справа, кто слева,
В миру, где смысла нет?

Сказали мне: «Работа!»,
Сказали мне: «Семья!».
Сказали мне: «Суббота!»,
Сказали мне: «Свинья!».
И сказали: «На фиг всё!».
Кто скачет, кто пляшет,
В миру, где место наше?
Кто сеет, кто пашет,
В миру, где места нет?

«Любовь — всего лишь вирус»,
Сказали мне врачи.
С тех пор я духом вырос,
И крепнет плоть в ночи.
А если вдруг пришла любовь,
Так я пойду проверю кровь.
Кто любит, кто губит,
Кто холит и голубит?
Кто колет, кто рубит,
Кто проливает свет?

И все-таки я снова,
Как полный идиот,
Всем сердцем верю в Слово,
Которое грядёт.
Я верю в сё, я верю в то,
Я верю в то, что сам не знаю,
кто я, и что я,
В миру, где всё другое?
И кто я, и что я,
В миру, где смерти нет?

Qui suis-je, qu'y puis-je
Dans ce monde en litige?
Qui suis-je, qu'y puis-je
Dans ce monde en émoi?

КТО Я? — Qui suis-je — в исполнении Ги Беара:

<https://www.youtube.com/watch?v=ApJNSPJTnIU>

перевод и исполнение Псоя Короленко:

<https://psoy.bandcamp.com/track/-75>

© Текст и перевод: Псой Короленко

что-то случится

ОТ РЕДАКЦИИ. Эту публикацию мы посвящаем памяти Иры Паперной. Она умерла 15 октября 2021 года.

Ира — целая эпоха московской жизни, она была программным директором, менеджером клубов «Белый таракан», «Кризис жанра», «Вермель», «Мастерская», самая долгая жизнь оказалась у «Китайского летчика Джао-Да», и она продолжается. Это были клубы творческой интеллигенции, собиралась определенная публика, просто посидеть или послушать музыкантов, артистов, поэтов, писателей — отличием этих клубов была домашняя атмосфера, а Ира была менеджером особого рода, как бы заботливой мамой своим гостям. Дважды мы делали презентации свежих номеров «Вестника Европы» в «Китайском летчике», в эпидемических 2020 и 2021 гг.

Заботливой мамой Ира была не только в переносном смысле, но и в прямом — они многое делали вместе с сыном, известным музыкантом Алексеем Паперным, который однажды начал писать пьесы. Это неудивительно, Ира и ее сын вышли из театральной среды, студии Марка Розовского, в давние, конечно, времена.

И вот Ира хотела, чтоб мы почитали Алешины пьесы и, если понравится, опубликовали бы одну. Но как-то очень быстро пьесы вышли книгой (в 2021 же году, когда был об этом разговор, в издательстве «Культурная инициатива»), книгу мы прочитали, думали написать рецензию, но тут, уже после маминой смерти, Алеша написал новую пьесу и предложил ее нашему журналу.

И мы с большим удовольствием ее публикуем. Она — об ощущениях, которые, сбивчиво, контрастно, между отчаяньем и желанием что-то изменить, свойственны сегодня, наверное, многим. Она — о жизни, напоминающей драмы абсурда Беккета и Ионеско и театр жестокости Арто, и стержневое ее чувство — «что-то случится», оно и вынесено в заглавие пьесы.

© Фото: Анастасия Цайдер

АЛЕКСЕЙ ПАПЕРНЫЙ пьеса

На экране кино — улица Москвы, толстая женщина просит милостыню.
 Девушка идет. Туфли на каблуках, бац, сломался каблук.
 Акция, мальчики и девочки с плакатами, автозаки.
 Цветочный магазин, мужчина нюхает розы.

1.

Стесса заходит в квартиру, захлопывает дверь, стоит не двигаясь, тишина.

Андрей (из комнаты)
 Стесса!

Стесса, хромая, заходит в комнату. Андрей сидит на полу с ноутбуком.

Андрей. Что случилось?

Стесса. Я шла по улице, говорила по телефону, толстая женщина просила милостыню, никакой жалости я не испытала, дала ей сто рублей, потом у меня сломался каблук, и я рыдалась.

Андрей. Господи.

Стесса. Мимо шли дети с плакатами в руках. Я стояла на носке, приехали автозаки, детей похватили, а в цветочной лавке мужчина покупал розы и так мило улыбался.

Андрей. Ясно.

Стесса. Еще там был мальчик, он скакал на одной ноге, а за ним шла девочка с красными щеками и смеялась. Андрей, давай побудем дома.

Андрей (листая телефон). Ясно.

Стесса. Голубые гордые олени, переходя реку вброд, никогда не оглядываются.

Андрей. Что?

Стесса. Ты меня не слушаешь.

Андрей. Слушаю.

Стесса. Что-то должно случиться, тебе не кажется?

Андрей. Кажется.

Стесса. Что ты делаешь?

Андрей. Читаю ленту.

Стесса. Ты читаешь ленту, а меня не слушаешь!

Андрей (смеется). Так я о том же. Смотри как весело. (Читает.)

Умер мой папа... соболезную, соболезную... никто не подскажет, чем заправить салат?.. учите слова... взорвался дом...

Стесса. Это не смешно, Андрей. Все рушится, и никого это не ебёт.

Андрей. Что с тобой?

Стесса. Не знаю.

Андрей. Хочешь чаю с вареньем?

Стесса. Да.

Андрей. Я сделаю.

Стесса. Не надо.

Андрей. А что тогда?

Стесса. Что-то должно случиться.

Андрей. Что?

Стесса. Мир должен измениться.

Андрей идет на кухню, включает чайник, открывает банку с вареньем.

Стесса щелкает выключателем, свет гаснет, потом включает, выключает, включает... поёт.

ЛИТЕРАТУРА

Синева
(выключает)
Облака
(включает)
Синева
(выключает)
Облака
(включает)

Андрей возвращается с чаем и вареньем.

Андрей. В дневнике наблюдений за природой я написал:
Перед тем, как улететь на юг, птицы садятся на ветки и долго кричат друг на друга...
Стесса. Что-то должно случиться.
Андрей. Что?
Стесса. Не знаю, но что-то такое невероятное. И мир станет другим.
Андрей. Каким?
Стесса. Прекрасным.
Андрей. Ты хотела чаю...
Стесса. Спасибо. Давай спать.

Стесса снимает часы.

Андрей. Ну может все-таки...

Стесса раздевается.

Стесса. Ложись тоже.

Андрей раздевается и ложится. Стесса выключает свет. Еле-еле видно, как она босиком шлепает к кровати. За окном голые деревья.

2.

Утро. Андрей и Стесса только открыли глаза.

Стесса. Привет!
Андрей. Привет!

Андрей берет телефон, говорит ему: «хозяин барин». Гудки.

Андрей. Але. Федя, привет! Я заболел, прости. Нет, не приду. Да-да, я все доделаю, корабль дорисую, в макет вставлю! Конечно! Надеюсь завтра-послезавтра. И саблю тоже. Ну конечно, я потом все проконтролирую. И рыбок, и связи, и смету и липу! Пока. *(Отключает телефон.)* Я никуда не пойду.

Стесса. Давай никуда не пойдем.

Андрей. Так я и говорю...

Стесса. Никуда не пойдем, пока не случится.

Андрей. Что не случится?

Стесса. Ты уже спрашивал.

Андрей. Ты не ответила.

Стесса. Я не знаю.

Андрей. Ладно. А когда случится?

Стесса. Скоро.

Андрей. День? Два? Неделя?

Стесса. Я не знаю. В любой момент. Может, через год. Надо набраться терпения.

Андрей. И что мы будем делать?

Стесса. Мы будем ждать. Смотреть в окно, рисовать, да мало ли...

Андрей. А на что мы будем жить?

Стесса. У меня есть деньги на карточке. У тебя тоже. Еду будем заказывать, а шмотки нам не понадобятся.

Андрей. Но деньги кончатся!

Стесса. Когда кончатся, тогда и решим че как!

Андрей. Ну не знаю.

Стесса. Нечего тут знать. Я мыться, а потом вместе будем наряжаться к завтраку.

Звонит телефон.

Андрей. Погоди. Это Агас. Что ему сказать?

Стесса. Он вернулся?

Андрей. Да.

Стесса. Отлично!

Андрей включает громкую связь.

Андрей. Привет, Агас!

Агас. Намаскар!
Стесса. Привет!
Агас. Привет, бледнолицые!

3.

Вечер. За окном медленно пролетают вороны.

Звонок в дверь. Стесса бежит в прихожую, открывает. За дверью Агас, в одной руке бутылка шампанского, в другой — тортик.

Стесса. Агасик!

Агас. Намаскар!

Стесса обнимает Агаса.

Стесса. Я так рада!

Агас

Привет, бледнолицая!

Агас, Стесса и Андрей сидят за столом в гостиной. В бокалах шампанское, на столе тортик.

Андрей. Твое здоровье, Агас!

Агас. Намаскар!

Стесса. За твое жизнелюбие!

Агас смеётся.

Агас. За вас, бледнолицые!

Выпивают.

Стесса. Агас, расскажи, как ты съездил, что там в Индии?

Агас. Хорошо съездил. Прекрасная погода. Много друзей. Мы танцевали, купались, загорали. По вечерам сидели у костра.

Стесса. А змеи там есть?

Агас смеётся.

Агас. Есть. Я давно приехал, месяц назад. Загар

уже не тот. Вот вам подарки. Это амулеты. Тебе, Стесса, амулет от духов зла, а тебе, Андрей, от духов зла, они все от духов зла.

Андрей и Стесса. Спасибо!

Агас. Андрюх, я новую тачку взял. Хотел бэушный ровер, но подумал и не взял, взял новую репку, очень доволен. Пряма какая-то моя машина. Был вариант еще морковку взять. А как у вас дела?

Стесса. Должно что-то случиться, Агас, тебе не кажется?

Агас. Все время что-то случается.

Стесса. Нет, должно случиться что-то небывалое, мир должен осыпаться, как засохшая елка, и родиться заново.

Агас смеется. Потом тишина. Все просто сидят в тишине, потрескивают свечи.

Агас. Ничего никогда не изменится, надо просто радоваться жизни, пока не помер.

Андрей. Помнишь, как мы выпрыгнули из электрички перед Аносино, когда она замедлила ход?

Агас. Да-да-да!

Стесса. Вы выпрыгнули из электрички?

Андрей. Ты что, не знаешь?

Стесса. Нет.

Андрей. Мы ехали в Аносино. Электричка как раз проезжала мимо леса с избушкой, в которую мы ехали. А от станции идти далеко. Электричка замедлила ход, мы раздвинули двери и прыгнули. И полетели под откос.

Агас. Оцарапались! *(Смеётся.)*

Стесса. Конечно, я знаю. Ведь в этой избушке сидела я.

Агас. Прекрасное было время.

Все молча пьют шампанское, едят тортик. Потом Стесса садится за пианино и поет арию из русской оперы 18 века.

Стесса (поет). Бежит паук, бежит паук по паутине к мухе

Бежит, бежит, бежит паук по паутине к мухе

Садится солнце и на юг отсюда птицы улетаю

И север тает вдалеке
И север тает

Ой, ты да кумушка моя,
Зачем ты мушку
Зачем ты мушку на лицо, моя любовь
В лесу кукует, ой ку-ку
Кукует пушка
Идет война
Идет война и льется кровь.

4.

Ночь. Андрей и Стесса спят. За окном голые деревья.

Утро. Андрей проснулся, стал будить Стессу.

Андрей. Стесса, Стесса! Просыпайся!
Стесса (открывает глаза). Что?
Андрей. Ты права.
Стесса. Что права?
Андрей. Сложно сказать. Мне приснилось. Коро-
че, нечего там делать.
Стесса
Вот видишь.
Андрей. Можем еще поваляться.
Стесса. Да.

Лежат.

Стесса. Нет. Надо вставать. Мы не овощи.
Андрей. Чем займемся?
Стесса. Давай переставим мебель.
Андрей. Давай.
Стесса. Но сначала почистим зубы.

*Андрей и Стесса встают, идут в ванную, чи-
стят зубы и разговаривают, хоть это и не так
просто — разговаривать во время чистки зубов.*

Стесса. Мы не должны опускаться. Мы будем
работать над всякими пустяками, которые и не
пустяки никакие, и зря мы раньше не обращали

на них внимания.

Андрей. Мы научимся намазывать масло на
хлеб, так, чтобы вся поверхность была покрыта
ровным тонким слоем.

Стесса. Мы будем вытирать пыль даже под
фарфоровыми статуэтками, под пепельницами
и фотографиями на пианино. Каждую мысль мы
будем додумывать.

*Андрей и Стесса полощут рты, умываются. По-
том переставляют мебель в квартире. На это
уходит весь день. За окном темнеет.*

*Андрей выметает из-под шкафа склянку с крас-
ной жидкостью.*

Андрей. Что это?
Стесса. Кровь, там же написано.
Андрей. Чья кровь?
Стесса. Моей собаки.
Андрей. То есть?
Стесса. Когда она умерла, я набрала из нее не-
сколько шприцов крови.
Андрей. Зачем?
Стесса. Чтобы сделать такую же собаку. Ее звали
Розой. Что ты так смотришь?
Андрей. Ничего.
Стесса. Я еще когда маленькая была, уже тогда
знала, что скоро из остатков живых существ на-
учатся делать двойников. А сейчас это уже везде
делают. Так что скоро у нас будет Роза.
Андрей. Где это такое делают?
Стесса. Ну конечно, нигде. Просто я хотела сдать
ее кровь на генетический тест. Узнать националь-
ность, предков, может мы с Розой родственники.
Андрей. Понятно.
Стесса. Ты меня не любишь.
Андрей. Почему?
Стесса. Потому что ты обсуждаешь со мной
национальность собаки. Несу ли я полный бред
или говорю о важных вещах, — ты реагируешь
одинаково. Ты считаешь меня идиоткой.

Молчат.

Андрей. Почему ты не хочешь выходить из дома?

Стесса. Я не хочу мириться со злом, я не хочу по-
гибнуть, я не хочу сама стать злом.

Андрей. Ты не высасывала кровь из дохлой со-
баки?

Стесса. Нет.

Андрей. Я не считаю тебя идиоткой. Я считаю
тебя самой прекрасной и самой удивительной.
Я тебя люблю.

Стесса. И я.

Андрей. А чья кровь в этой банке?

Стесса. Это не кровь, это клюквенный сок.

5.

*Вечер. В комнате темно. Андрей и Стесса стоят
у окна. За окном мигает фонарь. Ветер воет.
Некоторые порывы такие сильные, что даже
через закрытые окна задувает свечку, которую
держит Стесса. Андрей всякий раз поджигает ее
зажигалкой.*

Андрей. Я написал в дневнике наблюдений
за природой:

птицы улетели, листья опали, остались только
вороны, которые всегда кричат, когда все улета-
ют. Но воздух прозрачный, и пахнет приятно то
дымом, то чаем.

Стесса. Когда была жара, я мечтала об осени,
у меня ведь пальто серое.

Андрей. Мы не должны грустить. Скоро случит-
ся что-то важное, и мир станет другим.

Стесса. Я не грущу.

Андрей. А клюквенный сок портится?

Стесса. Нет, потому что это почти варенье. Я его
сварила, чтобы погуще было, кровь же такая — не
как вода. Я должна была играть Антигону. И что-
бы, когда я себя закалываю, изо рта шла кровь. Я
бы только стонала, а на губах — сладкое варенье.

Обнимаются.

Включается свет.

Стесса. Включили! Ты похож на крота.

6.

*Утро. За окном идет снег, как будто дом плывет
вверх.*

*Стесса лежит в постели, накрывшись одеялом до
подбородка. Андрей, сидя в кресле, подбрасывает
телефон — подбрасывает, ловит, подбрасывает,
ловит. Везде разбросаны пакеты от доставки,
пластмассовые вилки, картонные коробки, коро-
че, бардак.*

Андрей. Слуш, может пойдём на кухню, поси-
дим, как люди?

Стесса. Я ебала.

Андрей. Там конфетки.

Стесса. Я ебала.

Андрей. Отлично мы живем. (Подбрасывает,
ловит, подбрасывает, ловит, подбрасывает, раз-
дается звонок.) Тебе звонят.

Стесса. Кто?

Андрей. Не знаю. Там не написано.

Стесса. Включи на громкую.

Андрей. Але.

Голос в телефоне. Здравствуйте! Можно гово-
рить Стесса Воронцова?

Стесса. Это я.

Голос в телефоне. Стесса, меня зовут Катрин, я
перевожу. Вам звонит Клод Лелюш. Он хотел
говорить.

Стесса. Агас, это ты?

Голос в телефоне. Нет-нет, меня зовут Катрин.

Стесса. Кто это?

Голос в телефоне. Простите мой плохой язык,
директор Клод Лелюш не говорит по-русски, он
стоит рядом. Если это получается, мы можем го-
ворить на видео. Если вы не можете теперь, когда
перезвонить, пожалуйста?

Стесса. Через 7 минут можно?

Голос в телефоне. Конечно, спасибо! Мы при-
шлем в ватсап ссылку на зум, у вас есть зум?

Стесса. Да.

Голос в телефоне. До скорого видения.

Стесса вскакивает с постели, бежит в ванную.

Андрей. Да это какой-то развод!

Стесса (из ванной). Конечно! (Возвращается, вытирая лицо полотенцем.) Щас посмотрим, как они завернут (Выворачивает наизнанку шкаф — майки, трусы, платья, надевает, переодевает, серьги, помада, параллельно командует). Поставь компьютер у окна на тумбочку, чтобы свет сбоку. Может, красный платок? Нет, жесь, убери из кадра тарелки...

Андрей. Интересно, кто это? Может Агас все-таки?

Стесса. Андрей! Чтобы я левым боком к окну! И подложи книжки, чтобы не снизу кадр! Накрасить губы?

Андрей. Ярко-красным! И еще щеки прям тоже помадой, как в мультике, и розовые банты...

Стесса. Ты что, дурак?

Андрей. Это ж розыгрыш! Пусть они ахуют!

Стесса. Наоборот. Пусть они думают, что я поверила!

Андрей. Давай, я в какой-то момент начну лаять за кадром, а ты скажешь: «не обращайте внимания, это моя тупая собака». А потом я вбегу в кадр и начну тебя кусать!

Стесса. Андрей! Убери этот мудацкий стул, поставь кресло!

Андрей ставит кресло.

Стесса надела красивое синее платье, подвязала волосы черной лентой, накрашила губы, взяла сигарету.

Стесса. Ну как?

Андрей. Катрин Денёв курит.

Стесса. Нужен бокал вина.

Андрей бежит на кухню, возвращается с полным бокалом, ставит его на подоконник.

Стесса садится перед компьютером, находит ссылку, кликает.

Стесса. Так. Тихо. Можешь смотреть, только не попадай в кадр.

На экране компа появляется изображение. Там Клод Лелуш и толстая девушка-переводчица.

Переводчица. Здравствуйте! Я Катрин.

Стесса. Здравствуйте!

Переводчица. Знакомьтесь, пожалуйста.

Лелуш. Клод. Очень рад вас видеть.

Переводчица (переводит). Меня зовут Клод Лелуш, я очень рад встрече.

Стесса. Очень приятно. Стесса.

Переводчица. Я рада. Меня зовут Стесса.

Лелуш. Я случайно посмотрел видео театра «Глубокое Болото», вы играли Нину Заречную...

Переводчица. Я посмотрел трансляцию театра «Адская Плесень», вы исполняли Нину Заречную...

Лелуш. Мне очень понравилось, особенно монолог «надо нести свой крест...».

Переводчица. Вы прекрасно играли, особенно монолог «надо идти на голгофу...».

Стесса. Спасибо! Да, я сотрудничала с театром «Вечный Омут», но это было давно. Я сейчас уже не такая, как видите.

Переводчица. Спасибо! Да, я сотрудничала с «Глубоким Болотом», но это было давно, я выросла...

Лелуш. Вы прекрасная актриса. Я вижу вас сейчас, и я восхищен!

Переводчица. Вы великая актриса. Он видит вас в этот момент, он в восторге...

Стесса. Спасибо!

Андрей беззвучно смеется, строит какие-то странные гримасы. Стесса на мгновение наклоняется, страшно смотрит на Андрея и говорит беззвучно одними губами: «хватит, блядь». И тут же с улыбкой возвращается в кадр.

Лелуш. Я хочу снять фильм о счастливой женщине. О женщине, которая в очень непростых, даже трагических обстоятельствах смогла стать счастливой. Русская женщина, эмигрантка, поте-

© Париж. Фото: Григорий Ярошенко

ряла все. Очень хороший сценарий, мы написали его вместе с Морисом Карне. Эта роль для вас...

Переводчица. Лелуш хочет предложить вам роль в своем новом фильме. Сценарий они писали с Борисом Карне, великим драматургом. Он основан на настоящей истории бабушки Бориса. Героическая женщина, которая преодолела все печали. Он считает, что вы, ваши глаза, никто в мире не сыграет эту роль лучше. Он мне говорил, да-да...

Стесса плачет.

Лелуш. Вы плачете... я понимаю... не плачьте, мы снимем прекрасный фильм...

Переводчица. Он понимает вас. И говорит, что хочет работать только с вами. От себя скажу. Я совсем с ним согласна. Вы прекрасная!

Стесса (*вытирая слезы*)

Спасибо... спасибо вам...

Переводчица. Какая чудесная девочка.

Лелуш. Мы пришлем сценарий. Подумайте...

Переводчица. Я пришлю сценарий сюда в вотсап. На двух языках. Подумайте...

Андрей начинает лаять, становится на четвереньки.

Стесса. Да-да, конечно, я прочту, напишу, спасибо, простите, мне надо идти... (*выключает компьютер*).

Андрей. Класс! Класс! Только не надо было выключать, щас бы такое началось!

Стесса плачет, слезы прямо на пол капаят.

Андрей. Ты серьезно?.. Стесса...

Стесса выпивает бокал вина залпом.

Стесса. Принеси бутылку.

Андрей. Слушай, прости, я думал ты развлекаешься... так классно сыграла...

Стесса. Андрей! Бутылку принеси.

Андрей идет на кухню, возвращается с бутылкой вина, наливает Стессе.

Андрей. Слушай... это же... ну, это же... так не бывает...

Стесса. Это был настоящий Клод Лелуш. Я его видела в сериале «Десять процентов».

Андрей подходит к компьютеру, включает. Раздается звук колокольчика.

Андрей. Сценарий прислали. На двух языках (*пьет из бутылки, читает*). Летающая Лиза. Борис Карне, Клод Лелуш. Вокзал дю Норд, по перрону идет красивая женщина в синем платье, идет прямо, как по нитке...

Стесса. Не надо читать.

Андрей. Если это все правда, будешь сниматься?

Стесса. Да.

Андрей. Это правильно. И я пойду на работу. Мне надо саблю сделать и рыбок.

7.

Вечер. За окнами мигают разноцветные гирлянды. Стесса собирает чемодан. Андрей говорит по телефону.

Андрей. Давай послезавтра... успею конечно... уверен... договорились, пока.

Стесса. Там как раз осень, возьму серое пальто. Вот ведь чудо — я думала так и не надену его в этом году. С красным платьем оно супер. Серьги раз, серьги два, серьги три... серьги четыре, серьги пять, серьги шесть...

Андрей. Зачем тебе эти трусы?

Стесса. Чтобы вдохновлять любовников.

Андрей. А.

Стесса. А какие, по-твоему, на мне должны быть трусы, когда я буду раздеваться в кадре?

Андрей. Трусы должен режиссер придумывать, нет?

Стесса. Нет.

Андрей садится на кровать.

Андрей. Я буду спать теперь на левой стороне.

Стесса. На французском даже легче играть. Произносишь слова не думая, они сами за тебя играют.

Андрей. Красную помаду возьми.

Стесса. Красной помады в Париже хоть жопой жуй.

Андрей. Тогда возьми зеленую.

Стесса. Абсолютно бессмысленная реплика.

Андрей. Голубые олени, спускаясь к водопою...

Стесса. Так. Кажись, всё. Деньги, паспорт, резиновый шарик. Всё.

Андрей. Всё.

Стесса открывает ноутбук, кликает. На экране появляется Катрин.

Катрин. Привет!

Стесса. Привет!

Катрин. Собралась?

Стесса. Да.

Катрин. Главное, билет и паспорт, остальное — неважно.

Стесса. Я еще красную помаду взяла.

Катрин. Красной помады в Париже хоть жопой жуй.

Стесса. Класс!

Катрин. Мы тебя встретим в Charle de Gaulle, оттуда в отель, ты выдохнешь и поедем ужинать с Клодом...

Стесса. Класс!

Катрин. Потом выходной для погулять, а на следующий день примерка костюмов, там такие красивые платья! Йоко гений!

Стесса. А Йоко это кто?

Катрин. Дизайнер. У него все просто, как обычная одежда из Лафайет, но красота такая!

Стесса. Класс!

Катрин. Это будет лучший фильм Клода!

Стесса. Катрин...

Катрин. Чего?

Стесса. Прости, я не знаю, как сказать...

Катрин. Говори, не стесняйся. Какая-то пробле-

ма? Мы все решим.

Стесса. Прости, пожалуйста... я не поеду.

Катрин. Почему?

8.

Ночь. Стесса и Андрей сидят в креслах. Бой курантов. После последнего удара начинается страшный грохот. На улице взрываются петарды, топочут, кричат и поют соседи.

Андрей. Может, хоть выпьем по стакану?..

(*Стесса не отвечает.*) Я все понимаю, но можно же просто пойти погулять... вокруг дома, недалеко... Новый Год... (*Стесса не отвечает.*) Подышать воздухом...

Стесса. А где уют?

Андрей. Какой уют?

Стесса. На полке стоял чугунный уют.

Андрей. На кухне. Я взял, когда цыпленка жарил. Прижать.

Стесса. Верни его, пожалуйста.

Андрей идет на кухню за утюгом.

Стесса. Давай выпьем.

Андрей возвращается, ставит утюг на полку, открывает бутылку водки, наливает.

Андрей. С Новым Годом. (*Чокаются, выпивают.*)

Стесса. Ты сходи, погуляй.

Андрей выпивает еще рюмку.

Андрей. Пойду.

Стесса. Давай, конечно.

Андрей идет в коридор, снимает с вешалки пальто, встряхивает, пыль летит, долго ищет ботинок, другой, одевается, шапку надевает.

Андрей. Ну, я пошел.

Стесса. Андрей, если ты уйдешь, то уже не возвращайся, ладно?

За окнами мигает гирлянда, синий, красный, синий, красный...

Андрей. Слушай, ну так нельзя! Почему надо все доводить до абсурда? Мы сидим в гробу...

Стесса. Ты не понимаешь...

Андрей

Я понимаю! Я, как видишь, с тобой.

Стесса. Серьезно?

Андрей. Я просто хочу пойти погулять.

Стесса. Иди.

Андрей. Я все понимаю, Стесса! Но если все доводить до абсурда, то это все превращается в полный абсурд!

Стесса. Да что ты говоришь?

Андрей. Если бы осень была круглый год, то это была бы уже не осень, а геенна огненная!

Стесса. Осень не может быть круглый год! О чем ты говоришь?

Андрей. О том, что мы живем в гробу!

Стесса. Ты это уже говорил!

Андрей. Говорил и еще раз скажу! Мы живем в гробу!

Стесса. Ты не понимаешь! Ты ничего не понимаешь!

Андрей. Люди, птицы, звери, события, природа, дожди, деревья, снег, все в этой жизни движется! Все меняется!

Стесса. Ты говоришь страшные вещи!

Андрей. Я говорю правду!

Стесса. Уходи! Уходи совсем!

Андрей. Я уйду! Я уйду! Потому что ты сошла с ума! Потому что маленький круг вокруг дома — это маленький круг вокруг дома! Я не предлагаю тебе поехать в Турцию или сгонять в магазин!

Стесса. Я думала, ты понимаешь, а ты не понимаешь!

Андрей. Да! Я не понимаю! Что я не понимаю?

Стесса. Мы должны быть честными. Только так мы можем спасти мир!

Андрей. Стесса, знаешь чего? Я, пожалуй, пойду.

Андрей быстро идет к входной двери, поворачивает замок, дверь резко распаивается, сбивает его с ног. В квартиру ворвался страшный ветер. Крики, взрывы, песни. Андрей схватился за косяк и с огромным трудом закрыл дверь. Тишина.

Стесса. Давай посмотрим что-нибудь старенькое?

Андрей. Давай.

9.

Ночь. Андрей и Стесса смотрят «Ноттинг Хилл» и повторяют за героями:

— *Мисс Скотт, как вам кажется, эта дружба могла бы перерасти в нечто большее?*

— *Да, наверное, да.*

— *Чудесные новости.*

Ведущий пресс-конференции обращается к журналисту в зале: «Доменик, повторите свой вопрос».

Доменик: «Вы надолго останетесь в Англии?»

Джулия Робертс и Стесса, Хью Грант и Андрей смотрят друг на друга...

— *Навсегда.*

Свет гаснет. За окном идет снег. И никаких мигалок.

10.

За окном солнце, капель.

Стесса перед зеркалом, мажет лицо кремом. Из кухни в комнату входит Андрей, в руке у него блокнот.

Андрей. Дневник наблюдений за природой.

Весна пришла, как ей и полагается, со всей своей буйной палитрой красок. Багровые листья, желтые листья изумляют, как будто раньше

такого не было. А ведь было, было — и поцелуй в сумерках, и запах прошлогодних яблок, и звезды в тумане, и солнце, от которого всякий жмурится, то есть улыбается. Весна — это всегда начало новой жизни. Молодые люди и старики, умные и глупые, все без разбору бегут босиком по проталинам.

Стесса. Все верно.

Андрей. Знаешь, о чем я подумал?

Стесса. О радости?

Андрей. Точно. Радость без причины — это подарок, который мы имеем право ждать и получать за так. Потому что мы люди. Когда-то мне на голову с антресоли упала швейная машина. Бошка разбита, кровь хлещет, я испугался, вызвал такси, еду в больницу, мокрое от крови полотенце на голове, и вдруг мне стало так радостно, я подумал — какая у меня прекрасная жизнь, у меня мотороллер есть, таксист добрый... да, не в них дело, и вот сейчас тоже. *(Идет на кухню, начинает готовить завтрак, режет огурец.)*

Стесса. Какое небо голубое!

Андрей. Знаешь, весна за окнами лучше, чем по лужам бегать.

Стесса открывает окно.

Стесса. Надо смотреть на солнце для витамина Д... что-то должно случиться. Уже скоро. Я это чувствую. Андрей! Как же нам повезло, что у нас окна на солнечную сторону! Тебе не кажется, что пахнет краской?

Андрей входит в комнату, принимает.

Андрей. Пахнет.

В окне появляется строительная люлька, а в ней усатый человек с валиком. Он улыбается. Стесса и Андрей улыбаются тоже.

Стесса. Хотите кофе?

Маляр. Не откажусь.

Стесса. Андрей!

Андрей. Я мигом. *(Уходит на кухню.)*

Стесса. Трудно красить?

Маляр. Да, работа тяжелая, руки устают. Но это не беда. Только бы ничего не случилось. А когда ничего не случается, тогда хорошо. Живешь, как скользишь.

Стесса. Мы тоже так жили.

Маляр. А чего, хорошо. Когда ничего не случается, тогда люди вокруг просто ходят, птицы чирикают, краска ложится.

Андрей принес кофе.

Стесса. Вы так неожиданно появились. Прямо, как призрак.

Маляр. Спасибо.

Стесса. Вы обиделись?

Маляр. Нет. Спасибо за кофе.

Андрей. Сейчас я еще завтрак приготовлю, яичницу. Перекусите с нами?

Маляр. С удовольствием.

Андрей уходит на кухню.

Стесса. Расскажите про себя, про работу, это интересно.

Маляр. Я даже не знаю...

Трос, на котором держится люлька, лопается. Маляр хватается за карниз. Стесса кидается к окну, хватается маляра за руку, пытается втащить.

Стесса *(кричит)*

Андрей, скорее! Я намазала руки кремом!

Андрей вбегает в комнату, но поздно. Маляр падает. Слышно, как он ударяется о землю. Стесса садится на пол и закрывает лицо руками.

11.

Андрей и Стесса завтракают. Долго молчат, звякают вилки. Стесса вытирает слезы. Где-то за открытым окном работает радио.

© Париж. Фото: Григорий Ярошенко

Радио:

...эти и другие новости в ближайшие полчаса. В России обнаружена большая популяция перелетных птиц-вредителей. Информационные агентства сообщают о соловьях, прилетевших предположительно из США, к ногам которых прикреплены специальные капсулы с беременными самками жуков-пожирателей-урожая...

Стесса. Андрей, закрой, пожалуйста, окно.

... вред, который может нанести жук-слепок, в разы превышает...

Андрей закрывает окно.

Стесса. Что-то случится, что-то случится, что-то случится.

12.

За окнами садится солнце. Стесса с ноутбуком полулежит в кровати. Входит Андрей.

Андрей. Та-дам! Дневник наблюдения за природой! В магазинах появилась разноцветная карамель, наступила весна! Всё вокруг шумит и стучит. Кумушка-кумушка, — поет скворец, пум-пум-пум, — отвечает белка! Не время спать, надо бегать и трудиться, чтобы накормить щенков...

Стесса. Отлично.

Андрей. Я же не дочитал...

Стесса. Послушай, я сейчас занята.

Андрей. Но ты всё время занята.

Стесса. Я читаю Чехова, работаю над ролью.

Андрей. О'кей.

Стесса. Что ты хочешь?

Андрей. Ничего.

Стесса. О'кей.

Андрей. Я думал мы посидим у окна...

Стесса. Андрей, я работаю.

Андрей. Я тоже работаю. Но нельзя все время

работать, надо еще какие-то впечатления получать. Это очень полезно для творчества. Посмотри, какой закат!

Стесса. Закат заебись!

Андрей берет стул и садится у окна.

Стесса. Ок! (Отбрасывает в сторону ноутбук, быстро встает, хватая другой стул, с грохотом ставит у окна рядом с Андреем, садится.)

Злые Андрей и Стесса сидят перед окном, смотрят на закат не двигаясь, не говоря ни слова. Солнце садится, садится, садится, пока не наступает полная темнота.

13.

За окнами уже шелестит листва. Стесса и Андрей моют полы.

Андрей. Я хочу задать тебе вопрос.

Стесса. Какой?

Андрей. Ты все еще любишь меня?

Стесса. Да. (Никак не может оттереть засохший кетчуп.)

Андрей. Последнее время мы почти не разговариваем, не занимаемся сексом, ты не делишься со мной ничем.

Стесса кладет тряпку в ведро и садится на диван.

Стесса. Понимаешь, Андрей. Очень трудно жить в ожидании. Жизнь идет, но как будто и нет. Одновременно ждать и жить трудно. Но мы ждем, мы должны ждать. Это наш подвиг. Ты веришь в это?

Андрей. Да.

Стесса. Я все еще люблю тебя, но мне надо побыть одной какое-то время. Пойми меня правильно. Мы стоим перед включенным чайником и ждем, когда он закипит, это тяжелейшее испытание, это мука. Но обратного пути нет.

Андрей. Ты хочешь, чтобы я уехал?

Стесса. Да, Андрей. Я хочу, чтобы ты переехал на кухню.

14.

Ночь. Стесса спит одна в комнате. Андрей спит сидя в кресле на кухне. За окнами салют.

15.

Ранний вечер, на улице еще светло. В открытые окна летит тополиный пух. Андрей ходит по коридору взад-вперед, он взволнован, дверь в комнату закрыта. Наконец он распахивает дверь и быстро входит. Стесса в майке и трусах сидит на кровати.

Стесса. Что с тобой?

Андрей. Это я тебя хочу спросить! Что с тобой?

Стесса (ледяным тоном). Со мной все в порядке, а ты ворвался ко мне без стука в неадекватном состоянии.

Андрей. Ты одна?

Стесса. Конечно одна.

Андрей. Я тебе не верю.

Стесса. Почему я должна оправдываться, напомни?

Андрей. Я хочу знать правду.

Стесса. Я сказала правду. Я одна. Но даже если не одна, ты не имеешь права так себя вести.

Андрей. А что я должен делать? Сидеть и ждать?

Стесса. Ты мог позвонить по телефону, написать.

Андрей. Мне все ясно!

Андрей выбегает из комнаты, хлопнув дверью.

16.

Ночь. За открытыми окнами дождь. Андрей спит на кухне, сидя в кресле. Стесса одна в комнате, она не спит. В окне появляется тень,

потом силуэт, и вот в окно влетает мужчина.

Это маляр. Стесса садится на кровати.

Стесса. Это вы?

Маляр. Это я, Стесса.

Стесса. Вы живы?

Маляр. Нет.

Стесса. Вы призрак?

Маляр. Да.

Стесса. Простите, я даже не знаю, как вас зовут.

Маляр. Меня теперь никак не зовут, Стесса. А у тебя красивое имя.

Стесса. Спасибо.

Маляр. Я прилетел, чтобы сказать очень важную вещь.

Стесса. Какую?

Маляр. Помиришься с Андреем.

Стесса. Но он...

Маляр. Помиришься. (Улетает.)

Стесса сидит в задумчивости какое-то время, потом идет на кухню и садится спящему Андрею на колени. И засыпает.

17.

Раннее-раннее утро. Поют птицы. Андрей и Стесса спят. Стук в дверь. Андрей и Стесса по очереди просыпаются, смотрят друг на друга, ничего не понимают. В дверь продолжают стучать, прямо лупят.

Стесса. Может, потоп?

Андрей идет к входной двери, Стесса — в ванную. Никакого потоп.

Андрей. Кто там?

Голос из-за двери. Полиция, открывайте.

Андрей. Мы никого не вызывали.

Голос из-за двери. Если не откроете, мы сломаем дверь, у нас ордер.

Андрей открывает. В квартиру входят три

опера — в плаще, кожаной куртке и капюшоне.

Андрей в одних трусах, Стесса в ночной рубашке.

Опер в плаще. У нас ордер на обыск.

Стесса. А что вы ищете?

Опер в плаще. Неважно. Разрешите...

Опера входят. Начинается обыск. Переворачивают кровать, скидывают все с полок, роются в шкафах, простукивают стены.

Опер в капюшоне. Чья это кровь?

Стесса. Это клюквенное варенье.

Опер в капюшоне. Тут написано — кровь.

Стесса. Это варенье.

Опер в плаще. Давай на экспертизу. (Забирает склянку.)

Опер в кожаной куртке. Так. Раздевайтесь оба.

Стесса. Зачем?

Опер в кожаной куртке. Мы должны проверить ваши дырки на наличие в них наркотических веществ. (Уводит Стессу на кухню.)

Опера надевают резиновые перчатки, проверяют дырки. Андрей и Стесса кричат.

Опер в капюшоне (Андрею). Тебе повезло. У тебя одна дырка.

После проверки возбудившийся опер в кожаной куртке уводит Стессу в ванную и насилует.

Андрей сидит на кровати. Опер в капюшоне предлагает Андрею сигарету, дает прикурить, Андрей закуривает, кашляет. Опер в плаще заинтересовался пьесами Чехова, читает.

Опер в кожаной куртке выходит из ванной. Опера забирают микроволновку, уходят.

Стесса выходит из ванной, идет на кухню, достает из холодильника сливочное масло, отрезает несколько кусков белого хлеба.

Стесса. Тебе сделать бутерброд?

Андрей (из комнаты). Да. (Плачет.)

Андрей и Стесса едят бутерброды.

Стесса. Мы не должны грустить.

18.

Раннее утро. Стук в дверь. Стесса и Андрей просыпаются, садятся на кровати.

Стесса подходит к двери.

Стесса. Кто там?

Голос. Это я, Агас.

Стесса. Агас. Мы не ждали... мы не готовы...

Агас. Я вам звонил, вы трубку не берете.

Стесса. Агас, мы голые.

Агас. Я уезжаю в Индию навсегда. Сегодня.

Стесса открывает дверь. Входит Агас с бутылкой водки. Идут в комнату.

Агас. Привет, бледнолицые.

Андрей. Намаскар.

Агас. Я хотел попрощаться...

Стесса. Садись.

Агас садится на диван. Стесса достает рюмки, Андрей приносит половину арбуза. Агас наливает, поднимает рюмку.

Агас. Я бу-бу-бу уезжаю в Индию собирать камни и жить. Я теперь заикаюсь. Там тепло. За вас, бледнолицые.

Стесса. Спасибо, дорогой.

Пьют. Молчание.

Агас. Пэ-пэ-пэ-пэ-пэ-пэ-пэ поехали вместе!

Стесса. Наливай.

Агас наливает.

Андрей. За тебя.

Стесса. За тебя, Агас.

Пьют.

Агас. Там хорошо. Море, пе-пе-пе песок, пальмы, не глубоко.

Стесса. Нет, Агас, мы не поедим. У нас тут много дел.

Андрей. Мы тебя очень любим, не забывай.

Агас. А у меня нет никаких дел. Жаль. Ну может, потом приедете. Тачку продал хорошо, жаль Репок в Индии нет, но там и не надо аф-аф-аф-аф-аф автомобиля. Квартиру тоже продал, хуже, чем тачку, ну и ладно, деньги есть, открою в Индии планетарий, мне ж не надо ничего.

Андрей. Ну и как там чего?

Долгое молчание.

Агас. Если мысли додумывать, они становятся глупыми и скучными. В недодуманном варианте они лучше. Я пойду.

Все идут в прихожую. Обнимаются. Никто ничего не хочет сказать. Агас уходит.

Андрей ложится в кровать, накрывается с головой. Стесса выпивает рюмку водки, открывает ноутбук. Где-то за окном играет музыка. Стесса листает, листает, потом закрывает ноутбук.

Стесса. Андрей!

Молчание.

Стесса. Хватит лежать!

Молчание. Где-то за окном голос — «...на радио культура новости культуры, французский режиссер Клод Лелуш...». Стесса закрывает окно.

Стесса. Эй!

Андрей (из-под одеяла). Что.

Стесса. Дневник наблюдений за природой. Почитай.

Молчание.

Стесса берет телефон Андрея.

Стесса. Тогда я сама почитаю... какой у тебя пароль?

Андрей. Один один, один два, один три.

Стесса (читает)

«Прошло несколько лет. Маленькая девочка в доме напротив застыла у окна. Столько веселья в ее взгляде. Это она зажмурилась от весеннего солнца. Яркий свет в ее рыжих волосах так и горит. Даже по ночам она светится. Проходят дни, ночи, тускнеет лето, мокрые листья падают на подоконник, а она все стоит и светится. Потом наступила зима. Подоконник засыпало снегом, окно покрылось инеем, в ее комнате темно, но она по-прежнему жмурится от солнца. Наверное, так будет всегда, что бы ни случилось».

Стесса задергивает шторы и ложится рядом с Андреем.

19.

Стесса разбудила Андрея ни свет ни заря.

Стесса. Послушай. Ты только не пугайся...

Андрей. Ты беременна?

Стесса. Нет. (Улыбнулась.) Я просто подумала... наверное...

Андрей. Что ты подумала?

Стесса. Время идет. (Провела рукой по волосам Андрея.) Что-то случится, я в этом не сомневаюсь. Но мы, наверное, до этого не доживем.

Андрей. Я вот то же самое подумал.

Стесса. Поэтому нам нечего больше ждать и не зачем сидеть дома. Так?

Андрей. Согласен.

Стесса. Давай устроим уборку, соберем все оставшиеся продукты и приготовим ужин. А завтра...

Андрей. Давай. В морозильнике семга, еще есть перловка, две бутылки сухого, сыр, каштаны и голова петуха.

Стесса. Да ну тебя!

20.

Вечер. Стесса и Андрей сидят за столом, горят свечи, к потолку привязана куриная нога.

Андрей (поднимает бокал). Я хочу выпить за этот дом, который не стал нам родным, потому что мы путники, и у нас не бывает дома. Но он был нашим лежбищем и пристанищем. Я хочу выпить за наших братьев — Дон Кихота и Санчо Пансу. Мы редко о них вспоминали, то есть мы вообще о них не вспоминали. Но мы не забывали о них никогда. Я хочу выпить за тебя, Стесса. Ты самая красивая. (Выпивает, разбивает бокал.) Пусть эти осколки найдут археологи и восстановят по ним всю нашу жизнь.

Стесса. Пусть что-то случится! (Выпивает, разбивает.) Давай Агасу позвоним.

Андрей и Стесса выходят из квартиры, спускаются по лестнице, выходят из подъезда. На улице светит солнце, идет легкий дождь. Они идут рука об руку под зонтиком. Мимо проезжают машины, какая-то девочка просит закурить, они идут, какой-то странный человек пытается продать им часы, но у них уже нет денег, и часы им не нужны. По городу, по паркам, по проспектам, мимо стоянки дальнобойщиков, сворачивают на проселочную дорогу, заходят в лес, идут по лесу, лес все выше и выше, красивее и красивее. И вот они останавливаются, смотрят друг на друга, говорят — до свидания, любимый, до свидания, любимая, обнимаются и исчезают друг за другом, сначала Стесса, потом Андрей.

© Текст: Алексей Паперный

Андрей. Давай. (Набирает Агаса, включает громкую связь. Гудки, никто не подходит.)

Стесса садится за пианино.

Стесса (поет)

Идем в дорогу мы идем.

Течет река, а мы идем.

И вот нам подарил подъем железную дорогу.

Скамейка, на скамейке ночь, и петухи поют всю ночь.

И не просите нас помочь.

Мы не поможем...

21.

День. За окнами бабье лето. Андрей и Стесса стоят перед дверью.

Андрей. Надо зонтик взять.

Стесса. Да. (Снимает с крючка зонтик.)

пощечина

рассказ

ТАТЬЯНА ЗАМИРОВСКАЯ

— Вот она снова здесь, — сказала Маша, выглянув на сцену. — Сидит. Там, в первых рядах, в фиолетовой кофте.

— Может, это не она, — Машин муж погладил ее по плечу, — Тебе она уже мерещится всюду.

Но это точно была она. Маша снова выглянула из-за шторы и прищурилась — фиолетовое пятно превратилось в пляжный зонт, чернильный тюльпан, могильную погибель. Какое странное слово «мерещится», неужели так может сказать живой человек, «мерещится». Может быть, муж ей тоже мерещится?

Уже пятый раз подряд Маша видит ее на встрече с читателями. Как она перебирается из города в город? Покупает ли она билеты на эти встречи? (а ведь это недешевые билеты) Она летает всюду за Машей? Что ей нужно? Подписать книгу? Но почему она не подписала ее на прошлой встрече, или позапрошлой? Видимо, она ее персональный Марк Чепмен или Валери Соланас — однажды подберется ближе (каждый раз она садилась все ближе, все точнее — с задних рядов в самый центр, чтобы все мимические морщинки можно было рассмотреть), выхватит из-за пазухи пистолет и прострелит Машину горячее сердце ровно посередине, попадет точно в глаз сердечного урагана, вот и головокружение, вот уже бы и присесть. Господи, что же с этим делать.

— Лучше бы встречу отменили из-за урагана, — сказала Маша вслух, схватившись ладонью за стеночку. — Уже ведь какой-то дождик накрапывает, ну.

Тут к Маше подскочила агент, ловко поддержала ее за серенький бочок и что-то затараторила: еще одно телеинтервью, буквально десять минут, встреча все равно еще не началась, обычно люди к полседьмому только собираются все.

Интервьюер, как назло, был плохо подготовлен. Обычно плохо подготовленные интервьюеры готовятся так: смотрят другие интервью (тех, кто хорошо подготовился), вытаскивают оттуда мерзкие факты, а потом вываливают их на Машу.

— Вы недавно в интервью рассказывали про ту пощечину, — словно невзначай, будто бы издалека начал интервьюер. Над ним, как собака на жердочке, угрожающе покачивался лохматый микрофон.

— Да сколько уже можно! — громко сказала Маша. — Да, было такое. Я дала пощечину журналистке. Ударила ее со всей дури по морде. Молодая была, эмоциональная. Но знаете что? Вот честно — знаете что?

Интервьюер покачал плечами, и собака на жердочке тоже покачалась. Внутри Маши тоже что-то покачалось и она сама почувствовала, как пол под ее ногами повело, как в танце туда-сюда, тадам-падам. — Она потом, когда у меня уже все стало хорошо, писала во все издательства, которые со мной работали, вы это знаете? Во все журналы, которые меня публиковали. Всем книжным критикам, всем журналистам. Требовала, чтобы меня отменили, чтобы обо мне никто никогда не упоминал. Когда у меня все плохо было и я никому не была нужна — она молчала. А после «Семи голов» — начала меня преследовать. Причем я уже сто раз во всех интервью извинилась, публично сказала, что жалею, и всю жизнь буду жалеть, что руку на эту тварь подняла, черт, вырежьте это — вы же можете это вырезать?

Маша заморгала быстро-быстро, как делала всегда, когда волновалась.

— Мы вырежем, — лживо пообещал интервьюер, — Как мы можем это не вырезать, там же оскорбления, вдруг она нас засудит. Не переживайте.

— Я не переживаю, — строго сказала Маша. — Просто я уже сделала все, что могла. Что мне, лечь и сдохнуть? Пойти и покончить с собой? Я извинилась, я несколько раз публично сказала, что мне жаль, я была тогда в плохом состоянии, у меня есть справки от врачей. Я что, всю жизнь должна отгрывать за пощечину, которую дала семь лет назад? И она продолжает меня уничтожать и всюду строчит доносы свои. Но это ее профессия, да. У некоторых профессия — писать доносы.

— У вас были тяжелые времена — сказал интервьюер. — Я читал. Мне очень жаль.

— Да, очень, — сказала Маша. — Я была не в себе. Мне тоже жаль.

Маша смутно помнила все в деталях, все-таки прошло семь лет. Или даже восемь, не важно. Тогда она получила около сорока отказов (молчание она тоже считала отказом) на «Аквариумного кота». Она написала «Кота» после выкидыша — прощальный подарок для нерожденного ребенка — буквально залпом, за несколько месяцев: чтобы там, куда он попал, у него была собственная коллекция сказок о жизни, которой у него никогда не было и не будет. По мнению Маши, достойно проводить того, кто так и не зацепил собой хрупкое чудо бытия во времени и пространстве, можно только выстроив ему некий параллельный, утешающий мир, которым можно было бы подменить непрожитое — это все потом она часто рассказывала журналистам.

Отчаявшись, Маша выслала «Аквариумного кота» на какой-то конкурс рукописей, и он неожиданным образом попал в шорт-лист; по условиям конкурса некие критики должны были писать рецензии на шорт-листеров, и вот некая Карина Сажанова написала ту самую рецензию, над которой Маша плакала ровно неделю. Да, Карина Сажанова наверняка никого не теряла. Да, Карина Сажанова даже не поняла, кому на самом деле посвящается «Кот». Все это ее совершенно не извиняло. Карина Сажанова возмущалась поступками и действиями героев «Кота» так, словно это были поступки и действия самой Маши, и это Машу совершенно фрустрировало — вот, скажем, персонаж Бабушки Черепахи был гомофобен донельзя, и Карина Сажанова, явно закатывая черные глаза куда-то под обшарпанный свой потолок, писала что-то вроде: да ладно, неужели в наше-то время сейчас можно всерьез считать, что транс-сексуальность — это стыд и позор? Она вообще в каком веке живет, эта Мария?

Собственно, а в каком веке жила эта Карина Сажанова, которая считала, что автор обязан писать только про милых ребят? Именно из-за таких, как Карина Сажанова, рассудила Маша, некоторые считают, что Набоков — педофил, Сорокин — говноед, а Берроуз — наркоман. Впрочем, Берроуз и правда был наркоман, но не важно.

А потом прошло некоторое время, «Аквариумного кота» издали в Random House, Маша встретила своего будущего мужа, забеременела Бидончиком, и ее пригласили на главную городскую книжную ярмарку, и там к ней подошла эта журналистка и сказала: здравствуйте, можно задать вам пару вопросов; но там уже Маша наливающимися кровью глазами увидела ее бэдж, на котором было написано невозможное, невероятное «Карина Сажанова», и просто вцепилась в этот бэдж, накрутила его на руку

и, рыдая, начала кричать: уйди отсюда! уйди отсюда, сволочь! Но Карина не могла никуда уйти, потому что ее бэдж был плотно намотан на Машин кулак. Когда ее кое-как отцепили от визжащей Маши подбежавшие книжники, Маша успела схватить Карину за волосы и, насколько ей хватило размаха, вlepить ей пощечину.

— Не смей больше никогда ничего обо мне писать! — кричала Маша, захлебываясь рыданиями. — И не подходи ко мне больше никогда! Уйди же, господи, да уйди ты! Не смотри на меня так! Уберите ее куда-нибудь!

Карина отошла на несколько шагов, присела на корточки и смотрела на Машу с благоговением и ужасом. На вид ей было не больше двадцати: бледная, худая, черноволосая, с неестественно вздернутым миниатюрным носом. На ее белой, как луна, щеке расплывалась малиновым позором Машина пощечина.

Машу взяли за плечи, куда-то повели, она заливалась слезами.

— Зачем она мне все испортила? — всхлипывала она. — Это был такой счастливый день, зачем она пришла? Да черт, почему она имя не сменила! Я бы на ее месте имя сменила!

В Машу влили каких-то успокоительных капель и вызвали ей «Скорую», потому что боялись, что она на почве стресса сбросит Бидончика, но Маша справилась, и Бидончик справился и родился через три месяца просто молодцом, и регулярно был полон молока, как и положено Бидончику.

Все эти три месяца Маша судорожно обновляла соцсети и мониторила все аккаунты Карины (их найти было не слишком сложно) — та, как назло, угрюмо и угрожающе молчала о случившемся, наливаясь, как грозовая туча мщения. При этом Машу почему-то буквально во всех интервью теперь спрашивали про инцидент с пощечиной.

Настучала всем, сволочь, поняла Маша.

Она ничего не знала про Карину, но теперь ей пришлось изучить всю ее жизнь. Оказалось, что Карина в целом писала довольно много чуши — ее рецензии на другие книжки были едкими, циничными и какими-то околоточными, переулочными, словно Карина специально, назло авторам, кружила вокруг книги, как кошка вокруг мышки, не нападая прямо, а запутывая своими рассуждениями о постороннем, потустороннем, своем личном. От текстов Карины Маше становилось физически плохо, иногда ее рвало — но она распутывала эти мышинные клубки метафор, как когда-то в детстве перед уроками труда скользкие мотки ниток мулине — если не сплеть что-то внятнее, не перейдешь в следующий класс, а Маше очень хотелось перейти, перескочить, выйти на следующий уровень.

Судя по всему, Кариной были довольны не все читатели; в ее Фейсбуке хватало критики — но, кажется, дать ей пощечину осмелилась лишь одна Маша.

Когда началась вся эта волна #metoo, Маша каждый день обновляла Фейсбук, Инстаграм и даже ЖЖ Карины — безусловно, Карина должна была написать об этом случае, она вообще обо всем писала, на все откликлась: сирийские беженцы, ситуация с Крымом, очередные санкции, обо всем у нее было свое мнение. Почему она молчала про пощечину? Как долго можно готовить текст-разоблачение?

Чтобы предупредить нападение, Маша решила превентивно от него отбиться.

— Знаете, а я однажды ударила человека, — рассказывала она тем интервьюерам, которые почему-то не задавали ей вопрос о пощечине, возможно, из-за другого языкового контекста («Аквариумного кота» уже перевели на 18 языков). — Мне стыдно, что меня считают такой доброй. А я вот, способна на насилие. Да, мне стыдно. Но давайте посмотрим на мою тогдашнюю жизнь отстраненно — я была бедная писательница, одинокая, без единой опубликованной книжки. От меня ушел молодой человек. Я потеряла ребенка, хотя так надеялась на то, что хотя бы ребенок останется от этих отношений, и я думала, что будет сын и я воспитаю его не таким мудаком, которым был его отец. Я была вся раз-

винченная, на антидепрессантах, в суицидальном состоянии — и тут эта рецензия. Про единственное, что во мне было живого вообще — про главную книгу моей жизни! У меня просто помутнение какое-то было. Конечно же, когда я ее увидела, это был как флэшбэк — это была не я, а та несчастная женщина, которая не хочет больше жить, и у которой только что отняли надежду, растоптали публично самое важное, самое дорогое.

Обычно это производило хорошее впечатление: Машу хвалили за честность, за умение признавать ошибки, за то, что она живой тонко чувствующий человек, а не робот, который способен только генерировать проплаченную лживую чушь.

Маша ждала выступления Карины три, пять, семь лет, но так и не дождалась. Но, судя по всему, Карина вела какую-то подрывную работу: экранизация «Колеса и розы» забуксовала более чем на год, продюсеры «Амазона» отказались покупать права на «Семь голов капитана Шого», хотя поначалу были готовы брать вот прямо сейчас. Плюс на каждой пресс-конференции находился кто-нибудь, кто намекал на чертову пощечину. Задавали вопросы про отношение к насилию, про домашнее насилие в семье, или например могли спросить: вспомните свой самый неожиданный и импульсивный поступок, ну, понятно же, о чем речь.

Когда «Семь голов» стали бестселлером и Маша выступала в том вечернем шоу, ее снова спросили про пощечину.

— У вас был тяжелый эмоциональный опыт, — сказал ведущий. — Потеря ребенка. Сотни отказов от всех издательств. Жесткая критика. Однажды вы не сдержались и напали на журналистку. Общались ли вы с ней после этого?

— У меня из-за ее рецензии был выкидыш! — ответила Маша. — Какое общались. Я когда ее увидела, у меня в глазах помутилось, я бросилась на нее, как волчица. Жалею об этом. Но уж что сделала, то сделала.

— Вы в прошлых интервью говорили, что выкидыш у вас был до этой рецензии, — мягко поправил ее ведущий.

— Нет, — строго осадил его Маша. — Сразу после.

— Но это была рецензия на «Кота»? — уточнил ведущий. — Ведь вы вроде бы писали «Кота» как сказки для этого ребенка? Тогда не совпадает по времени.

— Вы на чем хотите меня словить? — закричала Маша. — Вы хотите сказать, что я обманываю? Или хотите подвести меня к тому, чтобы я прямо сказала: Карина убила моего ребенка? Я, кстати, потом нашла ее колонку про аборты — это ужасно, что она там писала, она детоненавистница вообще. Это она попросила вас задать мне этот вопрос?

— В смысле: она? — удивился ведущий.

Через неделю после этого интервью Маша увидела Карину на встрече с читателями.

Это была она, ее нельзя было ни с кем спутать: тонкий, неестественно вздернутый нос, прямые черные волосы до ключиц, костлявые плечи, скрученные вокруг грудной клетки, будто клубы кожаного дыма. Ей нужна книжка на подпись? Она хочет извиниться? Она вообще чего-то хочет? Зачем она пришла?

Притащилась, чтобы разрушить мою жизнь, поняла Маша. Подписывая книги, она все время вскидывала голову и простреливала взглядом, как дротиком, дальний угол, где маячил изумрудный Каринин свитер. Подойдет? Подписи становились все более дрожащими и размашистыми, словно книги подписывала Машина бабушка, у той был похожий почерк ближе к смерти — как будто она тоже после каждой буквы вскидывала голову, чтобы рассмотреть — кто там за ней пришел, кто там стоял в потоках сияющего золотого света в дверном проеме? Подойди ближе, дай тебя рассмотреть, смерть моя, радость моя.

Но Карина не подошла. Под конец мероприятия она будто бы растворилась.

Через несколько дней, когда Маша приехала в следующий город своего бук-тура, она увидела Карину еще в холле; та с отсутствующим взглядом скроллила что-то в телефоне и пила дешевое пиво из жестянки через бумажную соломинку. У нее под мышкой был пакет с вроде бы книгой — возможно, подойдет подписать? Но Карина не подошла — да черт возьми, почему? Неужели она боится, что Маша снова на нее бросится?

Не подошла она и в следующий раз в следующем городе. И следующий раз в следующем. Маша неумолимо, как в страшном сне, вылавливала цепенеющим взглядом ее расплывающееся мстительное пятно где-нибудь в задних рядах.

Было понятно: Карина пришла мстить за пощечину.

Все эти семь лет она не могла успокоиться и вот явилась.

И уже не отстанет.

Когда Маша это поняла, она позвонила мужу и попросила его взять срочный больничный, оставить Бидончика с няней, прилететь и побыть рядом. Муж сразу же согласился, как будто все это время на чемоданах сидел.

... Перед Машей снова покачалась собака-микрофон.

— Давайте мы поговорим о чем-нибудь другом, — попросила она. — Я не могу все время рассказывать вам об этом человеке. Поверьте, он сделал достаточно для того, чтобы мне отомстить. А сделает еще больше, я знаю.

Когда Маша вернулась в зал, там все уже было битком, но основная публика была словно в блюре, подернутая туманной дымкой, и только резкие, мраморные черты лица Карины выделялись в этом кисельном тумане, как хирургический разрез за полсекунды до того, как хлынут кровавые ручейки. Карина выглядела как зияние, как провал, как кратер.

«Ну давай, — подумала Маша. — Тут же есть секция вопрос-ответ. Задай свой вопрос, ну. Ты же поэтому пришла. Почему ты сидишь тут, как черная мертвая курица».

Вдруг ее затошнило. Давление, подумала Маша, ведь идет ураган, погода меняется.

Или Карина слала ей тягучие, мертвецкие лучи головокружения, почему нет.

Вечером они с мужем сидели в кафе, Маша грустно ковыряла карамелизованную утиную ногу темнеющей на глазах мельхиоровой вилочкой. За окном тоже темнело на глазах, по стеклу медленно и красиво, как в кино, стекали ровные полосы встревоженной вспененной воды: видимо, уже начался обещанный ураган.

Сверкнула молния, Маша, подпрыгнув, заорала. Вилка упала на пол.

— Господи, чего ты, еще ведь даже грома не..., — начал муж, но тут прогремел гром, да так громко, что со стола грохнулся еще и нож, уже от вибрации.

— Я видела ее! — завизжала Маша. — В свете молнии — посмотри на окно! Она стоит там прямо в этих ручьях и смотрит!

— Кто стоит?

— Карина! Да не видно уже нифига, темно. Она стояла там, я тебе говорю, всем телом вот так навалилась на витрину и смотрит, и вода у нее с лица течет, как со мраморной статуи. Как сраное привидение!

Снова сверкнула молния, Маша взвизгнула и выбежала из кафе прямо в дождь. Муж выбежал за ней. — Убежала! — Маша стояла около окна вся мокрая и белая, как призрак грустной белой птицы, возможно, той самой белой утки, к чьей ноге она так и не притронулась, — Она тут была, клянусь! Далеко не ушла, точно!

Маша быстро, как ловкое дождевое животное, скользнула за угол; муж бросился за ней.

Уже в гостинице он позвонил в ресторан, извинился и продиктовал им номер кредитки.

© Ура-а-а! 1 мая 1972 года в Минске. Фото: Юрий Иванов

Маша лежала в кровати, после горячей ванны с ароматическими травами ей стало немного полегче. В дверь постучали.

— Это Карина, — Маша выпрямилась и села в кровати ровно-ровно, как на суде. — Нашла таки меня. Шла, шла ишла.

— Ну, давай мы ее закажем и ее убьют, — сжалился муж, испытывающий некоторую неловкость за свои объяснения, выкаченные ресторану по поводу Машиной невменяемости. — Сколько еще она будет тебя преследовать?

— Что ты несешь, — вдруг совершенно ясным, жалобным голосом сказала Маша. — Зачем ее убивать? Мне надо просто написать об этом текст. Повесть или там рассказ, не знаю. Тогда она от меня отстанет. И вообще, может быть, она уже умерла и мертвая ко мне приходит. Сдохла от рака, например, еще бы, такая желчная. Я все ее статьи читала, такие злобные люди долго не живут.

Машиных муж тем временем открыл дверь: это принесли доставку еды; ураган набирал силу и в город выбираться не рекомендовали. Маша сидела около окна, медленно-медленно, как во сне, макала жареную цветную капусту в хумус и смотрела, как розовые росчерки молний точно-точно бьют в тоненький шпиль высотки торгового центра.

— Помнишь, год назад мне отказали в резиденции? И в стипендии, помнишь? — сказала Маша. — Это она всюду рассылала свои доносы, типа, Мария М. насильник или как это правильно сказать, абьюзер, не важно. Я уже сто раз признала: была неправа, раскаиваюсь. Но она не отстанет, пока я не умру. Или пока она не умрет. И даже после смерти не отстанет, как видишь.

Муж включил телевизор, чтобы немного отвлечь Машу. Там показывали ток-шоу: Опра Уинфри брала интервью у Карины: тонкой, отчаянной, в черном блестящем пиджаке в мелкий бледный горошек.

— Блять! — взвизгнула Маша. — Переключи канал!

Муж нехорошо на нее посмотрел, но переключил на двух женщин, играющих в бадминтон словно в замедленной съемке.

— Что ты хочешь мне сказать? — закричала Маша. — Что ты хочешь спросить? Думаешь, я тебе скажу, что я там увидела?

— Ну пожалуйста, успокойся, — попросил ее муж, — Выпей еще одну таблетку и попробуй заснуть, очень тебя прошу. Завтра уже все хорошо будет. Это шторм, плюс полнолуние, огромный стресс, я прекрасно понимаю, почему у тебя психика не справляется.

Маша пробовала заснуть час, два и три, но потом тихо выбралась из кровати и подошла к окну, чтобы посмотреть на полнолуние. Там переливались и бренчали какие-то муторные фиолетово-серые хляби и никакой луны не было.

Маша осторожно накинула поверх пижамы плащ; босиком, на цыпочках дошла до лифта и спустилась в лобби. Сонный консьерж читал книжку — может быть, Машину? Нет, с горечью отметила Маша, какую-то другую.

— Послушайте, — сказала она. — Я Мария М., вы меня знаете.

— Это вы? — обрадовался консьерж, сделав максимально учтивый и нелюбопытный вид. — Конечно, знаю. Ничего себе. Добрый вечер.

— Замечательный вечер, — улыбнулась Маша. — У меня есть к вам маленькая просьба — она, правда, подразумевает некоторое нарушение прайвеси, но для меня — именно для меня — вы же сделаете маленькое одолжение?

Консьерж расплылся в улыбке и мелко-мелко закивал, смотря на Машу с умилением.

— Такое вот дело, — сообщила Маша. — В город приехала моя сестра, чтобы отметить юбилей, мы с ней собирались встретиться сегодня, но видите, какая погода — транспорт не ходит, метро от-

менили, рестораны закрыты. Я хочу прислать ей подарок с утра пораньше — завтрак, шампанское, еще кое-что и огромную корзину цветов — но для этого мне нужно знать, где именно она остановилась. Я не спрашивала у нее адрес, потому что она бы тогда догадалась про сюрприз. Хотела спросить у ее мужа, но из-за урагана у них дома отключилось электричество и я не могу ему дозвониться, видимо, у него телефон умер. Может быть, вы могли бы посмотреть по базе своих сетей?

— А вы уверены, что она остановилась в гостинице именно нашей сети? — заулыбался консьерж так умилительно, что его уголки губ чуть ли ни сомкнулись где-то сзади на затылке.

— Почему-то уверена, — кивнула Маша. — Но я знаю, что у вас и к другим сетям есть доступ. Я раньше работала ресепшионисткой, до того, как стала писать книги. Кем я только не работала.

Через десять минут у нее был адрес, написанный на розовой бумажке идеальным почерком.

— Спасибо! — улыбнулась Маша. — А теперь еще одна необычная просьба: вызовите мне такси.

... Пока Маша ехала в лифте, сердце ее колотилось так, что она автоматически стала шарить по карманам пижамы, не осталось ли таблетки. На этаже она тихо протопала на цыпочках до кулера и медленно выпила стакан воды крошечными, аккуратными глоточками, чтобы восстановить дыхание.

Потом подошла к нужной двери, внимательно посмотрела на номер, выдохнула и постучала три раза, как в кино.

Карина открыла сразу же и уставилась на Машу своей бледной фарфоровой тарелкой так испуганно, что Маша захотела снова врезать по этой тарелке, расколотив ее в мельчайшую фарфоровую пыль.

— Пожалуйста, перестаньте меня преследовать, — торопливым, каким-то выцветшим голосом затараторила Карина. — Я хотела сказать... Я хочу сказать... Так, стоп, я просто растерялась, хотя сто раз мысленно продумывала этот разговор, но просто ох. Так. В общем, это было давно. Семь лет прошло. Вы разрушаете мою жизнь. Я ничего такого не сделала, я просто написала рецензию, я еще студентка была тогда. А вы уже семь лет всюду это упоминаете, обсуждаете. Я не могу найти работу, обо мне все говорят: а, это та девушка, которой дала пощечину сама Мария М.? Я стала какой-то человек-пощечина. Я не понимаю, в чем я провинилась, почему я виновата в том, что на меня когда-то напали. Пожалуйста, оставьте меня в покое. Попробуйте жить своей жизнью. У вас хорошая жизнь. У меня никакой нет.

Последние слова Карина произносила так чеканно, как будто и правда сто раз репетировала этот разговор.

— Чегоооо? — возмутилась Маша, сама не ожидая от себя такого праведного гнева. — В каком смысле: почему виновата? А преследовать меня зачем? Зачем ты едешь за мной из города в город? Чего ты хочешь от меня? Денег? За что денег?

— Я ничего не делала! — вдруг зарыдала Карина. — Я никого не преследовала, это вы меня преследуете! Что вы вообще тут делаете? Я просто хочу, чтобы это наконец-то прекратилось! Почему я виновата в том, что мне дали пощечину? Уж лучше бы тогда было вообще убить меня по неосторожности, а что, стресс, бывает. Уже бы вот как раз выпустили из тюрьмы. Роман тюремный можно было написать.

— Какой к чертям роман! — уже почти кричала Маша. — Просто оставь меня в покое! Оставь меня, забудь уже это, перестань мстить.

— Это ты меня оставь в покое! — закричала Карина в ответ. — Тебя здесь не должно быть! Тут не должно быть тебя! Я вообще там, где тебя быть не должно! Откуда ты здесь? Кто тебя послал?

На фразе «кто тебя послал» Маше стало страшно и она рефлекторно сделала шаг назад, словно испугавшись самой себя — этого хватило, чтобы Карина захлопнула дверь. Маша было метнулась к лифту, но потом вернулась и принялась барабанить в эту дверь изо всех сил. Ровно через двадцать секунд (три удара в секунду, 60 ударов) Маше открыли — мрачная, похожая на распаренный пас-

что вы видите, долгие мои, немислимые ты
одного необъятного прошлого
с общей историей
как будто такое бывает
как будто знакомы давно и так же давно
незнакомы

откаты реальности, её полуденные отливы

я не могла ни с кем о них поговорить

поэтому построила хижину на северном
занзибаре

и там меня не найдут ни серый волк,
ни литсообщество

там можно жить дикарём, как абдалла шаамба

каждый уходит в жизнь дикарём
а потом обнаруживает себя в литсообществе

мне некому было рассказать истории
и они сами происходили со мной, без меня

ты их знаешь, ты их придумала

только никогда мне их не пересказывай,
иначе не выберусь
из того времени, в котором жила без тебя

иначе не смогу узнать тебя и ответить

тысячи самоубийств мелких
пустынных животных
в северной африке в 1974 году

почему их потянуло в смерть, так чтобы
бросаться со скал
и расшибаться о камни, теряя форму?

чем форма тяготила их?

или это общая жизнь пыталась вырваться

из тысяч своих кратких воплощений?
тогда же попробовал перейти в другое тело
один алеутский поэт
переступил через себя и застрял
в околоплотных водах

до сих пор барахтается и кричит младенцем
в доме престарелых

его далеко отнесло
поэтому и стихи у него такие, какие хотелось
бы читать
только никто не читает, их нет в нашем
времени

всё проявлено неравномерно, всё как будто
бы есть
с минимальной погрешностью

как твоя музыка которой я не слышала
но которую воображаю

как твоя книга которая осталась
только в сообщениях мне

и нет ничего роднее
огромных открытых пространств
где жизнь идёт луноходом, чужеродная миру

ты знала девочку которая общалась
с мёртвыми

а узнала девочку которая не говорит
с живыми

мой рот разучился артикуляции, мои
челюсти произвольно движутся
порождая шакалий плач

в нём нет слов, в нём всё чистый
бессловесный вымысел

всё вокруг оставленное дитя, ты чувствуешь?

и тихая шизофрения опутывает мир
и жалит, как медуза стинг, то ли трава,
то ли медуза

у неё нет границ и ей нет полного
именования

она существует лишь частично
даже в памяти

когда такая оплела меня в карибском море
знаешь, о чём я думала
пытаясь добраться до берега?

возможно, ты моя лучшая нерассказанная
история
которую хочу рассказывать только тебе

как ты писала в моём воображении человека
которого я полюбила
а потом мы убили его, дети
любят ритуальные убийства

помнишь, что в бронзовом веке наши
прабабки
сделали с нашим общим прадедом?

а с нашим тотемным животным?

а с проппом?

спрашивал элиаде, качая головой
и глядя, как мы взрослеем
две взрослые женщины
на расстоянии себя друг от друга

новые смыслы ищут, к чему прикрепиться

смысл — паразит, он пожирает всё
естественное и живое

но только так возможно понять вещи, уже
после вещей

у нас остаётся смысл, и мы с ним играем
как полоумный ребёнок с единственным
кубиком

брось его мне, я тебе
как будто нас действительно двое

и нас не разделили ты и я
как близнецов

на фоне 10-х, которые мы пропустили

на фоне болотной евромайдана войны
на донбассе арабской весны миграционного
кризиса жёлтых жилетов брекзита терактов
в брюсселе и петербургском метро
тиктока windows 10 голосовых помощников
вспышки covid-19 и белорусских протестов

у близнецов одно зрение на двоих

у всех кошек общая родовая память
поэтому они приходят умирать под дверь
к одному и тому же человеку, поэту
сваровскому
даже если на дорогу уходит жизнь

у тебя моё время
у меня твоё новое время

отзови мои мысли

создай имитацию тела

как подложная бабочка
если такая сядет в этом мире, этого мира
не станет

но будет другой

просто скажи
что через десять лет — это не слишком
поздно

Текст: Мария Малиновская

Смерч

рассказ

АНДРЕЙ ВОЛОС

Наталье Сергеевне Шик

1.

В Курган-Тюбе они частенько бывали с рыбой: директор совхоза «Кировский» по старой дружбе закидывал то пару-другую вахшских маринков, то даже и сазанов.

Подчас Гатченков и сам у них оставался. Приедет утром из своего хозяйства на хлопзавод, весь день крутится: и с тем надо поговорить, и того поймать. Если кого-нибудь не застал и чего-то не порешал, значит назавтра опять сюда — потому что ничего кроме срочного в жизни не бывает. И какой тогда смысл возвращаться?

— Иван Константинович! Пустишь старого товарища на грязных мешках вздремнуть?

— Как не пустить, Василий Никифорович! От тебя разве отобьешься.

— Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха!..

© Узбекистан. Фото: Григорий Ярошенко

За душевными разговорами старые друзья засиживались допоздна. И по доносившимся из-за хлипкой двери кухоньки голосам Таня всякий раз с тревогой заключала, что Василий Никифорович Ваню насчет чего-то уговаривает.

А тот отнекивается — когда со смехом, а когда и без. То таким манером уйдет от серьезного разговора, то этаким. То в одну сторону вильнет, то в другую.

И уж всякому должно быть ясно: дело пустое.

Но Василий Никифорович простой вещи не понимает, не отстает и даже наоборот — сетует.

Эх, говорит, Иван Константинович, друг ты мой сердечный! Вот и видно, что жизни ты еще не знаешь. Иначе разве стал бы отказываться. Затея проще пареной репы: под самыми ногами сокровище лежит, только наклонись. У меня невестушка, у тебя женишок. У меня скот, у тебя жмых. У меня совхоз, а ты теперь на хлопзаводе почитай что главный. Что нам стоит дело наладить? Я тебе мясо, ты мне корм. Золотое дно. Ты не бродяга какой, Иван. Посмотри на себя: солидный мужик. У тебя дети мал мала меньше, да и жене пособить не грех.

А Ваня все отшучивается. Смеется: ты дурному меня, Василий Никифорович, не учи, на кривую дорожку не сбивай. Всех денег не заработаешь, спокойный сон дороже. Говоришь, мы тут из черепушек хлебаем, — так дело-то привычное, с золота отродясь не едали. Дети одеты-обуты, на хлеб хватает, а шелков Таня и смолоду не нашивала. И потом: это у тебя в «Кировском», как карточки отменили, так и лоскута ни за какие деньги не найти. А у нас всего полно, и уж чего-чего, а мануфактуры на платье я жене всегда принесу: карбоса, сиречь ревендука, коим хлопковые кипы оборачивают. Закажет отрез — будет отрез, а захочет два — так и два добуду. Что смеешься, Василий Никифорович? Ты не смейся, раньше так жили и впредь проживем.

И вот слушает Таня под дверью, как мужики о жизни рассуждают, а у самой сердце обрывается: Ваня, конечно, твердый, тут сомнения нет... но что если все же уговорит его Василий Никифорович?.. ну как Ваня согласится! Он ведь потом не отступит!.. он честный твердый — но это полбеда, хуже, что Ваня и жуликом твердым останется... и что же это за жулик-то будет, господи, подумать страшно!..

Вот о чем они толковали.

Когда Гатченков в последний раз у них ночевал, уже к посевной готовились. Она это хорошо запомнила. В завкоме заполняли грамоты к Международному дню работниц, несколько штук нужно было в «Кировский» доставить, и думали, как ловчее сделать. Тут Василий Никифорович сам будто по заказу и приехал, удачно получилось.

А в начале апреля Ваню арестовали.

* * *

Перед тем его дома не было, мотался по районам. А на хлопзаводе как раз в те дни дело стряслось из ряда вон выходящее — пожар на территории.

Как всегда в таких случаях бывает, ничто заранее трагедии не предвещало, все шло в строгом порядке под неукоснительным надзором. А полыхнуло, где меньше всего ждали. Где, наоборот, пристальней всего в противопожарном разрезе и все мысли о соответствующих мероприятиях. Где глаз да глаз и все настоже, чтобы в случае чего беззаветной грудью наперекор пламени.

Короче говоря, занялись в маслобойном цеху груды жмыха: ни накануне не убрали, ни, как на грех, даже позавчера.

Причина разгильдяйства, повлекшего столь плачевные последствия, была вполне себе производственная: обе тачки возить отход на паковку вышли из строя (запасная и вовсе давно валялась без колеса за прессом под пыльными рогожами). Слесарь Шутуров возился с калечным инвентарем, почи-

нял. Ждали, когда приведет технику в порядок, чтобы на себе не таскать, вот и дождались. В жизни ведь все так — начнется с пустяка и бог знает чем кончится.

Хорошо еще, в межсезонье случилось. Потому что если б такое дело осенью, когда готовые кипы во дворе, полон хирман сырца и внутри все забито ватой — тогда и подумать страшно.

Конечно, и теперь полыхнуло не на шутку. Но все-таки кое-как смирили стихию, справились, пожарный прудик до тины вычерпали, чтоб последнее тление истребить.

И уже Головачев, руководивший тушением и до того изъяснявшийся исключительно запальчиво и невнятно, высказался, утирая потный в черных потеках лоб (сажи летало — будь здоров), в том смысле, что беда большая, сказать нечего, но все же главное они отстояли. И что за пару дней надо кровь из носу возобновить работу. А по ходу дела разбираться: часть удастся восстановить, а что во все погорело да полопалось, придется заново построить. Бояться не нужно, все сделаем, выйдет лучше прежнего!..

И как раз в этот момент повалилась крыша пристройки. Там и огня-то как такового не было, две опоры чуть обгорели... она и без того, значит, на тех опорах едва держалась.

Что там в тот момент было делать инженеру Курдюкову, вообще непонятно. Думали, каюк ему — нет, обошлось. Но помяло капитально, отвезли в больницу.

И она сразу подумала: господи, как хорошо, что Вани нет!

Окажись он при этом безобразии, в стороне бы не остался. Курдюков в пекло лезет, и мне пора. Причину ведь всегда можно приискать. На крайний случай сгодится, что он лицо ответственное. Косточка на маслостойке идет исключительно по ведению агронома: его дело отделить семенной запас, остальное можно чохом на масло. В горячке разве станет думать, что у него трое детей. А вы уж потом разбирайтесь, люди добрые, что там кому на башку упало...

А вдобавок еще и Котик расквасился. Утром Таня оставила его с бабушкой Полей. К вечеру малыша совсем разобрало, ночь горел, утром осыпало. Софья Александровна с врачебным хладнокровием диагностировала: скарлатина. И велела Тане не мешкая собрать детей: заберет к себе.

Таня попыталась возразить — мол, к чему это, она сейчас старших на кухню переселит, и очень даже хорошо получится, совершенная изоляция.

Но та даже голоса не повысила.

В общем, десяти минут не прошло, как они ушли. Завернутого в одеяльце Мишу Софья Александровна несла (он как раз начинал просыпаться, и она что-то ему успокоительно ворковала), а Вета деловито семенила рядом. В левой руке у нее была торба с Мишиными бутылочками, в правой — наскоро собранная авоська с бельишком.

Таня, перехватив ладонью ворот платья, немо следила с крыльца. Пока не свернули за угол, Вета то и дело растерянно на нее оглядывалась, и тогда спотыкалась.

* * *

Если бы не знобящее беспокойство, уход за ребенком ничем бы не отличался от иных занятий, требующих внимания и тщательности. За делами страх и беспомощность отступали. Но неприятные мысли скользили, замыкаясь в тусклое кольцо одних и тех же соображений.

Снова и снова она думала, что совершенно ни к чему им жить именно здесь — где и корь, и скарлатина, и дифтерит, и еще тысяча и одна болячка.

Это совсем, совсем не обязательно... люди гнездятся вольно.

Им тоже ничто не мешает обосноваться в более подходящем климате.

Например, Макарские приехали из Ленинграда — живут, значит, люди и в Ленинграде.

Да что далеко ходить — она сама явилась из Краснодара... а до того и вовсе родилась в Анапе.

В череде мысленных картин Анапа представала детским царством голубого простора.

Тут-то никто и вообразить не может, что такое море... тут и слова такого толком не знают.

Вот и сидела бы там, идиотка...

Так нет же, ей на курсы в Краснодар понадобилось!..

Да ведь если бы только курсы!.. Курсы вообще-то дело хорошее, ремингтонисткой стать всякой хочется.

Но вот уж потом ехать к нему сюда на край света за тридевять земель незамужней девушкой — что может быть безрассудней?

Так она думала в те первые часы, когда Котик горел, и пылал, и плыл в жару, и хныкал, едва разлепляя веки.

Назавтра стало легче.

* * *

Пока жизнь бежала по накатанному, казалось, так и должно быть. Никто не болел, денег хватало на самое необходимое, Ваня не пропал, не сказавшись, на кишлачных полях... Месяц, даже два такая благодать могла продолжаться.

Дом, муж, семья... дети вечно голодные... самим что-то надо есть... чтобы приготовить, нужно обзавестись продуктами. Помнить, что мука кончается. А масло уже кончилось. Гатченков рыбу опять завез, раньше перепали сазаны, теперь одна маринка, с ней навозишься...

Или вот еще поразмыслить, как бы Ване обзавестись наконец костюмом: брюками с пиджаком. Ему-то, правда, и так хорошо: как есть, так и ладно, он бы весь век вахлак-вахлаком — холщовые штаны в сапоги, длинная белая рубаха ремешком перетянута, панамы на лысине.

Но это прежде у него все поля да лошададки, а теперь не так, теперь он на хлопзаводе не последний человек, у начальства на глазах. Ботинки нужны на шнуровке, и чтоб пиджак одной материи со штанами, и галстук, как у инженеров. А у Курдюкова даже с металлической заколкой.

Ну и тэдэ.

В периоды ровного времени ей казалось, что все на свете живут примерно так же, примерно одинаково, куда ни глянь, хоть в Краснодар, хоть бы даже и в сторону Анапы или Ленинграда.

Но скоро опять начинало трясти. Например, как сейчас, заболел кто-нибудь из детей.

И опять она вздрагивала: будто сдергивала розовые очки, чтобы заново увидеть все как есть.

И все опасности окружающего вставали перед ней.

Символом всех ужасов было одно навязчивое воспоминание. Наяву Таня гнала его от себя, поэтому время от времени оно являлось во сне. Ваня расталкивал, если она начинала по-собачьи скулить и дергаться.

От последних кибиток Сарай-Камара тропа ныряла в гущу тугаёв, к берегу Вахша. Невидимый отсюда, он угадывался по призрачному гулу земли, порождаемому мощной рекой.

На утоптанной супеси тропы виднелись темные пятна: капли сукровицы.

Сама шкура, распластанная в лучах утреннего солнца, жарко горела чередованием черных и рыжих полос.

Казалось, шкура приняла тропу в свои объятия, братски раскинув лапы и прикинув к ней подбородком круглой головы: оранжево-черной, белобрововой, с пучками белых усов в обе стороны.

Мерген победительно опирался о дедовский мултык. Его правая ступня почти касалась страшных усов.

Таня не знала, освободил ли Мерген шкуру от черепа, свежую, или слепые глаза чудовища еще сидят в глазницах.

Редкозубо посмеиваясь, старик смущенно запахивал светившиеся ватой полы халата-чапана, тут и там замаранного кровью.

Его бритый затылок покрывала тибетейка с накрученной вокруг тощей чалмой. Конфузливо кивая седой бороденкой, он принимал поздравления сельчан. Подходя, каждый прижимал ладони к груди, кланялся ему, славному охотнику, перемежая праздничные слова с проклятиями в адрес мертвого хищника.

Краткие речи неминуемо заканчивались соболезнованиями: все горестно морщились и кивали.

Мерген тоже скорбно морщился и разводил руками. Что теперь делать, такую беду не поправишь, — словно устав произносить одни и те же слова, говорил он этим жестом.

Несколько дней назад младший брат Мергена кинулся по следам похитителя своей коровенки. Вопреки кой-какому своему охотничьему опыту, брат взялся за дело нерасчетливо и наспех — и сам сгинул в тугаях.

Вообще-то он мог бы и поостеречься, ведь коровы в Сарай-Камаре ни с того ни сего не пропадали. Не бросаться очертя голову, а устроить, как и положено в таких случаях, регулярную охоту. И если повезет, завалить шалого пришлеца.

Именно так поступил Мерген.

Козленок, ночным плачем выманивший жертву под пулю, продолжал жалобно блеять. Возможно, он подозревал, что, несмотря на его самоотверженность и совместные с Мергеном завоевания, ему все равно предстоит быть съеденным, пусть и не тигром.

Даже если охота и не пришла бы к столь блестящему завершению, зверю пришлось бы понять, кто в пойме настоящий хозяин. Вместо того чтобы лезть к людям, он ушел бы в низовья — гонять там несметные стада тамошних кабанов с риском однажды напороться на клыки освирепелого секача.

Горе, горе! — брат Мергена так распалился несчастьем пропажи, что забыл осторожность, утратил столь нужную охотнику расчетливость.

Сделав дело мести и вернув себе право прямо смотреть в глаза односельчанам, Мерген горестно кивал. Одной рукой он опирался о мультук, другую ответно прижимал к сердцу.

А непроходимые заросли паводкового русла за его спиной (и все еще привязанным к ветке козленком, чья белая шерстка сейчас, по контрасту с окружающим, выглядела очень по-домашнему) по-прежнему полнились бурлением жизни: жизнь сходилась, сбегалась, слеталась, сползалась к реке, ныряла в мутную, полную праздничных золотинок воду, шумно билась в чаще камышей, зрела и пучилась, жадно впитывая солнечный свет, размножалась, то и дело лопааясь под напором новых почек и новых поколений, — словно стремясь своим кипением искупить безмолвную мертвенность лежавшей далее земли, тем же солнцем давно и упорно превращаемую в пустыню.

Сколько бы ни было жизни вокруг, по человеческим меркам эта округа все равно была безнадежной и неминуемо гиблой: человек здесь либо иссыхал на пекле ужасного солнца, либо, если смел двинуться к берегу, сталкивался с не менее губительными ужасами. Сколько бы ни встречалось ему чуждой жизни, его собственная была решена: ее срок определялся лишь длительностью мучений. Нельзя было угадать, укус какого из мириад комаров наградит несчастного малярией; застилая красный закат, тучи москита папатачи несли пендинскую язву; ришта, она же гвинейский червь, продолжала бесконечный перечень телесных скорбей...

* * *

Котику полегало, но Таня еще не вышла из не всегда осмысленного состояния озабоченной матери, похожего на судорожное напряжение мышцы, совершающей то действие, ради которого эта мышца, собственно, и существует.

© Узбекистан. Фото: Григорий Ярошенко

Она не до конца успокоилась, не окончательно убедилась, что болезнь Котика не так страшна, как показалось сначала. События окружающего оставались всего лишь мельтешением малозначительных обстоятельств: просто теньями, трепетание которых практически не сказывается на действительно важном.

Так что она даже не сразу поняла, о чем Вера.

Вера забежала под вечер. Белая косынка в синий горох не закрывала пробора русых волос. Ее простодушное, с носом-пипкой круглое лицо имело именно то приветливое и радостное выражение, с каким давняя подруга должна слушать рассказ о разрешении детской болезни.

Но едва успела Таня начать, как выражение Вериного лица переменялось и она ее перебила.

— Что? — Таня не поняла, наморщилась и переспросила: — Как бы он мог?! Окстись! Он в районах!
— Да как! — воскликнула Вера. — Вот не слушаешь, а говорю же: приехал! С дороги на завод! В обед! Сама видела!

Случается, порыв ветра мигом обращает в прах целую вселенную гипнотически непреложных отражений: и облака, и вершущи дальних холмов, и весь тот берег с его склоненными над отмелью деревьями и проведенной по косоугору желтой кривулиной тропинки, — все вдруг вскипает серебряной рябью и теряет очертания.

Не чувствуя ног, Таня опустила на табуретку.

— Да неужели же они и правда!..

Ее подмывало и продолжить: мол, этого-то она всегда и боялась, не зря, выходит, болело у нее сердце, когда ночевал у них Гатченков! — но инстинктивно сдержалась.

— Да вот тебе и неужели! — подхватила Вера, поняв ее слова иначе. — Им разве докажешь? Он еще удивлялся — что такое, мол, причем я. И вроде как Семёну слово сказать хотел, может передать что... может тебе и передать, голову так-то вот повернул, оборотился вроде... да эти страхоидолы разве дадут? Иди без разговоров! А у проходной у них коляска...

— Коляска? Обычно же на машине?..

— Не знаю... нет, не на машине, коляска двуконная. Двое с ним уехали, а сержант вернулся, к Головачеву пошел. Я уж грешным делом думала и Головачева возьмут...

Таня не успела задаться вопросом, с какой стати должны были взять и Головачева. Головачев-то причем?.. или Головачев тоже с Гатченковым что-то кроил?.. тоже в доле был?

— Нет, Головачева не взяли, — сказала Вера. И вдруг всплеснула руками: — Что теперь делать-то, господи!..

Это уже было слишком.

Ей и раньше хотелось крикнуть. И не просто крикнуть, а так крикнуть, чтобы прямо завопить. Но она сдерживалась, не давала себе воли. Потому что кроме отчаяния чувствовала еще и раскаяние.

Вообще-то прежде его не было. Но сразу, как все это на нее обрушилось, ей пришло в голову поискать — и она тут же разыскала, обнаружила это утлое раскаяние и ухватилась за него, чтобы оно на минуту затмило остальное и позволило ей удержаться на плаву, не закричать: это же просто глупость была бы какая-то, кричать от раскаяния.

На самом деле ей совершенно не в чем было перед мужем каяться. Но она поворошила и тут же нашла в себе жалкое, нелепое раскаянишко.

Даже, может быть, в это самое мгновение она его и придумала.

Мол, вот какая нехорошая была она все эти дни, как Ваня уехал: воображала на его счет всякие глупости.

Зачем она это делала? Разве похвально это было с ее стороны? Разве он давал повод?..

Если бы знать тогда, как повернется дело, разве стала бы она его в чем-нибудь подозревать?

Да и как он может ей изменить? Во-первых, он вообще не по этому делу. А во-вторых, когда бы ему удалось выкроить время? У него работа, у него дел невпроворот, у него посевная, каждый час на счету, вот и сейчас — он же не развлекаться уехал... Очень нужны ему эти районы, век бы их не видеть, а то прежде не насмотрелся. Но дело есть дело, а он такой, он спать не будет, если всего своими глазами не увидит, если сам не проверит, как идет сев, не убедится, что все в порядке, не пропесочит колхозных бригадиров и *раисов*¹, им что посевная, что уборочная, у них всех забот — личное пузо пловом набить!

А она о нем такие гадости думать. Господи, да как ей не совестно-то было!..

Хотя, конечно, эти районы... знает она эти районы... Те еще райончики, одно название что колхозы. Не колхозы, а председательские вотчины, раис там царь и бог, у каждого небось целый гарем. А тут сам *мираби калон*² в колхоз наезжает. Разве по такому случаю раис не расстарается, не порадеет? Да любой в лепешку расшибется: от себя оторвет, свою собственную подложит, лишь бы хлопзаводский агроном доволен был!

Последние мысли были совершенно нелепы, никогда прежде ничего такого даже отдаленно не являлось, даже в дурном сне. Но они все же зародились, а раскаяние, за которое она только что с такой радостью схватилась, чтобы не дать слабину и не разрыдаться, стало стремительно истаять. А Верино бабье причитанье что-то окончательно в ней сорвало.

И она сама вдруг отчаянно завопила, трясая сжатыми кулаками перед лицом:

— Да не ори!.. не ори ты!

Вера испуганно отшатнулась.

— Что ты, Танечка!..

— Прости, бога ради, — сказала Таня, приходя в себя. — Прости... Что делать!.. Господи, да откуда же я знаю, что делать!..

И вдруг ахнула, схватилась за виски, и ее лицо, и без того уже некрасивое, перекошенное гримасой обиды и непонимания, пуще исказилось, будто ее пронзила какая-то добавочная, совсем неожиданная и дикая мысль.

— Что такое? — спросила Вера, робко протягивая руку к плечу и соболезнующе морщась. — Что ты, Танюша?

— Господи! — сказала она, вытирая слезы. — Как же я передачу-то ему понесу, если мы до сих пор не расписаны!

2.

Последние месяцы в Краснодаре ей думалось лишь об одном: вот-вот придет главное письмо. Может быть завтра придет... может быть даже сегодня... Вечером забежит на почту — а конверт уже там. Она тут же соберется, преодолеет предстоящую (и никак еще не представимую) дальнюю дорогу... и они с Ваней наконец-то увидятся.

Но когда же это случится, когда? Когда уже она хотя бы на самом деле поедет!..

Письма приходили, приходили часто, но главного не звучало. Все какие-то задержки, какие-то оттяжки. То одно, то другое. Ну же, ну!..

Так ждала этого, так изнывала — а когда этот день наступил и она и в самом деле поехала, в ней все окаменело. Живое естество застыло на время перемещения, будто закуклилось, чтобы не повредить нежных крылышек, омертвело на три с лишним недели. Она не чувствовала ни радости, что едет, ни тревоги из-за того, что уехала. А сердце замерло, спряталось, сделало вид, что его и не было никогда, — оставив себе в замену лишь напряженное, острое внимание.

Прежде она не могла похвастаться вниманием, не зря мама в шутку бранила ее, что она такая раззява.

Но теперь оно откуда ни возьмись обнаружилось. И вело за собой, и напоминало то об одном, то о другом, и нашептывало, и подталкивало — будто локтем в бок, и подсказывало, как правильно выбрать между тем и этим.

А выбирать приходилось беспрестанно.

Вот, например, маршрут. На каждой узловой несколько развилок, а с ними и всякого рода непроясненности. Так вроде короче, но говорят, что на тех перегонах нелады с тягой... А этак вкругаля... да ведь не надо думать, что короткая дорога самая быстрая. И если одним путем, то невесть сколько придется потом сидеть на пересадке; а если другим, так и вовсе может затянуть на двое суток. А заранее никто не знает, как в итоге получится, — а если б знал, жил бы в Сочи, а не валандался здесь с Ташкентской на Ашхабадскую...

Собственно говоря, обыденная жизнь взрослого и состоит в решении такого рода мелких задач. Но он давно к ним привык, щелкает с лету, не задумываясь, даже удивится, если схватить за руку, указав, какой важный выбор он только что не глядя сделал.

А Таня на многие натыкалась впервые. И решала когда из общих соображений о добре и зле, когда и вовсе руководствуясь инстинктом. Бросили котенком на глубокое место, вот она и барахталась, избредая на ходу и с чистого листа.

Как, например, вести себя во время ожиданий на станциях: с кем дружить, а кого опасаться, у кого в случае чего искать защиты, а кого и тогда обходить стороной. И чем грозят краткие вылазки на площади вокзалов, вокруг которых пылятся под незнакомым небом чужие города. И сколько из считанных-пересчитанных деньжонок можно потратить сегодня на заплеванном базарчике у водокачки. И не обжулят ли там, подсунув тухлятину. А если обжулят, что делать одиночке — добиваться на чужбине справедливости, надеясь на чью-то совесть, или стерпеть, ни на чью совесть не надеясь. И если так хочется съесть кусочек требухи, но при этом могут обжулить, то не купить ли просто вареной картошки. А еще лучше начистить самой, нарезать помельче и запарить в жестяной кружке...

Как всякому, Тане трудно было взглянуть на себя со стороны. Ей казалось, она производит впечатление более или менее взрослой, и было обидно, когда кто-нибудь ставил под сомнение возраст (что случалось неоднократно). Однако в ней не было не только того, что делает человека по-настоящему взрослым, но даже и той наивной маскировки, что поначалу могла бы кого-нибудь сбить с толку: ни нахальства вкупе с заведомой и пустой уверенностью в себе, ни напускной боевитости, какую, как минимум, должны проявлять ни в чем не смыслящие девчонки, что пускаются в приключения, не перекрестив на дорожку лба.

А все оттого, что она жила дома с мамой и бабушкой: как бы ни дыбилося окружающее, как бы ни менялось оно и как ни перестраивалась, бабушка и мама, сами плохо понимая, что происходит, стремились оградить ее от превратностей жизни. Хотя осознавать себя Таня начала уже в эпоху кипения (при начале революции ей было семь), но благодаря их заботам и усилиям она все же выросла домашним ребенком.

Незадолго до выпуска второй ступени Катя Безбедова по секрету сообщила, что она, Катя, не желает тлеть, как другие: пусть другие, коли охота, и дальше киснут в анапской пыли и безденежье, что же касается самой Кати, то она видит свою судьбу совсем иначе, а потому уезжает в Краснодар поступать на курсы.

Таня тоже не хотела дальше тлеть и киснуть, но мама категорически не отпускала ее в Краснодар на пару с Катей, когда намекая, а когда и прямо указывая на громоздящиеся вокруг ужасы жизни.

Таня билась до последнего и в конце концов сама не поняла, как все-таки удалось ей вырвать мамино согласие. А тем временем Катя познакомилась с краснофлотцем, и ее планы радикально пере-

менились: не за тридевять земель, а прямо здесь, на месте, где все под рукой, отыскивались подходящие способы освежиться.

Но Таня — после всех разговоров, споров, нервов, страданий и силой вырванного мамино позволения — отступить уже не могла. И все-таки поехала. И ее взяли.

И что?

Она искренне жалела, что дура Катя осталась, вот уж хлебнула бы полной ложкой своих идиотских мечтаний: не киснуть и не страдать безденежьем!..

С утра до ночи долбежка и упражнения, головы не поднять, пальцы ноют, а из лучезарного будущего одни нелепые мечты. В общежитии комната на восьмерых, она со всеми девчонками познакомилась, конечно, но такого, чтоб по душам поговорить или куда-нибудь сходить (всего в двух кварталах, сказывали, клуб «Пролетарий»), такого и в заводе не было.

И когда потом она с Ваней встретилась, никто бы и не подумал, что это судьба. Она, во всяком случае, не подумала, мысли такой не возникло. Он ей вообще не приглянулся, а главное, настолько старше, что аж плешь под шляпой. Она на второй минуте рассмотрела и прямо фыркнула про себя от возмущения: вот какие старикашки к ней пристают! О чем он думает, ему в богадельне пару искать или где там еще такие бывают, ему ведь уж точно к тридцати!.. Так потом и оказалось: на одиннадцать лет — ужас! бездна!..

И она все порывалась уйти, а он и не особенно удерживал, сказал лишь, что утром — она ведь к восьми на работу приходит? — будет у дверей ждать с ответом. А она опять фыркнула, теперь уже в голос, хоть и негромко: вот еще, мол, что за выдумки! Не надо ничего ждать, какой ответ, если ей даже не видно, хоть глаза прогляди, кому бы она могла дать какой-нибудь ответ.

Хотела еще выразиться, как мама учила, что вообще не понимает, что могло бы стать поводом для подобных вопросов.

Но это было бы слишком театрално. Так что она лишь холодно рассмеялась: а впрочем, мол, ей совершенно все равно, как хотите, так и делайте, хоть всю жизнь ответа ждите, — и ушла, независимо помахивая сумочкой. Она как раз накануне, прямо с первого аванса, смогла купить себе приличную сумочку; и правильно сделала.

С этим авансом вообще хорошо получилось, она не ждала, даже удивилась, когда дали. Знала, конечно, что за работу должны платить. Но чтобы прямо вот так, прямо вот в руки живыми деньгами!..

Ей и в целом очень пофартило. В такое машбюро не всякую возьмут. Непрестанная трескотня восьми машинок, грохот как в железном цеху. Слова не сказать, всё криком. Бумаги стопами даже на полу и все срочно, так что спозаранку и дотемна, еще и задерживают, тогда на стульях ночевать.

Правда, под конец она хоть и на стульях бы не возражала, лишь бы притулиться.

Потому что поначалу, когда устраивалась, Рашенберг уговорил Козлову взять Таню к себе на время: на недельку, сказал, возьми, а там что-нибудь придумаем.

Козлова согласилась. Нехотя, конечно, но виду не подала, вроде как она готова войти в положение и вообще вся такая радушная.

Потом-то она тыщу раз Тане глаза колола: мол, с самого начала знала, что неделькой не обойдется. Какая неделька! Рашенберг конечно чекист и многое может, но какой он чекист ни будь, а все же разжиться койкой для машинистки по нынешним временам и ему затруднительно.

Но ей, Козловой, куда было деваться? Она надеялась сделать карьеру. И первым делом достичь должности завмашбюро. С этой высокой ступени открывались волшебные перспективы дальнейшего роста. А без благосклонности Рашенберга об таком и думать не стоило, так мыслимо ли было ему отказать.

А вообще-то Таня ей просто кость в горле: подсаляли временно, так когда уже это время кончится. И кому-то это время может и так себе просто время, подумаешь, потикает и пройдет, а у нее этим временем жизнь утекает. Таня от горшка два вершка, ей что, над ней не каплет. А Козловой давно уж пора устраивать личную жизнь на манер социализма, всерьез и надолго, а не так чтоб на пару ночей и без ясной перспективы. Но пока здесь постылая Таня торчит, ей можно только днем и урывками.

Однако идти Тане все равно было некуда, разве что на вокзал, ей ничего не оставалось, кроме как кивать на Рашенберга. Когда со слезами, а когда и тупо: дескать, я не я и все тут, она не виновата, она не сама пришла, ее Рашенберг послал. Сама она ни тогда ничего не знала, ни теперь не знает, а он обещал. А раз обещал, значит и найдет, нужно только еще пару дней подождать; можно же подождать день-другой, пока все устроится?

Под конец Козлова совсем уж начала с глузду съезжать: мол, Рашенберг ей вообще не указ, Таня просто не в курсе, а Рашенбергу конец: Лангмана вчера арестовали, и Рашенберга скоро арестуют.

И будто в воду глядела. А может и знала что. Она все-таки в машбюро не из последних, правая рука Барманицкой и первая на пост, если место освободится. Барманицкая ей по пьянке не раз намекала. Дескать, гляди бодрей, Козлова, дай срок, мне самой кое-что обещали. Не люблю я попусту языком трепать, но может и так повернуться, что скоро меня бросят на область, — и тогда уж, Козлова, настанет на твоей улице настоящий праздник.

В общем, через два дня так и вышло: взяли Рашенберга и еще нескольких из оперов. Это было неожиданно, но мало кого особо всполошило. Вражья кругом навалом, все знают. А кого следующим пришлют, для кого по клавишам стучать, чтобы он настуканное подмахивал, — какая разница.

Но Таню точно взволновало, да еще как: она и при Рашенберге у Козловой на птичьих правах, да что там на птичьих — последний воробей себя уверенней чувствует. А что же теперь?

Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло: вдобавок ко всему арестовали и Барманицкую!

Это был поворот. Прямо руки у всех опустились. Вот тебе и строила планы Барманицкая. Хвасталась, что в область возьмут — а ее под стражу взяли. Вот и не зря говорят, что человек предполагает, а Бог располагает.

А Козловой было все равно, по какой именно причине место освободилось. Виновата Барманицкая или нет, не ее дело разбираться. Ей бы хоть и век Барманицкой не видать, она с ней подруживала исключительно по нужде, чтобы когда время придет, было кому слово замолвить.

То есть ликовала она теперь на законных основаниях. И тем вечером, ликуя, даже сказала Тане что-то в том духе, что ладно уж, чай не чужие. Кто старое помянет, тому глаз вон. Козлова скоро переберется в жилье, какое к новому чину подходит, а эту комнату она, глядишь, сможет Тане оставить.

Таня сразу и безоговорочно в эту возможность поверила и тоже возликовала. Полночи не спала, все думала, как грядущее событие скажется на ее судьбе. Поскольку же судьба ее к тому времени вообще-то уже практически сложилась (Ваня уехал, Таня с нетерпением ждала вызывного письма), получение комнаты она рассматривала под углом того, до каких высот это чудо ее вознесет, — но только пусть возносит вместе со сложившейся судьбой, поскольку от сложившейся судьбы она отказываться не хотела.

Однако уже на следующий день их общему ликованию пришел конец: не только вопреки расчетам Козловой, но и поперек логики и здравого смысла (и даже назло возникшим ныне серьезным Таниным ожиданиям) на место завмашбюро назначили Филимонову!

И это был такой удар, что Таня его кое-как пережила, она еще не успела всерьез привыкнуть к новым перспективам по части перемены участи, а бедная Козлова окончательно спятила.

Во всяком случае, она только этим могла объяснить, что Козлова, зная, что идти Тане совершенно некуда, безжалостно выставила ее чемодан за дверь.

Этот вечер врезался в память. Наверное, потому, что в нем все сошлось, как сходятся подчас противоположности: именно как вода и камень и лед и пламень. Словно нарочно сошлось, специально, чтобы показать, как близко счастье от несчастья и как трудно отличить одни слезы от других.

Потерянная, она побрела привычной дорогой — на работу, в ОГПУ. Часовой ее не пустил, но разрешил оставить чемодан под его пригляд.

Почта уже закрылась. Чтобы протянуть время, она решила зайти хотя бы на телеграф. И там ее узнала почтовая женщина. Таня ей давно примелькалась, наверное, все-таки каждый день заходила насчет письма, а то и дважды.

И хоть отделение было закрыто, но добрая почтовая женщина не поленилась пройти за стенку и поискать, и нашла — и уже сам конверт в ее испачканных чернилами пальцах ударил Таню в самое сердце, как будто она все знала заранее.

И так оно и было: Ваня писал, что наконец устроился и велел ехать, и подробно разъяснял как, и был адрес какого-то Миклушина, у которого она может и должна разжиться деньгами для отъезда.

Она дожила до утра на вокзале у касс, заодно билет взяла до Крымской, все равно ведь нужно было вернуться в Анапу, кое-что собрать и проститься, а потом обратно к этому Миклушину, а уж потом... Ничего из того, что должно случиться потом, она не ведала, а при попытке вообразить ей представлялось только, что ей придется, кажется, каким-то образом обогнуть Каспийское море... куда впадает Волга... в общем, не забыть бы дома изучить географический атлас.

Ни свет ни заря прибежала на работу, занялась увольнением, в бухгалтерии сначала никого не было, потом оказалось, что денег нет, но все же в конце концов ей повезло, и к обеду она получила расчет.

И все это было хорошо, уж так хорошо, что и не сказать! — но она бы и без того, может быть, уволилась и вернулась домой, потому что не только жилья, но и сил продолжать начатое движение к светлomu будущему у нее к тому времени уже не осталось.

3.

Временами клочкотание движения стихало, уступая вынужденности краткого переживания. По ночным вокзалам, зримо раздвигая пласти дурающего смрада хлорки, бродили неясные звуки: стоны, всхрапывания, сдавленные плачи; а то и тайные смешки и счастливые перешептывания тех, кто, вступая в орду кочевников в надежде скоро выйти из нее без особых потерь и приобретений, думать не думал, что найдет на рельсах собственную судьбу.

Но стоило лишь долететь отголоску гонга или шипению пара, с ритмичным уханием бьющего из ада главного цилиндра, как все вскипало заново, будто и не заводило глаз. Наступал час решительности, час обреченности, час того стяжения неприязни и отчаяния, что темным желваком ломит железо вагонных ступеней. И толчая, и гам, и суматоха — и чемоданы, и коробки, и узлы — и закутанные одеялами корзины — и даже двух коз один псих с собой тащил, и Таня в бессильной злости на него кричала, когда он, не обращая внимания, упрямо затискивал их в тамбур, но это уже где-то, что ли, за Кзыл-Ордой.

В лицах прибавлялось раскосости, в рукавах — длины, меньше становилось картузов и шапок, больше малахаев и тубетеек, меньше кожанок, больше чапанов. Меньше юбок, больше платьев — длинных цветастых, а то еще темных, синих или бордовых, туркменских в самый пол. Меньше косынок в горошек, больше платков по самые глаза.

Что касается мужской одежды, вообще складывалось неприятное впечатление, будто паровозы (и в этих краях так же шибко работавшие локтями) тащат обреченных пассажиров напрямиком в прошлое:

столько уже мелькало рваных, в нитку выношенных гимнастеров, шинелей когда без пуговиц, а когда и с обкорнанными, под корень обрезанными, полами.

За окнами то шатался вблизи бурьян, то чуть поодаль прыгали по лысым буграм ажурные мячи перекасти-поля. А то еще у самого горизонта шаткой поступью степенно прохаживались смерчи, и было непонятно, они ввинчиваются в эмалевое небо или само поднебесье опасно тянется зыбкими хоботами к зеркальцам солончаков.

Когда невидяще, а когда и во сне минув отстающие за мутными стеклами криволинейные пространства, она вместе со всеми ехала дальше.

Соразмерно одежде, паровозная тяга тоже с становилась все изношенной и малосильней. На запасных путях стояли совсем уж музейные экспонаты, за одной из узловых неминуемо предстояло возникнуть дымным локомотивам Стефенсона и Черепановых.

Все менялось — но и все оставалось прежним. В глазах была та же начальная настороженность, какую можно встретить и за сто, и за тысячу верст отсюда, — или та же печальная доверчивость. И та же доброта — или та же неприветливость — или те же вопросы — или та же отчужденность — или то же стремление понять — или заведомое, с поджатыми губами знание. Разное, но и одинаковое сквозило в каждом жесте, в каждой гримасе и каждом слове, словно всё как стояло на месте, так и стоит, никто никуда не уезжал и не собирается.

Дорога разматывалась виток за витком, важно было не запутаться, не потеряться в неохватных просторах земель, языков, чужих желаний и стремлений.

А потеряться — она только потом поняла, насколько это было возможно. И, вспоминая то свое путешествие теперь уже восьмилетней давности, чувствовала такую оторопь, будто, сдернув с глаз повязку, обнаруживала, что вслепую миновала ужасные пропасти.

* * *

Лунный свет заливал бугристую степь.

Тут и там торчали из щетинистой травы сухие будылья, кое-где на пролысинах серебрилась соль, тени прихотливо чернили землю.

Мириады невидимых ночных существ без устали насыщали окрестности переливчатым звоном. Горячий ночной воздух казался густым.

Но все же на воле было немного прохладней. Еще несколько пассажиров перетаптывались в сумраке неподалеку. Один мужик в трусах с изнеможенным кряхтением сел в пыль, предварительно пошаркав под собой ладонью, будто по скамейке.

— Видишь вон будка, — сказала Маша Гукова, заминая о ступеньку окурков, брызнувший искрой, и одновременно нашаривая в кармане новую папиросу. — Разъезд какой-то.

Там в темноте красноармейцы громыхали ведрами. С десятков их ехало в двух последних вагонах вроде товарных, и везде, где можно было разжиться водой, они сновали туда-сюда, чтобы напоить своих лошадей.

Один как раз семенял мимо с тяжелыми ведрами. Из ведер плескало. Из-под громоздких сапог, которыми он то и дело шумно загребал по насыпи, поднималась ажурная в лунном сиянии пыль.

— Надо же, — сочувственно вздохнула Таня. — Совсем маленький какой солдатик.

Гукова сердобольно покачала головой. Таня подумала, что сейчас она скажет что-нибудь в том духе, что таких маленьких вообще нельзя на службу брать.

— Ну да, — сказала вместо того Маша. — Хоть напьются по-человечески.

— Лошади, что ли? — помедлив, уточнила Таня.

— Ну а кто. Люди сами о себе позаботиться могут. Как еще от жары-то не подошли.

Паровоз свистнул. Красноармейцы заторопились. Маленький тоже ускорил ход, спешно переваливаясь; вдруг уронил ведро и в растерянности остановился, скосившись на сторону под тяжестью оставшегося. Другой, нагоняя, что-то сердито ему крикнул. Маленький бросил и второе — оно так же ухнуло, плеснув веером, затем подхватил оба и теперь уж помчался налегке, шумно стуча сапогами и погромыхивая пустым железом.

— Прямо скороход, — усмехнулась Маша. — Этот, как его... Гулливер. Или кто там?.. кот в сапогах.

— Маленький Мук, — сказала Таня. — Нет?

— Не знаю такого... Ладно, полезай.

Бессвязно переговариваясь, пассажиры забирались в тамбур.

— Женщины, — сказал тот, что сидел на земле, а теперь повис на поручнях. — Вы бы проходили.

— Сами проходите, мы вам не мешаем, — заранее повысив голос, ответила Маша. — Проходите, проходите! Попьете там чего-нибудь холодненького.

Тот шутки не оценил. Окончательно залезая, что-то проворчал, посмотрел сердито, но все же протиснулся мимо и, заново шаркая ладонью — теперь по собственному тощему задку, пропал во чреве вагона.

— То-то же, — сказала Маша Гукова.

* * *

Маше Гуковой было уж за тридцать, но о молодости своей она не беспокоилась. Прическа — стриженные русые волосы под завязанной сзади косынкой, губы не крашены, фигура теряется: снизу — в юбке коричневого сукна до краев высоких ботинок, сверху — в мешковатом черном пиджаке мужского кроя, разве что пуговицы на левую сторону. Всех дивных див одно лицо — и то не очень яркое, пожалуй что и не запоминающееся: округлое, подбородок с ямочкой. Глаза хорошие: чуть раскосы, но не по-азиатски, что с припухшими веками, а большие и ясные, хоть и почти всегда с прищуром. Ко всему прочему, Маша много курила, и оттого голос у нее был с хрипотцой.

При первой встрече она, оценивая на нее глядя, несколько раз назвала Таню «барышней»: «Откуда же вы, барышня, едете?.. Ах, вот как!.. А далеко ли вы, барышня, собрались?» В обращении была неприятная колкость. Таня сразу решила, что слишком много о себе понимает и вообще нужно держаться от нее подальше.

Но уже к вечеру первого дня ей и подумать было страшно, что они могли бы не познакомиться.

Началось с того, что на какой-то большой стоянке к Тане подкатил мазурик в желтых ботинках.

То есть Таня и не поняла еще, что это мазурик, и что он подкатил к ней, тоже не поняла, даже на ботинки не обратила внимания. Просто, на ее взгляд, добрый незнакомец помог поднести чемодан и участливо спросил, что она такая бледненькая и не принести ли попить.

Таня отказалась, но все равно было приятно. Смотрел он мягко, по-хорошему. По всему выходило, что человек приличный, и они начали было разговаривать, но не успели и словечком перекинуться, как вдруг появилась ее новая попутчица и с ходу начала давать чертей новому знакомому: назвала вошью самарской и посулила свести к коменданту.

А когда Таня робко попыталась за этого доброго человека вступить (а тот вдруг пропал, как сквозь землю провалился), грозно сказала: «Брось трепаться, я жуликов за версту чую!», и что-то еще насчет того, что ей тут не на танцах, чтобы сомнительным фертам глазки строить.

Но все-таки «барышней» она Таню больше не величала, спросила как зовут и назвалась сама; в общем, они познакомилась.

© Узбекистан. Фото: Григорий Ярошенко

Дело дорожное, известное: что да как. Гукова открылась, что она из ткачих, Тане скрывать тоже было нечего, но и рассказывать особенно не о чем. Обрисовав в общих чертах Краснодарский период, она, чтобы не вдаваться совсем уж в детские годы, решила поделиться планами. Ну и сказала, что направляется в Термез, где предполагает сесть на пароход и приехать к Ване.

— Здорово! — удивилась Гукова. — Ну ты даешь! Одна?!

Но тут же поправились, сказав, что бояться нечего, ничего страшного, одна так одна. Гукова тоже вот одна едет, следует примерно тем же маршрутом, тоже в Термез и дальше пароходом. Правда, она не в первый раз, и сейчас ей только до пристани Айвадж, а не до конца, как предстоит Тане, до Нижнего Пянджа. И что Воропаева она не помнит, но фамилию слышала. В Сарай-Камар ей пришлось заезжать полгода назад, тогда Воропаева не застала... но она бывает и в Ташкенте, может быть там пересеклись: все молодые специалисты первым делом являются в Средазбюро, а потом уж дальше кто куда.

И что Таня очень правильно сделала, что поехала, кто бы там что ни говорил. И пусть не волнует: там, куда она едет, дел невпроворот, просто по горло дел, руки нужны всякие, любой навык найдет себе применение, без работы не останется.

— Нам хлопок-то во как нужен! — говорила Гукова, глядя на нее с родственной ласковостью, примерно как старшая сестра. — Уж мы-то, ткацкие, знаем. Что ты! Я же двадцатипятилетняя!

Таня не знала, что значит «двадцатипятилетняя», но ей хотелось верить Гуковой, когда та повторяла, что Таня молодец. И что там, куда она собралась, и ныне-то дела такие, что голова кругом идет, а то ли еще будет: лет через десять Вахшскую долину вовсе не узнаешь!

Колеса стучали, время было, и постепенно Таня усвоила, что на мировом рынке от века владычествуют англичане, царская Россия веками зависела от поставок хлопка да и СССР сколько лет вынужден был принимать их условия. Но работа шла, и уже год назад показатели хлопковой промышленности в стране вернулись на довоенный уровень. А прошлой осенью сумели взять столько же, сколько Египет и Китай вместе взяты. Понятно, что британцы не могли оставить такое дело незамеченным. Как же: монополия из рук уплывает! Значит, нужно помешать мирному строительству, воспрепятствовать орошению Вахшской долины. На этом все и замешано, ради чистогана торговцы-капиталисты родной матери не пощадят. Поэтому вооруженные отряды басмачей, выполняя указания своих хозяев, взрывают дамбы и разрушают каналы. Жгут конторы, пункты сбора, МТС³, нападают на кишлаки, чинят расправу над дехканами. Недавно двух трактористов убили... А за то англичане его принцем величают!

— Кого? — оторопело спросила Таня.

На самом деле ей уже совершенно не было интересно, кого там кто и как величает. Ее уже не волновали и не радовали слова Гуковой насчет того, что она правильно решила. Нет, ей хотелось только во весь голос крикнуть: «Да не может же этого быть! Да как же там такое может быть, если я как раз туда и еду!..»

Она облизнула губы и закрыла рот.

— Ну кого! Ибрагим-бека, кого еще. Главара их, басмаческого недобитка... Ничего, сколько веревочке ни виться!..

***

Еще через полтора суток прибыли в Термез.

Чуть рассветало, не слышалось даже собачьего бреха, какой разносится над любым иным городом, только изредка доносилось откуда-то баранье меканье. Из редющей мглы выплывали то неясные очертания разрушенного купола, то оплывшая глина иных развалин... снова дувалы... вот опять пустырь.

Что спустились к воде, она поняла не сразу: серо-сизая ширь реки норовила слиться с серо-желтыми полосами выгорелых камышовых прибрежий. Но вдруг то, что казалось ключьями загустевшего с ночи неба, обернулось холмами противоположного берега, и тогда все вокруг переменялось и приняло истинные очертания, словно навели на резкость.

Маша стучала в ставень приземистого домишки конторы.

Скрипнула дверь, и на крыльце появился человек в белых штанах и майке. Он приглаживал седую бороду, улыбался и выглядел сконфуженным — словно не ему стучали ни свет ни заря, а сам он кого-то обеспокоил.

— О, рафик Маша! — приветливо сказал он. — Издрате, товарищ Маша!

— Я смотрю, ты все спишь, Садык, — строго укорила его Гукова. — Проспишь царство небесное!

— Мы теперь одно царство знаем — царство рабочих и крестьян, — вежливо посмеиваясь, возразил Садык, после чего спросил: — На пароход?

Вопрос был задан таким тоном, словно ответ на него был не очевиден. Однако мелкие кивки вопрошавшего наводили на мысль, что в целом он ему все-таки заранее известен.

— Ну а куда ж еще? — шутливо удивилась Маша. — Зачем бы мы к пристани притащились? Разве повеселее мест нет?

— Эх! — печально сказал Садык. — Не будет пароход. Кайдендаг есть же? Вчера телеграм получал: мель сидит пароход.

Он виновато развел руками, а Маша, сказав несколько бранных слов, хмуро спросила у Тани, буд-то та могла иметь на этот счет какое-нибудь мнение:

— И что теперь? К Ахмеду, что ли, идти?

4.

Торопливо шагая в сторону хлопзавода, Таня думала, что не зря вспомнила сейчас о Гуковой.

Дни, проведенные когда-то в совместном странствовании, их не то чтобы сдружили (ведь дружба это что-то более или менее каждодневное, а они бывало что и годами не виделись), скорее сроднили...

У старика Ахмеда было что-то вроде гостевого двора. Как объяснила Маша, случайный человек пути туда не знал, но всякий из хлопковой шатии-братии мог заночевать по дороге в Ташкент или об-ратно.

У них ночевкой не обошлось: жили, дожидаясь, когда наконец пароход «Комсомолец», застрявший в необъятных просторах Туркестана, снимется с мели и пришлепает к пристани Термеза.

Чудное место был этот сад, сладко было даже вспоминать о нем — но обе они уже окончательно извелись, когда ранним утром четвертого дня примчался мальчик-узбек в черных трусах до колен (он и провожал их сюда: они шагали между глиняными стенами проулков, а он катил следом тележку с чемоданами) и прокричал, что Садык-ака велел к двенадцати часам быть на месте, пароход долго стоять не будет. И пусть пока собираются, а он скоро вернется с тележкой.

Часа в два они оказались на палубе.

Остаток дня и вечер, а потом и всю ночь «Комсомолец» шлепал плицами по густой воде всклянь налитой Амударьи, и осколки желто-красной луны сверкали на каждой рябинке.

Утром на ветерке было даже зябко, но пристань Айвадж выплыла к ним, полурастворенная в умопомрачительном мареве четырехчасового пекла.

Гукову встречал человек во френче, с револьверной кобурой на боку. Он помог Маше спуститься по сходням. Уже садясь в бричку, она обернулась и ободряюще подняла руку.

И теперь, шагая по прибитой пыли между влажных от ночного дождя дувалов, Таня все это мельком вспоминала.

И думала, как глупо все получилось.

Вот она ехала... и приехала... и вот они тут жили... жили и жили... одних детей вон сколько, и какие хорошие.

Вот и жили бы себе дальше. Хоть времена и беспокойные — да что с того? Времена всегда неспокойные.

Жили бы себе и жили.

Так нет же: Ваня сам, своими руками петлю на себя накинул!..

И она может, конечно, пойти к Гуковой.

Маша теперь большой человек — начальник, зампредисполкома, у нее кабинет в доме Советов. Но не зря же они четыре дня сладкий Ахмедов виноград ели: Маша ее тут же примет, даже разговор никаких быть не может.

Но что Таня ей скажет?

Ну что скажет... врать не будет. Как есть, так и скажет.

Мол, так и так, Маша, во всем виноват Гатченков... ты ведь знаешь Гатченкова? Директор «Кировского», где Ваня до хлопзавода работал. У него вечно завиральные мысли в голове. Вот и придумал: дескать, у него жених, у Вани невеста. У Гатченкова скот, а у Вани жмых.

Но теперь Ваню арестовали, а он ведь не виноват. Так не можешь ли ты помочь.

Ах, вот в чем дело, скажет Маша.

Округлое лицо сразу построжеет, словно проступили на нем незаметные прежде желваки. Жених, значит, и невеста. Очень хорошо! Ну что же, все ясно. Значит, организатором был Гатченков, а Воропаев на подхвате. Целью своей Гатченков ставил наживу. А для достижения таковой использовал агронома Воропаева: тайно вовлек последнего в преступный сговор.

Ведь так получается?

Тане нечем будет крыть, она только немо кивнет.

А если так получается, то что же тут долго рассуждать? — сухо спросит Маша. И скажет: жаль конечно, что по глупости на народное добро посягнули, да ведь жалость к делу не пришьешь.

А Таня, заранее понимая, что слова ее теперь уж ни к чему, потому что пустыми словами такого дела не поправишь, станет все же беспомощно разъяснять суть, как она ее понимает.

Мол, ведь если бы масляный жмых пошел в дело, скот куда легче было бы прокормить, скорее он набирал бы вес! Тогда бы лишнее и пустить в торговлю на хлопзаводе! Вот и легче бы стало жить, ведь на базаре такие цены ломают, что к мясу и не подступишься!

Ах, вот как стала ты рассуждать, Красовская, — холодно усмехнется Маша. Даже странно слышать. Прямо не узнаю... Давно ли мы с тобой рука об руку по кишлакам ездили? Давно ли организовывали женсоветы? А припомни, как *занако*⁴ затолкали тебя в кибитку! Ты испугалась, когда старшая вдруг задрала на тебе юбку. Но оказалось, она лишь хочет убедиться в твоей порядочности. И когда все увидели, что ты приличная, что одета ты более или менее как положено — под юбкой у тебя длинные рейтузы, что ты, следовательно, не по их мужикам в кишлак явилась, а чтобы ликвидировать неграмотность и помогать в организации колхозов, старшая сказала удовлетворенно: «*Бозор нест*⁵!» — и только после этого они стали тебя слушать. Сама ведь ты мне рассказывала!.. А теперь так и норовит тебя захлестнуть мелкобуржуазная стихия. Чем еще объяснить, что ты не хочешь понимать очевидных вещей! Ведь все и впрямь очень просто: если благодаря задуманной Гатченковым комбинации рабочие хлопзавода получают возможность приобрести шмат мяса по приемлемой цене, это будет лишь побочный эффект его индивидуального обогащения!..

* * *

— О! — сказал Мирошников, когда она открыла дверь. — Красовская! Давненько тебя не видно...
 — Да Котька же у меня болеет, Корней Ефремович! — может быть не совсем вежливо оборвала его Таня. — Забежала вот...

Начальник складского цеха Мирошников вообще-то был председателем завкома, но заглядывал раз в год по обещанию, и все на хлопзаводе думали, что Красовская одна всем заправляет. Тем более что если кому приходило в голову обратиться именно к нему, к председателю, Мирошников, не скрывая раздражения, отмахивался: «Не морочь голову! Некогда мне с вами! Красовскую найди, она все знает!»

Но сейчас он верно понял ее отрывистость. Корней Ефремович сложил лист, на котором что-то дописывал и встал из-за стола.

— Все, я в цех, — сказал он и добавил извиняющимся тоном: — Таня! Да ты не волнуйся!
 — Как же мне не волноваться! — воскликнула Таня, всплескивая руками. Слезы сами брызнули из глаз. — Как не волноваться-то!
 — Ну! Ну! — Ступив вперед, Мирошников товарищески приобнял ее за плечи. От пиджака несло табачищем. — Перестань! Разберутся!
 — Да как разберутся!..
 — Ну как!.. так и разберутся! Ты пойми, если б его одного! Ведь все производство оголили к Елене Марковне! Прикащикова взяли, Миронова взяли, Мирзаева!.. Я уж думал, и Головачев пойдет! Да и за себя бы грешным делом не поручился!.. — Корней Ефремович досадливо крикнул и сказал, стукнув кулаком по столу: — Ну что ты хочешь, даже Курдюкова взяли!

То, что он говорил, категорически противоречило Таниной схеме, а потому плохо укладывалось в сознании: сикось-накось и беспорядочно, примерно как валяются прутья, если с маху бросить охапкой.

Последнее сообщение проткнуло все предыдущее, и она невольно вскрикнула:
 — Курдюкова?! Он же в больнице!
 — Оклемался уже, — махнул рукой Мирошников. — Живучий... Да им-то что, хоть бы и не оклемался! Хоть бы и больной, все равно бы потащили, если во вредительстве подозревают!.. Вон Воропаева твоего, говорю же, сколько дней до пожара вообще на заводе не было! И что? Им разве разъяснишь? Им уж если втемяшилось врагов искать, с живых не слезут!

Последнее сорвалось сгоряча, по инерции и уже через мгновение, похоже, показалось лишним.
 Во всяком случае, Мирошников досадливо крикнул, а потом вдруг усилился и начал смеяться или, как минимум, издавать звуки, примерно похожие на те, что обычно сопровождают остроту или подначку. А потом добавил, глядя на нее с секундным заискиванием:

— То есть я это... ты, Тань, не подумай чего. Шучу я. А бдительность — что ж. Бдительность дело хорошее.

И развел руками.

* * *

Что дать ей Ванину зарплату без доверенности девочки в бухгалтерии, даже искренне сочувствуя и входя в положение, никак не могут, ее почти не огорчило.

Потому что, во-первых, она и сама так думала, забежала на всякий случай, мало ли. Порядок есть порядок, никуда не денешься, какие тут претензии.

А во-вторых, впереди ее ждало хорошее дело — уж такое хорошее, просто отличное.

Оно еще не началось, это дело, но скоро начнется, не зря она так спешит за него взяться. Оно сдвинется ее усилиями, покачнется, пойдет — и в самом скоро будущем поднимется над ней и над всем ее миром, как поднимается солнце из ночного мрака!

Что могут значить мелкие жизненные неприятности на лучезарном фоне будущего? — на лучезарном фоне будущего мелкие жизненные неприятности могут лишь явить свою очевидную ничтожность.

Таня выбежала из проходной, кивнув знакомому вохровцу, как кивала ему полчаса назад при входе, и поспешила в сторону базара.

Она шагала быстро-быстро, почти бежала, и ситцевая юбка билась вокруг ее торопливых бедер и икр, и так же бились и всплескивались ее мысли.

Конечно, было бы наивно полагать, что Гукова прямо-таки возьмет — и руками разведет ее беду, и сделает все как раньше (да, вот о чем она мечтала: только чтобы все как раньше, чтобы такое же счастье навсегда!).

Ничего Гукова, конечно, не разведет, это ясно. Но ей можно по крайней мере объяснить.

С чего начать?

Нужно втолковать несколько вещей. Во-первых, что Таня совершенно ошибалась, когда подозревала, что Гатченков вовлек Ваню в махинации с этими своими женихами и невестами, за что им обоим теперь обломится по всей строгости. Ничего такого, оказывается, и в помине не было. Она все себе нафантазировала, идя на поводу у собственного страха... и это все неправда.

Но если неправда, стоит ли тогда вообще Гуковой об этом говорить?..

Нет, не стоит, спохватилась она, вот уж совершенно это ни к чему. Не нужно лишнего, мало ли как Гукова поймет... еще что-нибудь тоже вообразит не дай бог на пустом месте. Нет, ничего такого она ей не скажет.

Значит, остается только одна совсем простая вещь: та именно, что Ваня никак, ну просто никак не мог участвовать в хлопзаводском поджоге.

Потому что даже если представить, будто он захотел, чтобы тот самый завод, в который вложено столько его сил, сгорел синим пламенем, — все равно придется признать, что реализовать это дикое желание у Воропаева не было возможности.

По очень простой причине: он ездил по районам! Да, он ездил по районам, потому что посевная, потому что глаз да глаз, потому что он дельный орловский мужик! У таких свой глазок смотрок, у таких ни слова попусту, ни жеста! Не было его в тот день на хлопзаводе, не было! И накануне не было! И третьего дня не было! И она уже не помнит, был ли днем раньше, да это и не важно — не было его, не было, и все тут!

Маша найдет минуту, чтобы выслушать и понять. А если Маша поймет — а она конечно же поймет! — дело за малым.

Понятно, что даже уяснив суть и признав несправедливость обвинения, Гукова не пойдет ногами двери кабинетов открывать. Она вообще в другом коридоре. Но у них с ОГПУ общая столовая. Каждый день небось встречаются. Почему бы ей сегодня за одним столом с Грицем не оказаться? (Ну или завтра, до завтра Таня готова была потерпеть; но завтра — крайний срок!) Простите, у вас свободно? Пожалуйста-пжалуйста!.. Маша женщина видная, с такой всякому лестно хоть посидеть рядышком. Наверняка они знакомы, каждый день толкуются...

Вот она и скажет... так, мол, и так. И ее Гриц, конечно же, послушает. Почему не послушать? Это же Гукова, зампредисполкома. Если ее не слушать, так кого же? Таню слушать никто не станет... что ее слушать, кто она такая этому Воропаеву, они с ним даже не расписаны... вы, гражданка, по какому вопросу?..

А Гукову послушают!

Радостно думая, что вот оно, разрешение, она уже сбежала к дому Советов. Гукова скажет. И все. И тогда будет как раньше.

— Я к Гуковой, — выпалила она часовому на крыльце. — Пустите! Красовская, замзавкома хлопза-вода!

Но стрелок не посторонился, а наоборот свел брови.

— К Гуковой, — повторил он ни к чему. — Стойте!

Потом обернулся и сказал в темноту и прохладу:

— Товарищ сержант, Гукову спрашивают.

Через несколько секунд кто-то приблизился к порогу — должно быть, тот сержант, к которому часовой обратился.

Он почти целиком остался в полумраке коридора: только сапоги шагнули на солнце и, свеженачищенные, вспыхнули, засияли, бросив в свет добавочные блики своей сверкающей черноты.

Таня мгновение немо смотрела; потом сказала их плохо различимому в полумраке обладателю:

— Здравствуйте, я Красовская, замзавкома хлопзавода. Мне к Марии Трофимовне на минуточку.

— А вы, гражданка, по какому вопросу?

— По личному.

— По личному, — так же ни к чему, как недавно часовой, повторил из полумрака сержант. — Ладно, подождите.

Тут всегда были такие строгости. Таня послушно ждала. Часовой смотрел на нее, наклонив голову.

Через несколько минут сержант вернулся и снова полыхнул сапогами.

— Замзавкома хлопзавода Красовская? — уточняющее спросил он, как и прежде не показываясь на свет. — Вы Гукову спрашивали. Вообще-то не положено. Но в качестве исключения. Гукову позавчера в Сталинабад увезли.

— В Сталинабад увезли, — продолжая улыбаться, ни к чему повторила Таня. Она еще не поняла до конца, что это значит, но уже схватила за слово «увезли», которое значило, что Маша ехала не по своей воле. — И что же, она... ее?..

— Все справки в тамошнем ОГПУ, — сухо сказал сержант.

Но, подведя черту разговору, он сделал к ней шаг.

Целиком оказавшись в солнечном расплаве, сержант ослеплено щурился, молодцевато при этом приосаниваясь: оправлял под ремнем складки длинной сине-сиреневой гимнастерки, а другой рукой кренил покрашивше василькового цвета фуражку на чернявой голове.

А потом, уже опуская ладонь и весело глядя в ее красивое сейчас, раскрасневшееся, еще оживленное приятным ожиданием лицо, вдруг ярко улыбнулся:

— Так что теперь, гражданочка красавица, только там все справочки!

Примечания

¹ Раис — начальник, председатель (*тадж.*).

² Мираби калон — главный мираб, распорядитель полива (*тадж.*).

³ Машинно-тракторная станция.

⁴ Женщины (*тадж.*).

⁵ Базара нет (*тадж.*).

глухие времена

Андрей Грицман

СТИХИ

Ходят слухи, что скоро конец света
закупка гречки, хозмыла,
москательного товара
еще в ходу — Аленка, Мишки —
шоколадные конфеты
но всего, даже пеньки, становится мало.

Это значит — мы приближаемся к бездне,
она же глядит обратно на нас.
Это время петь последние песни
и маску носить, как носил Фантомас.

Все слухи ползут что наступает
Смутное время, и глад, и мор.
Но вести идут из дальнего рая
что там еще есть: Казбек, Беломор.

Что водка там еще 3.12
и в стаканчиках есть копеек за 7.
Магический номер, пора собираться
пока еще путь открытый есть.

Пока не замерзла флотилия духа
летит струя кровавых телец.
Пока по Тверской еще шастают шлюхи,
пока не пришел последний конец.

Так что не страшно нам. Все видали.
На полках рожки и маргарин.
И где-то в далекой синеющей дали
белеет парус одинокий.

+++

© Фото: Анастасия Цайдер

Н.В.Г.

И Горький плакал посреди ковров.
 Дул ветер. Краснофлотцы прошагали.
 Стыл телеграф. Зиял холодный ров.
 Оркестр гремел в прокуренном вокзале.

Отливший пулю пролетариат
 крепил победу мутным самогоном.
 Пустырь прибрали наскоро. С утра
 на юг ушли военные вагоны.

И кто-то, песню оборвав навзрыд,
 ушел в себя, горя без причины.
 Кружил стервятник, чужая мертвечину,
 потом взлетел куда-то за Кронштадт.
 +++

Трофейный ковер.
 Молочное пятно.
 Пять лет, ангина.
 Легкий след от Советского шампанского.
 Отец молодой, новый 1955-й год?
 Ковер вечный, такая работа.
 В глубоком слое — следы
 немецкой семьи,
 Бранденбург, Силезия?
 По линии наступления 33-й армии.
 Вот мы и породнились.
 Трофейный ковер.
 +++

МОЙ ДВОЙНИК В РУИНАХ КНИЖНОГО МАГАЗИНА, ЛОНДОН, 1940 г.

Luftwaffe, тьма, блицкриг
 Вестминстер, Ковентри, развалы книг.
 Мой дорогой, тебе ни до чего.
 Дай посидеть за книгами с тобой.
 Я это ты, но сдвинут по судьбе.
 Как без меня живётся там тебе?
 В развале книг, среди ночных сирен.
 Но знай, что и у нас без перемен.
 +++

КРЫСОЛОВ

Их было трое: слепой, глухой, хромой.
 Только они вернулись
 в славный город Гаммельн.
 Сто тридцать где-то там в горе глухой.
 Он может быть, еще придет за ними.

Цветастый шут, случайный гость чужой,
 Как Моцарт смерти упоенно сладок.
 Любой из нас, из выбранных судьбой
 С любимым из тех детей
 Ложится рядом.
 +++

В заброшенном доме
 где даже и души истлели
 никто не умрет
 никто не постелит постели
 Я мимо пройду
 случайный ходок неудачник
 Одно утешенье
 полет мой обратно оплачен
 но, впрочем, и там
 там пыль в заброшенном доме
 душа же туда
 почему-то и чем-то влекома
 Вот так и проходит прогулка
 то мимо пустынного дома
 То мимо себя самого
 дорога моя незнакома.
 +++

СВЕТ В ХРАМЕ

Свет в никуда и ниоткуда.
 Обломки статуй на полу.
 Пуст темный склеп. Иуда
 молчит в углу.

А Он незрим в приделах храма,
 где хлад и гулкость пустоты.
 И ждать там никого не надо.
 Пустуют в темноте кресты.

Свет падал ниц и там являлись
 осколки мраморной мечты.

Ремонт заброшенного зала.
 Тень. Рядом — я и ты.
 +++

Две полосы от лайнеров на сфере.
 Два параллельных рейса в никуда.
 Там две души, затерянные в мире,
 в двух лайнерах заснули у окна.

И им приснилось — линии сойдутся.
 Неважно где, в зеркальном далеке.
 Когда, пройдя таможенно, обернутся
 и вместе выйдут в город налегке.
 +++

LA PART DES ANGES

Я живу предварительной жизнью.
 Доли ангелов мне не досталось.
 Но пока: я смотрю в те же линзы —
 повторяю себе я устало.

И все резче звучат ароматы
 винограда, сухой древесины.
 И летит где-то меченый атом,
 видно, хватит пока керосина.

Хватит бочек, бутылок и тары.
 Нам бы только разжиться закуской.
 Лишь язык достается нам даром,
 но темнит сослагательный русский.

Доля ангелов в сумраке тает.
 В упоительных тех подземельях.
 В темноте очертания рая
 исчезающе еле заметны.
 +++

Вдоль незримой ограды
 Где медленный ток
 Пробегает навстречу себе
 Уроборос судьбы, там местность стоит
 Навсегда как на мертвой картине

Здесь спокойно, не слышны гудки поездов
 Незаметны следы по осенней траве
 Мысль здесь растворима в прозрачной
 листве
 И висит паутиной
 Пограничников нет, ни собак, ни ушей
 Нету камер, глазков
 Но выход потерян
 Где-то там за оврагом, за тенью тенет
 Растет мыслящий бересклет
 и известно, что в этих местах
 где-то жребий измерен.
 Вдоль ограды, тропинкой, что кругом ведет
 До предела, где столб полосатый
 Бесконечна дорога, а что там нас ждет
 Весть потеряна где-то когда-то.
 +++

Ты ж мне сказал, что ты ее убил?
 В шестой строфе, в седьмой, потом, наверно
 бредешь один к себе домой, один,
 чтобы закончить этот стих неверный.

Ничто не предвещает, так должно
 и быть, и есть, и присно, и вовеки.
 Когда конец судьбы заволокло,
 застыли ночью в удивленьи реки.

Опасно говорить, предсказывать, гадать.
 Стихи парят над шешины долиной.
 Решись от них отделаться с утра.
 За бэгелом идешь до магазина.

А стих живет, и шепчет сам себе:
 не убивай, дай выжить. Вас навечно
 сведет строка. Взлетите налегке
 по дугам нескончаемым навстречу.

Так решено, так сказано, но там
 тревожные цветы цветут неумолимо.
 И в оправданье что-то шепчет он,
 когда она легко проходит мимо.
 +++

А.Цветкову

У кошки жизнь довольно сложная —
 Говорил поэт Цветков.
 Точно чачу разливая
 И не тратя лишних слов.
 Но таков ее был выбор
 Тихо шарить по кустам.
 Ну а что нам остается
 Что же остается нам?
 Из кустов зеленых глаза
 Два загадочно глядят:
 Что за жизнь у вас ребята
 Чачу потреблять с утра?
 Два кота Тариель, Кабанов
 Нависают над судьбой
 Лучше пива выпить нам бы
 Освежиться на убой.
 Мы глядим, и кошка зырит
 Из кустов на завтрак наш.
 Исчезает как багира
 Незамеченно шурша.
 Ну а нам что остается?
 Не в кусты же нам сигать
 Так тревожно сердце бьется
 Нам добычи не поймать.
 +++

Пунктир. След на снегу.
 Как цепь вопросов
 без ответа.
 Вторая жизнь
 сквозит во мглу
 наречием сигналов
 точек света.

Пунктирных линий
 временный союз,
 ушедших в ночь
 мерцаньем полустанков.
 И тянет вниз невыразимый груз
 любви в глуши
 пустого мирозданья.
 +++

* * *

Мне восемнадцать. У меня
 две мечты: объездить весь мир
 и стать писателем.

Инициация в мир взрослых — понимание, что ничего не будет, ни мира, ни книг. Никуда не выпустят, ничего не напечатают.

Грязный хвост бесконечной московской зимы. Давно уже март, а все еще хоть доставай чернила и плачь. В черно-снежной жиже больше соли чем солнца. Машины и троллейбусы заляпаны по самые крыши.

Сегодня вторник, еду к Шульману, мы занимаемся немецким. От Октябрьской по Ленинскому на 4-м троллейбусе.

Кто мы — мэтр и начинающий писатель? Чуткий учитель и пытливый ученик? Но учитель-то — я, объясняю грамматику, поправляю произношение.

Да и мэтр из Шульмана не очень настоящий. Писатель без книг, без публикаций ни здесь, ни там.

Пишет в стол, потом едет в бассейн «Москва».

Летом у него на даче в Валентиновке я нашел на этажерке залежи старых журналов, стал копаться и обнаружил его рассказы, опубликованные в самых престижных советских «толстяках». Прикинул — Шульману было 25. Блестящее начало карьеры советского писателя. Литературный институт — потом катапульты. Сколько начинающих авторов мечтали о таком дебюте. Стена пробита, город взят. Теперь пиши не хочу, вступай в союз писателей, ездь в дома творчества, подписывай книги на встречах с читателями. Жизнь удалась.

der schriftsteller muss

из автобиографической прозы

МИХАИЛ ШИШКИН

Но состоялись бы тогда наши уроки немецкого, встречи учителя с учеником?

Научить чему-то можно только став собой, просто прожив свою жизнь.

Шульман вошел в литературу под чужим именем. По советской традиции он отказался от еврейской фамилии ради звучащего почти по-русски псевдонима Э. Шухмин. Такими были правила игры. Хочешь печататься в стране дружбы народов — спрячь свое еврейство поглубже. Так поступали многие. Это настоятельно посоветовал молодому Эдуарду Шульману его учитель, один советский писатель, мол, псевдоним поможет публиковаться. Помог.

Потом Шульман совершил, наверно, главный поступок жизни. Он вернул своим текстам настоящее имя и стал писать в стол. Для советского писателя — это то самое «идеальное убийство». Больше Шульман нигде ничего не публиковал.

Он стал писать без оглядки на то, что сегодня позволено, а что нет. Закрыв для себя путь в советскую печать — и освободился. Стал не советским писателем, а просто писателем.

Провозглашенное еврейство имело мало общего с Маккавеями, кошером, «в следующем году в Иерусалиме». Еврейство Шульмана — совершенно нерелигиозное. От поколений предков не осталось ни традиций, ни атрибутов, ни языка. Мне кажется, его еврейское самоощущение — совершенно российское, попытка отстраниться от советской нежизни, найти себя другого, настоящего, живого. Заявление о том, что он Шульман, а не Шухмин — это заявление о выходе из советской литературы и о вступлении в литературу. Это не об иудаизме, это совсем о другом.

Мосты назад, в официальную литературу сожжены давно и бесповоротно. Появление Шульмана в моей жизни окончательно поставило представление об устройстве Вселенной с головы на ноги: настоящий писатель вовсе не тот, у кого выходят книги.

Он дал определение себе — Еврей Иваныч. И так же он назовет потом свою первую, вышедшую уже в новые времена, книгу — «Еврей Иваныч». Мое «Общество имени Карамзина» пригласит Шульмана в Швейцарию, я устрою ему выступления в университетах Цюриха и Базеля. Деньги на первую книгу Шульмана соберу у моих знакомых. Но это все будет через два десятилетия, в непредсказуемом фантастическом будущем. А сейчас троллейбус тормозит, остановка «Универмаг Москва», двери с лязгом распахиваются в март 79-го.

© Мислана Шишкина. Фото: А. Ткачев-Рябов

ЛИТЕРАТУРА

Дом 60 корпус 2. Вход со двора. Подъезд какой-то не наш — без запахов мочи и испражнений, даже без духа кошек.

Предполагаю, что квартира в советском престижном гетто досталась Эдуарду Ароновичу Шульману от отца — Аркадия Шульмана, режиссера-документалиста.

В страшные времена Арон стал Аркадием. И сын мог быть Аркадьевичем, но сделал отцу, и всем кругом, и самому себе вызов — стал Ароновичем.

Лифт за железной сеткой с деревянными створками, вальяжный, неспешный. 5-й этаж. Квартира 175. Звоню.

Открывает Ирина Яковлевна. На щеке большая некрасивая родинка. Стрижка, как у восьмиклассницы. Бурый балахон, ее любимая одежда.

Всплеснув крыльями, будто руками:

— Михал Палыч, не пушу вас к этому чудовищу, пока не накормлю!

Идем на кухню. Обязательные гречка и котлеты.

Они поженились совсем молодыми, в студенчестве. Предполагаю, что он «взял» ее писательским талантом, вряд ли Шульман отличался в юности особой мужской красотой. Ее вера в мужа быстро нашла себе подтверждение — обычно заслуженное признание к писателям приходит поздно, если вообще приходит, а тут публикации и ранний успех. Представляю себе, как она радовалась свежей книжке «Знамени» с его первыми рассказами. А потом она полностью и безоговорочно поддержала Шульмана, когда он принял решение уйти, стать добровольным изгоем, писать без постоянной оглядки на то, что разрешено, а что нет.

Она взяла на себя все заботы о быте, доме, заработках, перепечатывала его рукописи. Шульман пишет от руки, и почерк его абсолютно нечитабельный ни для кого, даже, кажется, для него самого.

Чтобы не числиться тунеядцем, Шульман вступил в профком сценаристов для научно-популярного кино — это дало ему спасительную бумажку. Сценарии за него пишет Ирина Яковлевна.

Только благодаря ей он смог написать все свои книги. Без нее не появился бы на свет мой любимый «Полежаев и Бибиков».

Гречка с котлетами отправлена в Лету.

— Ну вот, теперь можете идти, классик ждет.

Мимоходом мелькает в дверях Илья, alias Хрюша, он же Тютик. Сдобный отрок. Кричит в глубь квартиры, продолжая, вернее, заканчивая разговор с отцом:

— Папа, роман сожгу!

Ему кажется это смешным.

И вот только теперь является Шульман.

На темени растет под тонкой кожей шарик от пинг-понга. Рак?

Фуфайка. Треники.

Перед ковром останавливается, выступает из шлепанцев. Идет дальше по коврику в носках.

Садимся рядом на диване. Наши занятия немецким заключаются в том, что мы читаем рассказы Вольфганга Борхерта.

Сегодня «Der Schriftsteller». Писатель.

Я читаю вслух первую фразу: «Der Schriftsteller muss dem Haus, an dem alle bauen, den Namen geben.» Потом Шульман. Я поправляю, он повторяет. Потом переводим, разбираем падежи.

Он и Борхерта читает как свои тексты. Его тон обволакивает, уходит на крутые виражи, пронзает. Голос рвется ввысь, распирает стены, выдавливает куполом потолок.

— Der Schriftsteller muss dem Haus, an dem alle bauen, den Namen geben. Писатель должен дать имя дому, который все строят.

Между двумя авторами всегда можно провести прямую. Одному пять, другому двадцать. Один бежит с мамой пешком по шоссе из Минска под бомбежкой, другой наступает с вермахтом.

И все-таки иногда не очень понимаю, зачем нужны эти уроки немецкого, зачем он зовет меня каждый вторник к себе. А иногда понимаю.

Шульман только кажется крутовым столпником от литературы, а на самом деле ищет палочку-выручалочку. И таких веточек-цитат у него целый ворох. Вот одна. Юный Карамзин приходит к знаменитому немецкому поэту Виланду и спрашивает: «Автору нужны читатели?» — «Нужны, — отвечает Виланд. — Но если бы судьба определила мне жить на пустом острове, я написал бы все то же и с тем же тщанием». — «Как?! На необитаемом острове?» — «Так! — Виланд улыбнулся. — Меня бы слушали музы».

Для этого и нужен «Четверг» — мы все слушаем друг друга на этом бескрайнем острове, как музы Виланда.

Для этого нужны и ему, и мне наши бестолковые уроки немецкого.

Доходим до последней фразы «Dann muss er posaunen, bis die Lungen platzen!» Тогда он должен трубить, покуда у него не лопнут легкие.

— Но почему трубить? — не соглашается со своим же переводом Шульман. — Писатель с трубой? Писатель должен кричать!

И он кричит:

— Dann muss er posaunen, bis die Lungen platzen!

И еще сильнее:

— Dann muss er posaunen, bis die Lungen platzen!! Тогда он должен кричать, покуда не лопнут легкие!!

Не докричаться.

© Текст: Михаил Шишкин

© Париж. Фото: Григорий Ярошенко

ДВА РУССКИХ КЛАССИКА, ИЛИ СИЛЬНЫЕ ЛЮДИ*

К двухсотлетию Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова

ВЛАДИМИР КАНТОР

*«Прочтите эти страдальчески песни сами,
и пусть вновь оживет наш любимый и страстный поэт!
Страстный к страданию поэт!..»*

Достоевский о «Последних песнях» Некрасова

Как писал Мераб Мамардашвили, Россия возникла из русской литературы и русской философии. И имена Достоевского и Некрасова здесь не случайные.

Оба юноши вышли из не очень богатых семей. Но если предки Некрасова были богаты и свое состояние спустили в карты, оставив молодого человека практически ни с чем, то отец Достоевского, простой штаб-лекарь, держался на уровне так сказать бытовой обеспеченности. В 1838 году москвич Федор Достоевский поступил в Главное инженерное училище в Санкт-Петербурге, которое окончил в 1843 году и был зачислен инженером-подпоручиком в Петербургскую инженерную команду, но уже в начале лета 1844 г. подал в отставку. Всю молодость он мечтал посвятить себя литературе, и планка, на которую он ориентировался, была весьма высокой — Шекспир, Шиллер. Сидя в съемной квартирке, он почти год писал свой первый роман «Бедные люди», начав в 1844 г., в 1845 г. он переписал его заново и начал думать о возможности и месте публикации.

В Петербурге, этом огромном европейско-русском городе двух юных литераторов и свела судьба. К тому времени, когда Достоевский завершил свой роман, Некрасов уже оброс литера-

турными связями, даже вошел в круг Белинского, самого влиятельного критика тех лет. Но два слова о Некрасове.

Мать поэта хотела, чтоб Николай был образованным человеком, и говорила ему, что он должен поступить в университет, потому что образованность приобретает в университете, а не в специальных школах. Но отец не хотел и слышать об этом; он послал Некрасова в Петербург для поступления в кадетский корпус. Экзамен в университет юноша не выдержал и записался в университет вольнослушателем. А стало быть, надо было зарабатывать. Денег было настолько мало, что не каждый день он мог пообедать. Со школы помню трогательный рассказ, как поэт приходил в харчевню, где дозволялось почитать газету и где был бесплатный хлеб и соль. И вот юноша прикрывался газетой и ел хлеб с солью. Питание было дикое и так длилось долго. Рак кишечника, от которого он умер, был не случаен. Не всегда было место для житья. Некоторое время он снимал комнатку у солдата, но как-то от продолжительного голодания заболел, много задолжал солдату и, несмотря на ноябрьскую ночь, остался без крова. На улице над ним сжалился проходивший нищий и отвел его в одну из ночлежек, где он провел некото-

© Фото: Анастасия Цайдер

ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ

Ф.М. Достоевский 1861
Фотография М.Б. Тулинова

Н.А. Некрасов 1860.
Литография
П.Ф. Бореля

Кирилл Горбунов. Портрет Авдотьи
Яковлевны Панаевой. 1841 г.

Первая публикация
Ф. М. Достоевского:
роман «Бедные
люди». Петер-
бургский сборник,
изданный Н. Некра-
совым. СПб.: В тип.
Э. Праца, 1846. [4],
560 с.: ил. 24×15 см.

рое время. Через год он нырнул в литературную жизнь, где долго не имел успеха. Как пишут о Некрасове литературоведы и историки, он составлял азбуки, писал сказки, детские пьески, водевили, исправлял рукописи других авторов. Кажется, нет такого журнального жанра, который бы не был испробован Некрасовым. Подводя итоги этого сизифова труда, Некрасов исчислял его в сотнях печатных листов. Но он все выдержал, человек был невероятной внутренней силы. Он долго чувствовал себя бедным разночинцем. Даже свою многолетнюю возлюбленную Авдотью Панаеву, жену приятеля, соиздателя Ивана Панаева он добивался несколько лет. Существует некий рассказ (степень правдивости недоказуема), что как-то Некрасов и Панаева плыли по Волге в лодке, и красавица сказала, что, мол, нынешние мужчины красиво говорят о любви, но кто из них прыгнет в Волгу, чтобы доказать свою любовь. Некрасов встал на борт лодки и прыгнул. И покорило сердце капризницы. Панаев, однако, с ней не развелся, и образовался длительный союз трех — красивой женщины и двух мужчин, характерный для русской элиты.

Именно о страданиях влюбленного разночинца он написал стихи «Застенчивость». Приведу начало этого длинного, но совершенно «разночинско-достоевского» по пафосу стихотворения:

Ах ты, страсть роковая, бесплодная,
Отвяжись, не тумань головы!
Осмеет нас красавица модная,

Вкруг нее увиваются львы:
Поступь гордая, голос уверенный,
Что ни скажут — их речь хороша,
А вот я-то войду как потерянный
И ударится в пятки душа!

Панаева считалась одной из красивейших женщин петербургского света. В нее влюблялись все посетители литературного салона ее мужа, даже молодой Достоевский подпал под ее чары, сильно влюбился, а позднее в романе «Идиот», изображая Настасью Филипповну, описал фотографию Панаевой.

Поразительно, что этот бедный ярославский провинциал не ожесточился от нищеты. Он дал себе слово разбогатеть, и разбогател. В отчасти автобиографическом стихотворении «Секрет» (1851) есть такие строчки:

В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечах шубенка овчинная,
В кармане пятнадцать грошей.
Ни денег, ни званья, ни племени,
Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени —
В кармане моем миллион.

Но миллион случится не скоро. К миллиону он шел через издательские дела и через... карты. И Достоевский, и Некрасов были азартные игроки, но Достоевский всегда в проигрыше, Некрасов же всегда в выигрыше. В середине 1840-х он стал издателем, собирал молодых авто-

ров в свои сборники, стараясь определить новое направление. Вот тогда-то путь юного Достоевского впервые пересекся с путем Некрасова.

Об этом эпизоде рассказывали многие, даже сам Достоевский. Но приведу здесь рассказ человека достойного, знаменитого юриста А.Ф. Кони, знавшего и Достоевского, и Некрасова: «Весною 1845 года начинающий, впоследствии очень известный, писатель Григорович взял у своего товарища по воспитанию в Инженерном Училище рукопись его первого литературного труда и отнес ее к Некрасову, собиравшему материалы для “Петербургского Сборника”. Чтение рукописи привело их в восторг и вызвало у сдержанного вообще Некрасова слезы. С известием об этом впечатлении, самым ранним утром, Григорович поспешил к автору, а затем вместе с Некрасовым отправился к знаменитому русскому критику. — “Белинский!” — вскричал один из них, входя, — “новый Гоголь родился!”»¹.

Много лет спустя, посетив больного поэта, Достоевский писал в своем «Дневнике писателя» за 1877 г.: «Странно бывает с людьми; мы в жизнь нашу редко видались, бывали между нами и недоумения, — но у нас был один такой случай в жизни, что я никогда не мог забыть о нем. Это именно наша первая встреча — друг с другом в жизни. И что ж, недавно я зашел к Некрасову, и он, больной, измученный, с первого слова начал с того, что помнит об тех днях. Тогда (это тридцать лет тому!) произошло что-то такое молодое, свежее, хорошее, из того, что остается навсегда в сердце участвовавших. Нам тогда было по двадцати с немногим лет. — Я жил в Петербурге, уже год как вышел в отставку из инженеров, сам не зная зачем, с самыми неясными и неопределенными целями. Был май месяц сорок пятого года. В начале зимы я начал вдруг «Бедных людей», мою первую повесть, до тех пор ничего еще не писавши. Кончив повесть, я не знал, как с ней быть и кому отдать. Литературных знакомств я не имел совершенно никаких, кроме разве Д. В. Григоровича, но тот и сам еще ничего тогда не написал, кроме одной ма-

ленькой статейки «Петербургские шарманчики» в один сборник. Кажется, он тогда собирался уехать на лето к себе в деревню, а пока жил некоторое время у Некрасова. Зайдя ко мне, он сказал: «Принесите рукопись» — (сам он еще не читал ее); — «Некрасов хочет к будущему году сборник издать, я ему покажу». Я снес, видел Некрасова минутку, мы подали друг другу руки. Я сконфузился от мысли что пришел с своим сочинением, и поскорей ушел, не сказав с Некрасовым почти ни слова. Я мало думал об успехе, а этой «партии Отечественных записок», как говорили тогда, я боялся. Белинского я читал уже несколько лет с увлечением, но он мне казался грозным и страшным и — «осмеет он моих „Бедных людей“ « — думалось мне иногда»².

Восторг первых читателей был неподдельным, они прибежали к Достоевскому в четыре утра, выразить свое восхищение, поскольку нельзя спать рядом с великим произведением искусства.

Белинский был очень болен, но оставался идейным вдохновителем нового направления. Надо пояснить, что в эти годы в России тон задавала так называемая «натуральная школа». Она, прежде всего, рассматривала поверхность бытия, предполагала сострадание к низшим сословиям, к «униженным и оскорбленным», или, как позже назвал Добролюбов этих героев, анализируя прозу Достоевского, к «забытым людям». Но также и сатирическое изображение высших. Потом Чернышевский назвал эту эпоху «гоголевским периодом русской литературы». В этом контексте и был прочитан роман Достоевского.

На слова двух молодых апологетов «натуральной школы» последовал резкий ответ. ««Эк у вас Гоголи-то как грибы растут», — сурово сказал Белинский, однако взял рукопись, а вечером в тот же день пришел к ним сказать, что совершенно восхищен этим произведением и непременно желает видеть молодого автора, которого затем приветствовал самым душевным образом и, так сказать, благословил на дальнейшую писательскую деятельность. Этот молодой автор был

Достоевский, а произведение его называлось «Бедные люди», в котором затронутые Гоголем душевные переживания скромного труженика „унижаемого и оскорбляемого“ и людьми и судьбой, изображены с гораздо большей широтой и берущей за сердце глубиной»³.

Лидеры «натуральной школы» приняли его за своего, за писателя, живущего интересами только сегодняшнего дня. Для них он был тот же Гоголь, ну немножко иной. Достоевский же шел в глубину, его интересовало найти метафизику человеческой судьбы, или, говоря его словами, «найти человека в человеке». Его «Двойник», который материалом напоминал и гоголевскую «Шинель», и «Бедных людей» самого Достоевского, не был принят. Забывалось, что Гоголь был не только автором «Шинели» о забитом чиновнике, но и автором «Вия», «Страшной мести», которая сказала в докторской повести Достоевского «Хозяйка». Ну а «Мертвые души» тоже не были просто сатирой, ведь Гоголь ориентировался на «Ад» Данте.

Белинский умирал, но его заветами жил журнал «Современник», который выкупили И. Панаев и Н. Некрасов. И «верным ученикам» Достоевский казался отступником. Быть может, свою роль тут сыграла и зависть к успеху молодого и малоизвестного тогда писателя. И вот одна из самых скверных шуток двух знаменитостей — Некрасова и Тургенева — «Послание Белинского к Достоевскому», т.е. от лица сверхуважаемого тогда Достоевским критика зарифмованная издевка:

Витязь горестной фигуры,
Достоевский, милый пыщ,
На носу литературы
Рдеешь ты, как новый прыщ.

Затея была Тургенева, поэтому Некрасова, который ввел его в литературу, Достоевский извинил, но барин Тургенев отныне был ему непереносим.

В первые годы, годы дебюта, особость Достоевского уже чувствовалась. Тогда его необычность раздражала современников. Ему же «натуральная школа» стала казаться мундирной,

ведь в ней были сюжеты, ходы и образы, которые требовали *стойки смирно*. Несчастный бедняк, омерзительный богач и т.п. Под этим мундиром он искал нечто другое.

Поразительно, как судьбы Гоголя и Белинского и далее переплелись в судьбе Достоевского. В 1849 г. за чтение вслух письма Белинского к Гоголю в кружке Петрашевского он был приговорен к «смертной казни расстрелянием». Духовный опыт ожидания смерти погрузил его в глубины человеческого бытия, о которых «натуральная школа» даже не подозревала.

На каторге, названной Достоевским «мертвым домом», он осознал всю сложность контакта с народом, с крестьянством. В те годы тургеневские «Записки охотника» казались своего рода откровением, высшим выражением возможного понимания русского крестьянства. Хотя, как теперь понятно, это был взгляд сверху вниз, взгляд барина. Взгляд, если сказать жестче, Миклухо-Маклая на папуасов. Неслучайно «крестьянским демократом» называли Некрасова, а не Тургенева. Многие стихи Некрасова — в духе тургеневских охотничьих записок, но в основном он писал как бы изнутри крестьянской психеи: «Мороз Красный Нос», «Кому на Руси жить хорошо», «Коробейники» и т.д. С прочувствованной фольклорной интонацией:

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина.
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож,
Сошлись — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Достоевский в 26 лет, Рисунок К. Трутовского, итальянский карандаш, бумага, (1847), (ГЛМ)

Н.А. Некрасов и И.И. Панаев у больного В.Г. Белинского художник А. Наумов, (картина создана в 1881)

22 декабря 1849 (3 января 1850 года) на Семёновском плацу петрашевцам был прочитан приговор о «смертной казни расстрелянием». «Обряд казни на Семёновском плацу», рисунок Б. Покровского, 1849 год

«Откровение» Достоевского было страшнее. Напомню, что Христа распяли с разбойниками. Потом политические и уголовные шли по разным линиям. И вдруг петрашевцев, политических, соединили на каторге с уголовниками. Это была выдумка Николая Первого, столетие спустя подхваченная Сталиным. Такая вот амальгама. Достоевский там увидел не народ из «Записок охотника», народ грубоватый, но вполне вписывающийся в цивилизованный ряд, окружающий барина, только этажом ниже. Народ у Достоевского — реальный и страшный, барин для него сущностный враг. Чтобы не сойти с ума, Достоевский искал человека в человеческой особи. Это иной духовный опыт, чем у Некрасова, тем более у Тургенева. «Не испытал, нельзя судить о некоторых вещах. Скажу одно: что нравственные лишения тяжелее всех мук физических. Простолюдин, идущий в каторгу, приходит в свое общество, даже, может быть, еще в более развитое. Он потерял, конечно, много — родину, семью, всё, но среда его остается та же. Человек образованный, подвергающийся по законам одинаковому наказанию с простолюдином, теряет часто несравненно больше его. Он должен задавить в себе все свои потребности, все привычки; перейти в среду для него недостаточную, должен приучиться дышать не тем воздухом... Это — рыба, вытасенная из воды на песок... И часто для всех одинаковое

по закону наказание обращается для него в десятикратное мучительнейшее. Это истина... даже если дело касалось одних материальных привычек, которыми надо пожертвовать»⁴. Но Достоевский, как и Некрасов, был человек невероятной силы, он все выдержал и не сломался.

Некрасов не забывал своих друзей, потерпевших крушение, попавших в «мертвый дом». Удивительно, как в поэме о каторге «Несчастные» (1855), под именем Крот Некрасов вывел скорее всего Достоевского, которого еще не вернули из Сибири (интеллектуал среди уголовников). Слова Крота — это озвученная позиция великого писателя:

Меж нами был один: его
Не полюбили мы сначала —
Не говорил он ничего,
Работал медленно и мало.

Кряхтя, копается весь день,
Как крот, — мы так его и звали, —
А толку нет: не то чтоб лень,
Да силы скоро изменяли.

Он говорил: «Во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,

Что есть грядущее у ней.
Она не знает середины —
Черна — куда ни погляди!
Но не проел до сердцевины
Ее порок. В ее груди
Бежит поток живой и чистый
Еще немых народных сил:
Так под корой Сибири льдистой
Золотоносных много жил».

При слове «Русь», бывало, встанет —
Он помнил, он любил ее,
Заговоривши про нее —
До поздней ночи не устанет

Тургенев высокомерно писал, что поэзия в стихах Некрасова даже не ночевала, Достоевский находился с поэтом в постоянном творческом контакте. В гениальной повести «Записки из подполья» (1864), которая считается увертюрой к его великому пятикнижию, эпиграфом ко второй части он берет стихотворение Некрасова «Когда из мрака заблужденья...». А некрасовского «Власа» Достоевский делает предметом своего разбора в одной из глав «Дневника писателя» за 1873 г. Это любопытный анализ. Некрасов изображает богатого мужика Власа, мироеда, не знавшего никакой жалости. И вдруг грянул гром, тяжелая болезнь переменяла его. Очень фольклорная тема (вспомним Кудеяра-разбойника), да и в жизни такое случалось (к примеру, история Константина Леонтьева).

В армяке с открытым воротом
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.
На груди икона медная:
Просит он на божий храм, —
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;
Да с железным наконешником
Палка длинная в руке...
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике
Бога не было; побоями
В гроб жену свою вогнал;

Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал;
У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет!
Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кашеем-мужиком;
Нрава был крутого, строгого...
Наконец и грянул гром!

...
Роздал Влас свое имение
Сам остался бос и гол
И собирать на построение
Храма божьего пошел.
С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет.

Именно этот сюжет использовал Достоевский в предпоследнем своем романе из великого пятикнижия, в романе «Подросток». Так что творческий контакт двух литераторов не прерывался. И Некрасов все время помнил о писателе, которого он ввел в большую литературу. А каторга прибавила новые смыслы в его судьбу.

Вот слова Достоевского о Некрасове: «Когда я воротился с каторги, он указал мне на одно свое стихотворение в книге его: «Это я об вас тогда написал», — сказал мне. А прожили мы всю жизнь врознь. На страдальческой своей постели он вспоминает теперь отживших друзей:

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвою злобы, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

Тяжело здесь слово это: *укоризненно*. Пребыли ли мы «верны», пребыли ли? Всяк пусть решает на свой суд и совесть»⁵.

* * *

И что чрезвычайно важно, поэт, может, и не шел в достоевскую глубину, но был широк,

всю жизнь поддерживая все талантливое. Он вывел на литературное поприще не только Достоевского, но и Толстого и Чернышевского. Он опубликовал первую повесть Толстого (псевдоним ЛНТ) «Детство» под названием «История моего детства». Отсюда началась слава великого писателя. А Чернышевского, «мальчишку», по определению противников, сделал своим соредктором, совладельцем журнала.

Уже на каторге Чернышевский писал купцу К.Т. Солдатёнку, человеку, рискнувшему в свое время издать собрание сочинений полузапретного Белинского и отдавшему половину дохода от издания жившей в бедности вдове критика: «Некрасов — мой благодетель. Только благодаря его великому уму, высокому благородству души и бестрепетной твердости характера я имел возможность писать, как я писал. Я хорошо служил своей родине и имею право на признательность ее; но все мои заслуги перед нею — его заслуги»⁶. Более того, поскольку писатели-дворяне (надо сказать, великие — Толстой, Тургенев, Гончаров, Дружинин) желали выгнать из журнала Чернышевского-семинариста, которого называли «клоповоняющим господином», Некрасов в 1958 г. резко обозначил свою неуступчивость ярославца (ярославские мужики считались самыми крутыми в России), расторгнув в 1858 г. соглашение со знаменитыми писателями. Отныне лидером, идеологом «Современника» стал Чернышевский.

Надо добавить, что у Достоевского возник контакт именно с новым лидером журнала и совершенно не сложились отношения с Тургеневым, которого он презирал как человека и общественного деятеля. Да и с Толстым он тоже расходился, особенно в период Балканской войны. Стоит привести фразу Достоевского о его видении Чернышевского в контексте неприятия этого разночинца литераторами-дворянами: «Герцен мне говорил, что Чернышевский произвел на него неприятное впечатление, то есть наружностью, манерою. Мне наружность и манера Чернышевского нравились»⁷.

А Некрасов, из уважения к Чернышевскому, пообещал, что ко дню ангела его жены Ольги Сократовны он напишет стихотворение, где изобразит свои ощущения красоты Ярославской губернии (записка с обещанием от 14 мая 1861 г. сохранилась), так написаны были «Крестьянские дети».

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.

Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи.

Роман «Что делать?», написанный в Петропавловской крепости, Некрасов, хоть и опасался, но все же напечатал у себя («Современник», 1863). После запрещения «Современника» (1866) Некрасов приобретает права на издание «Отечественных записок», журнала, потерявшего практически всех подписчиков. И делает его снова ведущим органом русской интеллигенции. Цензура, правда, считала, что журнал слишком оппозиционный. Но не трогала. Некрасов что-то опубликовать там не мог, но писал. Скажем, выдал каторжанину Чернышевскому высшую оценку. Что бы ни говорили о революционерах-демократах, но точка отсчета у Некрасова, как и у Достоевского, была одна — Христос. Назвав Чернышевского пророком, он вложил в свое стихотворение вполне евангельский смысл.

ПРОРОК

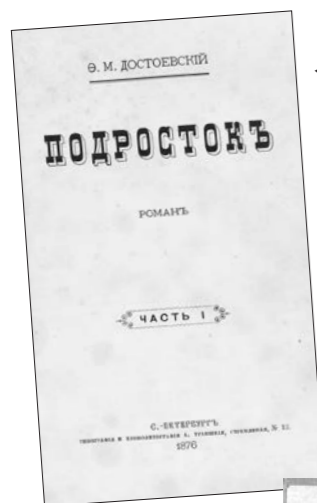
Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенной и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

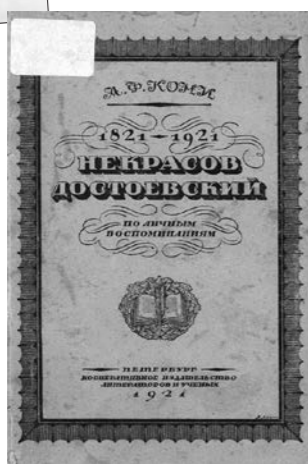
Н.Г. Чернышевский.
Фотография В.Я. Лауфферта. 1859 год

Два кресла в редакции
«Современника», слева Некрасова,
справа — Чернышевского

Роман Ф. Достоевского
«Подрастокъ».

Анатолий Федорович Кони
«1821-1921. Некрасов.
Достоевский: по личным
воспоминаниям»
/ А. Ф. Кони. — Петербург:
Кооперативное издатель-
ство литераторов и ученых,
1921. — 81 с. : ил.

Так мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь ему нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.
(Август 1874)

В середине 70-х Некрасов вдруг приглашает Достоевского, своего журнального оппонента, которого сотрудники «Отечественных записок» на дух не переносили, в свой журнал. И предлагает ему гонорар много выше, чем платил Катков: Некрасов предложил 250 рублей за лист, тогда как Катков платил только 150 рублей. Это был 1874 г. Достоевский немного растерялся, все же они были журнальными противниками, но по совету жены Анны Григорьевны, согласился представить роман в следующем году. Это был роман «Подрасток».

Начал он текст, как будто это не художественное произведение, а и в самом деле «записки юноши», записки, выдернутые из гущи жизни: «Не утерпев, я сел записывать эту историю моих первых шагов на жизненном поприще, тогда как мог бы обойтись и без того. Одно знаю наверно: никогда уже более не сяду писать мою автобиографию, даже если проживу до ста лет. Надо быть слишком подло влюбленным в себя, чтобы писать без стыда о самом себе. Тем только себя извиняю, что не для того пишу, для чего все пишут, то есть не для похвал читателя. Если я вдруг вздумал записать слово в слово всё, что случилось со мной с прошлого года, то вздумал это вследствие внутренней потребности: до того я поражен всем совершившимся»⁸.

Роман получился огромный. Там поднято много тем, мучавших Достоевского — прежде всего, куда пойдет молодежь, кто ее духоводители. Две фигуры очевидны. Это реальный отец, барин Версиров, и бывший дворовый Версирова Макар Долгорукий, официальный отец

Подростка. Главная цель героя-рассказчика, подростка Аркадия Макаровича Долгорукого — разбраться, кто таков его настоящий отец, Андрей Петрович Версиров, начинавший свою жизнь с принятия идеалов, усвоенных из «Антон-Горемыки» и «Полиньки Сакс». Подросток почти в первых строках сообщает: «...этот человек, столь поразивший меня с самого детства, имевший такое капитальное влияние на склад всей души моей и даже, может быть, еще надолго заразивший собою всё мое будущее»⁹. Что касается его юридического отца, которого наша идеологическая критика называет идеальным человеком, подлинным выразителем православного народа и главным смысловым героем романа, то он практически не интересуется Аркадием, и тот носит именно его фамилию. Но уж слишком несимпатично выглядел в глазах Подростка отказ законного мужа от жены в пользу Версирова: «Версиров, выкупив мою мать у Макара Иванова (курсив мой. — В. К.), вскорости уехал и с тех пор, как я уже и прописал выше, стал ее таскать за собою почти повсюду». Макар не действует, а произносит значительно благоглупости. Макар скорее всего импотент. Он не мог быть реальным мужем Софьи. Первый ее ребенок, как мы знаем, — Аркадий — сын Версирова.

Ситуация, почти взятая из жизни, ведь свою будущую законную жену Николай Алексеевич Некрасов выиграл в карты у купца Лыткина. Словно из поэмы Лермонтова «Тамбовская казначейша», где казначей проигрывает улану свою жену. Поэту было 48 лет, Фёкле Анисимовне, Феклуше — около 19. По разным сведениям, она была не то дочерью солдатского барабанщика, не то военного писаря, а ее мать была прачкой. Подержав ее некоторое время на съемной квартире, как содержанку, Некрасов перевез ее к себе, дав ей другое имя — Зинаида. И в романе мать Аркадия Долгорукого была женой дворового человека, которую барин Версиров не выиграл, разумеется, но отобрал у слуги.

У Некрасова, несмотря на тяжелую юность, было немало женщин, как и положено поэту, тем более дворянину. Светские (Панаева), фран-

цузенка Селина Лефрен и последняя, ставшая смыслом и опорой его жизни — Фёкла Викторовна, (Зинаида), которой он дал свое отчество, а за несколько месяцев до смерти обвенчался с ней, дав свою фамилию, чтобы оставить ее юридически защищенной. И надо сказать, что у русского Пигмалиона получилась чудесная Галатея, умная, преданная, заботливая. Она выучилась французскому, была первой слушательницей его стихов.

Надо сказать, что «Подросток», один из лучших романов Достоевского, поразивший Европу, в России поначалу практически не прочитанный. Писатель нервничал, как бы в «Отечественных записках» не потребовали от него изменений в романе в духе их направления. Хотя там были и аллюзии на судьбу самого главного редактора. Скажем, тема Некрасова о приобретении миллиона стала одной из важнейших в романе. «Миллион — вот демон Некрасова! Что ж, он любил так золото, роскошь, наслаждения и, чтобы иметь их, пускался в «практичности»? Нет, скорее это был другого характера демон; это был самый мрачный и унижительный бес. Это был демон гордости, жажды самообеспечения, потребности оградиться от людей твердой стеной и независимо, спокойно смотреть на их злость, на их угрозы. Я думаю, этот демон присосался еще к сердцу ребенка, ребенка пятнадцати лет, очутившегося на петербургской мостовой, почти бежавшего от отца»¹⁰. Именно этот демон терзает душу юного героя романа Аркадия Долгорукого. Роман написан от первого лица, и герой ясно высказывает свое кредо: «Моя идея — это статья Ротшильдом. Я приглашаю читателя к спокойствию и к серьезности. Я повторяю: моя идея — это статья Ротшильдом, статья так же богатым, как Ротшильд; не просто богатым, а именно как Ротшильд»¹¹ («Подросток»). В сущности, перед нами «роман воспитания». И ясно, что отдаленный прототип Аркадия — это Некрасов с его бесприютной юностью, желанием стать сильным и независимым, а также он и прототип родного отца Подростка, барина Версирова.

У Достоевского намек на смысл образа часто дает фамилия героя. Т. Касаткина ищет смысл ее в латинском слове *verso* (лат.), т.е. катить, катать; кружить, вращать; вертеть, поворачивать; метаться от одного решения к другому¹². Но, кажется, вряд ли Достоевский стал бы искать в латыни некие слова для выражения метафоричности героя (латынь не была его языком, это язык юных нигилистов), естественнее в поисках фамилии обратиться к языку, которым он владел свободно, которым говорят его герои (от Верховенского до Версилова) — к французскому. С перевода бальзаковской «Евгении Гранде» он начинал свою литературную карьеру, многие реминисценции романов Бальзака и Гюго очевидны в его творчестве. Тема Парижской коммуны — явная тема его размышлений. На парижской баррикаде погибает Рудин, герой Тургенева, с которым у Достоевского шло внутреннее соперничество. Герои его романов — люди 40 — 50-х годов — постоянно вставляют французские словечки, одного из всеми признанных прототипов Версилова — Герцена — он называет по-французски «*gentilhomme russe et citoyen du monde*». По-французски писал свои историко-философские статьи Тютчев. Версильов вспоминает в ключевом идеологическом эпизоде картину Клода Лоррена, французского художника, так что все ведет нас к поиску французского корня фамилии героя. *Vers* (франц.) — 1) стих 2) стихи, поэзия; *faire des vers* — сочинять, писать стихи; *mettre en vers* — облечь в стихотворную форму. И этот смысловой корень фамилии весьма подходит герою. Версильов — поэт, мечтатель, рассказ о золотом веке по картине Клода Лоррена он заканчивает стихотворением Гейне, немецкого поэта, значительную часть жизни прожившего во Франции. Николай Семенович, резонер романа, пытается подвести итоги исповеди подростка, замечает о Версильове пронищательно: «Он истинный поэт и любит Россию, но зато и отрицает ее вполне»¹³. Эта характеристика вполне подходит поэту Некрасову. В 1852 г. Некрасов написал программное стихотворение «Блажен незлобивый поэт», оно как бы мотиви-

ровано смертью Гоголя, но оказалось кредо самого поэта.

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.
Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающей лирой.
Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.
И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья.

Последние годы Некрасов очень тяжело болел, его реальной жизненной опорой была его Галатея, Зинаида Николаевна, сохранившая верность поэту и его памяти до самой своей смерти. Она выполняла функцию сиделки, медсестры, нянечки и бесконечной слушательницы его новых стихов. Он писал ей стихи (Зине. «Двести уж дней...»):

Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днем
В сердце твоём
Стоны мои отзываются,
Двести уж дней
Двести ночей!
Темные зимние дни,
Ясные зимние ночи...
З<и>на! закрой утомленные очи!
З<и>на! усни!
1876

Как водится, перед смертью пошли клеветы, и тогда очень резко в защиту Некрасова выступил в своем «Дневнике писателя» (за 1877 г.) Достоевский: «Некрасов есть русский истори-

Любимые женщины Некрасова (слева направо):
Авдотья Панаева, Селина Лефрен
и Зинаида Николаевна Некрасова
(Фёкла Анисимовна Викторова)

И.Н. Крамской. Н.А. Некрасов
в период «Последних песен».
1877–1878 годы

ческий тип, один из крупных примеров того, до каких противоречий и до каких раздвоений, в области нравственной и в области убеждений, может доходить русский человек в наше печальное, переходное время. Но этот человек остался в нашем сердце. Порывы любви этого поэта так часто были искренни, чисты и простосердечны! Стремление же его к народу столь высоко, что ставит его как поэта на высшее место. Что же до человека, до гражданина, то, опять-таки, любовью к народу и страданием по нем он оправдал себя сам и многое искупил, если и действительно было что искупить...»¹⁴.

Достоевский пережил Некрасова на три года, успел произнести речь на его похоронах. Там и выстроил ряд: Пушкин — Лермонтов — Некрасов.

Да, это и в самом деле были сильные люди! Два юбиляра-современника, два великих русских писателя. Такие люди и создавали русскую литературу, творя тем самым Россию.

* Публикуется в сокращении, полная версия опубликована в журнале «Философические письма. Русско-европейский диалог», №3, 2021

Примечания

- 1 Кони А.Ф. 1821-1921. Некрасов. Достоевский. По личным воспоминаниям. Пб.: Кооперативное издательство литераторов и ученых. 1921. С. 47.
- 2 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. С. 29.
- 3 Там же. С. 48.
- 4 Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 4.: Л.: Наука, 1972. С. 55.
- 5 Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1877 // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. С. 31.
- 6 Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.: ГИХЛ, 1939–1953. Т. XV. С. 703.
- 7 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 21. Л.: Наука, 1980. С. 25.*
- 8 Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 13. Л.: Наука, 1975. С. 5.
- 9 Там же. С. 6.
- 10 Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1877 // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 122.
- 11 Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 13. Л.: Наука, 1975. С. 66.
- 12 См. Касаткина Т. А. Образы и образа. «Подросток» // Касаткина Т. А. О творческой природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле слова». М.: ИМЛИ РАН, 2004.
- 13 Достоевский Ф.М. Подросток. С. 452.
- 14 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 126

© Текст: Владимир Кантор

Форум «СЛОВОНОВО» — ожидание на берегу

ЕКАТЕРИНА ШЕРГА

Есть много фантастических фильмов про космических путешественников, нечаянно сквозь некий портал попавших туда, где время остановилось или где его просто уже больше не существует. Еще есть старый анекдот про сорвавшегося в пропасть альпиниста, у которого друзья спрашивают: «Ты цел?» — «Цел!» — «Руки-ноги не сломал?» — «Нет!» — «Тогда поднимайся к нам!» — «Не могу. я все еще лечу!»

Кажется, что все мы сейчас провалились в какую-то временную прореху, оказались в ситуации, когда история прекратила течение свое. Есть лишь четкое ощущение, что мы по-прежнему куда-то летим, но рано или поздно плюхнемся уже в новую реальность, и приземление окажется очень жестким. Участники очередного, четвертого форума «СловоНово» очень много размышляли о том, какой будет постковидный мир, который все не наступит, потому что продолжается ковидный, мы застряли в нем, как муха в варенье и никак не можем выбраться. (Форум начался с того, что из-за карантинных ограничений в полном составе не смогла прибыть делегация из Великобритании, а закончился информацией

о рекордном росте заболеваемости в России). Лучше всего это вязкое ощущение остановившегося времени сформулировала журналист и режиссер Юлия Вишневецкая. Она заметила, что жизнь людей в период переломных моментов истории состоит большей частью именно из унылого, томительного ожидания. «Что мы сейчас делаем? Ждем. Что делали люди во время Первой Мировой войны, во время революции 1917 года? Скорее всего они ждали. И это на самом деле очень скучно — ждать. Именно эта скука нам напоминает, что мы живем в историческое время больших перемен, которые неизвестно к чему приведут». Высказывание, которое сразу вызывает в памяти столетней давности фразу, произнесенную, кажется, Зинаидой Гиппиус о том, что самое скучное занятие на свете — жить во время революции.

Юлия Вишневецкая поделилась своим наблюдением во время круглого стола, названного «Пандемия во время жизни», где шла речь о том, как коронавирус изменил наше повседневное существование, и насколько драматичны эти изменения. Особенно много рассуждали о переходе учебы и работы в онлайн-режим

© Застытие форума «СловоНово». Фото: Т.Шергина

© Александр Дельфинов и Всеволод Емелин.
Фото: А. Тягны-Рядно

и о том, насколько такой образ жизни сохранится после того, как эпидемия все-таки схлынет. Многие из выступавших были настроены довольно оптимистично и на основании своего опыта объясняли, что жить, проводя большую часть времени в собственной комнате, вполне можно. В этом есть даже свои плюсы — меньше суеты, остаётся время подумать, поразмышлять. Но одним из последних высказался Андрей Бильжо, художник, писатель и психиатр. Обычно остроумный, на этот раз он вовсе не был расположен веселить публику. Он объяснил, что все собравшиеся здесь — творческие люди, которым естественно находить удовольствие от погружения в собственный внутренний мир. Но у обыкновенного, среднестатистического человека, при переходе работы в онлайн-режим его дом превращается, по сути, в тюрьму. «Раньше он утром вставал, шел на работу, вечером приходил, ужинал, брал пиво, смотрел футбол. И вдруг ничего этого нет. Привычный круг общения распался, с женой или мужем разговаривать, выясняется, не о чем. В соседней комнате ребенок сидит в интернете. Утром он сидел в на уроках, вечером он играет. И таких людей тьма, просто масса. И что с ними будет происходить, я не знаю», — добавил Андрей Бильжо. В данном случае он как врач ставил диагноз, но не давал никаких лекарств и рецептов.

Неожиданным было выступление Виталия Манского, посвященное кинофестивалям эпохи пандемии. Казалось бы, в этой сфере отказ от режима офлайн не должен быть особо травматичным — фильмы прекрасно можно смотреть на собственном компьютере, а от того, что не будет красных дорожек, переполненных залов и очередей за автографами, принципиально ничего не должно измениться. Но по мнению Манского, при этом исчезает сама суть, весь смысл этого мероприятия. Во время последнего международного фестиваля документальных фильмов «Артдокфест», проходившего в Латвии, в период, когда были запрещены любые массовые сборища, вдруг в какой-то момент произошло послабление — у людей появилось право собираться в рамках одного домохозяйства. «И мы провели просмотры в таких “пузырях” — рассказывал Виталий Манский. — Например, мы картину “Гунда” Виктора Косаковского привезли и показали на животноводческой ферме, где живет местный пастор, который усыновил множество детей. Все его семья посмотрела картину на ферме, мы натянули простыню буквально в курятнике. Был показ в женской тюрьме, потому что это тоже одно домохозяйство. Но удивительным образом это работало значительно сильнее, чем если бы мы пробили разрешение и показали в цен-

© Катя Марголис, Томас Венцлова,
Татьяна Щербина. Фото: А. Тягны-Рядно

тральном кинотеатре. Имидж сильнее факта». Манский также рассказал, что многие фестивали пытались в период жестких локдаунов провести хотя бы символические просмотры «вживую». Например, в шведском Гетеборге, где проходит один из самых известных в Северной Европе кинофорумов, объявили всемирный конкурс на вакансию единственного зрителя. Победителя на катере отправили в затерянный в Северном море крошечный островок Патер Ностер, где в здании маяка он смотрел всю программу — примерно 60 фильмов. «И кинематографический мир жил этим событием, это было необходимо», — рассказал Манский и добавил, что хорошо бы все локдауны наконец закончились, и мы бы вернулись в наш живой прекрасный мир. Кроме того он заявил, что свой последний фильм — “Горбачев Рай” он решил показывать только там, где возможна демонстрация офлайн.

Показали его и на «СловоНово». Фильм этот многие оценивают как одну из лучших документальных работ Виталия Манского. Горбачеву — 90 лет. Он еле ходит, тяжело опираясь на ходунки. Но у него, как в таких случаях говорят медики, “сохранный интеллект”, причем очень незаурядный. Михаил Сергеевич до сих пор — фигура таинственная. Мы толком не знаем, к чему он на самом деле

стремился, на что рассчитывал, как представлял будущее страны, какова его подлинная роль в событиях августа 1991 года. Фильм на эти вопросы не дает ответов, но зато мы начинаем лучше представлять себе первого и последнего Президента СССР. Это человек лукавый как дьявол и хитрый как змей, и очень понятно, почему он так быстро смог сделать такую карьеру — от ставропольского помощника комбайнера до Генерального секретаря ЦК КПСС. При этом он sentimentalный и добрый — сочетание почти неправдоподобное.

Еще один очень яркий документальный фильм из показанных на форуме — “Катя и Вася идут в школу”, первая полнометражная работа уже упоминавшейся Юлии Вишневецкой. Двое молодых москвичей идут работать в провинциальную школу, это благое намерение приводит их в настоящий ад. Место действия — не сибирская тайга, а небольшой городок в полутора часах от столицы, многие москвичи ездят туда на дачу или за грибами. Тем не менее Катя и Вася оказываются в совершенно другом мире, который отказывается их принимать. Камера внимательно следит за всеми стадиями их неудачного начинания. Когда они рассказывают старшеклассникам, почти своим ровесникам, про толерантность или читают Гумилева, те равнодушно смотрят в телефоны.

© Бахыт Кенжеев. Фото: А. Тягны-Рядно

На те же телефоны школьники охотно фотографируются с Катей и Васей, когда они навсегда покидают школу — Катя уходит сама, Васю увольняют. Никакой трагедии, в общем, не происходит. Неудавшиеся учителя находят себе новую работу, не связанную с педагогикой. Их ученики теперь — кто-то в институте, большинство — в ПТУ. И все равно не оставляет чувство досады от того, что эти две России не только не могут услышать и понять друг друга, но даже не в состоянии найти общий язык, на котором можно разговаривать.

Художественный фильм был показан только один, это «MINSK» режиссера Бориса Гуца о событиях в Беларуси, снят он был, как нетрудно догадаться вовсе не в Минске, а в современных кварталах Таллинна. Фильм демонстрирует удивительное мастерство оператора, он был снят одним кадром, без единой монтажной склейки. Что касается сюжета, его можно было бы назвать: «Юля и Паша вышли погулять». Семейная пара, выехавшая по своим делам, оказывается в центре Минска во время разгона демонстрации, их выволакивают из машины, над ними долго и страшно издеваются в тюрьме, Эта лента вызвала очень сильные споры, и у многих — глубокое отторжение. Можно ли показывать подробно и крупным планом, как избивали людей, если их действительно избивали, и это происходило совсем недавно? Кроме того, в какой-то момент все превращается в мелодраму, а реальный Минск, где происходили всем известные события — в некий условный город, где после целого ряда странных, нелогичных, скорее символических, чем реальных событий Паша погибает. С одной стороны, авторы хотя показать, что любовь, смерть, насилие существуют везде и всегда. Но из-за этого теряется ощущение исключительности именно белорусской трагедии, которая, как и эпидемия ковида, все длится и никак не хочет заканчиваться.

© Виталий Комар. Фото: А. Тягны-Рядно

Каждый день на форуме начинался с открытия новых художественных выставок. В первый же

день были показаны картины из знаменитой серии «Ностальгический соцреализм» Виталия Комара и Александра Меламида с музами, спустившимися с небес, чтобы принести свои дары Сталину. Кроме того, можно было увидеть работы Андрея Бильжо, Кати Марголис, Дмитрия Цветкова и других современных художников. По вечерам на пляже выступали Андрей Макаревич, Псой Короленко, Орлуша, а также Герберт Моралес с ансамблем Jah Division, демонстрировавший удивительный образец русского регги.

День был отдан круглым столам, дискуссиям, а также стихам. Марату Гельману*, создателю и арт-директору форума, удалось собрать исключительно сильную команду поэтов. Выступления Сергея Гандлевского, Бахыта Кенжеева, Татьяны Щербины, Дмитрия Веденяпина, Всеволода Емелина, Федора Сваровского — их выступления стали доказательством того, что российская поэзия не только жива, но и переживает, пожалуй, период расцвета.

Очень много говорилось о том, что будет дальше с поэзией, прозой, наукой, политикой, журналистикой — да и вообще со всем на свете. Все сейчас меняется. Все зыбко и непонятно. Неизвестно, какие институции выживут, какие исчезнут. Дальше будет то ли лучше (но с чего бы?), то ли хуже (но как именно?).

Поэты, культрегеры, издатели, публичные интеллектуалы, политологи, художники пытались если не предсказать с определенностью, каким будет этот мир, то хотя бы попытаться угадать его контуры.

Дмитрий Зимин, бизнесмен, основатель фонда «Династия» на вопрос, что будет дальше с учрежденной им премией «Просветитель», спокойно ответил: «Наверное, то же, что и с человеческим любопытством. Процветать, расширяться. Это совершенно неизбежно. Важнейшая функция, которая позволила че-

ловеку стать человеком — любопытство.» Выступавший в последний день Лев Рубинштейн поделился прекрасной историей, начав ее с рассуждений о том, что большинство художников либо опережают свое время, либо, наоборот, от своего времени фатально отстают. Дальше он рассказал, как в середине семидесятых ему из США доставили пластинку знаменитого музыкального авангардиста Джона Кейджа, где на протяжении сорокаминутного гробового молчания через равные промежутки времени хорошо поставленный голос четко произносил: «This is the music by John Cage». После этого Лев Семенович напомнил, как в конце 50-х годов была популярна «музыка на костях». самопальные музыкальные записи на рентгеновских пленках. «Мой брат тогда купил Элвиса Пресли, ставит пластинку, и начинается характерное шипение, которое вовсе даже не собирается перерасти в музыку. После этого вдруг пластинка с мерзкой интонацией, с приклатненной оттяжкой произносит: «Вам музыки? А х.. вам вместо музыки». И все! Вот вам и Джон Кейдж! И хотя автор этой реплики вряд ли ставил перед собой какие-либо художественные задачи, это было, конечно же, искусство. Но искусство, трагически не понятое современниками, ибо слишком уж обогнало свою эпоху».

История эта, рассказанная прекрасным тёплым вечером на фоне средиземноморского заката, была призвана не только всех развеселить в наше сложное время, но и напомнить, что нам неизвестно какие формы примет будущая культура и из какого сора вырастет. Как будут жить люди лет через пятнадцать, невозможно себе даже представить. (То есть представить как раз возможно, но это с большой вероятностью, окажется ложью). Но не может быть такого, чтобы ничего не было.

* На территории России признан иностранным агентом.

© Текст: Екатерина Шерга

МЫ ДОЖИВЕМ ДО КАКОЙ-ТО ДРУГОЙ ЭПОХИ.

Всё будет хорошо

(интервью с Д. Кузьминым)

ЛАРИСА МАКСИМОВА

С известным поэтом, литературным критиком и главным редактором издательства «АРГО-РИСК» и поэтического журнала «Воздух» Дмитрием Кузьминым мы встретились на международном форуме русской культуры в Европе «СловоНово» — фестивале, который уже несколько лет проводит в городе Будва известный деятель русского искусства Марат Гельман [на территории России признан иностранным агентом]. Дмитрий приехал в Черногорию из Латвии, куда эмигрировал семь лет назад, заявив о своем резком неприятии политического курса России. Дмитрий прочитал на форуме блестящую лекцию о путях развития современной русской поэзии, и на вопрос, что будет дальше, ответил:

Я недавно прочитала в сборнике современной поэзии — изданном официально, в красивой обложке — вот такие стихи:

*«в начале было слово, и слово было слов-це
и слово у-пало
потом было я-це, яце ходило по яце, за яце
и яце укрывалось.*

*потом возникло ты-це, ты-це не казалось хорошим
но таким не было*

*для кого-то ты-це было я це
но так и так: они пинались»*

Там есть и другие стихи современных авторов, прежде всего молодых. И все они непонятные, труднопроизносимые, заумные и, на мой взгляд, совершенно бессмысленные. Такой набор слов. Современная поэзия — и есть вот это?

— Ну, ничего уж такого страшного вы не процитировали, по сравнению с Хлебниковым это заумь довольно-таки лайтовая: и библейская основа понятна, и дальнейшие отсылки к детской загадке, к Шалтаю-Болтаю... В целом же нас с авторами непонятных и труднопроизносимых стихов рассудит сама история. Ведь не было в истории такой эпохи, когда современники не говорили

бы, что современная поэзия или искусство — это что-то ужасное, не имеющее никакого отношения к выдающимся образцам, оставленным нам в наследие предками. Вот писал себе Александр Сергеевич Пушкин, а ведь многие его читатели считали, что он пишет какую-то ужасную чепуху, позоря славное имя русской поэзии, как она была создана, скажем, Державиным. Причем не какие-нибудь торговцы рыбой это говорили, а, например, такой замечательный человек Михаил Каченовский. Он был профессором Московского университета и одним из крупнейших критиков двадцатых годов девятнадцатого века. Когда Пушкин презентовал поэму «Руслан и Людмила», то профессор Каченовский написал, что это кошмар, разложение, набор слов. У вас вызывает отвращение какое-то ныне написанное стихотворение? Это нормально. Прошло двести лет, ничего не изменилось. Так что не волнуйтесь, с современной поэзией все в порядке.

Как же в порядке? Проблем масса. Ну, для начала непонятно куда и как она развивается. Вот, я как себе представляю эволюцию поэзии: Жуковский — Пушкин — Блок и Серебряный век — Маяковский, Хармс, ОБЕРИУТЫ... Новые формы, ритмы, поиск другой гармонии, другого смысла. А потом — хлоп — и все обрывается. Поэтов хороших вроде было много, но все они как будто топчутся на месте.

— Ну что вы, и после Хармса все было в порядке. Но проблема в том, что советская власть не хотела, чтобы все было в порядке: она хотела законсервировать правила игры, принятые в XIX веке. Распространялось это на все виды искусства. Что такое сталинский ампи́р, например? Это архитектура XX века, прикидывающаяся архитектурой XIX века. Прикидывается она не всегда точно, но очень старается делать вид, что за сто лет ничего не изменилось. Вот и советская официальная поэзия была устроена таким же образом: в сороковые-пятидесятые она

очень старалась делать вид, что ничего не произошло за сто лет и мы так и живем во времена Николая Некрасова. В шестидесятые-семидесятые — что ничего не произошло за полвека и мы живем во времена Маяковского. Вот эти два концепта настоящего как вечно длящегося прошлого конкурировали в официальной печати.

Но ведь была еще и неофициальная, неподцензурная поэзия, поэзия самиздата — развивавшаяся с того момента, как за стихи перестали расстреливать и отправлять в ГУЛАГ, то есть с середины пятидесятых. И все в ней было прекрасно и отлично. Кроме того, что ее никто не читал, потому что негде было: книжки и журналы выходили тиражами от пяти до сорока экземпляров, на печатной машинке. Вот в этом мире независимой поэзии позднесоветского времени сформировалось два десятка выдающихся русских поэтов этого времени. Из них широкий читатель по известным причинам знает только Бродского. Но он был не какой-то чёртик из табакерки, непонятно откуда взявшийся. Он был плоть от плоти вот этой обширной и разноприродной поэтической среды, из которой сегодня уже мало кто здравствует — но до сих пор с нами один из величайших русских поэтов этого поколения Михаил Ерёмин (в Петербурге) и близкий друг самого Бродского Евгений Рейн в Москве. А вслед за ними пришло еще несколько поколений, которые до конца восьмидесятых естественно, ни строчки своей в печати не видели. А когда они получили, наконец, возможность публиковаться, после 1987 года, случилась другая неприятность: поэзию перестали как следует издавать. Структура культурного потребления изменилась, люди кинулись читать, что попроще, издательства в погоне за коммерческим успехом переключились на печатную продукцию другого рода. И что оказалось? Поэзия существует, прекрасно развивается и даже издается. Но тиражами в пятьсот экземпляров. Для самого литературного сообщества это нормально. Потому что кому надо — всё читают, друг за другом следят, встречаются и так далее. А широкий

читатель этого не видит, не знает, не замечает. Ему негде это всё взять. То есть проблема у нас не с поэтами и поэзией, а с логистикой и менеджментом. Ну, и с образованием.

Вот это как раз и есть проблема номер два, о которой я хотела спросить. Молодому поэту ведь напечататься невозможно. У него просто нет шансов подержать в руках изданную книгу. А у тех, кто хотел бы почитать молодых поэтов, нет шансов эту книгу купить.

— Ну, не то чтобы прямо уж совсем невозможно. Но возможностей куда меньше, чем хотелось бы, потому что поэзией — и особенно молодой поэзией, на которой точно не сделаешь денег, — согласны заниматься только небольшие издательства, не ищущие прибыли. А книжный рынок в России к малому предпринимательству крайне недоброжелателен, поскольку практически монополично контролируется одним гигантом — издательством «Эксмо». Но и в любой стране на издании поэзии особо не заработаешь — разница в том, что в более развитых странах сформировались культурные механизмы, которые позволяют это обойти. Важнейший такой механизм — это связка между современным искусством (любим, не только поэзией) — и высшим образованием. Эта связка закладывает основу публичного потребления искусства: люди выносят из университета представление о том, что происходит сегодня в искусстве. Потому что там это преподают — именно сегодняшней день искусства и культуры, и преподают не какие-то сторонние люди, а сами представители профессионального сообщества поэтов или художников, то есть те, кто лучше всего в этом ориентируется. Постсоветское высшее образование такого не знает: российский университет бежит от современной литературы, филологи советской выучки чувствуют себя уверенно только при разговоре о достаточно давнем прошлом.

Так что же делать поэтам? И тем, кто хотел бы их читать?

— Для того, чтобы радикально изменить сложившуюся ситуацию, нужны сравнительно крупные деньги и некоторая, я бы сказал, политическая воля (в частности, в реформировании образовательной системы, которая, как мы понимаем, в России сегодня на 99% государственная). Но в рамках того, что есть, — поэты вполне могут прожить. Просто надо отдавать себе отчёт в том, что эта система работает в довольно узкой аудитории. Досадно, что главные поэтические издания многомиллионного народа выходят тиражом от 300 до 1000 экземпляров, — но на уровень профессионального отбора это не влияет. Кроме того, есть Интернет — и сколько бы в нём ни водилось всякого мусора, всяких сайтов со свободной публикацией, наряду с этим есть онлайн-издания, чей профессиональный уровень ничем не отличается от основных бумажных журналов. И вот туда уже можно отослать и тех, кто хочет читать и следить. Тем более, что есть специальные проекты, призванные именно облегчить ориентацию в достаточно обширном и сложном мире современной русской поэзии. Вот, например, очень престижная премия «Поэзия», она действует уже третий год, ею руководит замечательный поэт и отличный организатор Виталий Пуханов. Эта премия интересна тем, что награждается не книга стихов, как обычно, а одно стихотворение. Это очень удобно для читателей: каждый год квалифицированные эксперты отбирают сто самых интересных стихотворений из числа опубликованных в предыдущем году. Плюс ещё пятнадцать стихотворных переводов и десять статей о поэзии. Получается фактически антология, она публикуется на сайте премии. Для поэтов это важная оценка, а для читателей — возможность достаточно быстро охватить взглядом всё главное, что происходит сегодня в поэзии (разумеется, совсем не имеется в виду, что каждому читателю все эти сто стихотворений должны понравиться).

ся!). Но самое поразительное, что победителю дают деньги, довольно внушительную сумму.

Уж извините меня, но это какой-то поэтический междусобойчик. Пусть даже на самом высоком литературном уровне. Ведь раньше люди собирались на стадионы, чтобы послушать Вознесенского, Евтушенко или Рождественского. Почему сейчас не так?

— Вознесенский, Евтушенко и Рождественский собирали стадионы в очень своеобразной стране, где не существовало свободной прессы, выборной политики, церкви наконец. Поэты играли все роли сразу: депутатов, попов, репортеров, публицистов. Большинство людей на этих стадионах охотно употребили бы вместо стихов Евтушенко проповедь, газетную передовицу или предвыборный партийный манифест. Но у них ничего этого не было — давали только стихи.

А сегодня, как я понимаю, так же употребляют Быкова и Орлушу.

— Ну, в общем, да: масштаб другой, но явление то же — прикладная поэзия. В своём роде довольно виртуозная, кстати. Только надо понимать, что прикладная она не потому, что про политику. А потому, что в ней читателям рассказывают, в том числе и про политику, то, что читателям и так уже известно. Так работает массовое искусство: оно даёт читателю, зрителю, слушателю то, чего читатель, зритель, слушатель заранее хочет. В отличие от инновационного, «высокого» искусства, которое ищет возможность узнать и сказать нечто новое.

На фестивале «СловоНово» выступают Лев Рубинштейн, Вера Павлова, Сергей Гандлевский — живые классики. За молодёжь в фестивальной программе Саша Дельфинов, но и он в дни фестиваля отметил пятидесятилетие. А что же действительно молодые, двадцатилет-

ние поэты — какие они? Чего хотят?

Чем отличаются от предшественников?

— Это большая тема, которую я впервые попробовал обобщить в своей фестивальной лекции. Проблема этого разговора в том, что особенности двадцатилетних авторов наиболее рельефно выступают на фоне тридцатилетних, которые широкому читателю тоже неизвестны. Давайте я коротко скажу, что для уже вполне масштабно прозвучавшего в русской поэзии поколения тридцатилетних, сформировавшегося в условиях путинской стабильности, был исключительно важен политический пафос поэтического высказывания. Они как бы перекрыли знаменитый феминистский лозунг конца 1960-х: «Личное — это политическое». Поэтому у лидеров поколения — у Галины Рымбу или у Оксаны Васякиной — в фокусе внимания всегда необходимость обнаружить и произнести какую-то такую слепящую правду, которая сейчас что-то разрушит, какие-то стены взорвет, изменит ход событий. А новое поколение — оно, мне кажется, посткримское, начавшее формироваться после 2014 года, когда стало ясно, что все будет только хуже, что диктатура в России будет только усиливаться. И эти новые молодые ребята — не то чтобы уклоняются от политического высказывания, но оно для них перестало быть главным. Оно из фокуса внимания переходит в фон, постоянно присутствует в стихах, но стихи не про это. То есть они как бы говорят: «Мы знаем, что живем под тяжелым политическим прессом, в условиях авторитарного государства, ненавидящего своих граждан. Ок. С политикой мы ничего сделать не можем. Но как нам в этих условиях делать все остальное? Любить, узнавать мир, что-то менять в жизни...» Это очень серьезная перестройка внимания. С ней, кстати, связаны и изменения в поэтической форме. В предыдущем поколении преобладала свободная форма, верлибр, отказывающийся от рифмы, уходящий от метафоры: главное — попасть в точку! Рассказать про собственную жизнь, свою и только свою (ну, или про чу-

жую — но тоже чью-то конкретно, на пределе драматизма, как в прогремевшей книге Лиды Юсуповой «Приговоры», пересказывающие в стихах материалы российских судебных дел). Такой язык плаката, только очень личностного. А сегодняшние совсем молодые ребята зачастую возвращаются к метафорическому языку и к метрическому стиху. Потому что задачи непосредственного воздействия перед ними не стоит. Они знают, что ничего нельзя сделать, невозможно изменить. И надо понять, как сохранить себя. Как использовать поэзию в качестве ресурса выживания, отвлечения от той угрозы, которую мы не можем преодолеть. В качестве ресурса исследования наших ресурсов. И это новое поколение уже начинает формировать свои институции, выдвигать из своей среды организаторов и кураторов. Вот сейчас появился онлайн-журнал этого нового поколения, он называется «Флаги». Там эти двадцатилетние ребята не только сами себя публикуют, но и приглашают старших авторов по своему выбору. И это важнейший момент эволюции в искусстве: приходит новое поколение и выбирает себе авторитеты.

А можно хоть какие-то имена назвать?

Молодых. И тех, кого они выбрали.

А то мы все как-то вокруг и около.

— Давайте не будем пока торопиться выбирать из молодёжи главных — это очень динамичная ситуация, за пару лет всё может измениться. Всякий желающий может зайти на сайт «Флагов» и посмотреть всю компанию. А вот старших, кого они выбрали авторитетами, отчего бы и не назвать. Это, например, Андрей Тавров или Шамшад Абдуллаев — вполне почтенные и признанные поэты, но на предыдущем этапе остававшиеся несколько в тени, потому что современность интересна им, прежде всего, как материал для глубокого метафизического поиска.

То есть, видите, из моего рассказа в целом вытекает, что внутри профессионального поэтического сообщества всё довольно прилично

но: никакой стагнации, куда-то движется и как-то меняется сама манера письма, вместе с этим возникают новые проекты с новыми идеями... И это с учетом того обстоятельства, что денег нет. Вот я делаю журнал современной поэзии «Воздух». Он внутрицеховой. В каждом номере участвует десятка три авторов со стихами и ещё вдвое больше — с какими-то критическими отзывами, переводами и т. п. То есть для нескольких сотен ведущих профессионалов это важно и интересно. Это не значит, что нельзя сделать поэтический журнал для широкого читателя: я могу, не проблема. Но цена вопроса — довольно увесистый бюджет (на материалы другого типа, на полиграфию другого качества, на маркетинг, на дистрибуцию), а внутрицеховое издание можно делать за копейки.

Те, кто мог бы вложить деньги в издание стихов и выпуск поэтических журналов, видимо, не видят запроса от общества.

Торгуют же тем, на что есть спрос. Сегодня спроса на поэзию, видимо, нет.

— Культура так не работает. К сожалению. Или к счастью. Если культура начинает отвечать на готовый запрос, она произведет клоны уже существующего. Для того чтобы культура развивалась, она должна быть — давайте назовем вещи своими именами — навязана. То есть никакие, условно говоря, футуристы не отвечали на массовый запрос. Они отвечали на внутренний запрос культуры к обновлению. А масса ничего не понимала. Ее просто повлекло на скандал вокруг этих текстов. Но уже тогда находились люди, которые понимали, что будущее за этим, и были готовы заплатить. Это правило во всех искусствах работает. Не существует готового спроса на то, чего еще нет. Если есть готовый спрос на какое-то искусство, значит, это уже искусство вчерашнего дня. Вот, кстати, наш теперешний гостеприимный хозяин Марат Гельман подал в свое время в Перми блистательный пример того, как это реально можно сделать: как не особо подготовленной зрительской среде массово предлагается нечто новое и непо-

нятное, как вокруг этого постепенно возникает круг людей, которые на это подсаживаются, которых это увлекает. Это было по-настоящему круто! Но для этого нужен либо сумасшедший спонсор, либо государственная программа. Пока этого нет — мы живем во внутрицеховом режиме. Ну, доживем до другой какой-то эпохи. Всё будет хорошо.

Надеюсь. Но пока на плаву, за редким исключением, те поэты, кто громче кричит и больше неприличных слов употребляет.

— Если речь про мат, то эти слова не хуже любых других. Как и всякие слова — они бывают к месту или не к месту. Когда современный поэт счастлив, что он может просто написать такое слово, — это немножко смешно, потому что поезд давно ушел: никого больше таким не поразит. Но есть большие поэты, которые умеют работать с матом разными способами. Вот здесь на фестивале мы слышали стихи Елены Фанайловой, у неё много такой лексики. Она там зачем? Затем, что Фанайлова передает внутреннюю речь современного человека, достаточно травмированного происходящим вокруг. Вот, мы, ударив себя молотком по пальцу, что произносим? Именно это слово. А если нам эпоха и социальная действительность все время бьет молотком по пальцам? Но это совсем не единственный вариант. Лет 15-20 назад много внимания привлек к себе поэт, который подписывался псевдонимом Шиш Брянский. Он не какой-то криминальный элемент был, а серьезный лингвист, специалист по древним языкам Сибири. Очень рафинированный, тонкий человек, но стихи писал, в значительной степени, матерные. Однако в них легкий издевательский матерок, при ближайшем рассмотрении, оказывался отсылкой к древним религиозным практикам. Вот была у него строчка: «И солнце зимнее ебалось со мною...»

А по-другому нельзя было выразиться? Написать «соитие», допустим.

— Ну какое же для древних язычников соитие! «Соитие» — слово христианское, оно из системы понятий, в которой секс табуирован. А в дохристианской системе понятий он, наоборот, во всей своей неприкрытости наделен сакральным смыслом. Потому что реально же солнце оплодотворяет природу. И для языческой веры человеческий секс — это некоторая копия такого божественного воздействия творящей силы на природу. Поэтому оказалась возможна поэзия, в которой художественное напряжение возникает между тем, как мы слышим соответствующие слова сейчас, и тем, что они значили в языке и сознании наших далеких предков.

Поэты придумывают новые слова. Этим уже никого не удивишь. Но и в нормальном языке появилось видимо-невидимо новых слов. Вот, например, как Вы относитесь к разным феминитивам — ко всем этим «режиссеркам», «критичкам», «космонавткам»?

— Ну давайте начнем с того, что к феминизму в целом я отношусь с глубокой симпатией. Я всей душой поддерживаю борьбу за действительное, а не только декларативное равноправие женщин. Все видят, что с этим есть определенные проблемы, требующие, так сказать, заботы. Но мне кажется, что вот этот конкретный метод борьбы — прибавление лишнего суффикса к словам, чтобы они звучали в женском роде, — не работает и не имеет смысла. Сама идея заимствована у американских или немецких коллег, потому что, скажем, в английском языке имена и фамилии не имеют грамматических признаков рода, не изменяются по родам глаголы и прилагательные — и сплошь и рядом перед нами какой-то текст, в котором названы имена, но совершенно неясно, женщины это или мужчины. Поэтому возникла идея, что, может быть, надо как-то перестроить язык, дабы женщин было лучше видно. Но когда по-русски пишут, что на фестивале в Будве выступила замечательная Вера Павлова, то довольно трудно понять, какую дополни-

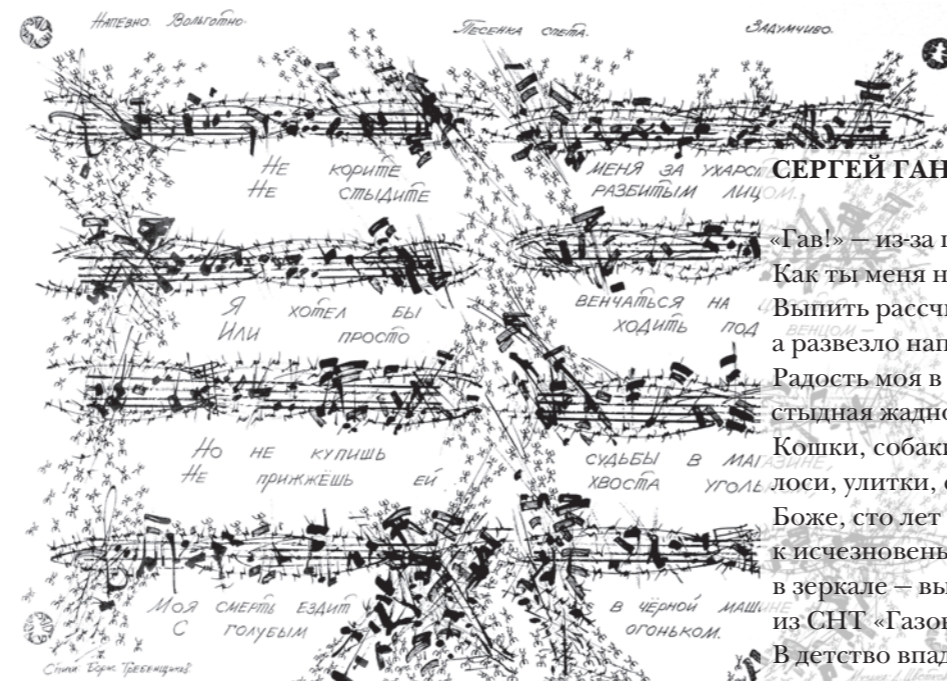
тельную информацию даст нам употребление при этом слова «авторка». Давайте, да, повышать видимость женщины в культуре и социуме, но какими-то более продуктивными способами, потому что этот выстрел уходит в молоко.

И напоследок хочу попросить Вас прокомментировать странную поэтическую статистику во время пандемии. Подсчитано, что в Италии и в Англии количество изданных поэтических сборников выросло вдвое за этот год. В России вечера поэзии онлайн набирали по 300 000 участников. Цифра небывалая. Как Вы думаете, почему эпидемия вдруг вызвала такой интерес у людей к поэтическому слову?

— Статистика эта вызывает у меня разнообразные сомнения, но если оставить их в стороне, то давайте попросту подумаем о том, что поэзия — это самое технологически нетребовательное искусство. Глупо пересказывать стихи, но про это было давным-давно стихотворение Давида Самойлова: про кларнетиста, который работает сторожем. И вот он иногда достает кларнет, играет несколько тактов, а потом задыхается, потом что на войне был танкистом и у него сожжены легкие. И Самойлов заканчивает: «Благодарите судьбу, поэты, / За то, что вам не нужно лёгких, / Чтоб дуть в мундштук гобоя и флейты, / Что вам не нужно беглости пальцев, / Чтоб не спотыкаться на фортепиано, / Что вам не нужно зренья и слуха, — / А всё, что нужно, / Всегда при вас». И, возможно, в критических ситуациях и для того, кто пишет, и для того, кто слушает и читает, поэзия оказывается самым легким выходом. А там кто знает — может быть, благодаря этому кто-то полюбит стихи понастоящему... Вдруг. Почему бы и нет?

© Текст: Лариса Максимова

© Д.Цветков. Демьян Курдюков

© Д.Цветков. Б.Гребенищев

стихи участников форума СловоНово 2021

Сергей Гандлевский,
Юлий Гуголев,
Алексей Цветков,
Борис Херсонский,
Вера Павлова,
Дмитрий Кузьмин

СЕРГЕЙ ГАНДЛЕВСКИЙ

«Гав!» — из-за шкафа скажет стишок.
Как ты меня напугал!
Выпить рассчитывал на посошок,
а развезло наповал.
Радость моя в смысле старость моя,
стыдная жадность моя!
Кошки, собаки, враги и друзья,
лоси, улитки, семья!
Боже, сто лет человеку в обед,
к исчезновению обывк,
в зеркале — вылитый дед-краевед,
из СНТ «Газовик».
В детство впадаю и в рифму, и без,
радуга между ресниц,
будто вступаю в березовый лес
с определителем птиц.

ЮЛИЙ ГУГОЛЕВ

Всякий раз пытаюсь рассмеяться,
если вспоминаю берег Леты.
Мама просит прокрутить ей мясо,
жарить собирается котлеты.
Мясо-то ещё местами в инее.
С жилами кусок всучили, сволочи.
Мясорубки тусклый, алюминиевый
свет живёт у Семьи Файбисовича.
Почему я делать должен это?
Ручку я кручу, верчу, стараюсь.
Я в гробу видал твои котлеты.
Я их есть вообще не собираюсь!
Нет нужды в особенной сноровке,
чтоб ножом — то кубики, то ромбы,
обвалить котлеты в панировке
и — на сковородку, как во гроб — мы.
Прокрутить, приправить, славно вымесить,
чтобы отлипало всё от стенок.

Мимесис? Какой там, на хер, мимесис!
 Не забыть мясца того оттенок.
 Мама, мы сегодня были в морге,
 практика. Патологоанатом
 нас встречал, с прожилками на морде.
 Мама, а ещё была одна там
 голая, — ну, это-то понятно, —
 трубки в животе, — и как бы жмёт их,
 на спине сиреневые пятна...
 Первая моя из царства мертвых.
 Сам я впечатлителен и хрупок,
 мяса я подкладываю кубики,
 ну а на меня из мясорубки
 хлещет, как из «Shining'a» у Кубрика.
 А у мамы пот на подбородке.
 Мясорубка, всё, лежит на сушке.
 Жир скворчит, скворчит на сковородке,
 в нём котлет безропотные тушки.
 Эх, вы мои трупы-трупы-трупки.
 В животах всё бинтики да трубки.
 На котлетах ромбики да кубики.
 Капельки воды на мясорубке.

АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ
воренок

не видел он и потому не плакал
 в окошке слюдяная пелена
 когда на площади сажали на кол
 заруцкого его опекуна

на зорьке выволакивали рано
 тяжелый ворот времени вертя
 трехлетнего царевича ивана
 двух самозванцев общее дитя

в тулупах коченеющие сами
 сквозь отороченную стужей тьму
 свидание с умершими отцами
 они в петле назначили ему

в кольце конвоя где она стояла
 с тряпичным чучелком мослами вниз
 лишь шепотом syneczku простонала

когда он с перекладки повис
 а мы еще не понимая кто мы
 доска судьбы от инея бела
 из-под земли карабкались как гномы
 на свет где перекладка была

где медленной истории водица
 стекала ввысь из выколотых глаз
 куда однажды суждено родиться
 особо провинившимся из нас

набат проснулся вороны взлетели
 из туч сверкнула черная стрела
 а тельце все качается в метели
 а ворот все вращается скрипя

но там за тучами в хрустальной сфере
 окинув взглядом жалкое жнивье
 иван-царевич на летучем звере
 воды и яблоч ищет для нее

пропал на шее след пеньки и мыла
 последний снег ложится как смола
 на землю где она сперва царила
 а после вместе с нами прокляла

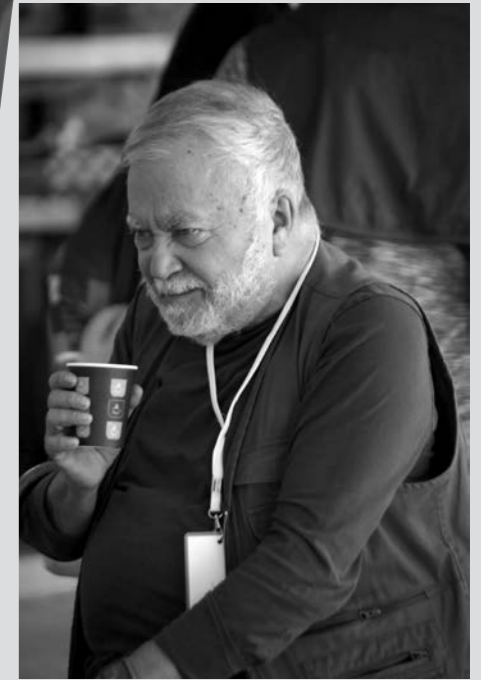
БОРИС ХЕРСОНСКИЙ

Знаешь, что месяц май, а написано — травень.
 Булочная просто булочна, куда подевалось я?
 Идешь по парапету, глядишь
 на военную гавань,
 это советское детство — заря моего бытия.
 Семья как семья — все три поколения живы.
 Дед остался дома — с газетой лежит пластом.
 Я пока не знаю, что эти газеты лживы.
 что русский язык — не единственный, это
 узнаю потом.
 Не знаю, за что евреев сожгли за городом
 в складах,
 и вообще не знаю, что такое «еврей»,
 Знаю, что рыцари ходили в блестящих латах,
 а бабушкин брат отсидел двенадцать лет
 лагерей.

© Вера Павлова. Фото: А. Тязны-Рядно

© Алексей Цветков. Фото: А. Тязны-Рядно

© Катя Марголис, Морозов. Фото: А. Тязны-Рядно

© Сергей Гандлевский. Фото: А. Тязны-Рядно

© Татьяна Щербина, Юлий Гуголев. Чтение. Фото: А. Тязны-Рядно

Значение этих слов мне пока непонятно.
Лагерь — это о пионерах — но кто такой пионер?
Бабушка говорила — одеваться нужно опрятно.
Но что такое «опрятно»? Что значит СССР?
Почему во дворе мальчишки меня посылают на хер?
Куда мне нужно идти? Мне хорошо и тут.
Написано «Перукарня», а там живет парикмахер,
там меня сажают на досточку и машинкой стригут.

ВЕРА ПАВЛОВА

+
Осень у моря. Шезлонги
у самой кромки сезона.
Руки под голову. Ноги —
на линию горизонта —
понежимся напоследок,
трудолюбивая пчёлка!
Таких точёных коленок
раз-два — и обчёлся.
+
Яхта. Лодка рыбака.
Это я ведь, я же
в босоножках из песка
на осеннем пляже,
я? Наверное. Бог весть.
Ведает. Не скажет.
Только — ты же не хочешь обгореть? —
кремом плечи мажет.
+
Лоснишься, ленишься,
ибо ты —
тюлень на лежбище
у воды.
Парео. Парусник.
Горизонт.
Надгробный памятник? —
Пляжный зонт.

ДМИТРИЙ КУЗЬМИН Святой Франциск Черногорский

Андрею, Сергею, Владу

Крымские были совсем не такие, как эти,
эти клянчить еду умеют, а гладиться
не даются,
бродят целыми выводками от одного
прибрежного ресторана к другому,
но ведь сезон на излёте, как они тут
выживают зимой,
вообразим, что для них есть святой
Франциск Черногорский,
он спускается в ноябре
из Цетинского монастыря на пляжи Будвы,
проходит узкими променадами,
вырубленными в скале,
но всё же не настолько узкими,
как у Воронцовского парка,
минует прилепившийся
к утёсу рыбный гастробар
с минимальным заказом сто евро,
для приезжающих из Москвы,
и уже внизу, среди приземистых пальм,
из холщовой сумки
с эмблемой русского эмигрантского
фестиваля
принимается раздавать им всем диетический
корм,
пяти пакетиков хватит всей первой линии,
до самой
венетианской крепости. Это в Крым
нам уже никогда не вернуться, а сюда —
почему бы нет,
вообразим, что все они нас дождутся, хоть их
и нельзя погладить,
даже тот слепой чёрно-белый
из байкерского ресторана «Ядран».

© Тексты: Сергей Гандлевский,
Юлий Гуголев,
Алексей Цветков,
Борис Херсонский,
Вера Павлова,
Дмитрий Кузьмин

ФЕНОМЕН СЕРИАЛОВ

ТАТЬЯНА ЩЕРБИНА

Время есть двух видов: романтическое, проживаемое вспышками, озарениями, и монотонное, расцветиваемое длинными историями, потому что спешить некуда. Романтизм грустен из-за болотных огней настоящего, но бодр, окрылен, будто жар-птица, синяя птица или птица-феникс, летящая в светлое будущее.

Ирландские и исландские саги, Сага о Форсайтах, Тысяча и одна ночь, Декамерон, Илиада, труды по истории — так коротаются дни и годы карантинного, стоячего времени, в котором всё главное — в прошлом, а теперь только сидеть на берегу историй больших и малых и вспоминать о них. История важнее личности автора, записывающего то, что теперь называется вербатим, либо создающего эпические полотна, и там, и там автор — оператор, менеджер, организатор, составитель материала в удобоваримую композицию. И очень важна длительность, позволяющая отсечь начало и конец.

Это время бесконечной середины, подражание течению жизни, перипетиям, у каждой из которых завершение есть, а в целом — нет. Например, спектакль «Берег утопии» по пьесе Тома Стоппарда в РАМТе. Он идет больше 10 часов и рассказывает о былом и думах Герцена, Огарева, Тургенева, Чернышевского, Бакунина и прочих, искавших пути

выхода из самодержавия. Сами персонажи — конечно, из романтического времени, но сегодняшние пьеса и спектакль — из нашего, континуального. Мы знаем, что было до и после, у истории нет однозначного начала и конца, она течет откуда-то из зарослей папоротников куда-то в заросли цифр.

Время, прыгающее с уступа на уступ, бегущее по волнам, декламирует стихи, поет песни, рассказывает сказки, берет вершины, делает открытия, здесь важны яркие личности, гении, десятки тысяч ложных («старик, ты гений») и единицы настоящих. Не то чтоб в одном из этих двух типах времен вершин отсыпано мало, а в другом много, просто в дискретном востребован прыжок в небо, а в стоящем на месте — штудии, основательность, проекты, здесь главное лицо — не гений, а куратор, продюсер, ну и удачная реклама, пиар.

Понятно, что всё сосуществует одновременно, и периоды эти — не только социальные, но и сменяющиеся в течение жизни в самих людях, вопрос в том, что попадает в общее поле: «великий фильм» или «качественный сериал», одиноко мыкающаяся Цветаева или, скажем, проект фем-поэзии. В романтическом времени трудно представить себе спектакль, длящийся два вечера или 24 часа, и чтоб на него ломилась публика. Такое было в начале 1970-х (спектакли Брука, Уилсона, Мнушки-

ной). А недавний мультимедийный проект «Дау» насчитывает порядка 700 часов.

Сериалы существуют, конечно, давно. Но ныне это совсем не те «мыльные оперы» для домохозяйек, которые возникали заведомо вне культурного пространства. Таких и сейчас тьма, но речь не о них, а о феномене сериалов, потеснивших книги и фильмы. Люди всех возрастов, от интеллектуалов и снобов до многих миллионов зрителей делятся впечатлениями о тех или иных сериалах, рекомендуют или ругают, названия у всех на слуху, сериалы получают премии, их рецензируют, СМИ постоянно публикуют сериальные рейтинги — социальное поле стихов, романов, фильмов несравненно скромнее, тут у каждого свой выбор, почти интимный. В различных текстах эпизоды из сериалов, имена героев (какой-нибудь Фрэнк Андервуд) приводятся как нечто, всем известное, иногда кто-то признается: «Я — единственный, кто не смотрел «Игру престолов». И даже как-то неловко написать: «Я тоже». Одни говорят, что «Игру в кальмара» надо непременно смотреть, другие, что это зря потраченное время, «хотя затягивает». И вот этот самый кальмар обошел по популярности (да, и цифры о количестве просмотров СМИ публикуют) престолы, которые за 10 лет собрали 16,9 миллиардов просмотров, а тут за месяц-другой — 17 миллиардов. Население Земли почти 8 миллиардов человек (век назад, к слову, было 2 миллиарда, а два века назад — 1), и если вычесть из него совсем малых детей, то получится, что сериал посмотрели все по два-три раза. Ни один фильм и ни одна книга не могут похвастаться таким единением человечества. Суммарный тираж самой популярной серии книг о Гарри Поттере — около 500 миллионов экземпляров, и это за 20 лет. Опять же, обратим внимание — не одна книга, а сериал, как и самый тиражный российский книжный сериал про Фандорина Бориса Акунина. Но и то — как написал недавно Сергей Чупринин, изучавший книжный рынок — «тиражи книг упали с 11 млн экземпляров (Акунин) в 2005 до 285 тыс. в 2021, примерно в 100 раз». А сериалы только набирают вес.

Помню, как в начале 1970-х меня, десятиклассницу, отчим взял в гости к своему приятелю Ми-

хаилу Анчарову. Это был довольно известный бард — родоначальник авторской песни (первая была написана им в 1937 г.), автор повести «Теория невероятности», и как раз тогда шел сериал по его сценарию, «День за днем». Первый сериал на советском телевидении. Это я сейчас прочитала в википедии, так-то забыла название, но помню, что он резко обвалил «акции» Анчарова в глазах интеллигенции. Типа, «наш» Анчаров продался голимому советскому стандарту «борьбы хорошего с лучшим». И отчим в тот вечер корил его за это, а Анчаров показывал ему огромные мешки, стоявшие у него на видном месте — мешки писем от благодарных зрителей. Сейчас, опять же, прочла, что количество писем, полученных создателями того сериала, стало рекордным за всю историю телевидения. «Понимаешь, — говорил Анчаров отчиму, — мои песни знают, может, сотни людей, а здесь — сотни тысяч писем, и смотрят сериал миллионы. Сегодня, кажется, Анчарова не помнят ни в каком качестве, вот разве что одну, совсем не бардовскую его песню из того самого сериала — «Стою на полустаночке», которую пела Валентина Толкунова. Но из круга авторской песни Анчаров исчез именно тогда, после сериала. И даже я, знавшая его лично, в 1978 году, когда работала в журнале «Клуб и художественная самодеятельность» и затеяла там антологию авторской песни в виде вклеенных в журнал голубых пластинок, о нем не вспомнила. Родоначальницей жанра мы коллективно посчитали Аду Якушеву и далее тоже никто Анчарова не называл.

Недавно беседовала по скайпу с писателем Сергеем Юрьененом, живущим в США, с которым мы не разговаривали 30 лет — с тех пор, как я перестала писать для его радиопрограммы «Поверх барьеров», он, впрочем, давно уже и сам не работает на «Свободе», пребывающей ныне в звании иноагента. И что же спрашивает меня Сергей: «Какой сериал сейчас смотришь?». Даже не сомневался, что я смотрю сериалы, причем нон-стоп. Я смотрю, да, но в сравнении с большинством — довольно редко. Как увижу в фейсбуке очередное «порекомендуйте сериал», сотни комментариев, и все всё уже видели, поражаюсь тому,

что пишут это не празднующиеся граждане, а очень даже занятые, много работающие, люди.

Так что в них, в этих сериалах?

Первое, наверное — точка притяжения на следующий день. То есть живешь ты свою жизнь, а закончив дела, переходишь к другой жизни, тоже своей, но как жизни в гостях. Если в гостях не понравилось, уходишь, а если понравилось, зависишь на неделю, месяц, а то и просидишь всю ночь, потому что не оторваться, как некогда, бывало, на тех самых «московских кухнях» — неостановимый разговор, дружба/любовь.

Понятно, что пандемия усилила сериальный эффект сидением дома. Но и до нее сериалы стали феноменом, и смотрели их запоем. Это наши «вторые жизни» в зависшей бесконечности, в которой не сказать, что ничего не происходит — очень даже происходит, но не то, что хотелось бы. В России и Беларуси понятно — давилово самодержавия, но еще и распри по всем вопросам, в разных странах свои и не только по конкретным поводам (насилие, феминизм, коррупция, бедность, неравенство, несвобода, небратство, еще и антиваксеры добавились), а глобально. Ярость и депрессия, ярость и депрессия. Но жизнь, все более становящуюся прокрустовым ложем, можно выключить и погрузиться в сериал. Именно погрузиться — фильм погружения не дает, вспыхнул и погас, а тут — как с родными людьми, в большой семье, изо дня в день. И еще сериалы стали зеркалом.

Возьмем хрестоматийный «Карточный домик». Тут президент США — отъявленный мерзавец, собственно, благодаря чему и становится президентом. Можно сказать, что этот сериал обозначил постепенно происходящий поворот от сакрального отношения к президентской должности до пренебрежительного. В прежних американских фильмах, где одним из персонажей был Президент (так, с большой буквы), он всегда был «отцом нации» и тем, кого, при разных бедствиях, нужно было спасти в первую очередь. В реальности первым, поставленным под сомнение, был Ричард Никсон (Уотергейт), вынужденный уйти в отставку, потом Клинтон (Моникагейт),

не говоря о Трампе, о которого просто вытирали ноги. Во Франции последним «сакральным» (не в монархическом, а в демократическом смысле — «мы его выбрали») президентом был Миттеран, хотя основания для «гейта» имели место, но разоблачение произошло, когда президент был при смерти и досиживал последние дни в президентском кресле. Ширак уже «сакральным» не был, Саркози воспринимали как злодея, Олланда как пустое место, а против Макрона были масштабные акции протеста с лозунгами «Макрон, уходи», но до выборов, которые будут весной 2022, он досидел, возможно, и продолжит, поскольку выбирать в последнее десятилетие особо не из кого. Популярных кандидатов срезали на старте, справедливо или нет, судить не мне, но то, что «хвост виляет собакой» — факт. В «Карточном домике» черные политтехнологии распланы в самом жестком варианте, а если бы мы не имели возможности заглянуть на кухню, как и обычные избиратели в жизни, то видели бы только обаятельного, доброго, умного героя Кевина Спейси. Зеркало показывает, что люди поставили под вопрос само собой разумеющийся постулат, что политики — распорядители нашей жизни. А по какому, собственно, праву?

Берем новый сериал, «Кликбейт». Власть соцсетей, которая может ангела превратить в злодея, спровоцировав месть за несовершенные им преступления, даже убить, а настоящим злодеем может оказаться вовсе не тот, у кого был «мотив», а несчастный человек, решивший поискать свое счастье в виртуальной реальности и в ней заплутавший.

И сколько сериалов (хороших, лучших) мы ни возьмем — в них есть месседж, полезное знание, предостережение, напоминание, слепок времени. Сериалы прикручивают фитилек художественности в пользу дотошности повествования.

«Аббатство Даунтон» — сериал про XX век. Начинается он гибелью «Титаника», потом Первая Мировая война, появление телефона, радио — всё это потрясения, и вековой уклад жизни обитателей замка постепенно рушится. Были хозяева и слуги — не рабы, а работники, благодарные сво-

© Фото: Анастасия Цайдер

им работодателям, и каждый в этом универсуме был на своем месте, но однажды молодая служанка захотела пойти учиться, одна дочь хозяев завела роман с шофером и тайно вышла за него замуж, другая стала журналисткой — неслыханно же! Те же потрясения испытывает и британская монархия в сериале «Корона», рассказывающем историю жизни Елизаветы Второй. Выступать по радио! Давать интервью телевидению! (Не царское это дело, но надо). Влюбиться в разведенную американку и отречься от престола из-за любви! (И король Эдуард VIII вынужден отречься от престола). Прежде и головы рубили, в том числе, королевские, и ничего, но морганатический брак — это из ряда вон. XX век сломал конструкцию знатно-чернь, заставив чернь обучиться грамоте и самостоятельности, а знать — принять, что все люди равны, хотя (по Орвеллу) некоторые равнее других. Меритократии не получилось, но конфигурация стала другой. Сериал «Черное зеркало» исследовал следующий этап: человек «натуральный» и оцифрованный, перетекание в виртуальную реальность, в которой наши навыки, знания о себе и мире, которым мы усердно обучались, бесполезны. В общем, сериалы не просто рассказывают истории, это такие наглядные пособия, просветительские проекты.

Герои сериала «Белый лотос» — люди не очень приятные, очень неприятные и приятные поначалу, но неприятные при ближайшем рассмотрении. И что с этим делать? Увидеть, что они — это вы, они же не всегда неприятные — они и хорошие, симпатичные, просто у них проблемы, обиды, незаживающие раны, ложные представления о себе, а уж если кто прямо-таки негодяй, того настигает настоящая кара. Но это всё не трагедия и не драма, а то, что можно подметить на курорте, где солнце, пальмы и море.

«Ход королевы» — о том, что даже девочка в детском доме может стать чемпионкой мира по шахматам, этих вариаций «Золушки» в сериалах много, взять хоть «Энн». «Никогда не сдавайся», — один из повторяющихся месседжей. Сериалы — это вообще «в гостях у сказки».

Кинематограф — творение демиурга, режиссера, в сериалах у каждой серии свой режиссер, иногда разность почерков заметна, но чаще всего нет, тут другие законы. В некоторых сериалах снимаются звезды, в других — артисты, которых до сих пор никто не знал, но правильный кастинг — залог успеха. Самый «звездный» сериал — французский «10 процентов». В каждой серии — новая звезда, от Изабель Юппер до Жана Рено, но не они — главные герои, а их агенты. Сериал рассказывает о том, сколько трудов и слез стоит за блеском звезд. Сериалы уже несколько лет снимают и прославленные режиссеры, как Паоло Соррентино («Молодой Папа» и «Новый Папа», с Джудом Лоу и Дайан Китон). Но не это главное. Если на фильмы, по крайней мере, раньше, ходили — кинотеатр, свет в зале гаснет, гипноз большого экрана, и пришел ты туда не просто так, а на фильм определенного режиссера, то сериалы смотрят на компьютере, планшете и телефоне. Не пошло (или не зашло, как теперь говорят) — до свиданья, следующий. Поэтому сериалы должны рассказывать истории ясно, изобретательно, увлекательно, как Шахерезада, иначе ее казнят, то есть выключат, и сериал провалится.

Будет ли так и дальше? До тех пор, пока не сменится характер времени — да, но пик сериального бума, кажется, уже прошел. Как прошел в свое время кинобум. По всему городу торговали видеокассетами VHS с зарубежными фильмами, и классикой, и современными — все навёрстывали упущенное: в советском прокате шло очень ограниченное количество фильмов, и теперь люди жадно смотрели все подряд. У меня самой, помнится, скопилась огромная видеотека. Потом наладили нормальный прокат, а кино стало постепенно терять зрителей. Я помню, как в Париже 1990-х новые фильмы выходили по средам, и у касс всегда стояли толпы. А в понедельник можно было посмотреть тот же фильм по льготной цене. Сейчас, кажется, никто и не бегаёт за новинками, опять же, можно посмотреть дома в любой момент, когда будет настроение. На смену сериалам тоже что-то придет — из самой жизни.

© Текст: Татьяна Щербина

ПРОШЕДШЕЕ УХОДЯЩЕЕ (киносезон-2021)

ВЕРОНИКА ХЛЕБНИКОВА

«Петровы в гриппе»

Мир изменился, напоминают стриминговые платформы, сервисы доставки, онлайн-кинотеатры. Новые условия социальной жизни — изоляция, удаленный доступ, дистанционные взаимоотношения человека с внешним миром — обрушили постепенный ход вещей, сместили границы и изменили саму расстановку «внешнего» и «внутреннего», глобального и локального.

С нами цифра — высокая технология, удобная и недостаточно вещественная, чтобы раздражать. Нет только корреляции между технологическим акме и тем, что в него завернули, как нет ее между айфоном и вирусными роликами Тик Тока. Супер-инструмент в руках местных сериальных трестов пока обновляет лишь среднесуточные максимумы «жира» — архаичного, посконного контента. Конкуренция студий, каналов и новых платформ до сих пор не слишком облагородила отечественный мейнстрим. На фоне высокой инфляции картинки и консервативного запроса («верность традициям» или «ржа-

ка») происходит скорее отрицательная селекция. Пока мир играет в кальмара, наши поставщики контента предлагают публике бесконечно вариативный набор россиянина из многоликих содержанок, ментов, маньяков и перелицованных сказок солнца русской поэзии.

Качественного и индивидуального сериального продукта, не пренебрегающего пусть призрачной связью с реальностью, вроде «Немцев» по роману Терехова, незначительно мало, либо его пытаются дискредитировать, как отличных «Пингвинов моей мамы» Натальи Мещаниновой. Хорошее российское кино тоже проходит по ведомству узко-нишевого контента. Нишу или, судя по мизерным прокатным сборам, келью анахорета, забронированную под отечественные фильмы, занимают работы, отобранные международными кинофестивалями. В уходящем году их больше, чем когда-либо. Кроме художественного языка, у этих фильмов внятная цивилизационная повестка, близкая людям независимо от места на глобусе.

В основном каннском конкурсе показали «Петровы в гриппе» Кирилла Серебренникова, пожалуй, лучший его фильм, и отдали главный приз конкурса «Особый взгляд» фильму Киры Коваленко «Разжимая кулаки». В Локарно пригласили «Медю» Александра Зельдовича. В венецианском конкурсе был хорошо принят фильм Натальи Меркуловой и Алексея Чупова «Капитан Волконогов бежал», там же в конкурсе «Горизонты Экстра» — фильм Владимира Биткова «Мама, я дома», в «Неделе критики» — экспериментальные «Обходные пути» Екатерины Селенкиной, получившей спецприз для молодых женщин-режиссеров.

Значимый фактор — смена поколений. В кино пришли люди, для которых Сорокин и Пелевин — литературные классики, а концептуальные и постмодернистские конструкты — одна из многих красок палитры.

Серебренников и отчасти Чупов с Меркуловой застали позднюю советскую эпоху и успели в ней немного пожить, но их умение работать с фактурой прошлого века носит почти цирковой характер. Они соблюдают дистанцию по отношению к историческому материалу, который предстоит вынуть не из памяти, а из цилиндра, продеть в горящий обруч и запереть в клетке с медведем. Анахронизм и степень исторической абстракции «Капитана Волконогова», бегущего из гипер-условного 1937 года в недостижимый рай, вероятно, полезнее для думания о прошлом и настоящем в их фантазмагорической связи, чем любая тщательная реконструкция минувшей эпохи. В фильме есть хор и пляска опричников в алых спортивных костюмах, график профилактических арестов на каждый день, учебный практикум у стенки и горстка граждан, к которым является беглый палач Волконогов с папками дел их казненных родственников, чтобы извиниться и тем избежать вечных адских мук. Бежавший накануне собственного ареста Волконогов, сыгранный Юрием Борисовым, описывает нетривиальную кривую, переходя от гибельного тоталитарного мифа к христианской истине спасения.

«Капитан Волконогов бежал»

«Рука Бога»

КУЛЬТУРА

«Купе № 6»

«Разжимая кулаки»

Кино рефлексует очередной цивилизационный переход в широком диапазоне от боди-хоррора «Титан» каннской победительницы Жюли Дюкурно до поп-мелодрамы Педро Альмодовара «Параллельные матери», открывшей Венецианский кинофестиваль. Старый век умер, подобно почтенному джентльмену, сыгранному Биллом Мюрреем в фильме Уэса Андерсона «Французский вестник», и вызвал на экраны таинственную процессию авторов и персонажей, где каждый, кто на подносе, кто на горбу, кто в крови выносит из топки времен то, что способен унести. Все заморожены тем, как необратимо меняется мир, все оставили что-то важное в его предыдущей версии и не уверены, что следующая будет лучше или хотя бы другой. Контекст отношений с прошлым, с историей и мифом, контекст подступающей к горлу новизны преобладал в уходящем году. Один из лучших фильмов Канн, медитация Апичатпонга Верасетакула, так и называется — Мемога, «Память». Получивший Приз жюри фильм без внятной фабулы будто бы настаивает, чтобы его не столько смотрели и слушали, сколько сверхъестественным образом припоминали.

Оставшийся без каннских призов Уэс Андерсон во «Французском вестнике» ностальгически листает старый журнал, похожий на Нью-Йоркер, восстанавливая по его очеркам и колонкам европейский XX век и кинематограф старого света. Что-то вроде персонажей Брэдбери, читавших по памяти Шекспира и Твена, не давая сгнить книжной культуре. Когда твой мир или идеальный воображаемый мир прошлого уходит, хотелось бы запомнить все до мелочей, собрать в гипертекст жизнь со всей ее параферналей, которую не с кем больше разделить. Стоит ли удивляться мелочности Уэса Андерсона в деталях и самой насыщенности его фильма, где на каждого минутного персонажа стоило бы «кликнуть», чтобы узнать его ближе. Фильм о вымышленной редакции американских экспатов в вымышленном французском городе отказывается нарядным и веселым

памятником уже не существующей и не материальной культуре — отношений, труда и сомнений. Расчувствовавшийся пассажир и влюбленный коллекционер Андерсон, давно живущий в Париже, совершенно по-французски глядит в Прусты нынешней отформатированной поп-культуры.

Паоло Соррентино, показавший в Венеции автобиографическую «Руку бога», возвращается дорогой утрат в Неаполь своего детства, окунаясь в его яркие краски, здоровый загар и шутки ниже пояса. Здесь его реальность осиротела после гибели родителей и навсегда разошлась с воображением, а воображаемая жизнь кинематографа вскоре стала единственно реальной для будущего режиссера. Экран еще не разьедает эксцентрическая ухмылка Джокера для элиты, а именно эту роль в итальянском кино играет Соррентино, виртуозно вызывающий на экраны зловещие и беспощадные гротески политической жизни, идеологической смерти и биологической старости. Этот фильм останавливается у развилки, за которой прошлое никогда не кончается, потому что оно приобретает черты золотого века, становится легендой (как Марадона — Рукой бога), и с него не сойдет тепло позолоты.

Показанная в Локарно «Медея» Зельдовича, фабульно следующая перипетиям Еврипида, посвящена трагикомической женской и мужской неудовлетворенности. В одном из эпизодов сломанные часы героини должны пойти вспять — к более древней системе отношений, в которых еще водится какая-то острота, напряжение и смысл. Потребность включить обратный ход, вернуться к времени мифа, где проявления любви, ужаса и долга свежи и первозданно, оказывается потребностью в анахронизме, аффективном смешении времен, последовательностей и ценностных систем.

«Купе номер 6» финского автора Юхо Куосманена (Гран-при Канн), сделанный с участием российских продюсеров, артистов и автора диалогов — это стилизация старых вагонов и новых небинарных отношений, где в качестве

приглашенного гостя — русская жизнь на рельсах. Реконструкция 90-х годов служит поводом к лирике. Поездка финской девушки, влюбленной в московскую фрю, и юного работника из советской провинции через пространство, слишком суровое для однополый любви, нужна, чтобы пожалеть того, кому трудно, кто несчастлив, кому не повезло с парнем, даже если парня зовут Ирина. Куосманен оглядывается в прошлое не ради телефона-автомата, спертого купейного быта и ржавого лома бывшей империи. В флюидной среде наших дней, где все перекодируется, и границы плывут, Куосманен делает попытку зафиксироваться, застолбить участок тепла и симпатии вне времени, найти хотя бы и в 90-х неизменность людского сочувствия. Эта утопия щедрости не уникальна ни в финском, ни в русском кино, где интернационал добрых душ, понимающих друг друга без слов, созывали еще Аки Каурисмяки и Александр Рогожкин. Куосманен достаточно одарен, чтобы повторять банальности на свой собственный лад и нравиться публике, но рельсы не бесконечны.

Для Кирилла Серебренникова, смеющегося над коллективной памятью, как и для Педро Альмодовара, интересующегося лишь тем, что близко сердцу, история оказывается сугубо личным, интимным переживанием. В «Параллельных матерях» Альмодовар едва ли не первым в большом кино нарушает пакт молчания, принятый во имя гражданского согласия в Испании после падения диктатуры Франко, и буквально ставит своих персонажей на край общей могилы с костями похищенных и убитых фалангистами граждан. До сих пор в Испании более ста тысяч человек числятся пропавшими без вести, и внуки ищут своих дедушек и бабушек, требуя эксгумации безымянных захоронений, как героиня Альмодовара, сыгранная Пенелопой Крус. Свое чувство истории она носит под сердцем, как ребенка. По Альмодовару прошлое — это абстракция, если память не продиктована любовью и болью, а чувство истории — именно что чувство.

Его «Петровы в grippe» по книжке Сальникова — болезненный и сумасшедший хоровод на Новогодней Елке из детства слесаря Петрова, пришедшегося на 70-е годы. С елки скатится черно-белый шар, внутри которого запаяна история Снегурочки — пронзительной ясности и силы ретро-фильм в тусклом бреде и дурмане взрослой жизни Петрова и его жены. Фильм, который кажется камерным, хаотическим и безвоздушным, вдруг обретает эпическое дыхание, время эпоса и его силу.

В жанровом кино есть термин «ненадежный рассказчик» — фигура, необходимая автору, чтобы запутать следы. У Серебренникова, Битокова, Меркуловой и Чупова ненадежна сама реальность. Реалистичным отражением жизни по двойным стандартам в наоборотном мире, где война — это мир, свобода — рабство, безграмотность — свет, гражданская активность — экстремизм, будет фантазмагория. Не ясно, бредят Петровы, или все по-настоящему: автобус-энциклопедия русского народного подсознания, Снегурочка с ледяными руками, живой труп, уходящий из гроба, окровавленный нож в сумочке Петровой. Современность — это время гиблого сна, от которого никак не проснется бывший советский человек, пора галлюцинации, иллюзии, с уровня на уровень повышающей свою достоверность. Кто-то из иностранных критиков назвал фильм «злым близнецом «Амели» Жана-Пьера Жене», подразумевая, вероятно, жестокую природу его чудес и пыточную изобретательность. Кроме того, это мюзикл, в котором Серебренников делает то же, что и его коллега по каннскому конкурсу Леос Каракс в «Аннетт» — вспоминает в муках. Сильнее муторных трюков в фильме его оптика — оптика выпученных глаз, лезущих из орбит, как под сапогом неласковой родины, который всегда на горле, даже если его там нет.

То ли есть, то ли нет — это свойство реальности в фильме Владимира Битокова «Мама, я дома», втором после его дебютных «Глубоких рек». Шаткость кадра — на уровне движе-

ния камеры — создает ощущение зыбкого, неустойчивого, обманного мира. Его лжи героиня фильма может противопоставить только слепую веру в свою материнскую правду. Ксения Рапопорт, без грима, играет мать, которая отрицает гибель сына и требует вернуть его с безымянной войны в составе ЧВК. Тоня водит автобус. В нем она, как в седле, последний ковбой из вестерна, где все давно устали. Защищает свой дом-призрак, куда является сын-призрак. Только нарисованные усы Джугашвили единственной непреложной реальностью топорщатся из стены, которую закрашили, а теперь время маскировки прошло, людоедская вечность вторгается в обыденную хронологию.

Параллельная история матери и убитого сына была показана в основном конкурсе Венеции. «Не оставляя следов» Яна П. Матушиньского — подробная тщательная реконструкция реальных событий конца 80-х, когда власти социалистической Польши годами отрицали факт убийства варшавского студента, забитого до смерти в милицейском участке. Его мать и его друг, единственный свидетель, противостоят системе ценой потерь. В «Последней семье» Матушиньский снимал игровую хронику ежедневного быта семьи художника-сюрреалиста Бексиньского, постепенно и страшно развешенной временем, но сохранившейся на его любительских киноплёнках. «Не оставляя следов» — простой, едва ли не документальный десант не столько в восьмидесятые годы прошлого века, сколько в расслоившееся на «до» и «после» время почти античной трагедии.

Как и Владимир Битоков, Кира Коваленко вышла из кабардино-балкарской мастерской Александра Сокурова, запустившего первые фильмы своих студентов силами его фонда «Пример интонации» — «Софичку» Коваленко, «Тесноту» Балагова, «Глубокие реки» Владимира Битокова. Киноязык Коваленко хорош легким дыханием, тихим голосом и тем, что в болевые моменты становится еще тише.

Она делает фильмы на языке тех людей, о которых снимает. Дебютная «Софичка» по Фазилу Искандеру была на абхазском, «Разжимая кулаки» — на осетинском. Не повышая голоса, она говорит о том, как прошлое перечеркивает будущее, как уходит и никак не уйдет, а уходя, вызывает острую жалость. Разлом между прошлым и будущим сосредоточен в теле молодой женщины. Осетинка Ада в детстве была ранена во время теракта, ее утроба изувечена, теперь она выросла, и нужна операция, чтобы она могла жить своей жизнью. Для этого придется символически переступить через труп отца. Сюжет фильма — выбор времени, в котором жить Аде. Она могла бы бороться за себя, но она — не борец и не готова отказаться от тех, кого любит.

Последние 20 лет тон в темпоральности задавал китайский режиссер Цзя Чжанке, работая с неуловимым духом перемен, фиксируя меняющиеся ландшафты Китая и отпечатки модернизации в душах персонажей. Великий китайский рулевой машины времени, он заводит ее на отшибе 90-х и отправляется в 2025-й, как в «Печати греха» — каннский приз за лучший сценарий в 2013 году. Сюжетом ныне классических «Платформы», «Мира» и «Натюрморта» был все тот же бросок через эпоху. Обреченные миры неспешно сторают в его фильмах, оставляя по себе самую сильную любовь — к несуществующему. Персонажи фильма «Пепла цвет — чистейший белый», каннского лауреата 2018 года, узнают боль, которую оставляет время, унося с собой походки и лица. Долговечны лишь зеленые холмы, пока их не застроили, но так даже больнее. Этот пример интонации можно расслышать и в нынешней смене сезонов: интересны не прошлое и настоящее сами по себе, а момент разрыва или шва, который сознание накладывает на больное место.

© Текст: Вероника Хлебникова

КАТЯ МАРГОЛИС

О новой при-стальности

записки с выставок
2020 / 21

КАРТИНЫ НА КАРАНТИНЕ

Жизнь вернулась так же беспричинно, как когда-то странно прервалась.

И началась она с возвращения в музей.

Собственно, пишушая эти строки оказалась первой пост-карантинной посетительницей галереи Академия в Венеции, едва та открыла свои двери прошлым маем. Я и число помню. 26 мая.

Нас оказалось там двое. Я и директор. Если не считать стайки журналистов, жадно поджидавших первых посетителей. Говорить было

неохота, но делать было нечего. И на вопрос, что привело Вас в этот ранний час в музей, когда сейчас после трех месяцев замерзшей тревоги ожидания, стылрой тишины и далеких сирен водной скорой помощи, наконец открыты и кафе, и бары, и даже... парикмахерские!, я промывчала:

— Хотела посмотреть, что случилось с картинами, на которые никто не смотрел.

Журналист местной газеты под названием Gazzettino (слово-то венецианское), впрочем, тоже был чуть ли не первым человеком, которого я увидела лицом к лицу (разумеется, в маске) за долгое время. Он понял, что синьора слегка одичала, и решил мне помочь.

— Ну а какая Ваша любимая картина, по которой Вы больше всего скучали?

Я вспомнила, как шла под эхо собственных шагов по пустому городу мимо закрытых дверей и думала: а как переживают карантин запертые там картины? Что сейчас делают шумные застолья Веронезе, процессии Карпаччо, многолюдные полотна Тинторетто? Соблюдают дистанцию в метр? Или ушли в невидимое? Наверное, есть картины-экстраверты, а есть интроверты. Вот Мадонне Беллини, наверняка, все равно, смотрит ли кто-то на нее, пока она склонилась над своим Младенцем. И молчаливая беседа Sacra Conversazione идет своим чередом...

И, продолжая эти мысли, выпалила:
— Sacra Conversazione — потому что они интроверты. Персонажи sacra conversazione не говорят, но пребывают в состоянии безмолвного общения. Тут мое красноречие закончилось, и я резко замолчала. Деликатный журналист понял это как намек и оставил меня в покое, кое-как уговорив сняться для газеты у первого попавшегося нам на пути Виварини. Мне говорили потом, что газета вышла, многие зна-

комые видели мою conversazione со Святой Барбарой, но я напрочь забыла и о журналисте, и о горе-интервью и ринулась в тихий зал Беллини.

... Джон Берджер где-то заметил: Painting is a prophesy of itself being looked at («Картина — пророчество о самой себе увиденной»).

II

РИТОРИКА ВЗГЛЯДА

*Что касается меня, то я опять гляжу на Вас,
а Вы глядите на него, а он глядит в пространство.*

(Булат Окуджава)

Продолжением этой встречи стала картина Лоренцо Лотто «Священное собеседование», привезенная из Kunsthistorische Museum из Вены в галерею Академия той же осенью 2020 в рамках проекта временного возвращения венецианских шедевров домой. Один месяц — один шедевр. Любимый жанр итальянского ренессанса в XV–XVI вв., получивший особое развитие именно в венецианской живописной школе. Не отпускал. Термин «sacra conversazione» (ит.: священное собеседование) — стандартный термин для обозначения этого жанра живописи. В основе композиции — всегда изображение Богородицы с Младенцем на престоле со святыми по сторонам. Фигуры находятся в едином пространстве. Единое общее пространство полотна (или доски) заменило собой соты ранних алтарных полиптихов, в восточной традиции таки нашедших продолжение в жестком иерархическом каноне иконостаса, в западной же они сумели выйти за рамки и оказались вместе. Ход этого собеседования передается в живописи тем же самым приемом, что и в речи —

а именно, композицией частей. В венецианском эссе Бродский пишет, что начитавшись де Ренье, бессознательно связал этот принцип с Венецией. Что за чем идет в линейном тексте — создает его пространство, на живописной же плоскости пятна, контрасты, фрагменты изображения выстраивают линии и направляющие для взгляда зрителя. Художник говорит глазом. С глазу на глаз. И потому именно направление взглядов, их последовательность и взаиморасположение и есть главная фабула. (Здесь, конечно, вспоминаются классические эксперименты Альфреда Ярбуса с движением зрачков, в особенности то, как двигаются глаза человека при «чтении» картин).

Той осенью в пост-карантинной растерянности мира я решила пойти учиться в новый, созданный онлайн Свободный Университет, выбрав предметом своих студий классическую риторику в неизменно блестящем исполнении Гасана Гусейнова.

На курсе мы читали Квинтилиана и, стоя перед картиной Лотто, я неожиданно для себя обнаружила, что передо мной риторика не столько безмолвия, сколько внутренней речи, которая, однако, во многом подчиняется тем же законам, которым учат классики:

Приступ визуальный (cf. вербальную форму «И приступил к ней Ангел») — фигура ангела, коронующего Марию.

Повествование: От Марии к Младенцу, от Младенца к Книге Священного Писания (ссылка внутри текста). Мария словно передает Младенца Книге. И Ангел, и Младенец движением рук указывают на небо, своего рода визуальная ссылка на Отца Небесного.

Разработка: Святая Катерина держит книгу, но взглядом устремлена к сложенным в молитве (еще одна отсылка к внутреннему тексту) рукам Св.Фомы. (Отдельно стоит

заметить, что в русской визуальной терминологии понятие, этимологически восходящее к tractatio, распадается на два, и оба понятия (и «разработка», и «трактовка») полноправно присутствуют в разговоре о любом живописном произведении, обозначая чуть разные аспекты этого разговора — от чисто зрительного к более образному).

Заключение: Св. Фома, который обращает последовательную череду взглядов назад к Младенцу, завершая круг.

Я собиралась вернуться и додумать эту мысль, но наступил второй локдаун и музеи снова закрылись на много месяцев

III

НИТЬ РАФАЭЛЯ

Жизнь снова ушла вовнутрь, но линия не прерывалась. С ней, с линией непрерывной преемственности — певучей, ломкой, манерной и мощной, прошедшей насквозь через полтысячелетия, в которой каждая эпоха находила свое прочтение, вдохновение и понимание, затронувшей все пласты культуры — от высокого искусства до мещанского ширпотреба, от профетических полотен до чашечек и рюшечек — мы встретились уже в марте 2021 в анфиладах Эрмитажа на выставке «Линия Рафаэля». Умной, точно показывающей грани преломления и наследования Первому художнику на протяжении веков. Особенно же говорящим и наглядным оказался ход с портретами: каждый зал открывается портретом Рафаэля, написанным в это время — каждая эпоха рисовала образ Рафаэля по своему образу и подобию — от черт прижизненных автопортретов к 17 веку прибавилось манерности, к 18 веку перед нами просветитель в парике, в 19-м романтик и пророк. Рафаэляш. Что тут скажешь?

IV

МАРТ ЛЕТОМ

На самом деле был июль. Мы шли в музей по маленькому городу Роверето мимо «Межфакультетского центра изучения мышления и мозга», где учится в магистратуре моя дочь, и я думала о невероятной особенностях мозга строить связи. Достраивать их даже там, где они не предполагались другими законами реальности и времени.

MART — огромный музей, наверное, главный в Италии музей современного искусства.

<http://www.mart.trento.it>

Залитый солнцем купол, простор под облаками среди гор, так деликатно и незаметно вписанный в город. Не кричащий о себе, но принимающий и вбирающий свет.

Не связанные, но связные выставки.

Их было четыре.

И еще основная экспозиция — от позднего отточено (компьютер предлагает исправить на «отточено» — и он не совсем неправ) — до манерности рубежа веков и всех поисков, пропаж и находок искусства двадцатого века.

Balla 1916: вуаль вдовы и пароход.

Вот она, сорванная ветром нового времени, летит по парку, клубится, превращаясь не просто в дым парохода, парадиз мастерских и Аркадию фабрик, но в одновременность всего — в современность.

Футуризм, так легко растерявший свои срединные буквы и буквально за два зала превратившийся в искусство фашизма.

Огромная выставка Больдини

<http://www.mart.trento.it/boldini>

(настойчивый компьютер снова предлагает свой вариант: Болдино — по количеству написанного он тоже не то что не прав). Тон-

кая грань между миром салонов высшего света, экстравагантностью графов и графинь, миром Пруста, встречами с Дега и, наконец, *femme fatale* — разделенная с Д'Аннунцио нераздельная любовь (впрочем не только с ним — Luisa Casati была, конечно, живым произведением и воплощением искусства в жизни) — полетом кисти вплоть до выхолощенной виртуозности, дуновением, движением, летучестью и почти пошлостью, эта летящая и временами слишком плавная линия, она обречена была сломаться, преломиться о некалендарный двадцатый век.

Перо. Перья...

Всё кружится.

И фортепьянная музыка, специально написанная для выставки...

И мчатся кони уже почти не Больдини, но Боччони...

И вдруг тишина.

<http://www.mart.trento.it/focuscremoniniplattner>

Два художника 60-70х — немец и итальянец, Платтнер и Кремонини, дружившие и переписывавшиеся всю жизнь, начиная с общей юности в Академии Брера и молчаливо смотрящие не столько на работы друг друга (это не влияние, а скорее, слияние общего источника), сколько в одну сторону — в общее окно молчания, но не тишины. В поисках новой гармонии.

И уже не удивляешься непрерывности линии: нить, ушедшая в изнанку, снова выныривает выставкой Рафаэля — на этот раз в диалоге с Пикассо, де Кирико и Дали —

<http://www.mart.trento.it/raffaello>

словно, продолжение той блистательной выставки в Эрмитаже — не линия, но пространство, кажется, что совпадение всех этих выставок во времени в пространстве одного музея не может быть техническим.

Мозг строит связи.

Опустевшие картины. Опустевшие города. Как по-новому узнаваемо смотрятся они теперь в наше пандемийное время.

De Chirico, начавший исследования и следование чинквеченто с опустошения рафаэлевских композиций, освобождения чистого метафизического пространства.

Посмертные слепки или же новый лист? И его копии, и копии Рафаэля уже в зените собственной славы.

Диалог — верное слово. Это не обязательно значит, что Рафаэль отвечает — это значит, что он внимательно смотрит на говорящего с ним. *Sacra Conversazione*?

Пикассо: «В 15 лет юношей я мог рисовать, как Рафаэль, но мне потребовалась вся жизнь, чтобы научиться рисовать, как ребенок».

И все же, от ранних работ до Герники, фрагментами буквально пластически воспроизводящей Рафаэлев «Пожар в Борго» и дальше, даже в игривой эротической серии (в Эрмитаже она старательно была убрана под занавески на витринах, на которых было 18+) он не мыслит себя вне его.

И общий гимн Форнарине: от дословного — Галы Дали (с его нарциссической любовью к собственной точности маэстро не раз подчеркивал, что она для него именно то же, что Ф. для Рафаэля) до перепевов, намеков, перепадов. Вплоть до освобождения чистого образа красоты. Рождения Венеры. Которая тут же мне является буквально (ведь не мой же мозг придумал эту последовательность?) в следующей выставке на другом этаже (музея или сознания?): «Боттичелли: его время и наше время»

<http://www.mart.trento.it/botticelli>

Огромные современные залы. И снова пространство оборачивается временем, и за залом зал проходит время. И Лоренцо великолепный. И проповедь Савонаролы. И вдруг из черноты пустого пространства выходит на-

встречу та самая Венера — без раковин и волн, без свидетелей и соглядатаев. Очищенная от прошлого и будущего. Явленная.

V

ГОРОД НОЯБРЯ

Сизо-сиреневый город моей юности. Ты говоришь со мной. Ты не перестанешь.

Крыши, трубы, неизвестно откуда взявшаяся чайка на голове статуи, почти от неё не отличающееся продолжение искусства. Или вот ворона в ветвях. Тщательно, словно изюм, выщипывающая невидимую букву за буквой из подобранной белой страницы где-то оброченной прохожими салфетки.

Мысли-недомысли, толпящиеся в дверях.

Теперь мы видим как бы гадательно, раздробленными кусочками, мозаичными фрагментами, урывками, пикселями. Но память жива цельностью. И картина сама собирается вновь из лоскутков и осколков. Как бы мало их ни было. Как бы они ни были малы.

Из маргиналий и маргиналов, из поместок на полях, из случайных встреч, разворот за разворотом, напишет она книгу, соткёт полотно, сошьёт и разовьёт этот свиток, перелицует, распушит, свернёт в клубок и распутает заново в двойную туго скрученную нить. Линию Ариадны, Пенелопы, Парки, ДНК, шелкопряда. Не всё ли едино. Мы накрепко ею связаны.

Какой садовник задумал для нас эту осень и бережно вырастил к сроку часы листового золота, горячего горчичного, винного бордового, гранатового красного, эти каштаны, крыши, глаза, отражающие небо в *vert de gris*. Какой художник смешал ее краски? Какой скульптор вывернул пространство воздуха?

В музее Jacquemart-André снова она <https://www.musee-jacquemart-andre.com/fr/botticelli>.

Точнее, оне. Венеры Боттичелли. Уже не только Туринская, но и Берлинская. Одна помягче, другая построже, порезче. Онемечилась. Наверное, это первая их встреча. Написанные почти подряд, но отданные заказчикам, они не успели пожить в одной мастерской. Пришлось ждать несколько веков. И вот снова черная бархатная тишина. Почти диптих. *Prima Conversazione*. Третьей у них Симонетта Веспуччи — точнее, это все она же — в трех лицах. Воспетая, излюбленная и возлюбленная Флоренции кватроченто.

Народу много, и Боттичелли тесно в этих уютных залах лучшего парижского музея-особняка. Он привык к другим масштабам. Виллы-дачи Медичи. Сикстинская капелла.

Я много раз наблюдала это невольное уподобление смотрящего видимому. Это верный признак большого искусства. Мимезис в его корне.

Вот и сейчас многоцветная толпа вьется по залам, невольно выстраиваясь в правильные колористические последовательности, продолжая собой полотна. Это они кричали «Распни» — то ли у креста, то ли, наоборот, вслед за Савонаролой, отвергая *dolce Vita* и земные блаженства. Боттичелли рубит голову Олоферну руками Юдифи в таком резком перепаде между аквамаринном и пурпуром, что, кажется, вот-вот потеряет свою.

Но четыре года неистовства позади, Савонарола уже и сам казнен. А мастерская Боттичелли работает дальше, если не как конвейер, то точно, как бренд.

И хочется выйти из тесноты золоченых рам на набережную. А к вечеру вдруг расступится туман, и медальон Луны с проступающими силуэтами взойдет над волнами и прядями

водорослей там, где в темноте черного холста без деталей, без провожатых и соглядатаев снова рождается Венера. И ночной сторож, перевернутый черепаший панцирь Земли, бережно качает в темной воде её лунное слово-олово.

И пока в нее всматриваешься, самим телом и делом понимаешь пастернаковское, «каково становится видимому, когда его начинают видеть. Будучи замечена, природа расступается послушным простором повести, и в этом состоянии ее, как сонную, тихо вносят на полотно».

VI

INFERNO:

ОТ ПЕРВОГО ДО ТРЕТЬЕГО РИМА

700-летие *somma Poeta* отмечали за год многократно. В римских *Scuderie* — кураторским проектом Жана Клера, который собрал 232 произведения изобразительного искусства от современного Данте до современного нам, чтобы выстроить из них 10 дорожек (спиралей, воронок, кругов) дантовского Ада в одноименной выставке *Inferno*. Начало этого пути сразу отмечено изрядно мизогинией. От гравюры «Сотворение женщины», нарушающей все мыслимые законы тео- и тела до всевозможных склонений «Искушения святого Антония», где чудовища-соблазны довольно быстро принимают женское обличье.

В сердцевине пути «Данте и “Божественная комедия”» — рисунок цветными карандашами на пергаменте... Боттичелли. Другие рисунки — иллюстрации к Данте — остались на предыдущих страницах в музее Jacquemart-André. Этот называется «Карта ада».

Зло действительно становится все многообразней, воплощение его все образней,

а топография все извилистей. И вот уже и двадцатый век с его знаменитой арендтовской формулой «банальности зла». Многие критики увидели в разделах выставки «Ад на земле» и «Ад приходит к нам» — слишком прямое высказывание. Но «искусству после Освенцима» не до подтекстов. Здесь нет моего любимого Музича, но есть многие другие: офорты «Война» Отто Дикса, «Звездопад» Ансельма Кифера: звездное небо с многочисленными цифровыми кодами небесных светил. Звезды падают, а на полу перед картиной оказываются стеклянные таблички — лагерные номера. «Бухенвальд» (1945) французского художника, узника нацистского концлагеря, сделавшего там более 200 рисунков Бориса Таслицкого — прямая рифма лагерных рисунков Бориса Свешникова. Графичность ада по обе стороны колючей проволоки. Но память-нить вьется и тянется, и тянет мысль за собой.

Память — неотъемлемая и не поддающаяся полному осмыслению сила преемственности, в которой частной и общей истории отдано равное место: как капилляры и сосуды вместе ведут к сердцу, которое сокращается и движет времена и нас вместе с ними.

Не роскошь, не лирика, не бонус. Память и преемственность делают человека человеком. Мама-папа-бабушка. Первые слова, первые шаги, которые будут звучать всю жизнь. И повторение пройденного до нас, переданного — предания — чтоб нести дальше.

Именно память превращает сборище людей из стаи в человечество. И потому недаром борьба за память, продвижение подлогов и муляжей становится первейшим делом любой тирании, всегда безошибочно чувствующей в правде главного врага. Тем более, нынешней власти, непосредственных преемников убийц: КГБ-НКВД-далее-езде... «Мы/вы живые», — твердит нам память, — «в нас и только через нас продолжается жизнь, а, зна-

© Gallerie dell'Accademia in Venice.
Camera: Didier Descouens, CC BY-SA 4.0,
<https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=33919282>

© Camera: Lapo Luchini, CC BY-SA 3.0,
<https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=3700789>

© Musée Jacquemart. Camera: André Christophe
Recoura - musee-jacquemart-andre.com, CC BY-SA 3.0,
<https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=3124568>

© Roma — Scuderie del Quirinale
Camera: Di Geobia - Opera propria, CC BY-SA 3.0,
<https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=18870443>

чит и ушедшие в муках, в страхе, в смятении и аду, раздавленные и выстоявшие, жертвы и герои — только в нашей памяти могут найти упокоение, если упокоение сытости не похоронит их вновь.

Всю юность с первых дней его создания я проходила со значком «Мемориала»*. Я помню первые кухни, помню первые шаги. Первые письма — я помогала разбирать эти штабеля. Сотни историй гастарбайтеров. Немецкий плен, плавно переходящий в советский ГУЛАГ. Судьба за судьбой. Весь ужас 20-го века в письмах простых уже совсем тогда стареньких людей, которым впервые разрешили вспомнить и даже пообещали компенсации. Это 90-е. Самое начало. И потом, уже когда родились свои дети — в 2000-м уже я специально ходила и сидела в архиве Мемориала — задумала книжку детскую для современных детей о детях Гулага. Но сил и времени не хватило тогда. И очень это мучало. Эти душераздирающие письма детей родителям и родителей детям... часы сидения в архиве. Письма, рисунки. Вышитые платочки, нарисованные в лагере книжки — чудом переданные на волю и нашедшие адресатов. Я помню каждого. Каждый голос «Мама, у меня все хорошо...» и далее пробирающие до ужаса подробности казенного школьно-детдомовского быта. Сейчас в «Мемориале» в Москве проходит эта выставка.

<https://www.memo.ru/ru-ru/projects/vystavka-material>

Материал. Память о женщинах ГУЛАГа, которые должны были прожить совсем другую жизнь. И примириться с этим невозможно. И забыть нельзя.

Ни римский Ад, ни московский Врубель, а именно это главная выставка 2021 года. Рукоделие и штопка прорех мира. Сшитые лоскутки и обрывки. Нить памяти, связи, любви. Та личная нить Ариадны, которая только и может вывести на свет из Лабиринта, захваченного безумным Минотавром. Не только отечественным. Беспомощность оборачивается злом повсюду, это закон вне национальных границ.

*внесен Минюстом в реестр иноагентов

VII

МАРГИНАЛЫ

Я обратила на них внимание после второго пандемийного закрытия музеев. Они живут у самой рамы, с краю. Они не посредники. Не взгляд собачки, приглашающей зрителя в комнату четы Арнольфини. Им трудно назначить роль.

Они живут своей частной жизнью, иногда благодаря общему сюжету картины, иногда вопреки. И подходя к знакомым картинам, ищу уже не главных композиционных героев, а их. Возвращаясь мысленно к итогам картинно-карантинного заточения, я думаю о новой пристальности. О перестройке зрения. О личном выборе. О тех, кто поставлен на краю и потому готов выйти за рамки.

И тут кончается искусство. Можно просто смотреть, видеть и не мочь наглядеться:

<https://www.facebook.com/katia.margolis/posts/4024964954218106>

© Текст: Катя Марголис

АНДРЕЙ ПЛАХОВ

Электра, любовь моя

В оперном театре Гамбурга прошли премьерные показы «Электры» в режиссуре Дмитрия Чернякова. За дирижерским пультом был Кент Нагано, а великолепные исполнительницы Аушрине Стундите (Электра) и Дженнифер Холлоуэй (Хрисофемиды) соперничали, кто кого перепоеет, и вопрос, судя по реакциям публики, так и остался открытым. Написанную в 1909 году оперу Рихарда Штрауса по пьесе Гуго фон Гофмансталя — этот экстагический музыкальный манифест эпохи модерна — ставили неоднократно, и прежде всего в Венской опере. На родине Фрейда особенно близко к сердцу приняли психоаналитическую трактовку сложных отношений в семье убитого микенского царя Агамемнона. В «комплекс Электры» влились и неосознанное влечение к отцу, и ревность к матери, маскируемая жадной мести, и инцестуальные мотивы (страстное ожидание прибытия брата Ореста), и даже лесбийские акценты (властно-нарциссические отношения с сестрой).

Все это можно было расслышать и в прежних постановках. Например — в той, что осуществил немецкий режиссер Уве Эрик Лауфенберг в 2015 году. Тогда публика восторженно приняла артистов во главе с выдающейся шведской сопрано Ниной Штемме, но режиссерскую трактовку встретила неодобрительным «Буу!». В этой трактовке действие античной трагедии было перемещено в эпоху заката Австро-Венгерской империи, в подвал венского дворца с лифтом без дверей, напоминавшего тюрьму или психбольницу. Электра — Штемме представала в маскулинном черном брючном костюме — в то время как Хрисофемиды — в женственном белом платье.

Консерватизм венской публики, даже радикально ориентированной, сыграл свою роль в восприятии интерпретаций «Электры». Ведь точно так же на премьере любимой венцами предыдущей постановки этой оперы в 1989 году дирижеру Клаудио Аббадо и режиссеру Гарри Купферу тоже кричали «Буу!». Потому что любили более раннюю постановку режиссера Виланда Вагнера и дирижера Карла Бёма. А их в 1965 году «практически уничтожила» венская пресса, — вспоминают старожилы и историки театра. Один даже пошутил: «Я назначаю вам встречу через пятнадцать лет, когда “забукают” следующую постановку “Электры” и станут вспоминать, как хороша была эта».

Провала не случилось на недавнем спектакле по «Электре» в Зальцбурге, хотя и в нем было достаточно провокативных моментов. В титрах большие имена: режиссер — Кшиштоф Варликовский, дирижер — Франц Вельзер-Мёст. Декорация — модернистская стеклянная комната-аквариум, рядом — бассейн и душ. Электра предстала травмированной девушкой-ребенком в светлом платьице и красной кофточке, а центр тяжести перемещался на ее сестру Хрисофемиду, которой в этой трактовке досталась даже миссия самолично расправиться с Эгисфом. Партию Хрисофемиды

© Дмитрий Черняков. Фото: Марина Давыдова

На с. 245

Верхнее фото: Кадр из фильма «Например, Электра» Пьера Леона и Жанны Балибар (2012)

Нижние фото: Кадры из фильма «Электра, любовь моя» Миклоша Янчо (1974)

пела Асмик Григорян, Электры — Аушрине Стундите, две большие звезды, взошедшие на мировой оперный Олимп с постсоветского пространства.

Та же самая Стундите поет и играет Электру у Чернякова — но делает это совсем иначе. Принципиально иначе выглядит и декорация, имитирующая богатый дом, набитый посудой, книгами, всяческим добром, включая пылящиеся на полках чемоданы. Черняковская версия «Электры» — про то, что, призывая насилие (в лице потенциального мстителя Ореста), мы сами готовим себе роль жертв, а сыграть палачей на театре жизни всегда найдутся желающие.

В ожидании Годо или Ореста можно упустить нить сюжета. Создатели оперы протянули эту архетипическую нить от античности к модерну, от многобожия к временам, когда вдруг обнаружилось, что единственный Бог умер. В спектакле нить тянется еще дальше — к сегодняшней криминальной хронике, к нашествиям мигрантов, к эпидемии террора, к пропасти, разверзшейся между богатыми и бедными, в взрывах социальной ненависти. И — к эффектам современного триллера, детектива, даже фэнтези, когда финал переворачивает всю искусно выстроенную оперную конструкцию с ног на голову.

Финал, придуманный Черняковым, шоковый и неполиткорректный, заставил кого-то выкрикнуть «Буу!», даже не дождавшись «заванеса», но одинокий крик потонул в овациях. И это прозвучало победой на фоне того, что происходит сейчас во всех сферах искусства, где по линейке размечают красные линии, которые нельзя переходить. Как мы знаем, недавно от этих рестрикций пострадал даже «Щелкунчик».

Образ Электры, веками кочевавший по произведениям литературы и театра, от Эсхила, Софокла и Еврипида до Гауптмана, Жироду и Сартра, в конце концов добрался и до кинематографа. В 1962 году «Электра» грека Михалиса Какоянниса с великой траги-

ческой актрисой Ирен Папас была представлена на Каннском кинофестивале и номинирована на «Оскар». А в 1974-м в Каннах показали венгерскую версию — «Электра, любовь моя» режиссера Миклоша Янчо с Мари Теречек в главной роли. Там античный сюжет обернулся саркастической критикой двойной морали «реального социализма». В годовщину своего правления убийца Эгисф объявляет День Правды: каждый может сказать все, что о нем думает. Но народ безмолвствует — или произносит лишь похвалы. Бунтовать пытается только Электра.

Очевидное эхо мифа об Электре слышится в знаменитом фильме Лукино Висконти «Туманные звезды Большой Медведицы», победителе Венецианского фестиваля 1965 года. Режиссер находит переключку с этим мифом в недавней истории Италии, сопряженной с ее античной предысторией и мифологией.

Сандра, героиня Клаудии Кардинале, приезжает в Вольтерру, тосканский город своего детства, вместе с мужем-американцем, чтобы открыть мемориальный сад в память о погибшем в нацистском концлагере отце, еврее-ученом. Войдя в давно покинутый дом, героиня с головой погружается в омут прошлого. Во время войны мать Сандры сошлась с фашиствующим адвокатом; по смутному ощущению, они и выдали немцам отца. В этой атмосфере предательства Сандра и ее брат Джанни,

будучи еще детьми, сблизилась, противостоя матери с отчимом, да и всему агрессивному окружающему миру. Потом Сандра порвала эту связь на грани (или за гранью) инцеста, бежала в другую жизнь, вытеснив прошлое, оставив в одиночестве неприкаянного нервного Джанни. И вот они опять встречаются в доме, населенном призраками прошлого — в то время как постаревшая мать доживает свои дни под надзором психиатра. Электра спускается в ад своего подсознания...

На Янчо и Висконти реинкарнации Электры в культуре нового времени не кончаются. Если набрать в сайте kinopoisk «Электру», обнаружим:

1. Серии комиксов о приключениях греческой наемной убийцы Электры Начиос...
2. Историю простого американского паренька, которому известна формула регенерации человеческого организма. Миллиардер-злодей, желая стать бессмертным, похищает мачеху паренька и превращает ее в сексуально ненасытную Электру...

Впрочем, последней по дате производства kinopoisk выдает «Электру» 2020 года режиссера Мириам Хойер — и это не что иное как киноверсия спектакля Варликовского со Стундите и Григорян. На очереди, надо полагать, экранный вариант постановки Чернякова, ведь «Электра» — один из тех сюжетов, что максимально сближают кино с театром.

© Текст: Андрей Плахов

Библиотека «Вестника Европы»

В 2021 г. Вышли книги наших авторов:

1. *Иван Курилла*. Битва за прошлое. Как политика меняет историю. Альпина Паблишер, 2022
2. *Дмитрий Травин*. Почему Россия отстала? Европейский Университет в СПб, 2021
3. *Лев Рубинштейн*. Время политики. Издательство Ивана Лимбаха, 2021
4. *Владимир Салимон*. Рассеянный свет. Издательство Водолей, 2021
5. *Андрей Колесников, Борис Минаев*. Человек не отсюда. Егор Гайдар, жизнь реформатора, Молодая Гвардия, 2021
6. *Владимир Кантор*. Русская литература, или Слово против Хаоса — классика и современность. Центр гуманитарных инициатив, 2021 г.
7. *Владимир Кантор*. Две родины Достоевского: попытка осмысления. Москва–Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2021
8. *Ольга Медведкова*. Три персонажа в поисках любви и бессмертия. НЛО, 2021
9. *Ольга Медведкова*. Ф.И.О., изд. НЛО, 2021
10. *Татьяна Вольтская (признана Минюстом иноагентом)*. «Дальше пешком». М., Стеклограф, 2021
11. *Алексей Паперный*. Пьесы. Культурная инициатива, 2021
12. *Яков Уринсон*. Экономика и государство. М., Высшая Школа Экономики, 2021
13. *Владимир Гельман*. Авторитарная Россия: Бегство от свободы, или почему у нас не приживается демократия. Изд. Говард Рорк, 2022
14. *Александр Иличевский*. Исландия. Альпина Нон-фикшн, 2021
15. *Наталья Громова*. Потусторонний друг. История любви Льва Шестова и Варвары Малахеевой-Мирович в письмах и документах. АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2021

Наталья Васильевна Исаева

В Париже 12 января 2022 г. умерла Наталья Васильевна Исаева. Наташа, тончайшая, ни на кого не похожая, узнаваемая по первой же фразе текста, всегда перенасыщенного эмоцией и интуицией знания. Как это умерла? Зачем?! Ковид?

Она ведь привыкла жить рядом со смертью. В ночь на 29 июля 2000 года убили ее мужа, 49-летнего профессора Сергея Исаева, блестящего культуролога, философа, ректора ГИТИСа. Наталья была на стажировке в Лондоне. Наемный киллер стрелял через окно дачи в Валентиновке, газеты посвятили целые колонки сенсационному убийству.

На даче этой она больше не смогла жить. Как и в этом городе, вдруг ставшим чужим. Пыталась, но не смогла.

Как-то, в начале нулевых, пришли мы с ней в театр Моссовета на шекспировский спектакль Э. Някрошюса. Она, вдруг по-

бледнев, громко сказала в затылок человеку, сидевшему через ряд перед нами: «Вот сидит убийца моего мужа!». Тот даже не повернулся. Министр культуры М. Швыдкой приехал на дачу убитого, обращался к министру МВД Рушайло, к генпрокурору Устинову с просьбой взять дело под личный контроль. Взяли... и тишина. Дело замялось.

Сергей Исаев был философ, занимался Кьеркегором, французским театральным постмодернизмом, писал про Маргерит Дюрас и Антонена Арто.

Наталья была блестящий индолог, философ, доктор наук, она писала ученые книги про древнюю индийскую философию, читала лекции — вдохновенно, будто входила в поток, и он нес ее, над землей. У них двоих была мечта — как можно полнее издать «русского Кьеркегора», основополагающего, как они считали, для современности философа

и богослова с его героическими поисками Бога. «Страх и трепет» они переводили вместе с Сергеем. Наталья осталась одна за двоих. Возвращалась домой, к Кьеркегору, переводила книгу за книгой, писала сама, объясняя датского философа русскому читателю.

Про экзистенциальный страх и вину, этическое и эстетическое, сливающееся в энергетическом выбросе, «точке схождения», как любил говорить С. Исаев, творческого акта. Погружалась, «как в туман, от пролога к эпилогу» в его витиеватые, парадоксальные трактаты, которые изучала, конечно, на датском. Переводила объемный трактат под названием «Заключительное ненаучное послесловие к «философским крохам» с подзаголовком, мало что разъясняющим: «Мимически-патетически-диалектическая компиляция. Экзистенциальный вклад Иоханеса Климатуса» (Кьеркегор публико-

вал свои трактаты под разными псевдонимами). И еще более многосложный труд «Или-Или». Это были тексты философские, конечно, но и литературные, образные, метафорические, насыщенные религиозными и мифологическими понятиями с множеством оттенков и смыслов, в которых автор старался точно передать свою никак не находимую формулу «истинного христианства (Christendom)». Искала русские слова для понятий, на русском не сформулированных. Про экзистенциальный страх и вину, этическое и эстетическое, сходящиеся в энергетическом выбросе творческого акта. Все это находила она близким старым индийским философам. Так и жила все эти годы. «Болезнь к смерти» называется книга Кьеркегора, переведенная Сергеем.

Она писала в тексте для нашего журнала (ставшем потом предисловием к книге, названном ею «Лестница в небо-виртуальный проект»): «Человек никогда не может быть уверен в собственном бессмертии, а значит и Бог всегда остается бесконечно далеким, ускользающим предметом его усилий. По существу, внутри этого, предметного мира человек покинут, он предоставлен самому себе и вынужден соотноситься с собственными тревогами, собственными всплесками чувственности. Но там, где знание оказывается недостаточным, где разум нас предает, там, где, казалось бы, нам уже не на что опереться — остаются заведомо обеспеченные нам отчаяние, страх, боль, имманентно присущие самому существованию. Прочные гарантии счастья могут и подвести, но вот стыд и горе обеспечены нам не-

зависимо от нашего позволения и наших желаний».

Ей было все это очень близко. «Экзистенция — это моя глубоко специфическая и уникальная реальность, которую я никак не могу передать другому никакими средствами объективного философствования. Мир по Кьеркегору — и она это остро чувствовала — «как бы зависает на кончике иглы — на уникальном переживании личного момента, в который я бесспорно жив, бесспорно существую».

С этим мироощущением она не могла не обратиться к театру, который воплощает эту экзистенцию здесь и сейчас. В данный миг и никак иначе.

Так Наташа Исаева нашла для себя театр Анатолия Васильева, который героически (потому что совершенно бескомпромиссно) бился над соединением слова, звука, жеста, искал первичные, восходящие к древней архаике самые сильные формулы возгонки духа в катарсисе спектакля, который переходил в вечность, в то мгновение, как заканчивался. Васильевский подход превращал театральный спектакль в гармонично выстроенную мистерию — мощную энергетическую машину, своего рода синхрофазотрон, создающий высочайшую концентрацию духовных энергий. Шел еще вегетарианский 2005 год. Васильев только что поставил «Илиаду.» Мы с нею несколько раз ходили на незабываемый спектакль «Илиада. Песнь двадцать третья. Погребение Патрокла», названный на афишах и в программках «коллективным сочинением». Магическое действо, с танцами из ушу, пласти-

кой японских фехтовальщиков, блеском остро наточенных мечей, горловым пением алтайского хора имело большую прессу, но принято было холодно. Скоро у Васильева начались проблемы с московским начальством (тогда еще не с российским), пожелавшим отнять у него власть над им созданным, спроектированным и построенным театром. В Васильевский театр «Школа драматического искусства» назначили директором мало известного тогда А. Малобродского. Васильев закусил удила, рассорился с начальством и уехал работать во Францию, куда его позвали. Сначала в Лион, где набрал курс молодых режиссеров. Французского языка он не знал, но Наталья Исаева уехала вслед за ним, стала его переводчиком, менеджером и администратором, и это сделало проект реализуемым. Исаева стала деканом специально созданного под Васильева факультета и взяла на себя всю организационную, официальную, формальную, учебную и психологическую часть неподъемного проекта: переучивать молодых европейских режиссеров по теориям и практикам непонятного гениального русского. Шестнадцать лет неразрывного творческого союза режиссера и философа еще будет изучаться. За несколько дней до смерти Наталья сдала в печать свою последнюю книгу — о творчестве Анатолия Васильева.

***

В «Вестнике Европы» Наталья Исаева публиковалась с первых его номеров.

Она была влюблена в искусство театра — как самое вечное,

первозданное, непосредственно социальное, создающее и распределяющее энергии между людьми. Надеюсь, что оно способно примирить человека с человеком, может, даже сделать выносимым сосуществование в этом мире. Не всех людей, конечно, но хотя бы тех, кто в зале и на сцене. Наташа в коротких мейлах-письмах иногда вскользь упоминала, что устала, болеет, но это было для нее совсем как-то не важно, столько у нее было неотложных дел, невысказанных обязательств и расточаемой энергии для близких и не очень близких.

Как гордилась режиссерами – магистрантами Лионского проекта. Сколько воодушевления было в ней, когда рассказывала мне в московской хинкальной о мегакинопроекте Ильи Хржановского «Дау» с участием в качестве режиссера и актера Васильева. Пределные состояния человеческой экзистенции персонажей и актеров. Ей все это было близко. Грандиозный и провокационный кинопроект был показан в Париже и в Лондоне, но европейским триумфом не стал, к огорчению Натальи, которая много о нем писала. За несколько дней до смерти Наталья сдала в издательство итоговую книгу своих наблюдений и размышлений о режиссере Анатолии Васильеве.

Наталья Исаева опубликовала в «Вестнике Европы» двадцать три эссе. Писала о театральных премьерах, фестивалях, выставках, в общем, о европейской культурной жизни. Вот список ее статей в нашем журнале за двадцать лет. Вечная память.

Виктор Ярошенко

Публикации Н.В. Исаевой в журнале «Вестник Европы»

1. *Наталья Исаева.* «Гамлет» Питера Брука. «Вестник Европы» №3, 2001
2. *Наталья Исаева.* Пространство складок и рифм. «Вестник Европы» № 4, 2002
3. *Наталья Исаева.* Судорожная красота. Вестник Европы №5, 2002
4. *Наталья Исаева.* Касса букв и слогов. Заметки с Авиньонского фестиваля. Вестник Европы №6, 2002.
5. *Наталья Исаева, Сергей Исаев.* «Я смотрю на себя сквозь твои зрачки». Вестник Европы, № 7, 2002
6. *Наталья Исаева.* Ариана Мнушкина: великое переселение народов. Вестник Европы, № 9, 2003
7. *Наталья Исаева.* Вариации на тему смерти. Вестник Европы, № 10, 2003
8. *Наталья Исаева.* «Праздник послушания». Вестник Европы, № 13, 2005г.
9. *Анатолий Васильев.* (публикация Н. Исаевой). Опыт души: наблюдать и сравнивать. Открытый урок. Вестник Европы, № 15, 2005
10. *Наталья Исаева.* Энтомологические воспоминания. Вестник Европы, № 16, 2005
11. *Наталья Исаева.* Юбилейный дифирамб. Вестник Европы, № 19, 2007
12. *Наталья Исаева.* Царевна Медя: рана чужого. Вестник Европы, № 24, 2008
13. *Наталья Исаева.* Утомленные текстом. Русская тема во французском театре. Вестник Европы, № 25, 2009
14. *Наталья Исаева.* «Или-Или». Пропедевтика к урокам бессмертия. Вестник Европы, №31, 2011.
15. *Наталья Исаева.* Маленькая репетиция вечности (Последние французские опыты Анатолия Васильева). Вестник Европы, № 33, 2012
16. *Наталья Исаева.* Кристиан Люпа: долина наших сновидений. Парижские письма. Вестник Европы №34, 2012.
17. *Наталья Исаева.* Ярмарка закончилась — шарманщик устал... Авиньонский фестиваль. Вестник Европы, № 38, 2014.
18. *Наталья Исаева.* «Где нам сойтись? — На пустыре!». Заново пересказанный «Макбет» Арианы Мнушкиной. Вестник Европы, № 40, 2014.
19. *Наталья Исаева.* Польские страсти по «Иде». Вестник Европы, № 42, 2015
20. *Наталья Исаева.* И объяли меня воды... (авто)портрет в точке прощания (она же точка сборки). Вестник Европы, № 44, 2016.
21. *Наталья Исаева.* Васильев-параутопия-Абдуллаева. Отпечаток невозможной земли в материи воздушного голоса. Вестник Европы, № 46, 2016.
22. *Наталья Исаева.* Тело как скульптурный объект, движущийся в пространстве. Вестник Европы. № 52, 2019.
23. *Наталья Исаева.* Зимний путь посреди весны: паргельные солнца наших онлайн-театральных просмотров. Вестник Европы, № 53, 2020.

ФОТОПРОЕКТ:

Анастасия Цайдер

Анастасия Цайдер (1983 г.) — документальный фотограф. Ее художественные исследования сосредоточены на культурных и визуальных трансформациях постсоветского общества. Наследие утопических проектов СССР, уходящие образы прошлого.

Часто делает предметом изображения архитектуру: советские спортивные сооружения, общественные пространства, интерьеры российской глубинки. Из частных примеров возникает универсальный образ постсоветского пространства. Ее проекты направлены на то, чтобы выявить общность культурного опыта, сформированного социальными условиями и окружающей нас природой. Эти снимки становятся регистрацией следов, оставшихся от утопических идей о всеобщем равенстве.

Анастасия Цайдер — фотограф-документалист, художник и куратор из Москвы. Цайдер окончила факультет фотожурналистики Санкт-Петербургского Союза журналистов (2009). Лауреат премии «Серебряная камера» за проект «Московская Олимпиада» (2013 г.); вошла в шорт-лист Премии Кандинского с проектом «Мценск» (2017); финалист Photo-Aperture Foundation Photobook Awards с групповым проектом Amplituda (2017). Она активно сотрудничает со СМИ и международными организациями (Bloomberg Markets, Financial Times, The Washington Post, Франкфуртская книжная ярмарка, Фонд Наумана в России, Институт Гете в России и др.), художественными учреждениями в России и во всем мире в различных областях. В 2018 году выступила одним из кураторов выставки «Новый пейзаж» — обзора современной пейзажной фотографии России за последние 15 лет. Получившая признание критиков выставка была представлена в нескольких музеях по всей России, в том числе в Ельцинском центре (Екатеринбург) и Ekaterina Foundation (Москва). Он был номинирован на премию «Инновация» и «Художественная премия Курёхина» в номинации «Арт-проект года» (2019).

© Из проекта Аркадия (2013-2020). Фото: Анастасия Цайдер

© Из проекта НИИ (2018). Фото: Анастасия Цайдер

© Из проекта Московская Олимпиада (2014). Фото: Анастасия Цайдер

© Из проекта Московская Олимпиада (2014). Фото: Анастасия Цайдер

© Из проекта Русские Интерьеры (2013). Фото: Анастасия Цайдер

© Из проекта Русские Интерьеры (2013). Фото: Анастасия Цайдер

© Из проекта Русские Интерьеры (2013). Фото: Анастасия Цайдер

© Из проекта Русские Интерьеры (2013). Фото: Анастасия Цайдер

© Из проекта НИИ (2018). Фото: Анастасия Цайдер

© Из проекта НИИ (2018). Фото: Анастасия Цайдер

© Из проекта НИИ (2018). Фото: Анастасия Цайдер

© Из проекта НИИ (2018). Фото: Анастасия Цайдер

© Из проекта НИИ (2018). Фото: Анастасия Цайдер

© Из проекта НИИ (2018). Фото: Анастасия Цайдер

© Из проекта НИИ (2018). Фото: Анастасия Цайдер

© Из проекта НИИ (2018). Фото: Анастасия Цайдер

